

И. П.
О. С.

1839

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

М.

Сынъ Отечества выходитъ каждый мѣсяцъ 1-го числа.

Подписка принимается:

- 1) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта
- 2) У книгопродавца Василья Петровича Полякова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ Го-

стинномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ подь № 17-мъ, гдѣ помѣщается и Контора.

За годовое изданіе *Сына Отечества*, состоящее изъ двѣнадцати книгъ съ картинками модъ и другими приложеніями ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ. За почтовую пересылку въ другіе города или за доставленіе въ С.-Петербургѣ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

В. ПОЛЯНОВА,

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Суконной-линіи, подъ № 17,

ПРОДАЮТСЯ:

Цѣны на серебро.

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЛЕЧЕБНИКЪ, въ трехъ частяхъ, соч. Ф. И. Неймана. С.Пб. 1852 г. Цѣна 2 р. и съ пересылкою.

Часть первая, содержащая гигиену или искусство сохраненія здоровья.

Часть вторая, содержащая алфавитное описаніе дѣйствій и образъ употребленія всѣхъ простонародныхъ и врачебныхъ средствъ, дозволенныхъ отпускать изъ аптекъ, по требованію каждаго.

Часть третья, содержащая краткое историческое обозрѣніе всѣхъ медико-терапевтическихъ системъ, появившихся съ начала настоящаго столѣтія; то же и мысли о значеніи и достоинствѣ медицинскихъ системъ вообще, въ особенности о гидротерапевтической системѣ.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СЛОВАРИ языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, для употребленія русскаго юношества, по словарямъ Академіи россійской, Французской Академіи, Аделунга, Гейнзіуса, Джонсона, Вебстера, и по другимъ лексиконамъ, составленные Филиппомъ Рейфомъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ РУССКИХЪ СЛОВЪ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ, НА НѢМЕЦКОМЪ И АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ. Второе изданіе, исправленное, съ прибавленіемъ слишкомъ 5000 словъ. С.Пб. и Карлеруэ. 1853 г. Цѣна 2 р. 50 к.

602-11
283

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

XI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1852.

СВЯТЫЙ СИНДКАТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 февраля 1853 года.

Ценсоръ Н. Елагинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОДИННАДЦАТОЙ КНИГИ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Дипломатическіе обычаи древней Россіи. А. Сахарова. 1—46

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Высочайшій манифестъ (стр. 1).
Высочайшіе рескрипты (2), Высочайшіе указы (5), Правительственныя распоряженія: По министерствамъ: Военному (7), Финансовъ (8), Государственныхъ Имуществъ (10), Юстиціи (12), Внутреннихъ дѣлъ (13), Народнаго Просвѣщенія (16). Опредѣленіе и назначеніе (20), Пожалованіе: Въ званіе къ Высочайшему двору (21), Орденами (21). 1—22

Разныя извѣстія. Пожертвованія (23). Столѣтіе Морскаго Кадетскаго Корпуса (23). Кругосвѣтныя путешествія Русскихъ (24). Древнія пушки въ Устюжнѣ (25). Тульскія ружья (26). Льняная промышленность Ярославской губерніи (27). Метеорологическія явленія (28). Замѣчательнѣйшіе пожары (28). Бури (30). Ранній снѣгъ и морозъ въ окрестностяхъ Ахалцика (31). 23—31

Некрологъ. 32—34

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Франція (35). Англія (72). Германія (91). Пруссія (93). Австрія (99). Швеція (100). Швейцарія (101). Италія (102). Греція (105). Турція (105). Азія (110). Африка (111). Америка (112). Австралія (114). 35—114

Новости ученаго міра. Рефракція звучныхъ волнъ (115). Новая луна (116). Маятникъ (116). Причины непостоянства тока въ элементѣ Даніелъ (116). 115—116

Жѣлезныя дороги пароводство и телеграфы. 117—118

Разныя извѣстія. Торговля Англій съ Францією (119). Американская спекуляція (119). Землетрясеніе (119). Послѣдствія урагана (119). Пѣвица-княжна (120). Полученіе хлопки изъ иголь хвойныхъ деревьевъ (120). Приготовленіе дробы (121). Фабрикація стальныхъ перьевъ въ Бирмингамѣ (121). 119—121

Некрологъ. 122—

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Осторожность лучше поспѣшности. *Амедя Ашара*. 1—54

Зеркальныя стекла. 55—64

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Василика (Воспоминаніе французскаго моряка о крейсировкѣ между Цикладами. 1—30

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

<p>83. Исторія Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка. 1683—1725. Составилъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка штабсъ-капитанъ Карцовъ.</p> <p>84. Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху присоединенія къ Россійской Имперіи. Сочиненіе П. Шюена.</p>	<p>85. Историческіе анекдоты изъ разсказовъ Пепиньберки. Издасть Федоръ Наливкинъ.</p> <p>86. Общія замѣчанія о металахъ и ихъ соединеніяхъ.</p> <p>87. О химическихъ паяхъ.</p> <p>88. Бракъ какихъ мало. Романъ Евгенія Лунскаго. (С. К.)</p>
---	---

СМѢСЬ.

Двадцать четыре часа въ лондонской больницѣ. 1—19

О ягодныхъ растеніяхъ. 19—31

Стихотворенія Лермантова въ Нѣмецкомъ переводѣ. 31—34

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

ОТЪ ОБРАЗОВАНІЯ КНЯЖЕСТВЪ ПРИ ПЕРВЕНСТВѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДО ВВЕДЕНІЯ МОНАРХІИ.

Этотъ періодъ составляетъ самую важную и самую трудную часть нашихъ изслѣдованій. Онъ обнимаетъ собою всю удѣльную эпоху, съ ея запутанными интересами и безысходными борьбами. Строго говоря, онъ не относится къ нашему предмету прямо, но несмотря на то, составляетъ одну изъ частей нашей задачи. Причину этого надо искать въ томъ, что Князья Русскіе смотрѣли другъ на друга какъ

на совершенно самостоятельныя и независимыя лица и входили въ сношенія между-собою, какъ теперь входятъ въ сношенія съ иностранными государствами, хотя надо сказать, что содержаніе первыхъ сношеній такъ мало и тѣсно, жизнь ихъ такъ коротка въ сравненіи съ содержаніемъ и жизнію послѣднихъ, что смѣшивать ихъ между-собою значить смѣшивать случайное съ необходимымъ. Съ возвышеніемъ Московскаго Княжества весь этотъ порядокъ вещей исчезъ. Тѣмъ неменѣе здѣсь-то встрѣчаемъ мы въ первый разъ начала права посольства и права договоровъ, развитыя потомъ Московскимъ Государствомъ, и изученіе этой эпохи можетъ пролить значительный свѣтъ на образъ дипломатическихъ сношеній послѣдующаго времени, такъ какъ здѣсь получили начало многія дипломатическія формы и обряды, оставшіяся до самаго Петра Великаго одними и тѣми же.

Мы раздѣлимъ исторію этого періода на слѣдующія части въ первой изложимъ право посольства, во второй — право договоровъ.

ПРАВО ПОСОЛЬСТВА.

Здѣсь рождается прежде всего вопросъ: кто имѣлъ право посылать пословъ, и къ кому можно было посылать пословъ!

Право посольства всегда принадлежало Князьямъ, и кромѣ Князей не могло принадлежать никому. Они всегда были верховными распорядителями всякихъ дѣлъ.

Кого же избирали послами?—

Послами были члены дружины. Такъ на Витичеевскомъ съѣздѣ, гдѣ собрались Святославъ, Владиміръ, Давыдъ и Олегъ, они послали къ Давыду Игоревичу каждый своихъ мужей: Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ—Торчина ¹.

Послами были также духовныя лица. Напримѣръ: «Изл-

славъ же то слышавъ, посла къ Володиміру Давыдовичу и къ брату его Изяславу и къ Святославу Ольговичю, и къ Святославу Всеволодичю Бѣлогородскаго Епископа Феодора и Печерскаго игумена Федоса и мужи свои съ ними Чернигову, река имъ тако: «вы еста ко мнѣ хрестъ цѣловали на томъ, оже вы брата Игоря и т. д.; нынѣ же цѣлуйте на томъ хрестъ, оже вы про Игоря ворожды не имѣти, ни того учинити, што есте хотѣли преди учинити» ². Понятно, отчего послами были духовныя лица. Такъ-какъ они посылаемы были для заключенія договоровъ, а всякій договоръ скрѣплялся присягой, такъ они приводили къ присягѣ договаривающихся Князей.—Изъ этого же извѣстія видно, что иногда посольство состояло вмѣстѣ и изъ членовъ дружины и изъ духовныхъ лицъ.—

Иногда посольства бывали торжественнѣе обыкновеннаго: напримѣръ, когда надо было благодарить за помощь, или просить новой сильной помощи. Для такихъ посольствъ избирались даже Князья. Такъ Изяславъ и Вячеславъ отправили Князя Мстислава къ Королю Венгерскому благодарить за помощь и просить новой, болѣе сильной ³.

Число пословъ было неопредѣленно со стороны одного Князя; но въ случаѣ посольства со стороны многихъ Князей — каждый Князь имѣлъ въ этомъ посольствѣ своихъ представителей. Примѣры этого мы видѣли въ Витичеевскомъ съѣздѣ. — Вотъ еще примѣры: «Святославъ, братъ Игоря, бывшаго Великаго Князя Кіевскаго, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Всеволодовичъ, соединенные союзомъ противъ Изяслава Мстиславича и брата его Ростислава послали пословъ къ Юрію Владиміровичу, сыну Мономаха ⁴. Также «Володиміръ же и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, и Всеволодичъ Святославъ, послали послы свои къ Изяславу Мстиславичю, ищуче мира» ⁵. Въ эти примѣры служатъ новымъ доказательствомъ нашей мысли—какою самостоятельностью отличались тогдашніе Князья и общины, что было уже замѣтно и въ первомъ періодѣ.

Посолъ былъ лицомъ неприкосновеннымъ. «Володимерцемъ же, хотишимъ убити посла, Мьстьбогъ и Мончюкъ и Микифоръ рѣша: «не подобаетъ намъ убити посла»; имѣяху бо лествъ въ сердце своемъ, яко предати хотяху господу свою и градъ; спасенъ же ими бысть. ⁶ Впрочемъ эта неприкосновенность соблюдалась тогда только, когда посланный посла сохранялъ уваженіе къ самостоятельности того, къ кому онъ посылалъ его. Вообще же въ уваженіи къ послу отражалось уваженіе къ посланному его.—Лѣтопись рассказываетъ слѣдующій случай наказанія посла: «Андрей же пріимъ съвѣтъ ихъ, исполнився высокоумья, разгордѣвъся велми, надѣяся плотной силъ и множествомъ вой огородився, ражъся гнѣвомъ и посла Михна мечьника: «ѣди къ Ростиславичемъ, рци ти имъ: «не ходите въ моей воли, ты же, Рюриче, поиди въ Смольскъ къ брату во свою отщину; а Давыдови рци: а ты поиди въ Берладъ, а въ Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: въ тобѣ стоитъ все, а не велю ти въ Руськой землѣ быти». Мьстиславъ бо отъ уности навьклъ бѣше не уполошится никогоже, но токмо Бога единого блюстися: и повелъ Андреева посла емъше постричи голову передъ собою и бороду, рекъ ему: «иди же ко Князю своему и рци ему: мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ слякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ Князю, но акы къ подручнику и просту чловѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ. ⁷» Иногда пословъ задерживали, и въ этомъ выражалось нежеланіе вступать въ сношенія съ тѣми, кто посылалъ ихъ. Такъ «и приде Изяславъ на Волгу съ Новгородци, на усть Медвѣдиць, и ту жда брата своего Ростислава 4 дни, и приде ему Ростиславъ и съ всеми Руськими полкъ и съ Смоленскими, и ту съвкупашася и пойдоста внизъ по Волзѣ; послала бо бѣшета изъ Смоленска преже послы своя къ Гюргеви, къ стрѣви своему, онъ же къ нима ни посла ихъ опять пусти, ни своего пусти; и придоста къ Къснятину, и ту имъ отъ Гюргя вѣсти не

бысть, и начаста городы его жечи и села, и всю землю его воевати обаполь Волгы; и пойдоста оттолъ на Углече поле, и оттуда идоста на устье Мологы» ⁸.

Послы неприязненнаго Князя не имѣли права проѣзжать черезъ области его соперника. Такъ «Ярославъ же Черниговскій поча слати послы своя къ Рюрикови, река ему: «чему еси, брате, почаль волость мою воевати, а поганымъ руцъ полнишь? а мене съ тобою ничтоже росшло, ни язъ подь тобою Кіева ищу; а Давыдъ аче и насламъ былъ Мьстислава на моя сыновця, аже и Богъ како разсудимъ, то язъ Мьстислава даю тебѣ безъ искупа, по любви; а крестъ со мною цѣлуй, а со Давыдомъ введи мя въ любовь; а Всеволодъ ажъ восхочеть съ нами уладитися, а уладится, а тобѣ не надобъ съ братомъ Давыдомъ». Рюрикъ же рче ему: «ажъ хочешъ со мною во правду любви, а дай ми путь слати ко Всеволоду и ко Давыдови; а како ся нагадавше вси, такоже съ тобою уладимся». Рюрикъ бо того дѣля хотѣше послати посолъ свой, во правду хотѣ свести въ любовь; но Ярославъ Рюриковъ рѣчи не имѣше въры, творя якоже свѣчатися хотѣтъ на нь, и того дѣля не пушѣше пословъ Рюриковыхъ сквозъ свою волость, заяли бо бяхуть Олговичи вси пути; и тако воевашася между собою, ѣздячи, все лѣто и до осени» ⁹. Это техническое выраженіе: *давать кому-либо путь слати*, означало давать позволеніе на пропускъ чужихъ пословъ черезъ свою волость; поэтому такое позволеніе на пропускъ своихъ пословъ надо было испрашивать.

Обязанности пословъ заключались въ слѣдующемъ:

Они были *устами* Князя, или вообще того, кто посылалъ ихъ; т. е. они повторяли точь-въ-точь слова того, кто посылалъ ихъ, и говорили, въ случаѣ если они посланы были отъ Князя, въ первомъ лицѣ отъ его имени. Посланные отъ многихъ Князей наблюдали въ своихъ рѣчахъ очередь; сначала говорили послы старшихъ Князей, потомъ послы младшихъ. Такъ въ 1149 г. Изяславъ Мсти-

сла вичи Владиміръ Давыдовичъ послали пословъ къ Святославу Ольговичу. «А се мужи, идѣже посланіи, пріѣдоша къ Святославу, и рече ему посолъ Изяславль: «такъ ти молвить Изяславъ братъ твой: хрестъ есмы, брате, на томъ цѣловали, оже быти вамъ со мною; а се, брате, стрый мой идетъ на мя, а, брате, dospѣвай, како же Володимиръ dospѣваетъ и Изяславъ братъ его». Володимири же мужи и Изяслави рекоша ему: «братъ ти молвить Володимиръ и Изяславъ: «мы есмы хрестъ цѣловали, яко всимъ намъ быти за одинъ, а въ, брате, dospѣваевъ, а ты, брате, такоже dospѣвай». Святославъ же умолча, ничтоже имъ отвѣча, толико имъ то рече: «пойдите въ товары своя, а опять вы взову»—и держа послы недѣлю, а сторожи постави отъ товаръ ихъ, дабы къ нимъ никтоже не пришелъ¹⁰. Здѣсь сперва говоритъ посолъ Изяслава, потомъ послы Давыдовичей. И въ позднѣйшее время русскіе послы наблюдали также очередь въ рѣчахъ своихъ къ иностранному государю.

Послы вручали подарки тѣмъ, къ кому были посланы. «Изяславъ же опять посла послы свои въ Угры ко Королеви и въ Ляхы, и въ Чехы съ дары великими и съ честью»¹¹.

Послы приводили Князей къ присягѣ при заключеніи мира. Обыкновенно случалось такъ, что послы каждой изъ договаривающихся сторонъ приводили къ присягѣ противоположную договаривающуюся сторону, т. е. послы приводили къ присягѣ того, къ кому были посланы. Изяславъ Мстиславичъ, услышавъ, что Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи отступились отъ него и перешли на сторону Святослава Ольговича, послалъ къ нимъ пословъ, которые сказали имъ отъ лица Князя: «мы замыслили большой походъ и въ томъ цаловали между собою крестъ, по утвержденію дѣдовъ нашихъ и отцовъ; но присягнемъ снова въ нашемъ общемъ союзѣ». Давыдовичи отвѣчали: «къ чему намъ напрасно цаловать крестъ; мы вѣдь уже цаловали; а какая вина наша?» Посолъ отвѣчалъ: «грѣха нѣтъ въ томъ, чтобъ присягать снова въ общемъ союзѣ: это служитъ къ нашему

спасенію». Изяславъ, говоритъ лѣтопись, сказалъ послу своему: «если они не будутъ къ тебѣ цаловать креста, то ты расскажи имъ, что мы слышали о нихъ.»—И посолъ Изяслава сказалъ имъ: «такъ-какъ вы не присягаете, то я вамъ, братья, говорю: я слышалъ, что вы мнѣ измѣнили и присягнули Ольговичу: такъ или не такъ?—Они ничего не могли отвѣчать, и послѣ долгаго молчанія Владиміръ сказалъ послу Изяславову: «выйди вонъ, посиди, мы опять тебя позовемъ». Они долго думали, потому-что были уличены, и потомъ послали за посломъ. Они сказали ему: «братъ! мы присягнули Святославу Ольговичу, ибо намъ жаль, что ты держишь брата нашего Игоря, а онъ уже чернецъ и схимникъ; пусти нашего брата, тогда мы будемъ ѣздить подлѣ тебя. Любо ли было бы тебѣ, еслибы мы держали твоего брата? —¹² Смотри также нижеприведенные нами примѣры въ изложеніи договоровъ.—

Послы содержались на счетъ того, къ которому были посланы; они получали отъ него повозъ и кормъ.—«Петръ же положи ему грамоты крестныя, лѣзе вонъ, и не даша Петрови ни повоза, ни корма; Петръ же поѣха на своихъ конихъ»¹³.

Теперь остается сказать о пріемѣ пословъ.

Князья принимали пословъ, сидя на тронѣ. Вокругъ Князя сидѣла его дружина. Тронъ устраивался въ сѣняхъ, т. е. въ хоромахъ или теремахъ. «Петрови же, выѣхавшю изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ и леже у Большевъ; и якоже бысть убо къ Куромъ и пригна дѣтскій изъ Галича къ Петрови, река: «Князь ти молвить: «не ѣзди никамо же, но жди ту, доколь по ты выслу». Петрови же, не вѣдушю Княжъ смерти, ни тѣи ему дѣтскій не повѣдъ, Петръ же тѣмъ печаленъ бѣше вельми, оже ему бѣше опять въ городъ поѣхати, творашеться пріяти муку иуще того; Петръ же тужашеть. Яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра, рекуще: «Князь тя зоветъ». Петръ же поѣха въ градъ, и пріѣха на княжъ дворъ, и ту свидоша противу ему съ сѣней слугы князи, вси въ чернихъ митлахъ, и

видивъ се Петръ и подивися, что се есть; и яже взиде на сѣни, и види Ярослава сѣдяща на отни мѣсть въ черни мятли и въ клобуць, такоже и вси мужи его; и поставиша Петрови столецъ, и сѣде. Ярославъ же възрѣвъ на Петра и расплакася, Петръ, не вѣдая, сѣдѣше, и нача пропати: «что се есть?» и повѣдаша ему: «Богъ сы ночи князя поялъ»; и рече Петръ: «а сы ночи есмь повхалъ, а онъ добръ, здоровъ»; они же рекоша: «что си усунуль за плече, и съ того нача велми изнемагати, и тако Богъ поя и; и рече Петръ: «воля Божія, а всимъ тамо быти». Ярославъ же рече Петрови: «мы есмы тебе того дѣля позвали: се Богъ волю свою, како ему угодно, тако створилъ есть; а нынѣ поѣди къ отцю моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего понялъ, а ты ми буди во отца мѣсто, а ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдалъ, что межи вама было, а то уже Богъ осудилъ; аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣсть оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одно копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею ест; а нынѣ, отце, кланяются, прими мя яко сына своего Мъстислава такоже и мене, ать вѣздитъ Мъстиславъ подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень вѣждю, всими своими полкы». И тако отпустиша Петра ¹⁴.

Это извѣстіе, которое мы выписали со всею подобающею ему подробностію, замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, здѣсь сообщается свѣдѣніе объ одномъ изъ договоровъ старѣйшинства; во-вторыхъ, въ первый разъ упоминается о престолѣ въ княжескомъ терему. *Отнее мѣсто* въ словѣ о полку Игоревомъ называется еще *отнимъ златымъ столомъ*, иногда также *златокованымъ*. Это даетъ поводъ заключать, что у cadaго самостоятельнаго Князя въ терему находилось такое отнее мѣсто. Здѣсь новая сторона принятія пословъ: ихъ принимаютъ, сидя на тронѣ или на столѣ отиѣ. Потомъ самому послу даютъ

стуль. Наконецъ его принимаютъ въ траурной одеждѣ, въ клобуць и въ черной мантии и извѣщаетъ его о смерти своего отца сынъ умершаго Князя. Такъ слова самого князя въ торжественной аудіенціи замѣняли тогда то, что называютъ теперь *notification de décès*, и какъ видно, оно соединялось вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолѣ. Итакъ при приѣмѣ пословъ наблюдались слѣдующія правила. Посоль пріѣзжалъ на княжескій дворъ, гдѣ встрѣчали его княжескіе мужи; потомъ входилъ въ самый теремъ, гдѣ принималъ его Князь, сидящій на тронѣ и окруженный дружиною.

Далѣе послы спрашивали Князя о здоровьѣ, извѣщали также о здоровьѣ пославшаго ихъ, и потомъ излагали цѣль своего посольства и вручали подарки.—Въ 1148 г. Изяславъ послалъ къ Ростиславу брату своему и сказалъ ему: «братъ! извѣщаю тебя, что я ходилъ на Ольговичей и много имъ зла сдѣлалъ и хотѣлъ идти къ Любечу, но ледъ на Днѣпрѣ воспрепятствовалъ мнѣ; такъ Богъ и Св. Богородица и сила Животворящаго Креста привела меня въ здоровьѣ въ Кіевъ; и я тебя, братъ, спрашиваю—здоровъ ли ты и какъ тебѣ Богъ помогаетъ? ¹⁵ — Въ 1147 году мы находимъ половецкое посольство къ Святославу, брату бывшаго Великаго Князя Кіевскаго Игоря. Они сказали ему: «спрашиваемъ о здоровьѣ твоемъ; велишь ли ты придти къ тебѣ на помощь съ нашими силами» ¹⁶. Обычай спрашивать о здоровьѣ сохранялся до позднѣйшаго времени въ Россіи.—Мы уже замѣтили прежде, что въ случаѣ посольства отъ многихъ Князей послы наблюдали въ своихъ рѣчахъ очередь.

Въ 1159 году мы находимъ первое извѣстіе о чемъ-то въ родѣ письменнаго наказа послу. «Бысть же лествъ въ Берендичихъ: творяхуть бо ся бити пріѣздяче къ городу, а снашивахуться рѣчьми межи собою. Сему же начальници быша: Тудоръ Сатмазовичъ, Каракозь Мнюзовичъ и Карась Копѣй: яли бо бяху въ зажити Кузму Сновидича съ отрокомъ и послаша отрока Кузмина, ночи, написавше ему свое знаме-

не, рекше ему: «иди у Бѣльгородъ ко Мьстиславу и молви ему тако: въ насъ ти есть, Княже, и добро и зло; аже ны хоцещи любити, якоже ны есть любилъ отецъ твой, и по городу ны даси по лѣпшему, но мы на томъ отступимъ отъ Изяслава». Мьстиславъ радъ бѣвъ рѣчи той, и посла къ нимъ съ тѣмъ же отрокомъ, той же noci, Олбыря Шерошевича, и яся имъ по всю волю ихъ и ротъ имъ ходи»¹⁷.

ПРАВО ДОГОВОРОВЪ.

Это отдѣленіе мы раздѣлимъ на двѣ части: въ первой изложимъ право договоровъ внутреннихъ; во второй—право договоровъ внешнихъ.

ПРАВО ДОГОВОРОВЪ ВНУТРЕННИХЪ.

Договоры Князей съ Князьями играютъ весьма важную роль въ исторіи Россіи, при распредѣленіи владѣній между Князьями. Самымъ стариннымъ правомъ, которое въ особенности соблюдалось въ Новгородѣ и Кіевѣ, для полученія владѣній была воля Великаго Князя. Но распоряженіе Князя могло касаться только родичей, ему современныхъ; со смертію же его и съ приращеніемъ новыхъ родичей, имѣвшихъ тѣ же права на волости, надо было дѣлать новый дѣлежъ. Въ этомъ случаѣ воля Ярослава служила также закономъ, хотя онъ раздѣлилъ владѣнія между своими дѣтьми только; внуки же его, захотѣвъ сохранить его систему, распредѣлили между-собою отцовскія владѣнія съ немногими исключеніями: отчего произошло, что завѣщаніе Ярослава послужило основаніемъ *вотчинной системы*. Любечскій съѣздъ или рядъ служитъ подтвержденіемъ нашей мысли: по этому договору Святополкъ, старшій сынъ Изяслава, получилъ Великое Княженъе Кіевское, волость отца своего Изяслава; Владиміръ Моно-

махъ, сынъ Всеволода—Переяславскую область, принадлежавшую отцу его Всеволоду; Давидъ, Олегъ и Ярославъ, сыновья Святослава,—волость Святослава; Давидъ Игоревичъ—волость отца своего Игоря. Только Ростиславичи получили не отцовскую волость: Володаръ—Перемышль, Василько же—Теребовль, но и тутъ уважена была воля Всеволода, Великаго Князя Кіевскаго, который распредѣлилъ эти города Ростиславичамъ. Явно, что здѣсь вполнѣ сохранилась система Ярослава: она служитъ здѣсь основаніемъ, и договоръ въ Любечѣ хотя и можетъ назваться новымъ, но основаннымъ на старомъ началѣ.—Вотчинному началу принадлежала будущность въ Русской Исторіи. Родившись въ умѣ Ярослава, который Русскую землю называетъ землею отца своихъ и дѣлъ своихъ, «юже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ», оно потомъ поддерживалось долготнмъ обладаніемъ одними и тѣми же волостями потомства Ярославова; въ слѣдствіе чего различныя области Россіи стали отчиной и дѣдиной членовъ его потомства; это понятіе отчины и дѣдины съ теченіемъ времени все крѣпло и крѣпло, время придавало ему, такъ-сказать, твердость права, вкореняя его не только въ понятія Князей, но и въ понятія жителей областей, связывая ихъ большими и большими узами, пока, наконецъ, оно не выразилось вполнѣ въ независимыхъ княжествахъ.—Но чтобы дать рѣшительный перевѣсъ вотчинному началу, его надо было поддерживать.—Когда же родъ Ярослава размножился, то система его, какъ по участію общинъ въ избраніи Князей, такъ и по личному произволу этихъ послѣднихъ, должна была безпрестанно быть потрясаемой, что доказывается безчисленными войнами этихъ Князей. Къ-тому же Великій Князь не могъ предвидѣть преступленій со стороны другихъ Князей, а по удѣльному началу провинившійся Князь отвѣчалъ своею волостью или лишался ея. Наконецъ Великій Князь бывалъ слабъ и не всегда могъ приводить въ исполненіе свою волю, между-тѣмъ какъ Князья, совокупившись вмѣстѣ, представляли

грозную для тогдашняго времени силу.—Кромѣ-того существовало еще и третье право—личная доблесть и сила Князя претендента, часто неуважаваемаго воли Великаго Князя; потому-что удѣльный порядокъ вещей былъ чрезвычайно выгоденъ для какой-нибудь отважной и умной личности, умѣвшей въ мутной водѣ ловить рыбу.—Итакъ, чтобы поддержать и сохранить вотчинное начало, необходима была новая гарантія: эта новая гарантія и есть договоры Князей.

Княжескіе договоры по содержанію ихъ можно разделить на три рода: 1) договоры старшихъ Князей между-собою; и договоры младшихъ Князей между-собою; 2) договоры о распредѣленіи владѣній, или съезды и 3) договоры признанія старшинства какого-нибудь Князя другими.

Примѣръ первыхъ договоровъ мы видимъ въ княженіе Изяслава, сына Ярославова. Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, не получившіе волостей, пошли съ Половцами противъ дяди своего Всеволода Ярославича, надѣясь овладѣть областью его—Черниговскою, и побѣдили его. Всеволодъ пришелъ за помощью къ Великому Князю Изяславу, своему брату. Братья поцаловались и съѣли. Всеволодъ разсказалъ все случившееся. Тогда Изяславъ обѣщалъ ему раздѣлить съ нимъ все: если они побѣдятъ и добудутъ часть въ Русской землѣ, то будутъ владѣть оба; если же лишены будутъ ея—то лишены будутъ оба¹⁹. Здѣсь въ первый разъ встрѣчается договоръ старшихъ Князей противъ младшихъ и младшихъ Князей противъ старшихъ, договоръ, совершенно различный отъ прочихъ договоровъ. Эти договоры всегда встрѣчаются вмѣстѣ и параллельно другъ съ другомъ, какъ actio и reactio. Младшіе князья, лишеныя волостей, шли противъ старшихъ, а старшіе, въ свою очередь, не хотѣли уступить своего права надѣлять младшихъ волостями и давать имъ случай пріобрѣтать послѣднія силою оружія, такъ-что одинъ договоръ вызывалъ другой.—Послѣ побѣды своей Олегъ и Борисъ съѣли въ Черниговѣ. Подобный этому случай представляется еще прежде: Свя-

тославъ и Всеволодъ пошли противъ старшаго брата своего Изяслава, и «овладѣвъ Кіевомъ и съѣдosta на столѣ на Берестовомъ»¹⁹. Не обращая вниманія на то, что Святославъ выгналъ чрезъ нѣсколько времени изъ Кіева своего брата и помощника Всеволода, мы замѣтимъ тотъ фактъ, что договаривающіеся Князья, послѣ побѣды своей, оба занимаютъ одинъ и тотъ же престолъ, одну и ту же власть. Это странное соправительство нисколько не должно удивлять насъ. Удѣльныя дѣленія вовсе не были дѣленіями политическими, какъ мы понимаемъ правительственныя дѣленія нынѣ. Это доказывается тѣмъ, что въ удѣльный періодъ часто совершался новый передѣлъ волостей и владѣній, измѣнявшихся не только въ своихъ предѣлахъ и размѣрахъ, но и по лицамъ, ими владѣющимъ, что, конечно, съ теченіемъ времени и съ постепеннымъ возвышеніемъ вотчиннаго начала, т. е. съ появленіемъ независимыхъ княжествъ, исчезло въ общемъ, но продолжалось въ частностяхъ, т. е. въ каждомъ великомъ княжествѣ особенно. Это непостоянство дѣленій есть одинъ изъ характеристическихъ признаковъ удѣльной эпохи, ибо постоянство дѣленій соответствуетъ постоянству нуждъ и потребностей извѣстныхъ мѣстностей, потребностей, обусловливаемыхъ физическимъ и производительнымъ характеромъ мѣстностей, и образомъ жизни ихъ обитателей: таково было, на примѣръ, дѣленіе Россіи на губерніи Петромъ Великимъ и Екатериною II. Во-вторыхъ, это доказывается тѣмъ, что подобный обычай существовалъ еще гораздо позднѣе въ Москвѣ, гдѣ Великіе Князья раздѣляли Москву на три части, называвшіяся жребіями, между своими сыновьями, что можно видѣть изъ ихъ духовныхъ завѣщаній. Это объясняется изъ того, что Князья, имѣя множество своихъ частныхъ селъ и деревень, которыми они лично отъ себя надѣляли, какъ монастыри, такъ и дружину, смотрѣли на самые города, какъ на свое владѣніе²⁰, и потому раздѣляли между-собою одинъ и тотъ же городъ. Мы однакожь далеки отъ той мысли, что въ первомъ случаѣ

Святославъ и Всеволодъ, а во второмъ — Олегъ и Борисъ раздѣлили на двѣ части: одни — Кіевъ, другіе — Черниговъ; они могли, не раздѣляя городовъ, раздѣлять между собою только доходы, или, можетъ-быть, подѣ Кіевомъ и Черниговомъ здѣсь разумѣются области Кіевская и Черниговская. — Во-всякомъ-случаѣ цѣль раздѣленія была чисто финансовая; отражался въ ней одинъ только источникъ доходовъ. Естественно, что какой-нибудь главный городъ одного изъ славянскихъ племенъ, соединяя въ себѣ многочисленную, богатѣйшую и древнѣйшую часть племени, распространявшись отъ торговли и промышленности, былъ иной разъ богаче цѣлыхъ пустынныхъ и бѣдныхъ областей, а въ слѣдствіе того и доходы, собираемые съ одной его части, были гораздо больше доходовъ съ первыхъ. Такъ объясняемъ мы цѣль подобныхъ договоровъ. Поэтому такіе договоры заключали въ себѣ условія общей войны противъ однихъ и тѣхъ же враговъ и общаго владѣнія въ одномъ и томъ же городѣ или области.

Въ примѣры договоровъ втораго рода можно привести съѣзды Любечскій и Витичеевскій. Въ 1097 году въ Любечъ собрались Святополкъ, Владиміръ, Давыдъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давыдъ Святославичъ и братъ его Олегъ и положили, для устройства Русской земли, чтобы каждый владѣлъ своей отчиной: именно Святополкъ — Кіевскою, Владиміръ — Всеволодовою, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ — Святославлевою, а кому роздалъ Всеволодъ, бывшій Великій Князь Кіевскій, города: Давыду Игоревичу — Владиміръ; Ростиславичамъ: Володарю — Перемышль и Васильку — Теробовль владѣть этими же городами²¹. Здѣсь замѣчательно: во-первыхъ, что этотъ договоръ основанъ на завѣщаніи Ярослава; во-вторыхъ, заключили его все старшіе Князья, исключая Василька Ростиславича, но при этомъ не было также Ярослава; въ-третьихъ, владѣнія Святополка, Владиміра и Святославичей называются общимъ именемъ ихъ отцовскихъ волостей, между-тѣмъ какъ Давыду Игоревичу и Ростисла-

вичамъ даны города; въ-четвертыхъ, давши Князьямъ волости, они раздѣлили ихъ только по семействамъ, предоставляя каждому семейству дѣлить между-собою свою волость; такъ, на примѣръ, давши Святославичамъ волость Святослава, они не показали, какою частію этой волости владѣть Давыду, Олегу и Ярославу, предоставляя это имъ самимъ; съ другой стороны, у Владиміра Мономаха были уже сыновья Мстиславъ, Изяславъ, Вячеславъ, но они предоставили и ему также раздѣлить между-ними свою волость, какъ угодно; изъ всего этого видно полное господство вотчиннаго начала. — Надо замѣтить также, что въ одномъ случаѣ была принята въ основаніе воля Ярослава, въ другомъ воля Всеволода, бывшаго Великаго Князя Кіевскаго. — На этомъ они цѣловали крестъ и положили, что если съ-этихъ-поръ кто пойдетъ на кого, то на него будутъ всѣ и крестъ честный; и всѣ сказали: «да будетъ на него крестъ честный и вся земля Русская!» — Въ 1100 году, въ Вятичевъ собрались братья Святополкъ, Владиміръ, Давыдъ, Олегъ, 10-го августа. 30-го они снова собрались на томъ же мѣстѣ. Къ нимъ пришелъ Давыдъ Игоревичъ и спросилъ ихъ: «кому до него обида?» Тогда отвѣчалъ ему Владиміръ: «ты прислалъ къ намъ: хочу, братья, придти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду, а теперь ты пришелъ и сидишь съ братьями на одномъ коврѣ, такъ отчего же ты не жалуешься на кого-нибудь изъ насъ? И всѣ братья съли на коней; Святополкъ сталъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, розно; Давыдъ Игоревичъ сидѣлъ особенно, но его не припускали къ себѣ, а думали о немъ особенно. А когда сдумали, то послали къ Давыду своихъ мужей: Святополкъ Путягу, Владиміръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина; эти посланные пришли къ Давыду и сказали ему: «вотъ что говорятъ тебѣ братья: не хотимъ тебѣ дать стола Владимірскаго, потому-что ты ввергъ въ насъ ножъ, какого не было въ Русской землѣ; но мы не дѣлаемъ тебѣ никакого зла: поди сядь въ Бужскъ; Святополкъ тебѣ даетъ

Дубенъ и Чарторыжскъ, Владиміръ—200 гривенъ, Давыдъ и Олегъ—200 гривенъ. — Послѣ этого они послали своихъ пословъ къ Володарю и Васильку: «возьми брата своего Василька, говорили они Володарю, къ себѣ, и да будетъ вамъ обоимъ одна власть — Черемышль; если тебѣ это не любо, такъ пусти Василька въ Черемышль, гдѣ мы будемъ кормить его, а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте»²². Изъ этого договора явствуетъ во-первыхъ, что каждый самостоятельный Князь при посольствѣ имѣлъ своихъ представителей—пословъ, какъ было замѣчено нами выше; во-вторыхъ, что деньги замѣняли здѣсь города; въ-третьихъ, что обоимъ Ростиславичамъ дается одинъ и тотъ-же городъ, и въ-четвертыхъ, что княженіе называлось кормленіемъ, иначе, имѣло число финансовую цѣль. Сравните сказанное нами выше о договорахъ въ княженіе Изяслава.—Такимъ-образомъ договоръ этотъ заключалъ въ себѣ: 1) условія о владѣніяхъ; 2) условія о выдачѣ холопей и смердовъ или, вообще, плѣнныхъ.

Договоры третьяго рода, или договоры признанія старшинства какого-нибудь Князя другими, суть самые многочисленныя. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію содержанія и цѣли подобныхъ договоровъ, мы займемся напередъ изслѣдованіемъ времени первыхъ *письменныхъ* договоровъ между Князьями.

Въ 1144 году, мы встрѣчаемъ въ первый разъ извѣстіе о *письменныхъ* договорахъ. Извѣстіе это заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія. Ипатьевская Лѣтопись рассказываетъ объ этомъ такъ: «Всеволодъ раскаторовался съ Владиміромъ Галицкимъ за сына своего Святослава, зато, что онъ отдалъ ему Владиміръ. И Владиміръ бросилъ ему договорную грамоту: «Володимерко възверже ему грамоту хрестъную», Всеволодъ же съ братьями пошелъ на него»²³. Извѣстно, что Всеволодъ отдалъ Владиміръ своему сыну Святославу, въ-слѣдствіе соглашенія съ Вячеславомъ Владиміровичемъ, княжившимъ въ Переяславль; который от-

далъ Переяславль Изяславу Мстиславичу, княжившему во Владиміръ, а самъ пошелъ въ Туровъ²⁴. Это произошло въ 1142 году. Стало-быть договоръ между Всеволодомъ и Владиміромъ произошелъ ранѣе этого времени; однакожь ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская Лѣтопись объ этомъ договорѣ не говорятъ ни слова. Извѣстно только, что съ самаго начала своего княженія въ Кіевѣ, Всеволодъ посылалъ къ Владиміровичамъ и Мстиславичамъ, хотя съ ними мириться и убѣждая *Изяслава Мстиславича оставить Владиміръ*²⁵. Когда ни тѣ, ни другіе не хотѣли исполнить его просьбы, но, напротивъ, хотѣли пойти на него къ Кіеву, то Всеволодъ, предупреждая ихъ, самъ съ братомъ своимъ Святославомъ пошелъ на Андрея Владиміровича, княжившаго тогда въ Переяславль; а на Вячеслава и на *Изяслава Мстиславича, княжившаго во Владиміръ*, послалъ *Изяслава Давыдовича, Ивана Васильковича съ Половцами, и Владимірка Володаревича изъ Галича*²⁶. Ранѣе этого времени о содѣйствіи Владимірка Всеволоду нигдѣ не упоминается; напротивъ, по Лаврентьевской Лѣтописи, въ 1138 г., когда Ярополкъ пошелъ противъ Ольговичей, въ числѣ войскъ его поставлены Галичане²⁷. Надо замѣтить однакожь, что Лаврентьевская лѣтопись и Ипатьевская разногласятъ въ годъ начала княженія Всеволодова: Лаврентьевская относитъ его къ 1139 г., а Ипатьевская къ 1140 году.²⁸ Такимъ-образомъ изъ фактовъ, нами собранныхъ, явствуетъ, что Владимірко заключилъ договоръ съ Всеволодомъ при самомъ вступленіи послѣдняго на Кіевскій престолъ, т. е. по Ипатьевской въ 1140 году; условіями этого договора было со стороны Владимірка—признавіе Всеволода Великимъ Княземъ Кіевскимъ, а со стороны Всеволода—отдача первому города Владиміра. Поэтому, строго держась буквальнаго смысла лѣтописей, мы должны отнести первые письменные договоры къ 1140 году. Но эти факты рождаютъ новыя соображенія, которыя, въ свою очередь,

ведутъ къ важнымъ результатамъ. Очень часто при договорахъ Князей присутствовали высшія духовныя лица; можно предположить, что они же писали эти самые договоры, такъ-какъ они принадлежали къ образованнѣйшему тогда сословію Россіи. Лаврентьевская Лѣтопись упоминаетъ о томъ, что Ярославъ началъ заботиться о заведеніи церковныхъ училищъ, да и самъ онъ отличался церковными знаніями и списывалъ множество книгъ. А между-тѣмъ первый по времени договоръ заключенъ былъ Ярославомъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ въ городъ Городць, въ 1026 году. Все это наводитъ на ту мысль, что и этотъ послѣдній договоръ былъ письменный, тѣмъ болѣе, что Лѣтопись Ипатьевская упоминаетъ о крестныхъ грамотахъ тогда только, когда ихъ «възвержутъ», а Лаврентьевская о крестныхъ грамотахъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній, несмотря на ихъ несомнѣнное существованіе.—При всемъ томъ мы не осмѣливаемся выдавать нашей мысли за фактъ, оставляя ее гипотезой. Гораздо важнѣе другой результатъ, выводимый изъ тѣхъ же самыхъ фактовъ, который, на этотъ разъ, кажется намъ неопровержимо истиннымъ. Договоръ Владиміра съ Всеволодомъ прямо указываетъ на то, что *Великіе Князья, при вступленіи своемъ на престолъ, признавались Великими со стороны младшихъ, на основаніи договоровъ*; это признаніе происходило весьма часто прежде вступленія на кievскій престолъ, которымъ признанный старшимъ или великимъ овладевалъ при помощи признавшихъ его. Это называлось тогда *положеніемъ старшійшинства на комъ-нибудь*, а признающіе это старшійшинство назывались *ротниками*, словомъ, которое, впрочемъ, служило названіемъ всѣхъ тѣхъ, которые были связаны взаимнымъ договоромъ и взаимною клятвою. Начало договоровъ признанія старшійшинства принадлежитъ временамъ Ярослава, котораго, какъ мы видѣли, призналъ старшимъ братъ его Мстиславъ, на основаніи особеннаго договора.—За такое признаніе признавшіе князья не только удерживались въ сво-

ихъ волостяхъ, но часто получали чужія волости, въ ущербъ другимъ князьямъ, непризнававшимъ этого старшійшинства. Въ то время все носило федеральный характеръ, и младшіе Князья, чтобы не быть изгнанными или лишенными владѣній, необходимо должны были приставать къ тому или другому союзу Князей, потому-что рѣдкому Князю удавалось владѣть всей Россіей и быть признану Великимъ безпрекословно со стороны всѣхъ, хотя нельзя не сказать, что это иногда случалось. Если вспомнимъ, что съ распространеніемъ рода Ярославова, права на кievскій престолъ, переходившій изъ рукъ одной семьи въ руки другой, совершенно запутались, такъ что многіе Князья, въ слѣдствіе случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, доставлявшихъ дѣдамъ, отцамъ, дядямъ или братьямъ ихъ кievскій престолъ, съ одинаковымъ основаніемъ могли предъявлять на него права свои, то естественно, что окончательнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ была одна только воля Великаго Князя. Однимъ-словомъ, вся Россія въ то время была покрыта, такъ-сказать, сѣтью договоровъ; договоры служили связью всѣхъ элементовъ. Все тогда носило печать союза, и жалко читать въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ тяжело доставалось тѣмъ, кто оставлялъ свой союзъ. Но мы «на преднее возвратимся», какъ говоритъ Преподобный Несторъ, когда увлеченный благочестивыми размышленіями о суетѣ мірской, онъ теряетъ изъ виду свою лѣтопись и снова возвращается къ ней.—Въ частности мысль нашу можно доказать и другими фактами. И Лаврентьевская и Ипатьевская Лѣтописи одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что Ярополкъ, сынъ Владиміра Мономаха, княжившій послѣ роднаго брата своего Мстислава въ Кіевѣ, привелъ изъ Новгорода Всеволода Мстиславича и далъ ему Переяславль; но дядя послѣдняго, Юрій Владиміровичъ, выгналъ Всеволода изъ Переяславля и, въ свою очередь, былъ выведенъ изъ него Ярополкомъ, «за крестное цѣлованіе» или другими словами — а нарушеніе договора съ Ярополкомъ²⁹. Другаго значенія

словамъ «за крестное цѣлованіе» мы приискать не можемъ. А между-тѣмъ объ этомъ договоръ, какъ и о договоръ Всеволода Ольговича съ Владиміромъ, объ мѣтописи одинаково молчатъ.—Другой фактъ: Владиміръ Мономахъ сѣлъ на кіевскомъ престолѣ только въ-слѣдствіе договора съ сыновьями Святослава Черниговскаго, конечно, также въ соединеніи съ волею Кіевлянъ ⁵⁰. Третій фактъ: Всеволодъ Ольговичъ, заранѣе озабочиваясь судьбою брата своего Игоря и приготавливая ему кіевскій престолъ, собираетъ въ Кіевъ подвластныхъ ему Князей и говоритъ имъ: Владиміръ посадилъ сына своего Мстислава по себѣ въ Кіевъ, а Мстиславъ Ярополка, брата своего; а теперь я говорю: если Богъ меня возьметъ, то я по себѣ даю брату своему Игорю Кіевъ. Одинъ изъ Князей, Изяславъ Мстиславичъ долго колебался признать Игоря старѣйшимъ, однако нужда заставила его цѣловать къ нему крестъ. И когда всѣ собранные Князья сѣли у Всеволода на сѣняхъ, т. е. въ его теремъ, то Всеволодъ сказалъ: Игорь! цѣлуй крестъ въ томъ, что ты будешь имѣть любовь къ своей братьѣ, а вы, Владиміръ, Святославъ, Изяславъ, цѣлуйте крестъ къ Игорю въ томъ, что если онъ будетъ надѣлять васъ волостями, то будетъ надѣлять васъ по своей волѣ, а не по принужденію ⁵¹, или, другими словами, онъ хотѣлъ этимъ выразить то, что они не будутъ отыскивать съ оружіемъ въ рукахъ себѣ владѣній, но признавая Игоря старшимъ, будутъ довольствоваться тѣмъ, что онъ имъ самъ назначитъ.... Этихъ примѣровъ, кажется, довольно.... Договоры о старѣйшинствѣ находили сильную опору въ волѣ Великаго Князя, такъ что случалось, напримѣръ, что Князь дѣлался Великимъ Княземъ только по волѣ Великаго Князя и по договору. Ярославъ, раздѣливъ свои владѣнія между своими сыновьями и назначивъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ Изяслава, этимъ самымъ заставилъ другихъ Князей признать старшимъ Изяслава, а какъ признаніе старшимъ вело со стороны старшаго обѣщаніе и присягу «имѣть младшихъ въ любви», то и Изяславъ сдѣлалъ

ся Великимъ Княземъ Кіевскимъ, столько же по волѣ отца, сколько и по договору съ братьями, заключенному въ исполненіе этой воли. Святополкъ былъ признанъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ на Любечскомъ съѣздѣ, и проч....

Замѣтимъ еще здѣсь два примѣра: одинъ какъ свидѣтельство того, что Князья *искали* себѣ старѣйшинства, а другой какъ свидѣтельство того, что Князья признавали другихъ старѣйшими единственно изъ-за полученія волостей.—Первый: «Посемъ-же приде Ярославъ Лучьскій на Ростиславичѣ же, со всею Вельскою землею, *ища себѣ старѣйшинства* въ Олговицѣхъ—и не ступишася ему Кіева. Онъ же сослався съ Ростиславичи и урядися съ ними о Кіевѣ, и отступи отъ Олговичъ, и вставъ поиде отъ нихъ изърядивъ полкы къ Рюрикови Бѣлугороду. Ростиславичи же положиша на Ярославъ старѣйшинство, и даша ему Кіевъ.—⁵²» Здѣсь Князь ищетъ признанія себя старѣйшимъ отъ однихъ Князей, и посылая пословъ къ другимъ, заключаетъ съ ними договоръ о старѣйшинствѣ.—Другой: «И посла къ нему мужи своя и рече ему: се, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пришелъ, оже отецъ тя пріобидилъ, и волости ти не далъ; язь же тя пріялъ въ правду, яко достойнаго брата своего, и волость ти есмь далъ, ако ни отецъ того вдаль что я тебѣ вдаль, и еще есмь и Русской земли приказалъ стеречи тебѣ; а то ти есмь реклъ и пр.» ⁵³ Здѣсь Князь приходитъ къ другому отъ роднаго отца своего, и за признаніе послѣдняго старѣйшимъ получаетъ волость.—Иногда Великіе Князья, признанные одними, хотѣли быть признаны и другими и для того, при вступленіи своемъ на престолъ, посылали къ послѣднимъ съ предложеніемъ мира, иначе, признанія ихъ Великимъ Княземъ ⁵⁴.

Итакъ все удѣльное общество представляется намъ въ видѣ отдѣльныхъ княжескихъ союзовъ, основанныхъ на договорахъ. Главными условіями этихъ союзовъ было: съ одной стороны признаніе одного какого-нибудь Князя старшимъ, или великимъ; это признаніе вело къ различнымъ

отношеніямъ между признаннымъ и признавшими, которыя мы изложимъ ниже; съ другой стороны — надѣленіе признавшихъ волостями, или удержаніе за ними ихъ прежнихъ волостей, если они того хотѣли, потому-что и самое удержаніе волостей было въ то время дѣломъ весьма труднымъ, и для того Князья вступали въ союзы съ другими. — Признанный обыкновенно надѣлялъ прежде всего волостями сыновей своихъ и близкихъ родственниковъ, потомъ чужеродцевъ, совершенно равныхъ по договорнымъ правамъ своимъ съ первыми. Это надѣленіе происходило на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ и надѣленіе Князьями дружинъ ихъ селами и помѣстьями ³⁸.

Договоры о старѣйшинствѣ, какъ и все въ мірѣ, имѣютъ свою исторію. До-сихъ-поръ мы видѣли, что резиденціею Великаго Князя былъ Кіевъ, но съ нѣкотораго времени Кіевъ началъ терять въ глазахъ Русскихъ Князей свое значеніе. Это началось съ Изяслава, который княжилъ въ немъ *подъ дядею* своимъ Вячеславомъ ³⁶; потомъ Мстиславъ Изяславичъ отдалъ Кіевъ *подъ собою* Ростиславу, а самъ пошелъ во Владиміръ ³⁷; потомъ Андрей Боголюбскій посадилъ на кіевскомъ престолѣ брата своего Глѣба ³⁸, потомъ Всеволодъ Юрьевичъ посадилъ на немъ Рюрика ³⁹. Ко времени этого послѣдняго относится договоръ его, заключенный имъ обще съ Ростиславичами и другими потомками Мономаха съ Всеволодомъ, по которому они признали его старѣйшимъ, несмотря на то, что онъ былъ Великимъ Княземъ Суздальскимъ ⁴⁰. Такимъ-образомъ Великій Князь Кіевскій, прежде признаваемый старшимъ въ всей Россіи, теперь самъ признаетъ старѣйшинство Князей Суздальскихъ, оставаясь, впрочемъ, старѣйшимъ для другихъ. — Въ этомъ послѣднемъ качествѣ Рюрикъ заключаетъ съ Всеволодомъ новый договоръ, но заключаетъ его одинъ, безъ другихъ князей, на правахъ совершенно равныхъ; но и здѣсь даже онъ надѣляетъ Всеволода волостью — такъ надѣленіе волостями было тогда господствующимъ условіемъ всѣхъ договоровъ! ⁴¹

Въ этомъ послѣднемъ договорѣ мы видимъ примѣръ договора двухъ Великихъ Князей, подлинные образцы которыхъ дошли и до насъ во многихъ экземплярахъ. Вотъ и самый договоръ, какъ рассказываетъ о немъ Ипатьевская Лѣтопись. «Всеволодъ же умирився съ Ярославомъ, и посла мужъ свой ко Рюриковъ, повѣдая ему: со Ярославомъ есмь умирися и крестъ ко мнѣ чѣловаль, якоже имъ Кыева *подъ тобою* не искати, ни *подъ братомъ твоимъ* Давыдомъ Смоленска. Рюрикъ же слышавъ снемъ Всеволодъ, и не улюбилъ, пожалова на нь, занеже чимъ ся бѣшетъ ему обѣчалъ, и того не исполнилъ; и посла мужъ свой ко Всеволоду, река ему: свату! крестъ еси ко мнѣ чѣловаль на томъ, кто мнѣ *ворогъ*, то и *тобѣ* *ворогъ*, и въ Руской землѣ части просилъ еси у менѣ, *язъ* те *тобѣ* есмь далъ волость *лѣвншою*, не отъ *обилья*, но отойма у *братья* *своея* и у *зятя* *своего* Романа, тебе *дѣля*; онъ же *нынѣ* *ворогъ* ми ся учинилъ, ни про кого же, якоже про *тя*; ты же како ми ся обѣчалъ *всѣсти* на коня и *помочи* ми, ты же еси то *лѣто* и *зиму* *перевелъ*, а *нынѣ*ча еси *всѣлъ*, то како ми еси *помоглъ*? свой еси *рядъ* *взялъ*, а про кого ми была и *рать* про *зятя* *своего*, а того далъ еси *Ярославу* *рядити* и съ *волостью* *своею*, которую же есмь ему далъ; а про кого же *тя* есмь и на *копѣ* *всадилъ*? а мнѣ съ *Олговичи* *которая* *обида* была? Ни они *подо мною* Кыева *искали*; но аже было *тобѣ* *недобро*, *язъ* про тебе же съ *ними* есмь *недобръ*, и *воевалъ*ся съ *ними* и *волость* *свою* *зажегль*; *нынѣ* же како еси со *мною* *умолвилъ*, на чемъ еси ко мнѣ крестъ чѣловаль, того еси *всего* не *исправилъ*; и тако *пжаловавъ* на нь и *отъя* *отни* *города*, *тыя*, *которыя* же бѣшетъ ему далъ въ Руской земли, и *розда* *опять* *братья* *своея*» ⁴².

Договоры о старѣйшинствѣ заключали въ себѣ два рода условій: условія, означавшіяся въ самомъ договорѣ, если договоръ былъ письменный; если же договоръ былъ словесный, то эти условія произносились договаривающимися

сторонами въ видѣ формулы; и условія, принятыя обычаемъ.

Первыя суть слѣдующія:

1) «аже кто будетъ мнѣ зомъ, то вамъ на того быти со мною.»

2) «ако гдѣ твоя обида будетъ, а намъ быти съ тобою». ⁴⁵

3) «всимъ намъ быти за одинъ».

4) «на томъ ти цѣловати крестъ, яко ти съ (имя князя) быти, и его ся не отлучити ни въ добръ ни въ лиць (злѣ) но всегда съ нимъ быти». ⁴⁴

5) «отче! кланяются; аче мѣ Богъ отца моего (такого-то) отъялъ, а ты ми еси отецъ, нынѣ кланяются». ⁴⁶ или

«и пришелъ есмь нарекъ Бога и тебе, за не ты еси старей насъ, а за Рускую землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити». ⁴⁶

Это произносилъ признающій. Признанный отвѣчалъ ему:

6) «сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь гъложилъ, то чи мене еси почестилъ, Бога еси почестилъ; а ты же мой сынъ, ты же мой братъ». и проч. ⁴⁷

Вторыя условія были слѣдующія:

1) Признанный старшимъ надѣлялъ признавшихъ его волостями, или оставлялъ за ними прежнія ихъ владѣнія, смотря по договору съ ними.

2) Признанный имѣлъ только одинъ право войны и мира. Онъ посылалъ другихъ Князей въ походъ, посылалъ ихъ послами и т. п. и самъ заключалъ миръ. Но иногда, при началіи этихъ дѣйствій, онъ спрашивалъ совета у признавшихъ его, и это считалось величайшею честью. ⁴⁸ Поэтому признавшіе испрашивали позволенія у признаннаго воевать или заключать миръ. ⁴⁹

3) Признанный водилъ признавшихъ подлѣ себя. ⁵⁰ Это было удѣльнымъ церемоніаломъ во-время вейны.

4) Признанный часто не ходилъ самъ на войну, но посылалъ Князей. ⁵¹ Но если онъ ходилъ, то и распоряжался самъ военными дѣйствіями. ⁵²

5) Признанный имѣлъ право суда и наказанія надъ признавшими его. ⁵³ Наказаніемъ въ такомъ случаѣ было лишеніе волостей, взятіе у Князя дружины его и движимаго имѣнья. ⁵⁴

6) Признанный женилъ признававшихъ его Князей и выдавалъ дочерей ихъ замужъ. ⁵⁵

7) Признанный имѣлъ право созывать признавшихъ его на думу о Русской землѣ. ⁵⁶

8) Признанный раздѣлялъ съ признавшими его общую добычу, но раздѣленіе это зависѣло отъ его произвола. ⁵⁷

9) Съ достоинствомъ признаннаго Великимъ Княземъ соединялись извѣстныя почести; напримѣръ, встрѣчи его съ торжествомъ городами; мѣсто, занимаемое имъ на пирахъ; собственное знамя его или стягъ и проч. ⁵⁸

Какимъ же образомъ совершались эти договоры?

Они совершались или по волѣ самихъ Великихъ Князей, или посредствомъ пословъ, или непосредственно самими договаривающимися сторонами, съ произнесеніемъ ими обычныхъ формулъ.

Въ примѣръ первыхъ договоровъ можно представить договоръ сыновей Ярослава, заключенный ими по волѣ своего отца, и договоръ Игоря съ роднымъ братомъ его Святославомъ, Давыдовичами, двоюродными братьями Ольговичей и Изяславомъ Мстиславичемъ. Объ этихъ договорахъ мы говорили уже выше.

Въ примѣръ договора, совершаемаго посредствомъ пословъ, можно представить слѣдующій. «Петрови же въхавшию изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ, и леже у Болшевъ; и якоже бысть убо къ куромъ, и пригна дѣтскый изъ Галича къ Петрови, река: «князь ти молвить: не ѣзди

никаможе, но жди ту, доколѣ по ты выслу». Петрови же не вѣдуцѣ княжѣ смерти, ни тѣи ему дѣтскій не повѣдѣ, Петрѣ же тѣмъ печаленѣ быше вельми, оже ему быше опять въ городѣ повхати, творяшеться пріяти муку пуще того; Петрѣ же тужашеть. Яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра, рекуще: «князь ты зоветъ.» Петрѣ же повха въ градѣ и пріѣха на княжѣ дворѣ, и ту сидоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ чернихъ мятлихъ, и видивъ се Петрѣ и подивися, что се есть; и яже взиде на сѣни, и види Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его; и поставиша Петрови столецъ, и сѣде. Ярославъ же възрѣвъ на Петра и расплакася, Петрѣ не ведая сѣдыше, и нача прашати: «что се есть?» и повѣдаша ему: «Богъ сы ночи князя поялъ»; и рече Петрѣ: а сы ночи есмь повхаль, а онъ добръ здоровъ»; они же рекоша: «что си усунулъ за плече, и съ того нача велми изнемагати, и тако Богъ поя и»; и рече Петрѣ: «воля Божія, а всимъ тамо быти». Ярославъ же рече Петрови: мы есмы тебе того дѣла позвали: се Богъ волю свою, како Ему угодно, тако створилъ есть; а нынѣ повѣди къ отцю моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего понялъ, а ты ми буди въ отца мѣсто, а ты се съ моимъ отцемъ самъ вѣдалъ, что межи вама было, а то уже Богъ осудилъ; аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ едино копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть; нынѣ, отце, кланяютися, прими мя яко сына своего Мьстислава такоже и мене, ать ѣздитъ Мьстиславъ подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣздию, всеми своими полкы. И тако отпустиша Петра». ⁶⁰

Въ примѣръ договора, совершаемаго непосредственно самими договаривающимися сторонами можно привести слѣдующій: «Утрѣи же день Изяславъ посла у Вышегородѣ къ

отцю своему Вячеславу, и рече ему: «отце! кланяютися; аче ми Богъ отца моего Мьстислава отъялъ, а ты ми еси отецъ, нынѣ кланяютися; нынѣ же, отце, осе даю ти Кіевъ, повѣди, сяди же на столѣ дѣда своего и отца своего». Вячеславъ же рече: «сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь възложилъ, то аче бы ты и давно такъ учинилъ, то мене еси почестилъ, Бога еси почестилъ; аже дѣши: ты мой еси отецъ, а ты мой и сынъ, у тебе отца нѣту, а у мене сына нѣтутъ, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ»— и на томъ крестѣ честный цѣловаста, яко не разлучитися има ни въ добръ, ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти». ⁶⁰

Или:

Къ Изяславу пришелъ Ростиславъ Юрьевичъ, разсердившійся на отца своего за то, что онъ не далъ ему волости. Онъ, поклонившись Изяславу, сказалъ: «отецъ мя переобидилъ, и волости ми не далъ; и пришелъ есмь нарекъ Бога и тебе, за не ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внуцѣхъ, а за Рускую землю хощю страдати, и подлѣ тебе ѣздити». ⁶¹

Къ этимъ же договорамъ относятся: договоръ Ярослава съ Мстиславомъ и Любечскій съездъ.

Непременнымъ условіемъ всѣхъ этихъ договоровъ была обоюдная присяга договаривающихся сторонъ. Присяга состояла въ томъ, что цѣловали: 1) крестъ, 2) образъ св. Богородицы или, наконецъ, прикладывались къ мощамъ, ⁶² или ко кресту, лежавшему на мощахъ.

Часто договоры заканчивались пирами, напоминающими собою поэтическіе пиры Владиміра Краснаго Солнышка, въ его златоверхомъ теремѣ, за дубовыми столами, покрытыми браными скатертями, съ чарами зеленого вина и медвяными питьями. На такихъ богатырскихъ пирахъ присутствовали союзные Князья, духовенство и весь народъ; вотъ отчего давали ихъ на Ярославемъ дворѣ въ Кіевѣ ⁶³. Час-

то также, послѣ заключенія договора Князья дарили другъ друга ⁴⁶.

Договоры заключались иногда: 1) при посредничествѣ князей и 2) при посредничествѣ духовныхъ лицъ. Посредничество духовенства въ особенности было очень важно и развито въ его сознаніи, какъ начало. ⁶⁸.

Договоры прерывались со стороны признававшихъ простымъ оставленіемъ Князя и переходомъ на сторону его враговъ; со стороны признаннаго — оставленіемъ своихъ ротниковъ и переходомъ къ союзу съ другими ротниками. ⁶⁹ Иногда признанный самъ прерывалъ договоръ съ признавшимъ, если послѣдній питалъ противъ него злой умыселъ, или вообще думалъ измѣнить ему. ⁷⁰ Письменный договоръ прерывался возвращеніемъ крестныхъ грамотъ той изъ договаривавшихся сторонъ, которая по чему-либо не исполнила договора, или также «вверженіемъ ихъ». — Въ этомъ послѣднемъ случаѣ очень замѣчательно слѣдующее извѣстіе лѣтописи. — «Въ тоже время Изяславъ посла къ Володимиру Галичскому Петра Бориславича съ крестными грамотами, зане тый же бѣшетъ и въ Перемышли съ королевы мужи водилъ къ хресту; и рече ему Изяславъ: «крестъ еси: къ нама съ королемъ цѣловалъ на томъ, яко что Руской волости то ти все воротити, и того еси всего не управилъ; нынѣ же азъ того не поминаю всего, но оже хощещи хрестному цѣлованію управити и съ нама быти, то узвототи моя городы, на нихъ же еси къ нама съ королемъ крестъ цѣловалъ, не хощещи ли дати, то съступишь еси крестного цѣлованія, а се твоѣ грамоты крестныя, а нама съ королемъ съ тобою како Богъ дастъ.» И рече Володимиръ: «рци, брате, извеременилъ еси на мя и короля еси на мя възвелъ; но оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю». И рече ему Петръ: «княже! крестъ еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловалъ, яко ти все управити и съ нима быти; то ти еси уже съступишь крестного цѣлованія». И рече Володимиръ:

«сій ли крестецъ малый?» И рече Володимиру Петръ: «княже! аче крестъ малъ, но сила велика его есть на небеси и на земли; а тебе есть, княже, король являлъ того честного креста, оже Богъ своею волею на томъ руцѣ свои простерлъ есть, и привелъ и Богъ по своей милости къ святому Стефану, и то ти явилъ, оже цѣлова всечестнаго хреста, а съступиши, то не будещи живъ; и рече ему Петръ «а у королева еси мужа слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ?» И рече Володимиръ: «вы того до сыти есме молвили; а нынѣ пользи вонъ, поѣди же къ своему Князю.» Петръ же положи ему грамоты крестныя, лѣзе вонъ, и не даша Петрови ни повоза, ни корма; Петръ же поѣха на своихъ конихъ. ⁷¹ — Эта страница лѣтописи замѣчательна по важнымъ извѣстіямъ. Мы узнаемъ отсюда, во-первыхъ, что, при прекращеніи договора, для «вверженія крестныхъ грамотъ» посломъ избирался тотъ самый мужъ, который приводилъ къ присягѣ одну изъ доваривающихся сторонъ, именно ту, съ которою прерывался договоръ; во-вторыхъ, что договаривающіяся стороны, какъ знакъ своего согласія, выставляли на грамотахъ маленькій крестъ, обычай, происшедшій, какъ видно, изъ самаго понятія о совершеніи договоровъ, совершеніи, исключительно состоявшемъ въ цѣлованіи креста, отчего этотъ божественный символъ и выставлялся на грамотахъ. Оттого-то Владимиръ и говоритъ въ отвѣтъ на рѣчь Петра о томъ, что онъ цѣловалъ крестъ.

Мы сказали, что первое извѣстіе лѣтописей о письменныхъ договорахъ относится къ 1144 году. Послѣ того лѣтописи довольно часто упоминаютъ о нихъ: именно въ 1152, ⁶⁹ 1190, ⁷⁰ 1195 ⁷¹ и т. д. Наконецъ, первая дошедшая до насъ грамота договорная Великаго Князя съ удѣльными принадлежитъ 1341 году. Это договоръ Великаго Князя Симеона Ивановича съ родными его братьями, Княземъ Иваномъ и Княземъ Андреемъ. Начинается она такъ: «Сязъ Князь Великой Семень Ивановичъ всея Руси съ своею братьею молодшею съ Княземъ съ Иваномъ и съ Княземъ

Андрѣемъ целовали есмы межи собе крестъ у отня гроба». Затѣмъ слѣдуютъ условія старѣйшинства, изъ коихъ главныя суть слѣдующія: «Быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшего имѣти ны и чтити въ отцево мѣсто, а брату нашему насъ имѣти. А кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ. А тобѣ, господине Князь Великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ, а братья твоей младшей безъ тобѣ не доканчивати ни съ кимъ.»—По редакціи этихъ статей видно что первую говорилъ Великій Князь, а вторую братья его. Этотъ порядокъ и очередь въ статьяхъ, можетъ-быть, указываютъ на то, что Князья, при клятвахъ, закрѣплявшихъ договоръ, произносили — каждая изъ договаривающихся сторонъ — эти опредѣленные договорныя условія.—Если же договоръ заключали не Князья лично, а послы ихъ, то подобная обязанность падала на послѣднихъ. — Впрочемъ надо замѣтить, что договоры разнообразны по своей редакціи. — Далѣе:... «целовали есмы по душевной грамотѣ отца нашего, како ны отецъ нашъ роздѣлъ далъ, того ти подѣ нами блюсти, а не обидѣти.» Итакъ этотъ договоръ заключенъ Князьями въ исполненіе воли ихъ умершаго отца, какъ многіе изъ договоровъ, приведенныхъ нами выше; это опять указываетъ на то, что этотъ договоръ уже второй по числу, ибо первый заключенъ былъ ими еще при жизни Великаго Князя и по его приказанію; мы часто видимъ, что одни и тѣже князья перезаключаютъ одинъ и тотъ же договоръ нѣсколько разъ. — Наконецъ, еще одно важное условіе... «кого изъ насъ Богъ отведетъ, печаловати Княгиню его и дѣтми какъ при животь, такъ и по животь; а не обидѣти тебе, ни имати ничего отъ Княгини и отъ дѣтми, чимъ ны кого благословилъ отецъ нашъ по роздѣлу.»—Здѣсь договоръ заключается хотя на время только жизни заключившихъ его Князей, но обязательная сила его распространяется и на слѣдующее поколѣніе.

Въ концѣ договора сказано: «На семь на всемъ целовали есмы крестъ межи собе у отня гроба по любви въ правду. А тутъ были.... Петръ Архимандритъ Московскій, Филимонъ Архимандритъ Переяславскій, Василій... Тысяцкой, Михайло Александровичъ... Васильевичъ, Василій Опатъевичъ, Онанья Околинъ... Иванъ Михайловичъ.⁷² Здѣсь являются уже свидѣтели договора, заключеннаго на гробѣ отцовскомъ, тѣ древніе посредники, третейскіе судьи княжескихъ споровъ, о которыхъ мы упомянули выше — члены духовенства и дружины.

Мы приведемъ еще одинъ договоръ, во-первыхъ, какъ примѣръ удѣльныхъ договоровъ, во-вторыхъ, какъ подтвержденіе нашихъ изысканій о княжескихъ договорахъ, изысканій, почерпнутыхъ изъ отрывочныхъ и неполныхъ извѣстій лѣтописныхъ.

Первая договорная грамота Великаго Князя Дмитрія Іоанновича съ двоюроднымъ его братомъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, учиненная при Митрополитѣ Алексѣѣ въ 1362 году:⁷³

НАЧАЛО ДОГОВОРА.

По благословенію отца нашего Олексѣя Митрополита всея Руси. Се азъ Князь Великій Дмитрий Ивановичъ докончалъ есмы зъ братомъ своимъ съ младшимъ со Княземъ Володиміромъ Андреевичемъ, цѣловали есмы крестъ у отца своего у Олексѣя у Митрополита всея Руси.

УСЛОВІЯ ОБЪ ОБОЮДНЫХЪ ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ.

Быти ны за одинъ; имѣти ми брата своего старѣйшего Князя Великаго Дмитрія въ отца мѣсто. А тобѣ брату мое-

му младшему держати ти подъ мною Княжење мое Великое честно и грозно, а добра ти мнѣ хотити во всемъ: а мнѣ Князю Великому тебе брата своего держати въ братьствѣ, безъ обиды во всемъ. А кто будетъ мнѣ брату своему старѣйшему другъ, то и тобѣ другъ; а кто будетъ мнѣ недругъ, то и тобѣ недругъ. А тобѣ брату моему младшему безъ мене не доканчивати, ни съсылатися ни съ кѣмже; также и мнѣ безъ тебе: а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля. А кто будетъ бояръ и слугъ къ тобѣ брату моему младшему отъ мене отѣхалъ до сего докончанья, или по семь докончанья къ тобѣ приѣдетъ, на тыхъ ми нелюбви не держати, также и отъ тебе кто отѣхалъ ко мнѣ до сего докончанья или по семь докончанья ко мнѣ приѣдетъ, на тыхъ ти нелюбви не держати. А чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тебе на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ себе по боярину, тѣ тому дѣлу учинятъ исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межѣ собѣ сопрутся, ѣхати имъ на третій кого собѣ изберуть тамо ѣхавъ перемолвятся. А въ твой ми удѣль грамотъ жаловальныхъ не давати; также и тобѣ въ мой удѣль и во все мое Великое Княжење не давати своихъ грамотъ; а которыя грамоты буду подавалъ, а тѣ ми грамоты отымати; а тобѣ также брату моему младшему грамоты отымати кому будешь подавалъ въ моемъ Княжењи. А который бояринъ поѣдетъ изъ кормленья отъ тебе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ; а любо служба отслужити ему. А коли ми будетъ гдѣ отпущати своихъ воеводъ изъ Великаго Княженья, а кто будетъ.... твоихъ бояръ и слугъ, тобѣ послати своихъ воеводъ съ моими воеводами вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто и ослушаетъ, того ми казнити, а тобѣ брату моему со мною. А кого коли оставити у тебѣ бояръ про то ти мене доложити, то ны учинити по згадцѣ кому будетъ слично ся остати, тому остатися; кому ѣхати, тому ѣхати. А тобѣ брату моему младшему мнѣ служити безъ ослу-

шанья по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ брату моему младшему; а мнѣ тобѣ кормити по твоей службѣ. А коли ти будетъ всѣсти со мною на конь, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ни живеть тѣмъ быти подъ твоимъ стягомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На семь на всемъ целовали есмы межѣ себе крестъ по любви въ правду безъ всякое хитрости.

Къ письменнымъ договорамъ привѣшивались на шуркахъ печати отъ каждой договаривающейся стороны. Печати эти были или восковыя или свинцовыя. До XV вѣка на нихъ изображались одни имена Князей, или образа соименныхъ имъ Святыхъ, а иногда разныя фигуры съ перстней. Великій Князь Василій Дмитріевичъ началъ употреблять въ гербѣ московскомъ воина, скачущаго на конѣ; но Іоаннъ III, женившись на Софїи Палеологъ, принялъ гербъ греческихъ императоровъ: двуглаваго съ распростертыми крыльями орла, и соединилъ его на своей печати съ гербомъ московскимъ, придавъ всаднику копьѣ, которымъ онъ поражаетъ дракона. Съ-тѣхъ-поръ этотъ гербъ сталъ государственнымъ гербомъ Россїи.

А. САХАРОВЪ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. «И сдумавше послаша къ Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путятю, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давылъ и Олегъ Торчина.» Л. Л. г. 6608 стр. 116.

2. Ип. Л. г. 6656, стр. 38 и 39,

3. «И потомъ оба скупившася по мѣсту Вячьславъ и Изяславъ, отрядиста сына своего Мьстислава къ королеви въ Угры, а королеви тако рекоста: «ты нама еси тако учинилъ, якоже можеть тако братъ роженный брату своему, или сынъ отцю, якоже ты нама помоглъ; вѣ же пакы, брате, собѣ молвивъ: нама дай Богъ нероздѣлно съ тобою быти ни чимъ же, но аче твоя обида кдѣ, а нама дай Богъ ту самѣмъ быти за твою обиду, или пакы братлею своею, или съ сынъми своими и полкы своими, а нама съ тобѣ не чимъ откупити сему, толико главою своею, якоже ты нама еси створилъ; нынѣ же такоже свое дѣло сверши добро, самого тебѣ не зовемъ, занеже царь ти ратенъ, но пусти намъ помочь, любо таку же, пакы а силнѣйшу того, пусти намъ съ братомъ своимъ Мьстиславомъ, а съ наю сыномъ, занеже Гюргій есть силенъ, а Давыдовичи и Олговичи съ нами суть, а чи и Половци дикѣи съ нимъ, а и тыи золотомъ узводити; нынѣ же, брате, сеѣ весны помози намъ, дажь будевѣ сеѣ весны вѣ порозна, а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ въ помочь, пакы ли ся ты отъ царя управиши, а ты буди намъ помощникъ; а все ти скажутъ твои мужи и братъ твой Мьстиславъ, како ны Богъ помоглъ, и пакы како ся по насъ яла Руская земля вся и Чернии Клобуци.» Ип. Л. стр. 57 и 58 г. 6659,

4. Ип. Л. стр. 38 г. 6656.

5. Ип. Л. стр. 38 г. 6656.

6. Ип. Л. стр. 156 г. 6710.

7. Ип. Л. стр. 109 г. 6682.

8. Ип. Л. стр. 40 г. 6656.

9. Ип. Л. стр. 148 г. 6704.

10. Ип. Л. стр. 42 г. 6657.

11. Ип. Л. стр. 45 г. 6657.

12. Ип. Л. стр. 31 г. 6655.

13. Ип. Л. стр. 72 г. 6660.

14. Ип. Л. стр. 72 и 76 г. 6660.

15. Ип. Л. стр. 37 г. 6656.

16. Ип. Л. стр. 30 г. 6655.

17. Ип. Л. стр. 85 г. 6667.

18. Л. Л. стр. 85 и 86 г. 6586. «Въ лѣто 6586, бѣже Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю отъ Всеволода, мѣсяца априля. Сѣдящю Святополку въ него мѣсто (вмѣсто Глѣба, сына Святослава) Новгородѣ, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смоленскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыи на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ же изиде противу има на Сѣжицѣ, и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту: убьень бысть Иванъ Жирославичъ и Тукы Чюлинъ братъ, Порѣй, ни мнози, мѣсяца августа въ 25. Олегъ же и Борисъ приоста Чернигову, мнище одолѣвше, а землѣ Русьскѣи много зло створше, проливше кровь хрестьянску, а же крове възыщеть Богъ отъ руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьянскы. Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Кіеву, цѣловавшася и сѣдоста; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: «Брате! не тужи: видиши ли, колико ся мнѣ склочи? первое, не выгнаша ли мене и имѣнѣе мое разграбиша? и пакы кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю брату своею? не блудилъ ли бѣхъ по чужимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ? не створихъ зла ничтоже и нынѣ, брате, не туживѣ; аще будетъ нама причастье въ Русьскѣи земли, то обѣма, аще лишена будевѣ, то оба, азъ сложю главу свою за тя.» И се рекъ, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вой отъ мала до велика; и поиде Изяславъ съ Ярополкомъ, сыномъ своимъ, и Всеволодъ съ Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша къ Чернигову, и Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду: Володимеръ же приступи ко вратамъ восточнымъ, отъ страженій отъ врата, и отвориша градъ околнѣи и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ днѣшнѣи градъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идеть Олегъ и Борисъ противу, Изяславъ же и Всеволодъ уранивше, поидоста отъ града противу Олгови. Рече же Олегъ къ Борисови: «не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четьрѣмъ княземъ; но после вѣ съ мольбою къ строема своимъ.» И рече ему Борисъ: «ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ;» похвалившея велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даетъ благодать, да не хвалится силенъ силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нежатицѣ Нивѣ, и отступив-

шимся обоимъ, бысть сѣча зла: первое убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившагося велми; Изяславу же стоящу въ цѣпцихъ, и внезапно приѣхавъ единъ, удари и копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославъ. Продолживъ бывши сѣчи, побѣже Олегъ въ малѣ дружинѣ, и одва утече; бѣжа Тмутороканю.»

19. Л. Л. стр. 78 г. 6581.

20. Ип. Л. подъ големъ 6654, стр. 23, рассказываетъ одинъ интересный случай. Кіевляне были недовольны тѣмъ, что въ 1146 г. Всеволодъ Ольговичъ хотѣлъ передать городъ ихъ брату своему Игорю, въ чемъ заставилъ присягнуть какъ Князей, ему подвластныхъ, такъ и самихъ Кіевлянъ. Послѣдніе, призывая къ себѣ Изяслава Мстиславича, сказали ему: «ты нашъ Князь, поѣди; Ольговичъ не хочетъ быть аны въ задничи.» Известно, что по Русской Правдѣ слово задница означаетъ наслѣдство.

21. Л. Л. стр. 109 г. 6605, Придоша Святополкъ, Владимиръ, Давыдъ Игоревичъ и Василько Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ, и братъ его Олегъ, и сняшася Любичи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: «почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да понѣ отселѣ имемъся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславу, Володимеръ Всеволожу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославу; а имъ же роздаялъ Всеволодъ города, Давыду Володимеръ, Ростиславичема Черемышь Володареви, Теробовль Василкови.» И на томъ цѣловаша крестъ, да еще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный;» рекоша вси: да будетъ на нь крестъ честный и вся земля Русьская» и цѣловавшеса поидоша всвояси.»

22. Л. Л. стр. 116 и 117 г. 6608.

23. Ип. Л. стр. 19 и 20 г. 6652. «Въ то же лѣто роскаторостася Всеволодъ съ Володимеркомъ про сына, оже сѣде сынъ его Володимира, и почаста на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестъную, Всеволодъ же съ братьею иде на нь.»

24. Ип. Л. стр. 19 г. 6650. «Въ то же лѣто Вячеславъ, смолвяся съ Всеволодомъ, да Изяславу Переяславль сыновцю своему, а Вячеславъ иде въ Туровъ, Всеволодъ же сынови своему Святославу отда Володимеръ.»

25. Ип. Л. стр. 16 г. 6648. «Начало княженія Всеволожа въ Кіевѣ Въ се же лѣто сѣдшю Всеволоду Кіевѣ и тогда нача слатися къ Во-

лодимеричемъ и со Мъстиславичема, хотя мира съ ними, и вабяше Князя Изяслава Мъстиславича изъ Володимеръ.

26. Ип. Л. стр. 16 г. 6648. «И не въсхотѣша ко Всеволоду того створити, но ссылахуться сами межю собою, хотяче на нь пойти Кіеву. Всеволодъ же не жда того, но иде на Андрея къ Переяславлю съ братомъ своимъ Святославомъ, а Изяслава Давыдовича посла, съ Половци Ивана Василковича, и Володаревича изъ Галича Володимерка, на Вячеслава и на Изяслава на Мъстиславича посла, самъ же иде къ Переяславлю на Андрея и съ братомъ Святославомъ: надѣя бо ся силѣ своей, самъ хотяше землю всю держати, искаше подъ Ростиславомъ Смоленска, а подъ Изяславомъ Володимера; и посла вое на Изяслава къ Володимерю, река: «иди изъ Володимеръ» — и дошедше Горинки, пополошився и вороташася».

27. Л. Л. стр. 133. г. 6646. «Ярополку же скопившю множество вой, Ростовце, Полочаны, Смолняне, Угры, Галичане и Берендѣевъ 30 тысячь, и Кыяне, Переяславци, Володимерци, Туровци, и бѣ множество вой: и поиде Чернигову, и люде Черниговци возпиша ко Всеволоду: «ты надѣшися бѣжати въ Половцѣ и т. д.»

28. Л. Л. стр. 134 г. 6647. Ип. Л. стр. 16 г. 6648.

29. «Въ то же лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль по хрестъному цѣлованью, акоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по братню повелѣнью, акоже бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ». Л. Л. стр. 132 г. 6640.

«Въ лѣто 6641. Преставися благовѣрный Князь Мъстиславъ, Володимеръ сынъ, оставивъ княженіе брату своему Ярополку, ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предастъ; преставися Мъстиславъ априля въ 15, празной недѣлѣ въ пятокъ, положенъ бысть у церкви святаго Ѳедора, южѣ бѣ самъ създаль, а Ярополкъ вниде въ Кіевъ въ 17 день, въ недѣлю. Томъ же лѣтѣ Ярополкъ приведе Всеволода Мъстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль; съ завтрія же сѣде въ немъ, а до обѣда выгна Юрьи стрый его и сѣдъ въ немъ 8 дній, и выведе братъ его Ярополкъ изъ Переяславля за хрестъное цѣлованіе, и посла Ярополкъ по другому Мъстиславича въ Полтескъ по Изяслава, приведе и съ клятвою.» Ип. Л. стр. 12 г. 6641.

30. «Преставися благоверный Великой Князь Ярополкъ Володимеричъ... И вниде по немъ въ Кіевъ Вячеславъ, братъ его. Людемъ же съ Митрополитомъ сригшимъ и, посадиша на столѣ отца его Владимира, мѣсяца февр. 22. Се же слышавъ Всеволодъ Ольговичъ, бѣ бо в то врѣмя во Вышегородѣ, и поиде изъ Вышегорода къ Кіеву съ полъки своими, и пришедъ ста у города въ Копыревѣ коньцѣ,

и нача закигати дворы, иже суть подъ городомъ, мѣсяца марта въ 4 день. Вячеславъ же противу не изыде, но хотя кровородитѣа, но высла къ нему Митрополита, рекъ: азъ, брате, придохъ здѣ по братии своей, Мстиславъ и Ярополцѣ, по отецъ нашихъ завѣщанню. Аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мѣйи тебѣ буду. Но отойди нынѣ Вышегороду, и азъ иду в переднюю свою власть, а Киевъ тебѣ.» Воскрес. Лѣт. Ч. 1. стр. 275—276.

31. Въ лѣто 6653. Посла Всеволодъ по братью свою, по Игорю и Святославу, и по Давыдовича по Володимира и Изяслава, и придеша Киеву; и тогда явися звѣзда в рекема на западѣ, псуущающи луча... и намъ Володимиръ посадилъ Мстислава сына своего по собѣ въ Киевѣ, а Мстиславъ Ярополка брата своего; а се я молвлю: оже ли Богъ поимать, то азъ по собѣ даю брату своему Игорю Киевъ.» И много замышлявшу Изяславу Мстиславичю, мужа бысть цѣловати крестъ. И сѣдшимъ всей братии въ Всеволода на сѣнехъ, и рече имъ Всеволодъ: «Игорю! цѣлуй крестъ, яко имѣти братью въ любовь, а Володимиръ, и Изяславъ и Святославъ цѣлуйте крестъ ко Игорю, что вы начнете дати, но по воли, а не по нужи.» — и цѣловаша на всей любви крестъ.» Ип. Л. стр. 21. г. 6653.

Какъ это извѣстїе поразительно сходно съ слѣдующимъ извѣстїемъ Лаврентьевской Лѣтописи:

«Въ лѣто 6562. Преставися Великий Князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да аще будете въ любви межа собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорять вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающесе, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣлъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ, но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ, сего послушайте, акоже послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Череваславъ, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смоленскъ.» И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни стонити; рекъ Изяславу: аще кто хоцетъ обидѣти брата своего, то ты помогай его же обидѣть.» И тако уряди сыны своя пребывати въ любви.» Л. Л. стр. 69 и 70. г. 6562.

32. Ип. Л. стр. 110 г. 6682.

33. Ип. Л. стр. 41 г. 6657.

34. Смотри нашу выписку при изслѣдованїи о времени письменныхъ договоровъ. Вотъ еще мѣсто: «И посла Гюрги и Святославъ послы своя къ Давыдовичема, рекуча: «брата поѣдита съ нама на Изяслава.» Володимиръ же Давыдовичъ и братъ его Изяславъ тако отвѣчаста Гюргеви, рекуче: «ты еси былъ къ нама хрестъ цѣловалъ, а Изяславъ пришелъ землю нашу повоевалъ и по Задесню города наша пожегъ; а нынѣ цѣловала есвѣ крестъ къ Изяславу Мстиславичю, съ тѣми же хочевѣ быти, а душею не можевѣ играти» — и отрекостася, и посластася къ Изяславу и повѣдаста ему, оже Гюрги идеть на нь и Святославъ Ольговичъ приде съ нимъ.» Ип. Л. стр. 42. г. 6657. Гюрги же поѣха у Киевъ, и множество народа выйде противу ему съ радостью великою, и сѣде на столѣ отца своего, хвала и славя Бога. И посла по Володимира по Давыдовича Чернигову и прїѣха Володимеръ къ Гюргеви и поклонися ему.» Ип. Л. стр. 45 г. 6657.

35. Мы не представляемъ здѣсь полного развитїя нашей мысли, достаточно, какъ намъ кажется, подкрѣпленной вышеприведенными доказательствами, потому, что для того требуется долговременное и глубокое изученїе сравнительное всѣхъ нашихъ лѣтописей, и не можетъ быть предметомъ срочной работы. Упомянутые нами договоры Всеволода съ Владиміркомъ и Ярополка съ Юріемъ показываютъ, до какой степени требуетъ вниманїа каждая строчка лѣтописи.

36. Утрии же день присла Вячеславъ къ Изяславу, и рече ему: сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь возложилъ, акы на своемъ отци; а язъ паки, сыну, тобѣ молвлю: язъ есмь уже старъ, а всихъ рядовъ не могу уже рядити, но будевѣ оба Киевѣ; а чи намъ будетъ который рядъ или хрестьяныхъ или поганыхъ, а идевѣ оба по мѣсту, а дружина моя и полкъ мой, а то буди обою нама, ты же ряди, а чи идѣ намъ будетъ мочно обѣима ѣхати, а оба ѣдевѣ, паки ли а ты ѣзди съ моимъ полкомъ и съ своимъ.» Ип. Л. стр. 57 г. 6659.

37. Тое же весны вда Мстиславъ Ростиславу Киевъ подъ собою, а самъ иде Володимерю.» Л. Л. стр. 149. г. 6666.

38. Той же зимѣ посла Андрей сына своего Мстислава съ полкы своими, изъ Суждаля, на Киевского Князя на Мстислава на Изяславича, съ Ростовци и съ Володимерци и съ Суждальци и иныхъ Князей 11 и Бориса Жидиславича... Взятъ же бысть Киевъ мѣсяца марта въ 8, въ второѣ недѣли поста въ среду, и грабиша за 2 дни весь градъ. Мстиславъ же Андреевичъ посади стрыя своего Глѣба Киевъ на столѣ, мѣсяца марта въ 8; Глѣбъ же дасть сынови своему Володимиру Череваславъ, а Мстиславъ Андреевичъ поиде въ Суж-

даль къ отцю Андрееви, съ великою честию и славою.» Л. Л. стр. 151 г. 6676. и Ип. стр. 100 г. 6679.

39. «Того же лѣта преставися Князь Киевскый Святославъ, и положенъ бысть въ монастыри въ церкви святаго Кирила, юже бѣ соудаль отецъ его; и посла Великий Князь Всеволодъ мужѣ своѣ въ Киевѣ и посади въ Киевѣ Рюрика Ростиславича.» Л. Л. стр. 173. г. 6703.

40. «Того же лѣта присла Всеволодъ, Князь Суждальсцы, послы своя ко свату своему Рюрикови, река ему тако: «вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Киевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ въ Руской землѣ, по роздалъ еси инѣмъ молодѣющимъ братья своей и т. д.» Ип. Л. стр. 144 г. 6703.

41. Въ пользу нашего мнѣнія о надѣленіи волостями, какъ непремѣнномъ условіи княжескихъ договоровъ, кромѣ мѣста, приведеннаго въ примѣчаніи 5, можно привести еще слѣдующее:

«По Ростиславли смерти начаша слати по Мъстислава братья, Володимеръ Мъстиславичъ, Рюрикъ, Давыдъ, и Кіане отъ себя послаша, черные клобуки отъ себе послаша; Мъстиславъ же посла Володислава Воротиславича передъ собою къ Василкови къ Ярополчичю, веля ему сѣдѣти Киевѣ до себе, и тиунъ свой посла. И начаша пріятли Мстиславли повѣдати Василкови и Володиславу, оже Володимеръ Мъстиславичъ и Андреевичъ, и Ярославъ Мстиславъ братъ и Рюрикъ, и Давыдъ, цѣловали крестъ, якоже взяти имъ волость у Мъстислава по своей волѣ.... И тако начаша ея радити о волость, пличе межи собою, Рюрикъ и Давыдъ и Володимеръ съ Мъстиславомъ, и уладившеся о волость цѣловаша крестъ. Мъстиславъ же у понедѣльникъ вниде въ Киевѣ.... Вниде Мъстиславъ въ градъ мѣсяца мая въ 15 день, и сѣдѣ на столѣ Ярославли и отца своего и лѣдъ своихъ». Ип. Л. стр. 96 г. 6677.

42. Ип. Л. стр. 150 г. 6704.

43. Ип. Л. стр. 39 г. 6656.

44. Ип. Л. стр. 68 г. 6660.

45. Ип. Л. стр. 57 г. 6688.

46. Ип. Л. стр. 39 г. 6656.

47. Ип. Л. стр. 57 г. 6688.

48. «И то имъ рекъ противу отпусти послы ихъ, а къ Ростиславу, брату своему, посла мужи свои, река ему: «се братья прислали ко мнѣ, Володимеръ и Изяславъ Давыдовича и Святославъ Олговичъ, и Святославъ Всеволодичъ, мира прося; а язъ пакы гадаю съ тобою, а како будетъ обѣима нама годно, а язъ на тобѣ укладываю». Ростис-

славъ же отвѣща брату своему Изяславу, рече: «Брате! кланяются, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь; аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ, брате, и т. д. Ип. Л. стр. 38 г. 6656.

49. «Изяславъ же се слышавъ, посла брата своего Ростислава и Всеволодича Святослава на стрыя своего Вячслава и пр. «Ип. Л. стр. 25. г. 6654.» Давыдовича же рекоста: «се есѣ зачала дѣло зло, а свершивъ до конца братоубиство; пойдивъ, искоренивъ Святослава и переимевъ волость его; сгадаша же то и *вспросиша* Изяслава ити на Святослава Новгороду.» «Ип. Л. стр. 25 и 26 г. 6654.» И тако испросивъся у Изяслава у Мъстиславича и у Владиміра у брата своего и поѣха.» Ип. Л. стр. 27 г. 6654.

50. «И постави Гюрги сыны своя поправу, а Святослава Олговича по лѣву и сыновца его Всеволодича Святослава.» Ип. Л. стр. 44 г. 6657. «И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его Всеволодъ, а по лѣву Святославъ сыновца его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другій полкъ Ярославъ, иже бяху съ Оль.

51. «И рече имъ Всеволодъ: «повабливаетъ мене Володиславъ, Лядскій Князь, на брата своя; и рече Игорь: «Не ходи ты, но поидемъ мы.» Ип. Л. стр. 21 г. 6653. Глѣбъ же се слышавъ, хотѣ на нь самъ ити, Берендѣве же яша за поводъ рекуще: «Княже! не ѣзди; тобѣ лѣпо ѣздити въ велицѣ полку, еда совокупишися съ братьею, а нынѣ пошли брата котораго любо и Берендѣвѣ нѣколико.» Л. Л. стр. 153 г. 6677.

52. «И посла Мъстиславъ Изяславичъ къ Володимиру и къ Изяславу Давыдовичема, и рече има: «братъ ваю, а мой отецъ, тако реклѣ: къ городу же не приступайте, доколѣ же приду азъ, а како же угадаемъ, тако створимъ»; она же рекоста тако: «аже тако братъ велѣлъ, а тако и учинимъ» и не доидуча пакы града, стаста близъ.» Ип. Л. стр. 26. г. 6654.

53. 54. «Того же лѣта Святославъ поѣха къ Киеву; мольваше же Романови Святославъ: «Брате! я не ищю подъ тобою ничега же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся Князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову; а Давыдъ виноватъ;» онъ же того не створи. «Ип. Л. стр. 119 г. 6685.» И нача Володимеръ Мъстиславичъ думати на Мъстислава; и ту бѣ въ то веремея мужъ Давыдовъ Василь Настасичъ, и пріѣхавъ повѣда Князю своему, Давыдъ же яви брату Мъстиславу; Володимеръ же увѣдавъ, оже Мъстиславу, явлена бысть душа его, и пріѣха оправливаться. И пріѣха Мъстиславъ у Печерскій монастырь, и за нимъ Володимеръ пріѣха, и повелѣ ему съсѣсти въ инокомли кельи, а самъ съсѣде въ игумени кельи; и пославъ къ не-

му Мьстиславъ и рече: «Брате! что дѣла еси прѣхалъ? а язъ по ты не посылаю.» И присла Володимиръ дьячка Имормыжа, рече: «Брате! слышалъ есмь, оже суть молвили на мя зліи чловѣци.» Рече Мьстиславъ: «повѣдалъ ми братъ Давыдъ.» И послаша къ Давыдови Вышегороду; и присла Давыдъ Василя на тяжю, и пристави къ нему Радила тысячьскаго и Василя Волковича. И пакы прождавъ Мьстиславъ 3 дни, и прѣхаша ту же въ Печерскій монастырь, и Володимиръ присла мужи свои, Рагуйла и Михаля; и вачаша спираться съ Васильемъ, и выльзе послухъ по Василю Давыль Борыничъ. Мьстиславъ же положи то на Бозѣ, и рече Володимиру: «Брате! крестъ еси цѣловалъ, а еще ти ни уста же осхла, но обаче то есть отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ утверженіе, а кто преступить, а Богъ ему буди судья; а нынѣ яко на мя еси не думалъ, и не ищещи ми лиха, цѣлуй ми крестъ.» «Володимиръ же рече: «Радъ, брате цѣлую, а то все на мя лжа» и цѣлова крестъ». Ип. Л. стр. 96 и 97 г. 6677. И то слышавъ Изяславъ, и посла по Ростислава по Гюргевиича; и въ то вереме стояше Изяславъ противу святому Михаилу у Выдобыча, въ островѣ, Ростиславъ же прѣхаша ту. Изяславъ же посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины вльзе въ насадъ, съ тѣми же и перевезоша и и поставиша ему шатеръ особно; и ту повелѣ Изяславъ Ростиславу высѣсти и иги въ шатеръ. И посла къ нему мужи свои, и рече ему: «се, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пришелъ, оже отецъ ты пріобидилъ и волости ти не далъ; язъ же ты пріялъ въ правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь далъ, ако ни отецъ того вдаль что я тобѣ вдаль, и еще есмь и Руской земли приказалъ стеречи тобѣ; а то ти есмь реклъ: се язъ, брате, иду на отца твоего, а на своего стрья, атъ постережи Руской земли, любо ся съ нимъ умирю, пакы ли а како мя съ нимъ Богъ управить; ты же еси, брате, удумалъ былъ тако, оже на мя Богъ отцю твоему помоглъ, и тобѣ было вѣхавши въ Кіевъ, брата моего яги, и сына моего и жена моя и домъ мой взяти.» Ростиславъ же ему то отвѣча: «Брате и отце! ако ни въ умѣ своемъ, ни на сердци ми того не было; пакы ли на мя кто молвить, Князь ли который, а се язъ къ нему, мужъ ли который въ хрестьяныхъ или въ поганыхъ, а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди.» Изяславъ же рече ему: «того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити съ хрестьяными или съ погаными, а нынѣ я того тобѣ не творю; но поиди къ своему отцю.» И тако ведше всадиша и въ насадъ, съ 4-ми отроками, а дружину его изомаша, а товаръ отъвѣша.» Ип. Л. стр. 41 г. 6657.

55. Тое же зимы приде Изяславъ съ Половци, и повоева волость Смолинскую и пославъ къ Андрѣви къ Гюргевиичю Ростову и проси у него дщери за своего сыновца за Святослава.» Л. Л. стр. 150 г.

6667. «Въ то же вереме Изяславъ, сгадавъ съ зятемъ своимъ Королемъ и съ сестрою своею Королевою, и пошла у Бана дщерь за Володимера и послаша ю, и т. д.» Ип. Л. стр. 53 г. 6658. «Того же лѣта призва Всеволодъ Гюргевиичъ Володимира Святославича къ собѣ Володимерю и вда за нь свою братаньку Михалкову дщерь; иде Володимеръ съ женою къ Чернигову къ отцю, ту бо живяше Святославъ пришелъ изъ Кіева.» Ип. Л. стр. 121 г. 6687. Это право было однимъ изъ главныхъ атрибутовъ удѣльной независимости и потому принадлежало также городамъ: «Тое же зимы ожениша Новгородцы Мстислава Гюргевиича и пошла за нь Петровну Михалковича.» Л. Л. г. 6663 стр. 148. Здѣсь въ независимости Князя городъ видить свою независимость.—Сравните также рассказъ Лѣтописи о Древлянахъ, хотѣвшихъ женить Князя своего Мьла на Княгинѣ Ольгѣ.

56. «Въ лѣто 6678. Вложи Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяше добра всемъ сердцемъ: и съзва братью свою и нача думать съ ними, река имъ тако: «братье! пожалтеся о Руской земли и о своей отци и дѣдинѣ, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ свои, а съ нами рогу взимающе, всегда переступающе; а уже у насъ и Гречьскій путь изьотимають, и Солянній, и Залозный; а лѣпо ны, было, братье, възряче на Божию помощь и на молитву святоѣ Богородици, опои-скати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести.» И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братѣ, и мужемъ ихъ. И речеша ему братья вся: «Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ такую мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за хрестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтенномъ быти.» Посла же Чернигову къ Олговичемъ всемъ и къ Всеволодичема, веля имъ быти всемъ у себе: баху бо тогда Олговичи въ Мьстиславли воли; и всемъ угодна бысть дума Мьстиславля. И съвѣкушвишеся вся братья Кіевѣ, Рюрикъ и Давыдъ, полкъ весь, самому ему не здравующю, и Всеволодича Святославъ и Ярославъ, Олегъ Святославичъ, братъ его Всеволодъ, Ярославъ изъ Лучьска, Ярополкъ, Мьстиславъ Всеволодовичъ Святрополкъ Гюргевиичъ Глѣбъ изъ Переяславля, братъ его Михаилу, и иніи мнози, възрѣвши на Божию помощь и на силу честнаго хреста и на молитву святоѣ Богородици, и поидоша изъ Кіева мѣсяца марта въ 2 день, въ день суботный середохрестьяноѣ недѣли.» Ип. Л. стр. 97 и 78 г. 6678.

57. И съвѣхавшеся Изяславъ, Володимиръ Давыдовича съ Мьстиславомъ Изяславичемъ, сдумавше послашеся противу Изяславу Мьстиславичю, а сами поидоша къ Путивли, на Рожество Христова, и тако приступиша къ граду; и не вдашася имъ Путивлечи,

дондеже приде Изяславъ съ силою Кіевскою. Онѣмъ же крѣпко быющимъ съ града, поѣхоста Давыдовича и рекоста имъ: «не бейтеся, цѣлуимы на томъ святою Богородицю, оже не дати васъ на полонъ»—они же не дашася имъ. И приде Изяславъ Мьстиславличъ съ полкы своими къ нимъ: они же выслася къ Изяславу Мьстиславличю и поклонилася ему, и тако рекоша: «тебе есмы ждали, Княже, а цѣлуй къ намъ хрестъ»—Изяславъ же цѣлова къ нимъ хрестъ и посадника ихъ выведе, а своего у нихъ посади. И ту дворъ Святославль разделъ на 4 части, и скотыницѣ бретьяниці и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ погребѣхъ было 500 берковьсковъ меду, а вина 80 корчахъ; и церковь святаго Възнесенія всю облупиша, съсуды серебряныя, и видитьбѣ, и платы служебныя, а все шито золотомъ, и кадѣльничѣ двѣ, и кащи, и еуангеліе ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ничтоже кояжа, но все раздѣлиша, и гельди 7 сотъ.» Ип. Л. стр. 27 г. 6654.

58. «И начаша и срѣтати лутшіи мужи Смолняны за 300 верстѣ, и затѣмъ усрѣтоша ѿ внуци, и затѣмъ усрѣте ѿ сынъ Романъ и епископъ Мануилъ и Внѣздъ, и малъ не весь градъ изиде противу ему; и тако вельми обрадовашася вси приходу его и множество даровъ подаваше ему. Ип. Л. стр. 94 г. 6674.

59. Ип. стр. 72 и 73. г. 6660.

60. Ип. Л. стр. 57 г. 6688.

61. Ип. Л. стр. 39 г. 6656.

62. «О цѣлованіи креста можно видѣть изъ множества приведенныхъ нами выше мѣстъ. О цѣлованіи образа св. Богородицы: «Выславъ же Глѣбъ и рече Изяславу: «ако миѣ Гюрги отецъ, тако миѣ и ты отецъ, а язъ ти съ кланяю; ты ея съ моимъ отнемъ самъ вѣдаешь, а мене пусти отцю и цѣлуй по миѣ святою Богородицю, ано мене не промещи, но пустиши мя къ отцю своему; а язъ къ тебѣ самъ поѣду и поклоню ти ся.» Ип. Л. стр. стр. 49 г. 6658.» О томъ, что прикладывались къ мощамъ: «Вячеславъ же то слышавъ и любо бысть ему, и тако цѣловаста хрестъ у святаго мученику на гробѣ, на томъ: Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыновъ Изяслава—на томъ же и мужи его цѣловаша хрестъ, ако межи има добра хотѣти, и чести его, стеречи, а не сваживати его.» Ип. Л. стр. 50 г. 6658.

63 и 64. «Въ лѣто 6703. Посла Рюрикъ по брата своего по Давыда къ Смоленску, река ему: «брате, се вѣ осталася старѣйши всѣхъ въ Русьской земли, а поѣди ко миѣ Кыеву; что будетъ о Русьской землѣ думы и о братьи своей, о Володимерѣ племени, и то все укончаевѣ, а сами ся во здоровьи видѣвѣ.» И поиде Давыдъ изъ Смоленска въ лодяхъ Смолняны, и приде Вышегородъ во среду русанкой недѣлѣ;

и позва и Рюрикъ на обѣдъ, Давыдъ же пріѣха ко Рюрикови на обѣдъ, и быша въ любви велици и во весельи мнозѣ, и даривъ дары многими и отпусти и. И оттолѣ позва сыновець его Ростиславъ Рюриковичъ къ собѣ на обѣдъ ко Бѣлугороду. Давыдъ же пріѣха къ Бѣлугороду, и ту пребыша въ весельи велицѣ и въ любви мнозѣ; Ростиславъ одаривъ дары многими и отпусти ихъ. Давыдъ же позва Великаго Князя Рюрика на обѣдъ къ собѣ, брата своего, и дѣти его, и ту пребыша въ весельи и въ любви велицѣ, и одаривъ Давыдъ брата своего Рюрика дарми многими и отпусти и; потомъ же Давыдъ позва монастырѣ всѣ на обѣдъ, и бысть съ ними веселье и милостыню силну раздава имъ и нищимъ, и отпусти и; потомъ же позва Давыдъ Чернии Клобуци вси, и ту попишася у него вси Чернии Клобуци, и одаривъ ихъ дарми многими и отпусти ихъ. Кыяне же почаша звати Давыда на пиръ, и подаваючи ему честь велику и дары многи; Давыдъ же позва Кыяне къ собѣ на обѣдъ, и ту бысть съ ними въ весельи мнозѣ и во любви велици, и отпусти ихъ. И съ братомъ своимъ Рюрикомъ ряды вся уконча о Руской землѣ, и о братьи своей, о Володимерѣ племени, и иде Давыдъ во свой Смоленскъ». Ип. Л. стр. 144 г. 6703. Мы нарочно выписали это весьма интересное извѣстіе Лѣтописи, потому-что оно объясняетъ многія стороны тогдашняго быта. Здѣсь означенъ и порядокъ пировъ; а исчисленіе участвующихъ прямо указываетъ на то, что договоръ этотъ былъ совершенъ при посредничествѣ духовенства, Кіевлянъ и дружины. (См. слѣдующее примѣчаніе) Однимъ-словомъ, договоры тогдашняго времени были не что иное какъ *братчины* Князей, отсюда названіе Князей братьями и другими родственными именами, выражавшими, что Князья живутъ въ мирѣ, въ любви, въ братствѣ, или, вообще, неврагами. Впрочемъ не надо слишкомъ увлекаться этими названіями: Іоаннъ III называлъ и Максимилиана I, Императора Германскаго, братомъ, и не одного его, но всѣхъ значительныхъ Государей, съ которыми входилъ въ сношенія.

65. О посредничествѣ Князей: «И поча Володимеръ слати ко Игореву: «оже мя умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животѣ помогу ти про Кіевъ»; и тако прельсти Игоря. Игорь же нача молитися къ Всеволоду, молбою и гнѣваяся, река: «не хоцещи ми добра; про што ми обреклъ еси Кіевъ, а пріятель ми не даси пріимати». И послуша его Всеволодъ, томъ же дни створи миръ къ вечеру; и выѣха Володимеръ и поклонися Всеволоду». Ип. Л. стр. 20 г. 6652. О посредничествѣ духовенства: «Рюрикъ же призва Митрополита Микифора и сказа ему все крестное цѣлованіе къ Романови, про волость, про что же и рать возставааетъ со Всеволодомъ. И рече Митрополитъ Рюрикови: «Княже! мы есмы приставлены въ Руской землѣ отъ Бога возтагивати васъ отъ кровопролитья; ажь ся прольяти крови крестьянской въ Руской землѣ, ажь еси далъ волость молодъшему, въ облазнь предъ старѣйшимъ, и крестъ еси къ нему цѣловалъ, а нынѣ азъ

снимаю съ тебе крестное цѣлованіе и взимаю на ся; а ты послушай мене, возми волость у зятя у своего дай же старѣйшому, а Романови даси иную въ тое мѣсто». Ип. Л. стр. 145 г. 6703.

66. «Томъ же лѣтъ посласта Давыдъ и Мьстиславъ по стрья своего Дорогобужю, вабаче и Кыевъ на столъ; онъ же, преступивъ крестъ къ ротникомъ своимъ къ Ярославу и ко Мьстиславичемъ, иде Кіеву, утаився, а сына своего Мьстислава посади Дорогобужю». Ип. Л. стр. 107 г. 6681.

67. «И то слышавъ Изяславъ, и посла по Ростислава по Гюргеви-ча; и въ то время стояше Изяславъ противу святому Михаилу у Выдобыча, въ островѣ, Ростиславъ же прѣѣха ту. Изяславъ же посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины вѣзе въ насадъ, съ тѣми же и перевезоша и поставиша ему шатерь особно; и ту повелъ Изяславъ Ростиславу выѣсти и ити въ шатерь. И посла къ нему мужи свои, и рече ему: «сее, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пришель, оже отецъ ты пріобидилъ и волости ти не далъ; язь же ты пріялъ въ правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь далъ, ако ни отецъ того вдалъ, что я тобѣ вдалъ, и еще есмь и Русской земли приказалъ стеречи тебѣ; а то ти есмь реклъ: се язь, брате, иду на отца твоего, а на своего стрья, ать постережи Руской земли, любо ся съ нимъ умирю, пакы ли а како мя съ нимъ Богъ управить: ты же еси, брате, удумалъ былъ тако, оже на мя Богъ отцю твоему помогъ, и тобѣ было вѣхавши въ Кіевъ, брата моего яти, и сына моего, и жена моя, и домъ мой взяти». Ростиславъ же ему то отвѣча: «брате и отце! ако ни въ умѣ своемъ ни на сердца ми того не было; пакы ли на мя кто молвить, Князь ли который, а се язь къ нему, мужъ ли который въ хрестьяныхъ или въ поганыхъ, а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Изяславъ же рече ему: «того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити съ хрестьяными или съ погаными, а нынѣ я того тобѣ не творю; но поиди къ своему отцю». И тако ведше всадиша и въ насадъ, съ 4 мы отроки, а дружину его изымаша, а товаръ отъяша. Ип. Л. стр. 41 г. 6657.

68. Ип. Л. стр. 72 г. 6660. Смотри также вышеприведенные нами договоры Рюрика Кіевского съ Всеволодомъ Суздальскимъ и договоръ Всеволода Ольговича съ Владиміромъ Галицкимъ при изслѣдованіи о времени крестныхъ грамотъ.

69. Ип. Л. стр. 72 г. 6660.

70. Ип. Л. стр. 140 г. 6698.

71. Ип. Л. стр. 148 г. 6703.

72. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ Т. I № 23.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Любезнѣйшій сынъ Нашъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, къ утѣшенію Нашему, достигъ, 13-го мѣсяца октября, опредѣленнаго основными законами Имперіи совершеннѣйшаго, а нынѣ, слѣдуя священному ихъ установленію, произнесъ предъ лицемъ Сердцевѣдца Бога торжественную присягу на служеніе Намъ и Государству.

Господь, доселѣ хранившій Его подъ святымъ Своимъ покровомъ, да благословитъ и дальнѣйшее, подлежащее Ему поприще жизни. Да идетъ Онъ, руководимый вѣрою и вѣрностію, путемъ чести и славы, памятуя дѣянія великихъ нашихъ Предковъ.

К. XI. — Отд. II.

Призываемъ всѣхъ любезныхъ Нашихъ подданныхъ соединить усердныя молитвы ихъ съ Нашими о Немъ мольбами, и принять искреннейшее участіе въ чувствованіяхъ, сердце Наше наполняющихъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 26-го ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второе; Царствованія же Нашего въ двадцать восьмое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Н И К О Л А Й».

ВЫСОЧАЙШЕ РЕСКРИПТЫ:

1) На имя Члена Государственнаго Совѣта, Предсѣдательствующаго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса *Князя Голицына*.

Князь Сергій Михайловичъ! Вѣрная и неутомимая служба и долготѣніе труды по должности, возложенной на васъ еще Блаженныя памяти Нашею Родительницею, обращали постоянно на васъ Ея вниманіе. Раздѣляя совокупно съ Любезнѣйшею Супругою Моею то особенное уваженіе и признательность, которыми Ея Императорское Величество васъ удостоивала, Я призналъ справедливымъ, указомъ, сего числа даннымъ Правительствующему Сенату, произвестъ васъ въ 1-й классъ, желая симъ явить вамъ новый знакъ особеннаго Моего къ вамъ благоволенія.

Пребываю къ вамъ всегда благосклонный.

2) На имя Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа *Блудова*.

Графъ Дмитрій Николаевичъ! Съ самаго вступленія Моего на Престоль, убѣдясь въ отличныхъ способностяхъ вашихъ, просвѣщенномъ умѣ и столь всегда цѣпимой Мною благонамѣренности, употреблялъ Я васъ для занятія важнѣйшими Государственными дѣлами, и постепенно расширяя кругъ вашихъ дѣйствій, имѣлъ истинное удовольствіе видѣть, съ какимъ усердіемъ, лично ко Мнѣ преданностію и успѣхомъ, соверша-

ли вы все, Мною на васъ возлагаемое. Второе и приготовляемое нынѣ третіе изданіе Свода Законовъ Имперіи, въ особенності свидѣтельствуютъ предъ лицомъ Отечества достоинство трудовъ вашихъ, на пользу его подъемлемыхъ. Въ новое ознаменованіе искренней, душевной Моей признательности, жалуя вамъ препровождаемый при семъ Портретъ Мой, брилліантами украшенный, для ношенія въ петлицѣ, пребывая въ вамъ навсегда благосклонный.

3) На имя Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта Графа *Закревскаго*.

Графъ Арсеній Андреевичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ Я принесенное вами, отъ лица всѣхъ жителей Москвы, поздравленіе со днемъ Тезоименитства Моего. Цѣня вполне выраженныя ими чувства любви и преданности, Мнѣ пріятно повторить вамъ и всѣмъ жителямъ Первопрестольной Столицы Нашей душевную Мою признательность.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

4) На имя Г. Начальника 1-й Гвардейской Пѣхотной Дивизіи, Генераль-Лейтенанта *фонъ-Моллера 1-го*.

Господинъ Генераль-Лейтенантъ фонъ-Моллеръ 1-й. Въ знакъ Моего особеннаго къ вамъ благоволенія, за отличнo-усердное и полезное служеніе ваше, и за превосходное состояніе ввѣренной вамъ Дивизіи, по ходатайству Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Гвардейскими и Гренадерскими Корпусами, жалуя вамъ, препровождаемую при семъ табакерку съ портретомъ Моимъ, украшенную алмазами.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

5) На имя Г. Начальника 2-й Гвардейской Пѣхотной Дивизіи, Генераль-Лейтенанта *Офросимова*.

Господинъ Генераль-Лейтенантъ Офросимовъ. Желая изъ-

явить вамъ совершенное Мое благоволеніе за отлично-усердную полезную службу вашу и за превосходное состояніе ввѣренной вамъ Дивизіи, по ходатайству Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Гвардейскими и Гренадерскими Корпусами, жалую вамъ, препровождаемую при семъ украшенную алмазами табакерку съ Моимъ портретомъ.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«**Н И К О Л А Й**».

С.-Петербургъ, декабря 6-го дня 1852 года.

6) *На имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Генералъ-Адъютанта Бибикова.*

Дмитрій Гавриловичъ! Въ постоянномъ попеченіи о благоустройствѣ состоящихъ подъ Моимъ покровительствомъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній, обращая вниманіе на Кіевскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ и тамошнее Училище Графини Левашевой, Я съ особеннымъ душевнымъ удовольствіемъ усматриваю, что оба сіи учрежденія, въ недавнее время возникшія, утвердились на прочныхъ основаніяхъ, и въ полной мѣрѣ достигаютъ предназначенной имъ цѣли. Такимъ утѣшительнымъ и отраднымъ для сердца Моего преуспѣаніемъ, сіи разсадники женскаго образованія обязаны вашимъ ревностнымъ и неуспыннымъ заботамъ о благѣ воспитывающагося въ нихъ юношества. Несмотря на важныя и многосложныя обязанности по управленію ввѣренными вамъ краемъ, вы съ неутомимымъ усердіемъ посвящали труды ваши для приведенія въ цвѣтущее состояніе какъ Института, такъ и Училища, изъ коихъ послѣднему сооружено вами прекрасное зданіе.

Вполнѣ цѣня попеченія ваши о Моихъ заведеніяхъ, нынѣ, по призваніи васъ на новое поприще государственнаго служенія, пріятнѣйшимъ для Себя долгомъ поставляю изъявить вамъ чувство искреннѣйшей Моей признательности и совершеннаго благоволенія.

Впрочемъ пребываю къ вамъ навсегда благосклонною.

Въ С.-Петербургѣ, 4-го ноября 1852 года.

7) *На имя Совѣта С.-Петербургскаго Женскаго Патриотическаго Общества.*

Вселоубиѣйшая Невѣстка Моя, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Іосифовна, изъявила желаніе принять участіе въ благотворительныхъ дѣйствіяхъ Женскаго Патриотическаго Общества. Я съ полнымъ удовольствіемъ приняла сей отрадный для Меня вызовъ Ея Императорскаго Высочества, и получивъ на сіе соизволеніе Государя Императора и согласіе Государя Великаго Князя Константина Николаевича, предлагаю Совѣту Общества принять Ея Императорское Высочество въ число Дѣйствительныхъ Членовъ онаго, съ предоставленіемъ вѣдѣнію Ея учрежденной Мною Михайловской частной школы. Не сомнѣваюсь, что сіе новое назначеніе послужитъ Патриотическому Обществу вѣщимъ доказательствомъ Моего вниманія къ благотворнымъ его трудамъ и всегдашняго Моего благоволенія.

На подлинныхъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано:

«**А Л Е К С А Н Д Р А**».

С.-Петербургъ, 22-го ноября 1852 года.

ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ,

за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данные

а) Правительствующему Сенату:

Ноября 26. «Любезнѣйшему Сыну Нашему, Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу, Командующему Гвардейскими и Гренадерскими Корпусами, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть: Главнокомандующимъ сими Корпусами, съ сохраненіемъ прочихъ званій и должностей».

— «Любезнѣйшаго Сына Нашего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Николая Николаевича, Всемилостивѣйше назначаемъ Генераль-Инспекторомъ по Инженерной части.»

— «Любезнѣйшаго Сына Нашего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича, Всемилостивѣйше Назначаемъ Генераль-Фельдцейхмейстеромъ.»

Декабря 6. «Принявъ во вниманіе, что Любезнѣйшіе Внуки Наши, Ихъ Императорскія Высочества Князя: Николай, Евгений, Сергій и Георгій Максимилановичи, и Княжны Марія и Евгения Максимилановны, Дѣти Любезнѣйшей Дочери Нашей, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, и Его Императорскаго Высочества, Покойнаго Герцога Максимилана Лейхтенбергскаго, рожденные въ Россіи и воспріявшіе Святое Крещеніе въ Православной Каѳолической Восточной Церкви, тѣмъ самымъ уже усвоены Любезному Отечеству Нашему, признали Мы за благо даровать Имъ, въ ознаменованіе происхожденія Ихъ отъ Незабвеннаго Родоначальника Дома Нашего, наименованіе Князей и Княженъ Романовскихъ. Пожалованный Имъ титулъ Императорскихъ Высочествъ сохраняется въ мужескомъ Ихъ поколѣніи до праправнуковъ нашихъ включительно. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащаго по сему распоряженія. Утвержденный нами для Ихъ Императорскихъ Высочествъ Князей и Княженъ Романовскихъ гербъ Повелѣли Мы Министру Двора Нашего препроводить въ Правительствующій Сенатъ».

б) Господину Управляющему Военнымъ Министерствомъ.

Ноября 9. «Принимая во вниманіе просвѣщенное содѣйствіе, оказанное Мнѣ Генераль-Адъютантомъ Княземъ Чернышевымъ къ учрежденію Военной Академіи и постепенному, въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ, развитію ея дѣйствій на пользу Арміи и военныхъ наукъ, назначаю его Почетнымъ Президентомъ сей Академіи.

Управление симъ высшимъ Учебнымъ Заведеніемъ остается на существующихъ нынѣ основаніяхъ».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

По Военному Министерству-

Военный Совѣтъ, рассмотрѣвъ предположеніе Попечителя Императорской Медико-Хирургической Академіи о раздѣленіи занятій конференціи этой Академіи на административныя и ученныя, и находя, что раздѣленіе это не составляетъ существеннаго измѣненія въ уставѣ Академіи, и имѣетъ цѣлю способствовать успѣхамъ врачебной науки, не нашелъ съ своей стороны никакого препятствія къ приведенію этого предположенія въ исполненіе, а потому и положилъ:

1) Занятія конференціи Медико-Хирургической Академіи раздѣлить на засѣданія административныя и ученныя, съ тѣмъ, чтобы первыя, согласно ст. 23-й устава Академіи (прил. къ ст. II-й кн. III-й части I-й Свод. Воен. Пост. по продолж. III-му), собирались по мѣрѣ надобности, а послѣднія не менѣе одного раза въ мѣсяць, по усмотрѣнію Президента.

2) Въ засѣданіяхъ административныхъ предоставить Конференціи заниматься предметами, поименованными въ ст. 33-й Устава Академическаго (прил. къ ст. II-й кн. III-й час. I-й Свода Воен. Постановл. по продолж. III-му), за исключеніемъ избранія Почетныхъ Членовъ и Корреспондентовъ и сужденія о сочиненіяхъ, предназначаемыхъ къ изданію отъ Академіи, на счетъ ея суммъ.

3) Въ засѣданіяхъ ученыхъ заниматься чтеніемъ сочиненій и ученыхъ трактатовъ Ординарныхъ Профессоровъ, Адъюнктовъ и Ученыхъ Профессоровъ, сужденіемъ обь оныхъ, разборомъ новыхъ сочиненій и новыхъ способовъ леченія, учеными сношеніями съ разными мѣстами и лицами и избраніемъ Почетныхъ Членовъ и Корреспондентовъ.—Протоколы ученыхъ засѣданій печатать въ Академическихъ Актахъ.

4) Въ засѣданіяхъ ученыхъ дозволить присутствовать Адъюнктамъ и Ученымъ Профессорамъ.

5) Поставить въ обязанность каждаго Профессора, Адъюнкта и Ученаго Профессора, представлять въ ученое засѣ-

даніе Академіи, по-крайней-мѣрѣ въ два года одинъ разъ, ученый трактатъ по избранному имъ предмету.

6) Согласно сему дополнить подлежащія статьи Академическаго Устава.

Государь Императоръ таковое положеніе Военнаго Совѣта, въ 21-й день октября 1852 г., Высочайше утвердить соизволилъ.

— Государь Императоръ, въ отмѣну правила, изображеннаго въ 5 пунктѣ Св. Воен. Пост. Т. V ст. 18, относительно правъ обучавшихся въ Александровскомъ Университетѣ Финляндскихъ уроженцевъ, при опредѣленіи ихъ въ военную службу, Высочайше повелѣть соизволилъ: право на производство въ первый офицерскій чинъ черезъ шесть мѣсяцевъ присвоивать только тѣмъ изъ студентовъ Александровскаго Университета, которые представятъ дипломъ въ окончаніи полного курса наукъ по какому-либо факультету, безъ различія, сколько на это употреблено времени.

— Государь Императоръ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: дворянамъ оберъ-офицерамъ, и другимъ лицамъ свободнаго состоянія, кои, по бѣдности затрудняются дать приличное образованіе дѣтямъ ихъ, предоставить опредѣлять сыновей своихъ въ Аудиторское Училище, въ Батальоны Военныхъ Кантонистовъ и въ военную службу, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Высочайше-утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ 25 мая 1847 года и опредѣленныхъ въ Сводѣ Военныхъ Постановленій; а для устраненія затрудненій, могущихъ встрѣтиться въ отправленіи сихъ малолѣтнихъ въ заведенія военныхъ кантонистовъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было утвердить вновь составленные правила объ отправленіи въ Аудиторское Училище и въ Батальоны Военныхъ Кантонистовъ дѣтей сказанныхъ сословій, съ тѣмъ, чтобы Начальники Губерній правила сии и существующія постановленія объ опредѣленіи означенныхъ дѣтей въ помянутыя заведенія и въ военную службу сдѣлали извѣстными повсемѣстно.

По Министерству Финансовъ.

Государь Императоръ, по положенію Кавказскаго Комитета, въ-слѣдствіе представленія Г. Управляющаго Министер-

ствомъ Финансовъ, въ 5 й день сего ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: запретить съ 15 апрѣля 1853 года привозъ иностранной соли ко всѣмъ закавказскимъ черноморскимъ портамъ.

Изъ Министерства Финансовъ выданы слѣдующія привилегіи: 1) Механику Клифусу, пятилѣтняя, на цинковый аппаратъ для стирки бѣлья.

2) Иностранцу Ватремецу, пятилѣтняя, на изобрѣтенный Блакомъ приборъ для устраненія опасности взрыва паровыхъ котловъ.

3) Купеческому сыну Георгу Пеннгау, пятилѣтняя, на изобрѣтенный имъ способъ очищенія сахара, масла, сала и клея посредствомъ химическихъ веществъ.

4) Коллежскому Секретарю Линденвальду и 3-й гильдіи купцу Ефремову, десятилѣтняя, на особое устройство деревянныхъ и желѣзныхъ осей и къ нимъ подушекъ, для экипажей и повозокъ всякаго рода.

— По положенію Кавказскаго Комитета, согласно представленію Г. Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, Государь Императоръ, въ 5-й день ноября сего 1852 года. Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Отмѣнивъ всѣ существующія въ Закавказскомъ краѣ и Астраханскомъ Таможенномъ Округѣ постановленія о взысканіяхъ за провозъ контрабанды, ввести тамъ повсемѣстно, какъ въ сухопутныхъ, такъ и во всѣхъ портовыхъ таможенныхъ мѣстахъ, тѣ самыя правила по сему предмету, которыя установлены по Сибирской и Оренбургской таможеннымъ линиямъ и изложены въ примѣчаніи къ статьѣ 2148 Т. VI Св. Зак. Уст. Там. изд. 1842 г. (по X-му продолж.), за исключеніемъ: во-первыхъ, статьи объ опиумѣ, который въ отношеніи ко взысканію за тайный провозъ причислить ко всѣмъ прочимъ, дозволеннымъ къ привозу и вывозу товарамъ; и во-вторыхъ, статьи о запрещенныхъ товарахъ, объявленныхъ въ Таможняхъ своимъ названіемъ, которые допускать къ обратному вывозу за границу по статьѣ 2296 того же Тома, и 2) За конфискуемые въ Закавказскомъ краѣ и въ Астраханскомъ Таможенномъ Округѣ кантонные чаи выдавать награду на основаніи статьи 1344 Т. VI Зв. Зак. (по VI-му продолж.), предавая сии чаи истребленію въ Тифлисѣ и Астрахани, въ присутствіи Начальниковъ мѣстныхъ Таможенныхъ Округовъ.

— 1-й пунктъ I отдѣленія, ст. 2338 Устава Горнаго (Св. Зак. Т. VII, по прод. XV, части II) повелѣно изложить такимъ-образомъ: Съ добываемаго золота вносится въ казну полуторная десятина, т. е. 15% и сверхъ-того на содержание полиціи, воинскихъ командъ и другихъ чиновъ, по четыре рубля золотомъ съ каждаго фунта лигатурнаго золота, если годовая добыча онаго изъ прииска будетъ болѣе полупуда.

По Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Высочайше-утвержденнымъ, въ 20 день октября сего года, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: 1. Свода Законовъ Тома XII, Постановленій о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, раздѣла 1-го, главы IV, въ отдѣленіи 1-мъ, послѣ V подраздѣленія, о льготахъ переселенцевъ, дополнить подраздѣленіе VI, о порядкѣ ихъ перечисленія, изложивъ оное въ слѣдующемъ видѣ: 1) Палата Государственныхъ Имуществъ, изъ вѣдомства которой выбываютъ переселенцы, вслѣдъ за отправленіемъ партій, и недалѣе одного мѣсяца, высылаетъ въ Палату Государственныхъ Имуществъ той губерніи, въ которую отправлены переселенцы, выписку изъ ревизскихъ о нихъ сказокъ. 2) Палата Государственныхъ Имуществъ, въ завѣдываніе которой поступаютъ переселенцы, получивъ о нихъ ревизскія сказки и не ожидая прибытія самихъ переселенцевъ, препровождаетъ, не позже двухъ недѣль со времени полученія сказокъ, экземпляръ оныхъ въ мѣстную Казенную Палату, для причисленія сихъ переселенцевъ по мѣсту, назначенному для ихъ водворенія. 3) Таковое причисленіе Казенная Палата обязана совершить равнымъ образомъ отноду недалѣе мѣсячнаго срока по полученіи изъ Палаты Государственныхъ Имуществъ ревизскихъ сказокъ о переселенцахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить Казенной Палатѣ той губерніи, изъ которой выбыли переселенцы, объ исключеніи ихъ изъ оклада по прежнему мѣсту жительства. 4) Сія послѣдняя Казенная Палата, по полученіи упомянутаго увѣдомленія, немедленно сдѣлавъ распоряженіе объ исключеніи выпущенныхъ на переселеніе крестьянъ изъ оклада, недалѣе мѣсячнаго срока, сообщаетъ о томъ мѣст-

ной Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, для дальнѣйшаго съ ея стороны распоряженія. 5) Окружные Начальники, выпускающіе и принимающіе переселенцевъ, обязаны исполнить по сему предмету донесенія доставлять Палатамъ въ тѣ сроки, которые, сообразно числу переселенческихъ партій и по мѣстнымъ уваженіямъ, будутъ назначаемы Палатами, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, привлеченія къ отвѣтственности, еслибы упущеніе съ ихъ стороны поставило Палату въ невозможность исполнить въ срокъ зависящія собственно отъ нея распоряженія по перечисленію. *Примѣчаніе.* Независимо отъ сего. Окружные Начальники тѣхъ округовъ, въ коихъ назначено водвореніе переселенцевъ, на точномъ основаніи ст. 44-й Постановленій о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (Св. Зак. Т. XII). обязаны, по прибытіи переселенцевъ, немедленно свѣрять наличное число ихъ съ имѣющимися при нихъ билетами, или реестрами, и свѣдѣніями, доставленными отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ; въ случаѣ-же неявки кого-либо противъ тѣхъ свѣдѣній отбирать о томъ показанія, и доносить недалѣе, какъ съ первою почтою, Палатѣ, для надлежащихъ со стороны ея распоряженій. 6) Въ Сибирскихъ губерніяхъ, впредь до открытія Палаты Государственныхъ Имуществъ, все относящееся до послѣднихъ обязательно для Казенныхъ Палатъ. 7) Само собою разумѣется, что время, необходимое собственно на пересылку бумагъ, въ расчетъ не принимается. 8) За всякое несоблюденіе изложеннаго выше порядка, виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за преступленіе по должности, и сверхъ-того, на нихъ налагается взысканіе, по три рубля серебромъ за каждый, сверхъ назначаемаго въ законахъ времени, просроченный день. 9) Упомянутое взысканіе предоставляется налагать Министерству, вѣдомству коего будутъ подлежать виновные, а взысканныя на семъ основаніи денежныя суммы обращаются на пополненіе понесенныхъ обществами, изъ коихъ выбываютъ переселенцы, или отдѣльными крестьянами, вполне обнаруженныхъ убытковъ; въ противномъ-же случаѣ, поступается съ ними, по 45 ст. Уложенія о наказаніяхъ. II. Къ 1112-й ст. Общаго Губернскаго Учрежденія (Св. Зак. Т. II) прибавить примѣчаніе: На счетъ порядка перечисленія переселенцевъ, Палаты Казенныя и Государственныхъ Имуществъ руководствуются правилами, постановленными въ VI подраздѣленіи 1-го отдѣлен. IV главы 1-го раздѣла. Постан. о благоустройствѣ въ казен. селен. (Св.

Зак. Т. XII). III Статью 437 Уст. о Под. (Св. Зак. Т. V, по прод. II-му) дополнить такимъ-же примѣчаніемъ. IV Къ 365 ст. Улож. о Наказаніяхъ писовокупить равномѣрно примѣчаніе: Порядокъ и мѣра взысканія за несвоевременное перечисленіе переселенцевъ опредѣлены въ VI подраздѣленіи I-го отдѣленія IV главы 1-го раздѣленія Пост. о благ. въ казен. селен. Св. Зак. Т. XII.

По Министерству Юстиціи.

Высочайше-утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совета, положено: 1) Всѣ губерніи, въ отношеніи количества суммъ, отпускаемыхъ на суточное содержаніе чиновниковъ, командируемыхъ внутри губерніи, отнести къ тѣмъ-же разрядамъ, на которые онѣ раздѣлены по существующимъ нынѣ штатамъ, съ причисленіемъ губерній С.-Петербургской и Московской къ 1-му разряду. 2) На выдачу означенныхъ суточныхъ денегъ опредѣлить въ губерніяхъ перваго разряда по 2000 руб.; втораго разряда по 1500 и третьяго разряда по 1000 руб. въ годъ. 3) Издержку сію, впредь до указанія другихъ источниковъ, отнести по всѣмъ губерніямъ, кромѣ Лифляндской и Эстляндской, на суммы земскаго сбора. Въ сихъ-же двухъ губерніяхъ помянутую издержку обратитъ на счетъ остатковъ отъ тѣхъ суммъ въ дворянскихъ кассахъ, которыя называются складками, и предназначаются, между прочимъ, для исполненія общественныхъ повинностей. 4) Остатки, какіе будутъ отъ суммъ, назначаемыхъ губерніямъ на выдачу суточного содержанія чиновникамъ, командируемымъ внутри губерніи, за удовлетвореніемъ сего расхода, причислять, на общемъ основаніи, къ суммамъ земскаго сбора.

— Статью 311 Прилож. къ ст. 3812 Зак. Гражд. (Свод. Зак. Т. X по Продолженію XIV) Высочайше повелѣно дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Только по выдачѣ на прибрѣтенное съ публичнаго торга имѣніе данной или купчей, прибрѣтатель такого имѣнія вступаетъ въ полное право собственности и можетъ свободно отчуждать оное; уступка же прибрѣтеннаго имъ на торгѣ права, до выдачи ему данной или купчей, не допускается; впрочемъ, правило

сіе не распространяется на подобныя уступки, допущенныя до изданія онаго.»

— Къ 1077-й статьѣ Устава о службѣ по опредѣленію отъ Правительства постановлено присовокупить слѣдующее примѣчаніе: Чиновникамъ, командируемымъ къ Сенаторамъ, ревизующимъ губерніи, назначаются квартирныя деньги также въ половинномъ противу суточныхъ размѣрѣ, именно: старшимъ по 9-ти, а младшимъ по 6-ти рублей 75 коп. сер. въ мѣсяцъ.

— Въ дополненіе къ 6-му пункту 600 ст. Уст. о Паспор. и Бѣгл. (Св. Зак. Т. XIV по прод. VI), въ коей содержатся правила о распредѣленіи бродягъ, постановлено: На семь же основаніи поступать и при распредѣленіи непомянутыхъ родства малолѣтныхъ бродягъ мужскаго пола, моложе 8-ми лѣтъ, а равно тѣхъ изъ бродягъ мужскаго пола, имѣющихъ отъ 8 до 17 лѣтъ, которые признаны будутъ къ помѣщенію въ Баталіоны Военныхъ Кантонистовъ негодными; малолѣтныхъ же бродягъ женскаго пола оставлять въ заведеніяхъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія до 17-ти лѣтняго возраста, а по достиженіи ими онаго, приписывать ихъ къ податнымъ обществамъ и выпускать изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія на собственное пропитаніе, въ мѣстахъ ихъ нахожденія.

— Въ измѣненіе ст. 401-й и въ дополненіе ст. 565-й Уст. о служ. по опред. отъ Правительства (Св. Зак. Т. III), постановлено: присяжные листы, по надлежащемъ подписаніи оныхъ, представляются изъ всѣхъ мѣстъ и вѣдомствъ гражданскихъ въ Правительствующій Сенатъ, при особой описи, однажды въ годъ, въ началѣ онаго, за весь годъ истекшій.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ г. Тулѣ, по улицамъ: Посольской, Завальской и Кіевской не позволять строить деревянныхъ зданій.

— Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ ураздненіи въ заштатныхъ

городахъ Вологодской губерніи: Лальскѣ—Думы и Словеснаго Суда, и Красноборскѣ—Сиротскаго и Словеснаго Судовъ, и о штатѣ Ратуши Верховажскаго посада, согласно съ заключеніемъ его, Товарища Министра, *миѣніемъ положили*: 1) Штаты Ратушъ въ означенныхъ заштатныхъ городахъ и посадахъ поднести, при миѣніи Государственнаго Совѣта, къ Высочайшему-утвержденію. 2) Исклѣненные по сѣмъ штатамъ суммы на содержаніе Ратушъ: Лальской 480 р. 88 коп., Красноборской—391 руб. 45 коп. и Верховажской—361 руб. 45 коп., отнести на доходы упомянутыхъ городовъ и посада. 3) Существующія нынѣ въ городишхъ: Лальскѣ Думу и Словесный Судъ, а въ Красноборскѣ Сиротскій и Словесный Суды упразднить, и дѣла оныхъ передать въ тамошнія Городовыя Ратуши, возложивъ на сѣи послѣднія, равно какъ и на Ратушу въ Верховажскомъ посадѣ, соответственно ст. 4248 Общ. Губ. Учрежден. (Св. Зак. Т. 2), завѣдываніе всѣми общественными, хозяйственными, судебными и опекунскими или сиротскими дѣлами. Миѣніе это Высочайше-утверждено Государемъ Императоромъ, въ С.-Петербурѣ, 4 ноября 1852 года.

— Государь Императоръ, 26 октября сего 1852 года. Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Всѣ вообще лица свободнаго состоянія могутъ приписываться къ г. Читѣ въ купцы, мѣщане, ремесленники, или цѣховые. 2) Они сохраняютъ то званіе и соединенныя съ онымъ личныя преимущества, коими пользовались въ мѣстахъ прежней осѣдлости. На этомъ основаніи купцы записываются въ купечество, мѣщане въ мѣщанство, и т. д. Впрочемъ не воспрещается свободный переходъ изъ мѣщанъ и ремесленниковъ въ купцы, но не иначе, какъ съ платежемъ повинностей той гильдіи, личными преимуществами которой они намѣрены воспользоваться. 3) Просьбы о причисленіи къ городу поступаютъ къ Забайкальскому Военному Губернатору. При сихъ просьбахъ, сверхъ узаконеннаго вида, прилагается удостовѣреніе мѣстнаго Начальства (по прежней припискѣ) въ неимѣніи законныхъ препятствій къ переселенію. При такомъ удостовѣреніи не требуется согласія обществъ, къ коимъ перечисляющіеся были до того приписаны. Съ перечисленіемъ въ Читѣ они исключаются изъ состава и окладовъ прежнихъ обществъ. *Примѣчаніе*, Законными препятствіями къ переселенію мѣстнаго Начальства должны считать только: 1) Если переселяющіеся не очищены всѣ податныя и другія недоимки; 2) если онъ состоитъ на

первой или второй рекрутской очереди. 4) Всѣ лица, перечисленные къ г. Читѣ, обязываются не далѣе 3-хъ лѣтъ, со дня приписки, завести тамъ прочную осѣдлость. 5) Лица, не исполнившія обязанности, въ предъидущемъ пунктѣ изложенныя, лишаются права пользоваться льготами и преимуществами, предоставляемыми 9, 10 и 11 пунктами. 6) По уваженію особыхъ причинъ могутъ быть даваемы въ этомъ отношеніи отсрочки, но не далѣе одного года, и не иначе, какъ съ разрѣшенія Областнаго Управленія. 7) Лицамъ, перечисленнымъ къ Читѣ, отводится, для постройки домовъ и заведеній, свободная отъ казенныхъ построекъ земля, съ особою платою, на правилахъ, которыя мѣстнымъ Начальствомъ будутъ установлены. Размѣръ сей платы и правила отвода земли опредѣляются, по представленію Забайкальскаго Военнаго Губернатора, Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири, который доводитъ о томъ до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 8) Приписаннымъ и водворившимся въ г. Читѣ российскимъ поданнымъ предоставляется право прибрѣтать въ семъ городѣ всякую недвижимую собственность. 9) Переселившимся въ Читѣ въ купцы, въ мѣщане и цѣховые, дается льгота отъ платежа гильдейскихъ пошлинъ и государственныхъ повинностей, поставки рекрутъ и военнаго постоя, въ теченіе 10 лѣтъ со дня утвержденія сихъ правилъ. 10) Каждому, приписавшемуся къ г. Читѣ предоставляется право производить въ семъ городѣ свободный торгъ, на неопредѣленную сумму, и всякую дозволенную промышленность и ремесло, а также учреждать фабрики и заводы, сообразно съ его средствами, во все продолженіе десятилѣтняго срока. 11) Приписавшимся къ г. Читѣ дозволяется производить торговлю во всей Забайкальской Области, безъ платы гильдейскихъ пошлинъ; но желающіе воспользоваться сѣмъ правомъ должны: во-первыхъ, имѣть въ самой Читѣ или свою контору, или лавку, или же открыть тамъ какую-либо фабрику, или заводъ; а во-вторыхъ, построить или прибрѣсть въ Читѣ домъ, цѣною,—желающіе производить сказанную торговлю, въ объемѣ, предоставленномъ купцамъ 1-й гильдіи—въ 3000 руб., 2-й гильдіи—1500 руб. и 3-й гильдіи 300 руб. сер. Кто же пожелаетъ торговать въ Кяхтинскомъ Градоначальствѣ и остальныхъ частяхъ Восточной и Западной Сибири, или во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, тотъ обязанъ взять установленное свѣдѣтельство на право торговли, съ платою за оное на общемъ основаніи. 12) Всѣ переселившіеся въ г. Читѣ и прочно водворившіеся въ

ономъ пользуются единственно торговыми правами, въ предъидущихъ пунктахъ изложенными, но личными преимуществами, предоставленными по закону купечеству, пользуются изъ нихъ тѣ только, которыя до перечисленія въ Читѣ принадлежали къ которой-либо изъ гильдій, или же по перечисленію будутъ вносить, на основаніи предъидущаго пункта, гильдейскія повинности. Повинности эти принимаются Забайкальскимъ Областнымъ Управленіемъ, впродъ до учрежденія въ Читѣ Городовой Ратуши, и высылаются въ тѣ Уѣздныя Казначейства, куда будетъ назначено по взаимному соглашенію Главнаго Губернскаго Начальства съ Министерствомъ Финансовъ.

— Вслѣдствіе представленія Начальниковъ Владимірской и Тверской губерній, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права, учредить въ г. Меленкахъ ярмарку, ежегодно съ 1-го октября на семь дней, и вмѣсто существующей въ г. Корчевѣ Благовѣщенской ярмарки, учредить тамъ ярмарку въ первые два дня четвертой недѣли Великаго-поста.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія о дарованіи нѣкоторыхъ преимуществъ училищу, состоящему при Евангелическо-Лютеранской церкви Св. Анны въ С.-Петербургѣ, нашелъ, что существующее уже болѣе ста лѣтъ при С.-Петербургской Евангелической церкви Св. Анны училище принято въ 1840 году подъ особое покровительство Правительства, и, какъ удостовѣряетъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, приноситъ дѣйствительную пользу. По сему Государственный Совѣтъ, соглашаясь съ предположеніями его, Министра, о дарованіи означенному учебному заведенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, сравнительно съ училищемъ при Евангелической церкви Св. Петра, *мнѣніемъ положили*: представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія утвердить, и въ-слѣдствіе того постановить: 1) Училище при церкви Св. Анны состоитъ въ вѣдѣніи Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, который, получая вѣдо-

мости о состояніи сего заведенія, обязанъ наблюдать за всѣмъ, что касается до нравственной цѣли воспитанія и преподаванія учебныхъ предметовъ. 2) Употребляемые въ училищѣ учебныя книги должны быть одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. 3) Директору училища присвоится VIII классъ, Инспектору IX, учителямъ наукъ и языковъ X, учителямъ рисованія и чистописанія XIV, по росписанію должностей гражданской службы на классы, приложенному къ 355 статьѣ Устава о службѣ по опредѣленію отъ Правительства (Св. Зак. Т. III); учителя же прочихъ искусствъ не считаются въ государственной службѣ. 4) Всѣ сія лица утверждаются въ присвоенныхъ имъ классахъ, по примѣру другихъ училищныхъ чиновниковъ, установленнымъ порядкомъ, — Директоръ послѣ шестилѣтней, а Инспекторъ и учителя послѣ четырехлѣтней выслуги въ сихъ званіяхъ. Старшинство въ классахъ, по выслугѣ сказанныхъ сроковъ тѣмъ, которые состоятъ уже въ училищѣ, считается со дня утвержденія сихъ правилъ, а тѣмъ, которые будутъ вновь опредѣляемы, со дня утвержденія ихъ въ должностяхъ. 5) Въ дальнѣйшемъ производствѣ въ чины, Директоръ, Инспекторъ и Учители рисованія и чистописанія подлежатъ общимъ правиламъ о гражданскихъ чиновникахъ; прочіе же учителя училища, кромѣ учителей искусствъ, производятся тремя чинами выше присвоеннаго должности ихъ класса. 6) Въ отношеніи разрядовъ для чинопроводства, учителя наукъ, русскаго и древнихъ языковъ, причисляются къ первому разряду чиновниковъ, т. е. имѣющихъ аттестаты объ окончаніи наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; учителя же новѣйшихъ иностранныхъ языковъ — ко второму разряду чиновниковъ, т. е. имѣющихъ аттестаты объ окончаніи наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само-собою разумѣется, что получившіе аттестаты высшихъ учебныхъ заведеній учителя новѣйшихъ иностранныхъ языковъ будутъ производимы въ чины по правиламъ для перваго разряда чиновниковъ. 7) По росписанію мѣстъ и званій для различія въ мундирахъ (Св. Зак. Т. II. Уст. о служб. по опр. отъ Прав., прилож. къ ст. 935) полагаются: Директоръ училища въ VII, Инспекторъ въ VIII, учителя наукъ, русскаго и древнихъ языковъ въ IX, учителя новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, рисованія и чистописанія въ X разрядахъ. 8) Объ опредѣленіи установленнымъ порядкомъ, какъ начальствующихъ лицъ въ оба отдѣленія училища, такъ и учителей, учительницъ, надзирателей и надзирательницъ,

Совѣтъ церкви Св. Анны представляетъ, подѣ собственною своею отвѣтственностію за выборъ, Попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, съ тѣмъ однако, чтобы допускаемые къ преподаванію имѣли установленныя для того отъ общаго училищнаго начальства свидѣтельства. 9) Лица изъ податнаго состоянія, или приписанныя къ купечеству, опредѣляются въ учителя пепначе, какъ по представленіи ими свидѣтельствъ объ увольненіи отъ своихъ обществъ, и по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, исключаются изъ тѣхъ состояній. 10) Относительно правъ воспитанниковъ училища по гражданской службѣ, оно причисляется ко второму разряду учебныхъ заведеній, наравнѣ съ гимназіями (Св. Зак. Т. III Устава о службѣ по опредѣленію отъ Правительства, ст. 81 и приложение къ оной). 11) Воспитанникамъ сего училища, свободнаго состоянія, предоставляется право, по успѣшномъ окончаніи полнаго курса и полученіи аттестата, вступать въ домашнія учительницы, безъ установленнаго для того экзамена, какъ сіе предоставлено окончившимъ воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ отъ Правительства и состоящихъ подѣ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Мнѣніе это Высочайше-утверждено въ 3 день ноября 1852 г.

— Государь Императоръ, по положенію Сибирскаго Комитета, въ-слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 26 день октября сего 1852 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: учебную часть въ Якутской области, подобно области Забайкальской, подчинить завѣдыванію Якутскаго Гражданскаго Губернатора, на правлахъ, опредѣленныхъ для Енисейскаго Гражданскаго Губернатора.

— Государь Императоръ, во 2-й день ноября сего 1852 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: принять за постоянное правило, чтобы тѣ сочиненія, въ коихъ теорія законодательства или финансовой и административной науки примѣняется авторомъ къ существующимъ собственно у насъ учрежденіямъ, когда они, по содержанию примѣч. къ ст. 23 Уст. Ценс., по VIII прод. Т. XIV, не подлежатъ разсмотрѣнію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, были, предварительно разсмотрѣнія ихъ въ общей ценсурѣ, препровождаемы сею послѣднею въ тѣ правительственныя мѣста и учрежденія, до которыхъ сочиненія сіи по предмету своему относятся, и чтобы за сими общая цензура, при окончательномъ ихъ, для разрѣшенія къ напечатанію, разсмотрѣніи при-

имала за главное къ заключенію своему основаніе тѣ о тзвыи и замѣчанія, кои отъ упомянутыхъ мѣстъ и учреждений сообщены будутъ.

— Государь Императоръ, въ 31-й день октября 1852 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) Чтобы данное Цензоромъ дозволеніе на напечатаніе одобренной рукописи оставалось дѣйствительнымъ въ-теченіе слѣдующихъ сроковъ: для сочиненій одностомныхъ — *одного года*, для сочиненій, заключающихъ въ себѣ отъ двухъ до трехъ томовъ — *два года*, и наконецъ для сочиненій болѣе объемистыхъ — *трехъ лѣтъ*. 2) Чтобы во-всѣхъ сихъ случаяхъ, отпечатанное сочиненіе, прежде выдачи билета на выпускъ онаго въ свѣтъ, соображаемо было съ требованіями Ценсуры, послѣдовавшими послѣ дозволенія напечатать рукопись. 3) Для огражденія же правъ частнаго лица, могущаго понести убытки отъ перепечатыванія по вторичномъ просмотрѣ книги, нѣкоторыхъ листовъ оной, потребныя на сіе издержки, примѣняясь къ ст. 65 и 151 Уст. о Ценз. (Св. Зак. Т. XVI), отнести на счетъ остаточной суммы Ценсурныхъ Комитетовъ.

— Вслѣдствіе докладовъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, о закрытіи Землемѣрнаго Отдѣленія при Кіевской 2-й Гимназіи, Государь Императоръ 12 іюля и 26 августа сего года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) Существованіе Землемѣрнаго Отдѣленія при Кіевской 2-й Гимназіи продолжить до окончанія настоящаго ¹⁸⁵²/₈₅ учебнаго года; а по истеченіи сего срока остающихся въ Землемѣрномъ Отдѣленіи 11-ть воспитанниковъ, или сколько ихъ къ тому времени будетъ находиться, неокончившихъ курсъ, перевести въ Школу Межевыхъ Топографовъ. 2) На содержаніе воспитанниковъ, переведенныхъ въ Школу Межевыхъ Топографовъ, сколько слѣдуетъ будетъ по наличному числу ихъ, отпускать изъ ассигнуемыхъ нынѣ на сей предметъ суммъ, имѣющихся въ виду свободные остатки отъ ихъ возвратить, по принадлежности, въ свое время, тѣмъ вѣдомствамъ, отъ которыхъ они ассигнуются. 3) На счетъ этихъ же остатковъ отнести пужные при переводѣ воспитанниковъ Землемѣрнаго Отдѣленія въ Школу Межевыхъ Топографовъ расходы на путевыя издержки. И наконецъ, 4) О передачѣ инструментовъ и другихъ межевыхъ учебныхъ пособій изъ Землемѣрнаго Отдѣленія въ Школу Межевыхъ Топографовъ, Министерству Народнаго Просвѣщенія сдѣлать, по усмотрѣнію своему, надлежащее распоряженіе.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ.

Высочайшими Указами Правительствующему Сенату, Всемилостивѣйше повелѣно быть: Состоящему за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, Статскому Совѣтнику *Иванову* — Директоромъ Московскаго Архива Министрства Юстиціи. — Состоящему по Арміи, Генераль-Маіору, графу *Дамздорфу* — Членомъ Совѣта Министрства Государственныхъ Имуществъ, съ оставленіемъ по Арміи. — Исправляющему должность Военнаго Губернатора г. Каменецъ-Подольска и Подольскаго Гражданскаго Губернатора, состоящему по Арміи Генераль-Лейтенанту *Аниенкову 3-му* — Военнымъ Губернаторомъ г. Владимира и Владимирскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ съ оставленіемъ по Арміи. — Исправляющему должность Военнаго Губернатора г. Владимира и Владимирскаго Гражданскаго Губернатора — состоящему по Кавалеріи Генераль-Маіору *Синельникову 3-му* — Военнымъ Губернаторомъ г. Житомира и Волыцкимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, съ оставленіемъ по Кавалеріи — Состоящему при Министрствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, числящемуся по Кавалеріи, Генераль-Маіору Князю *Вяземскому 1-му* — Исправляющимъ должность Военнаго Губернатора г. Каменецъ-Подольска и Подольскаго Гражданскаго Губернатора, съ оставленіемъ по Кавалеріи. — Исправляющему должность Киевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго Генераль Губернатора, Генераль-Адъютанту, Генераль-Маіору Князю *Васильчикову 1-му* — повелѣно управлять Киевскимъ Учебнымъ Округомъ, на правахъ Попечителя, съ оставленіемъ въ прежней должности и званіи Генераль-Адъютанта. — Производителю дѣлъ Военно-Походной Канцеларіи Его Императорскаго Величества, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Пейкеру* — быть Директоромъ Канцеларіи Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Ордецовъ. Сенатору Дѣйствительному Тайному Совѣтнику *Стрекалову* — Членомъ Комиссіи Построенія въ Москвѣ Храма во имя Христа Спасителя, на мѣсто умершаго Генераль-Лейтенанта *Бологовскаго*.

ПОЖАЛОВАНИЕ:

Въ званіе къ Высочайшему Двору.

Въ Камеръ-Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынь Императрицѣ: Фрейлина Графиня Екатерина *Тизенгаузенъ*.

Во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынь Императрицѣ. Дѣвцы: Княжна Елена *Голицына*, Наталья *Давыдова*, Ольга *Смирнова* и Марія *Пушкина*.

Въ Камергеры Двора Его Императорскаго Величества — бывший Курскій Губернскій Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ Аркадій *Нелидовъ*.

Въ Камеръ-Юнкеры Двора Его Императорскаго Величества — Столоначальникъ Департамента Министрства Юстиціи, Коллежскій Ассесоръ Николай *Рахманиновъ*.

ОРДЕНАМИ:

Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Директоръ Военной Академіи, Членъ Военнаго Совѣта, Генераль отъ Артиллеріи Генераль-Адъютантъ *Сухозанетъ 1-й*. — Командиръ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, Оренбургскій и Самарскій Генераль Губернаторъ, Генераль отъ Кавалеріи, Генераль-Адъютантъ *Перовскій*. — Министръ Удѣловъ и Управляющій Кабинетомъ Его Императорскаго Величества, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ *Перовскій*.

Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Начальникъ Черноморской Береговой Липіи, Вице-Адмиралъ *Серебряковъ*, Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Дворѣ Его Величества Короля Баварскаго, Тайный Совѣтникъ *Сьверинъ*.

Бѣлаго Ора.

Статсъ-Секретарь Управляющій Министерствомъ Финансовъ, Тайный Совѣтникъ *Брокъ*. Предсѣдатель Комитета Цензуры Иностранной, Тайный Совѣтникъ *Красовскій*

Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшеннаго.

Директоръ Новгородскаго Графа Аракчеева Кадетскаго Корпуса, Генераль-Лейтенантъ *Главицкій*.

Св. Анны 1-й степени.

Кутаисскій Военный Губернаторъ и Управляющій гражданскою частию, Генераль-Маіоръ Князь *Гагаринъ 1-й*.—Начальникъ Инженеровъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и Командиръ Грузинскаго Инженернаго Округа Генераль-Маіоръ *Ганзенъ 1-й*.—Военный Губернаторъ Забайкальской Области и Наказной Атаманъ Забайкальскаго Казачьяго Войска Генераль-Маіоръ *Запольскій 1-й*.—Командиръ Шлссельбургской Крѣпости, Генераль-Маіоръ *Трошкій*.—Помощникъ Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Лобачевскій*.—Директоръ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Лобимовъ*.—Управляющій Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ремезовъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Генераль-Интендантъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Маіоръ *Калутовъ*.—Членъ Общаго Присутствія Морскаго Интендантства, Генераль-Лейтенантъ *Черниковъ*.—Командиръ 1-й Бригады 1 Флотской Дивизіи, Контръ-Адмиралъ *Назимовъ*.—Комендантъ Динамидской Крѣпости, Генераль-Маіоръ *Манденитеръ 2-й*.—Управляющій Департаментомъ Внѣшней Торговли и Инспекторъ Пограничной Стражи, Свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ *Пашковъ*.—Директоръ Института Горныхъ Инженеровъ, Генераль-Маіоръ *Волковъ*.—Помощникъ Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Князь *Цертелевъ*.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ. Дворянство Тамбовской губерніи, получивъ горестное извѣстіе о кончинѣ Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилана Лейхтенбергскаго, владѣннаго въ тамошней губерніи населеннымъ имѣніемъ, постановило: Составить неприкосновенный капиталъ въ 10 т. р. сер., посредствомъ добровольныхъ приношеній, изъ собственныхъ доходовъ дворянъ, и на проценты съ него содержать одного воспитанника въ тамбовскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и одну воспитанницу въ тамбовскомъ Александринскомъ Институтѣ, съ наименованіемъ ихъ пансіонерами Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилана Лейхтенбергскаго.

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи сего постановленія дворянства тамбовскаго, изъявить изволилъ на приведеніе его въ исполненіе Высочайшее соизволеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ объявить дворянству Тамбовской губерніи, за такое его пожертвованіе и вѣрноподадическія чувства къ Императорскому Дому, Монаршую Его Императорскаго Величества благодарность.

Статскій Совѣтникъ *Погодинъ*, желая содѣйствовать общепользнымъ и важнымъ для науки предпріятіямъ Императорской Публичной Библіотеки, и вмѣстѣ предвидя для нея нѣкоторые новые расходы по случаю пріобрѣтенія его *древнехранилища*, принесъ въ пользу славнаго нашего книгохранилища, какъ Почетный Членъ онаго, взысканный милостію Царскою, *пять тысячъ рублей серебромъ*, на употребленіе по усмотрѣнію Г. Директора Библіотеки, преимущественно же на изданіе описанія его рукописей и книгъ.

По доведеніи о семъ патриотическомъ подвигѣ г. Погодина до Высочайшаго свѣдѣнія, Государю Императору благоугодно было повелѣть объявить ему Монаршее Его Величества благоволеніе.

СТОЛѢТІЕ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА. 15-го прошлаго декабря совершилось столѣтіе Морскому Кадетскому Корпусу, воспитавшему на службу Государю и Отечеству столько поколѣній достойныхъ офицеровъ, отличныхъ моряковъ и многочисленныхъ дѣятелей для всѣхъ другихъ родовъ служебнаго по-

приша. Празднованіе этого великаго событія продолжалось три дня. Сначала, въ воскресенье, 14 декабря, въ Зимнемъ Дворцѣ происходила церемонія прибитія новаго знамени, даннаго Морскому Корпусу. За тѣмъ, въ понедѣльникъ, 15-го, послѣдовало торжество освященія этого знамени въ залѣ Корпуса, въ присутствіи Его Величества Государя Императора, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Наслѣдника Цесаревича, Государыни Цесаревны, Великихъ Князей Николая, Александра, Владимира и Алексія Александровичей, Великаго Князя Константина Николаевича — Августѣйшаго Шефа Морскаго Корпуса, Великой Княгини Александры Юсифовны и Великаго Князя Николая Константиновича, Великихъ Князей Михаила и Николая Николаевичей, равно какъ многихъ военныхъ сановниковъ, членовъ иностранныхъ посольствъ и собравшихся въ Петербургѣ адмираловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, воспитывавшихся въ Морскомъ Корпусѣ. Освященіе совершено было Высокопреосвященнымъ Никаноромъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и С. Петербургскимъ, съ Придворнымъ Духовенствомъ. Въ тотъ же день прежніе воспитанники Морскаго Корпуса, находящіеся въ С.-Петербургѣ, какъ служащіе, военные и гражданскіе, такъ и отставные, равно какъ и бывшіе кадеты его, удостоены были приглашенія къ обѣденному столу въ Зимній Дворецъ. Вечеромъ для нихъ же былъ данъ въ Александринскомъ-театрѣ спектакль, состоявшій изъ слѣдующихъ пьесъ: Дѣвушка Русскаго Флота, Русскій морякъ, Солдатъ-балагуръ или Служба службой, а дружба-дружкой, при чемъ актеръ г. Петровъ съ хоромъ пропѣлъ пѣсню въ честь Русскаго Флота. На другой день, во вторникъ, 16 декабря, въ Морскомъ Корпусѣ данъ былъ балъ, при великолѣпномъ освѣщеніи и 3 оркестрахъ музыки, очастливленный присутствіемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Великаго Князя Константина Николаевича, Великой Княгини Александры Юсифовны и Принца Ольденбургскаго. Въ эти два дня, понедѣльникъ и вторникъ, Корпусъ былъ блистательно иллюминированъ.

КРУГОСВѢТНЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ. Въ ноябрской книжкѣ «Морскаго Сборника», сообщены въ особой таблицѣ, свѣдѣнія о послѣднихъ русскихъ кругосвѣтныхъ путешествіяхъ. Изъ этой таблицы видно, что съ 1803 года, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, отправилось пятьдесятъ пять судовъ въ кругосвѣтныя путешествія (впрочемъ нѣкоторыя не совершали собственно такихъ путешествій, потому что въ оба пути шли около мыса Горна), и въ томъ числѣ 34 отъ Правительства, 28 отъ Американской

Компаніи, одно отъ графа Румянцева, и два отъ Финляндской Китоловной Компаніи. Больше всего судовъ отправилось въ 1819 году (пять, и въ томъ числѣ четыре отъ Правительства) и въ 1852 году (шесть, два военныхъ и четыре компанейскихъ). Съ 1849 по 1852 годъ отправилось 14 судовъ: три отъ Правительства, девять компанейскихъ и два отъ Китоловной Компаніи. Эти суда суть: 1) «Атха», командиръ Ридель, отправленное изъ Кронштадта, отъ Компаніи, въ 1849 году, и возвратившееся въ 1851 году; 2) «Ситха», команд. Векманъ, отъ Компаніи же, въ 1850 г., изъ Кронштадта, обратно въ 1852 году; 3) «Императоръ Николай I», команд. Конрадъ, отбывшее въ 1850 году, прибывшее въ 1852 г., отъ Компаніи; 4) «Фрея», ком. Гронбергъ, отправленное отъ Компаніи въ 1850 году, изъ Або, и прибывшее въ 1852 году (все эти четыре судна оба пути совершили около мыса Горна); 5) Корветъ «Оливуца» команд. Капитанъ-Лейтенантъ Суцовъ, отправившійся въ 1850 году отъ Правительства, и оставшійся въ Камчаткѣ; 6) «Атха», команд. Ридель, въ 1851 году, отъ Компаніи изъ Кронштадта; 7) Кадьякъ, ком. Берхъ, отъ Компаніи; въ 1851 г., изъ Кронштадта 8) «Суоми» (Финъ), ком. Хазгагенъ; отправленное въ 1851 году Китоловною Компаніею изъ Або (послѣднія четыре судна обогнули Мысъ Горнъ). Въ 1852 году изъ Кронштадта отправились: отъ Американской Компаніи: 9) «Императоръ Николай I», ком. Клиновстремъ; 10) «Цесаревичъ», команд. Юргачъ; 11) «Шелеховъ» (вышелъ изъ Гамбурга), команд. Юзеліусъ; 12) «Турко» (финское названіе города Або), команд. Шель, отъ Китоловной Компаніи (это судно вышло изъ Або); отъ Правительства: 13) военный транспортъ «Двина», команд. Капитанъ-Лейтенантъ Бессарабскій, и 14) фрегатъ «Паллада», командиръ Капитанъ-Лейтенантъ Унковскій.

ДРЕВНІЯ ПУШКИ ВЪ УСТЮЖНѢ. Въ мартѣ настоящаго года, въ ветхомъ, полуразвалившемся домѣ, который прежде былъ занимаемъ устюжскою городской полиціею, найдены 29 древнихъ чугунныхъ, различнаго калибра пушекъ и 2 желѣзныя крѣпостныя пицали; первая длиною отъ 1 арш. 6 вершк. до 3 арш. 4 вершк.; діаметръ казенной части отъ 2 до 5 вершк.; длина пицалей одной—2 арш. 2 верш., другой—2 арш. 5 верш.; діаметръ казенной части ихъ 2 верш. Это оружіе принадлежало древней устюжской крѣпости, острогу или дѣтвицу, существовавшему до конца XVII вѣка. Въ городской соборной церкви

Рождества Богородицы и у многихъ жителей находятся списки съ древней неизданной рукописи, содержащей въ себѣ повѣствованіе о двукратномъ нападеніи и отраженіи отъ г. Устюжны-Желѣзнопольской Литовцевъ и Поляковъ въ 1609 г. Обстоятельство новое, подробности котораго невнесены ни въ исторію, ни въ лѣтописи. Въ рукописи сказано, что жители г. Устюжны и окрестностей, ожидая тогда вторженія непріятеля, собрали дружину изъ 600 человекъ, рѣшились укрѣпить городъ и защищаться въ немъ на смерть, не сдаваясь врагамъ отечества; приводя это предпріятіе въ исполненіе, Устюжане обратились съ просьбою о помощи къ жителямъ Бѣлозерска, Углича и Бѣжецка; между-тѣмъ, какъ нѣсколько почетныхъ жителей отправились въ Новгородъ, къ царскому воеводѣ, знаменитому въ исторіи Князю Михайлу Васильевичу Скопину Шуйскому, просить присылки къ нимъ опытныхъ ратныхъ людей, оружія и пороховой казны. Князь, похваля вѣрность и преданность Устюжанъ къ Государю и Отечеству, исполнилъ желаніе ихъ, отправивъ тогда-же имъ 100 человекъ отборныхъ воиновъ, съ значительнымъ запасомъ военныхъ снарядовъ. Къ числу найденнаго нынѣ оружія конечно принадлежитъ присланное защитникамъ Устюжны. Здѣсь, между жителями существуетъ преданіе, что въ-послѣдствіи, когда Новгородская область подпала власти Шведовъ, обыватели, тщательно скрывая отъ нихъ пожитки, зарывали въ землю и закладывали въ стѣны и оружіе, чтобы оно также не доставалось непріятелю.

ТУЛЬСКІЯ РУЖЬЯ. Было время, что о тульскихъ частныхъ издѣліяхъ, какъ равно охотничьихъ ружьяхъ отзывались такъ невыгодно и небрежно, что, кажется, нелегко нынѣ убѣдить въ противномъ, хотя разрѣшить причину такихъ отзывовъ очень трудно. Съ одной стороны неизвѣстность, къ кому обратиться съ заказомъ много вредила издѣліямъ, а съ другой — цѣна на вещи изъ лавокъ, заключаая въ себѣ издержки по содержанию послѣднихъ, вознагражденіе за хлопоты торговцевъ и какой-либо процентъ на капиталъ, — нерѣдко вовлекала въ несправедливыя сужденія. Самые мастера, при продажѣ вещей въ магазины или лавки, никогда не получали настоящей цѣны, а гдѣ нѣтъ должной за труды награды, тамъ нельзя рассчитывать на достоинство издѣлій. Впрочемъ, если это было такъ, то было на все и время, а кому неизвѣстно, что время все измѣняетъ? По-крайней-мѣрѣ теперь въ Тулѣ оружейные мастера дѣлаютъ такія охотничьи ружья и прочія вещи, которыя едва ли въ чемъ

уступать заграничнымъ, въ особенности въ послѣднее время, когда начальство завода обратило вниманіе на частныя работы этихъ мастеровъ, а изъ покупателей многіе начали адресоваться съ заказами прямо въ заводъ. Лучшаго свидѣтельства о достоинствѣ тульскихъ ружей, кажется, не нужно; остается только желать, чтобы не скупилась охотники и обращались съ заказами прямо въ заводъ, откуда, сообразно цѣнѣ, могутъ получать ружья съ пломбами и свидѣтельствами, за подписью начальства завода объ осмотрѣ и дѣйствительной стоимости ружья. Мѣра эта служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что о всемъ приготовляемомъ оружейными мастерами съ вѣдома завода, начальство не затрудняется давать удостовѣренія, и что такія издѣлія вполне оправдываютъ мастеровъ передъ покупателями — Въ заводѣ для стрѣльбы устроена особенная галерея, гдѣ постоянно пробуются охотничьи ружья, и кромѣ-того, желающіе стрѣлять въ цѣль, изъ собственныхъ ли ружей и пистолетовъ, или изъ принадлежащихъ заводу, во всякое время дня, могутъ пользоваться всеѣмъ для этого необходимымъ, за самую умѣренную цѣну.

ЛЪННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. Съ давнихъ временъ ленъ, покупаемый Ярославскаго уѣзда, въ селѣ Великомъ, главномъ мѣстѣ сбыта этого продукта, почти весь отправляемъ былъ къ архангельскому порту, почему всегда архангельскіе и вологодскіе купцы устанавливали въ селѣ Великомъ рѣшительную цѣну, выше которой мелочные великосельскіе торговцы, изъ боязни затрудниться въ сбытѣ, не осмѣливались покупать. Слѣдствіемъ этого установившагося въ торговлѣ обычая было, что цѣна на ленъ годъ отъ года упадала во вредъ земледѣльцамъ. Въ теченіе же зимы 1851 — 1852 года, торговля эта, къ счастью края, занимающагося большою производительностью льна, приняла совсѣмъ новое направленіе, происшедшее отъ значительныхъ требованій льна на вновь учреждаемыя внутри Россіи машинныя льнопрядильни. Поэтому, несмотря на установленныя, по заведенному порядку, архангельскими и вологодскими купцами цѣны на ленъ, несмотря на то, что великосельскій рынокъ, отъ необыкновеннаго урожая въ прошломъ году, заваленъ былъ льномъ, требованіе внутрь Россіи возвысилось на него цѣны. Вліяніе этого требованія обнаружилось столь сильно, что торговцы Архангельска и Вологды были поставлены въ необходимость покупать ленъ дороже противъ предполагаемой ими цѣны. При такомъ благопріятномъ началѣ переворота торговли льномъ, не безъ основанія можно рассчитывать производителямъ на самыя

блестящія надежды въ будущемъ. Второе, по послѣдствіямъ не менѣе важное, новое обстоятельство явилось въ этой торговлѣ. По указаніямъ тѣхъ же портовыхъ торговцевъ, ленъ всегда дѣлимъ былъ на два сорта и на бракъ. Эти два сорта суть второй и третій, а перваго сорта въ Архангельскѣ, по правиламъ бракованія, не назначено. Но одинъ изъ великосельскихъ торговцевъ отвезъ свой ленъ для продажи на учрежденную въ городѣ Егорьевскѣ льнопрядильню купца Хлудова. Тамошній директоръ льнопрядильни (Англичанинъ) перебраковывалъ здѣшнюю разсортровку льна, по требованіямъ льнопрядильни, то есть, отдавалось преимущество льну судя потому, какая изъ него могла выйти пряжа. Послѣ этой перебраковки оказалось, что сорта, цѣнные въ Великомъ-селѣ выше, попали въ низшіе. Очевидно, что въ-послѣдствіи времени, мелочные торговцы будутъ приспособляться къ этимъ браковкамъ, и сообразно съ требованіями льнопрядильни, съ лучшею разборчивостью станутъ оцѣнять ленъ, ими закупаемый. Это побудитъ земледѣльцевъ прилагать стараніе къ тому, чтобы доставляемый ими на базаръ ленъ могъ идти въ лучшую пряжу; слѣдовательно, труды ихъ по достоинству вознаградятся. Между-тѣмъ, до сего времени, такой ленъ, изъ котораго можетъ выйти тончайшая пряжа, по неотданію ему, должной справедливости, никогда на базарахъ торговцамъ не продавался, а покупали его только немногія искусныя пряхи, платя двойную цѣну противъ цѣнъ базарныхъ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ Въ г. Мологѣ 26-го октября, поутру, на безоблачномъ небѣ, при 14 град. по Реомюру и при сѣверо-западномъ вѣтрѣ, видимы были вокругъ солнца два концентрическіе круга, радужнаго цвѣта и значительной величины въ поперечникахъ. Явленіе продолжалось до 10-ти часовъ утра.

Ночью на 15 число октября, часу въ 12, слышенъ былъ въ г. Петразаводскѣ глухой раскатъ грома, которому предшествовала яркая молнія, внезапно освѣтившая весь городъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ПОЖАРЫ. Съ 9 на 10 сентября, Московской губерніи, близъ города Серпухова, въ деревнѣ Скрыльнѣ, сгорѣла бумагопрядильная фабрика почетнаго гражданина Коншина; съ убыткомъ на 500,000 р. сер.

— 1-го сентября. Харьковской губерніи, Валковскаго уѣзда, въ селѣ Старомъ Мерчикѣ, графини Орловой-Денисовой, сгорѣли скотные сараи, и притомъ, изъ числа находившихся въ тѣхъ сараяхъ 220 штукъ овецъ испанской породы, 130 погибли, а 90 обгорѣли; убытокъ простирается на 1,500 р. сер.

— 1-го—2-го сентября, Волынской губерніи Заславскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Судиковѣ, сгорѣли: 17 еврейскихъ домовъ; убытку показано на 31,719 р. сер.

— 21-го сентября, Московской губерніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ, при Неропковской суконной фабрикѣ 3-й гильдіи купца Богомолова сгорѣли: кладовая, аппаратный корпусъ съ коннымъ приводомъ и двумя пристройками, сарай для складки матеріаловъ, погребъ и сѣнной сарай, съ находившимися въ немъ машинами, аппаратами и матеріаломъ; убытку понесено на 30,515 р. сер.

— 24-го сентября. Гродненской губерніи Слонимскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Молчалзи, помѣщика Булгака, сгорѣли отъ неосторожности: православная деревянная церковь съ находившеюся при ней богадѣльней и всею утварью, 3 дома тамошняго римско-католическаго прихода съ имуществомъ, у Евреевъ 1 синагога, 2 молитвенныя школы и 67 домовъ, 45 домовъ крестьянскихъ, съ имуществомъ, рядъ лавокъ, въ числѣ 24, принадлежащихъ владѣльцу мѣстечка, и его же заѣзжая корчма; весь убытокъ, по приблизительной оцѣнкѣ, простирается на 44 848 р. сер.; при семъ случаѣ погибла въ пламени одна Еврейка. Московской губерніи въ городѣ Богородскѣ, сгорѣлъ домъ 3 гильдіи купца Ныркова; убытку понесено на 15,000 р. сер.; пожаръ начался на дворѣ почтовой станціи, отъ неосторожности ящика, оставившаго въ конюшнѣ свѣчу послѣ уборки лошадей.

— 28—29 сентября. Гродненской губерніи, Волковскаго уѣзда, въ государственномъ мѣстечкѣ Зельвѣ, сгорѣло: 6 деревянныхъ крестьянскихъ домовъ съ 10 амбарами, 5 клунями и 20 конюшнями, еврейскій домъ съ 2 конюшнями и 2 амбарами, и домъ мѣстнаго римско-католическаго прихода, съ 4 конюшнями и амбаромъ; понесенный отъ пожара убытокъ простирается на 8,910 р. сер.

— 5-го октября. Гродненской губерніи и Гродненскаго же уѣзда, въ мѣстечкѣ Индурѣ: пожаръ, происшедшій вечеромъ, отъ жилаго еврейскаго дома, при сильной бурѣ, охватилъ все почти мѣстечко и истребилъ большую его часть, застроенную лучшими домами; сгорѣло: 15 домовъ христіанскихъ, 54 еврейскихъ дома со всеми службами, все лавки съ товарами, и строеніе, въ которомъ помѣщался цейхгаузъ съ казенными вещами и аммуниціей 1 Роты 1 Стрѣлковаго Батальйона; весь убытокъ отъ этого пожара еще съ достовѣрностію неизвѣстенъ, но при-

мѣрно полагается до 150,000 р. сер.; сгорѣвшія же вещи Стрѣлковой Роты оцѣнены въ 2,000 р. сер.

— 9-го октября. С.-Петербургской губерніи, въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ: на дачѣ Почетнаго гражданина Соловьева, состоящей на участкѣ земли Лѣснаго и Межеваго Института, сгорѣли до основанія деревянныя оранжереи, длиною на 25, шириною на 4 саж., и рядомъ съ ними кухня, тоже деревянная; убытокъ отъ пожара простирается до 25,000 р. сер.

— Тульского уѣзда, въ селѣ Тепломъ, сгорѣла деревянная церковь со всею утварью, кромѣ запрестольнаго образа Богоматери и денежнаго сундука, вынесенныхъ изъ олтаря сквозь окна на горнемъ мѣстѣ, въ которомъ сбѣжавшіеся къ горѣвшей церкви люди успѣли выломать желѣзную рѣшетку. Пожаръ усмотрѣнъ въ полдень. Загорѣлась паперть у самыхъ западныхъ дверей; почему и невозможно было войти въ запертую церковь. Полагаютъ, что пожаръ произошелъ отъ тлѣвшихъ гдѣ-либо искръ, или запавшаго въ трещины пола угля изъ жаровни съ огнемъ, стоявшей на паперти, предъ начатіемъ въ тотъ день литургіи.

БУРИ. Въ концѣ октября, въ Бердянскомъ рейдѣ были три сильныя бури, причинившія стоявшимъ морскимъ судамъ значительныя поврежденія. Первая буря была въ ночи на 16 октября, (въ то-же время, какъ и въ Одессѣ), при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ. Она затопила одно каботажное судно, пришедшее наканунѣ въ портъ съ казенною солью изъ Генческа, и только экипажъ его едва успѣлъ спастись на соседнее судно. Много перегруженныхъ судовъ нагнано на мелководіе къ берегу; инныя изъ нихъ попортились, а нѣкоторыя принуждены выбросить часть груза въ море. Вторая буря свирѣпствовала въ ночь на 29 октября, тоже при юго-западномъ вѣтрѣ, и была сильнѣе первой. Отъ нея пострадало больше восьми каботажныхъ судовъ, изъ которыхъ четыре выкинуло на берегъ, а три, загнанныя на мель, дали течь, и грузъ ихъ, состоявшій изъ пшеницы и льнянаго сѣмяни, совершенно подмоченъ и сдѣлался никуда негоднымъ; сверхъ-того, выбросило на берегъ болѣе 20 баркасовъ. Третья буря была опять ночью, на 1 ноября. Во всю эту ночь и все утро слѣдующаго дня, море ужасно бушевало. Восемь каботажей потерпѣли крушеніе: два изъ нихъ погибли со всеѣмъ грузомъ, принятымъ для перегрузки на иностранныя суда; три судна, съ грузами, выбросило на мель, къ самому почти берегу, и грузы болѣею частію подмочило, а частію выкинуло въ мо-

ре; наконецъ три порожнія судна также выбросило на берегъ, съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями. Большая часть каботажей, избѣжавшихъ несчастія, такъ, однакожъ, пострадали, что не могутъ уже заниматься работою, а должны необходимо чиниться. Многія суда, для спасенія себя, кидали грузъ свой въ море. Потери отъ этихъ бурь оцѣниваются свыше 40,000 р. сер. О гибели людей ничего пока не слышно.

Оканчивающаяся навигація текущаго года ознаменовалась въ евпаторійскомъ портѣ сильною бурей въ ночь съ 31-го октября на 1-е ноября. Вѣтеръ началъ усиливаться съ половины дня, и къ ночи превратился въ штормъ. Море взволновалось, и какъ направленіе вѣтра было съ юга, откуда евпаторійскій портъ совершенно открытъ, то стоящія на рейдѣ суда, хотя въ-время приняли все мѣры осторожности и самосохраненія, но дѣло не обошлось безъ несчастія: русское мореходное судно, Іоаннъ Богословъ, сорвало съ якорей и выбросило на песчаный берегъ въ самомъ городѣ; тамъ-же разбита въ щепы и шаланда, поднимавшая до 2 т. пудовъ груза; оба судна начинали грузиться солью, которую и размыло. Прочія судна едва не подвергнулись той-же участи; ихъ дрейфило, но они уцѣлѣли.—1-го ноября, толпы горожанъ съ участіемъ сходились послѣ бури, осматривать претерпѣвшія крушеніе суда.

Въ Мглинскомъ уѣздѣ, по случаю наступившихъ, съ 9 октября, холодовъ и морозовъ, приостановилась окончательная уборка съ полей конопли, принадлежавшей помѣщикамъ и ихъ крестьянамъ. Велѣдъ затѣмъ конопля эта, на пространствѣ 750 десятинъ, сильной бурей и выпавшимъ снѣгомъ была поломана, смята, и сѣмя изъ ней осыпалось, такъ что къ снятію и употребленію въ обработку она оказалась совершенно негодною. По той же самой причинѣ, на огородахъ оставались неубранными и также повреждены картофель и другія овощи, въ количествѣ 150 десятинъ. Убытку отъ того понесено на 25,000 рублей серебромъ.

РАННИЙ СНѢГЪ И МОРОЗЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ АХАЛЦЫХА. Кутаиской губерніи въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, на Ахалкалакскихъ-горахъ выпалъ, въ ночь на 19 августа, снѣгъ, а 19 числа былъ довольно сильный морозъ. Отъ этихъ невременныхъ зимнихъ явленій весьма много потерпѣли огородные овощи и хлѣба, еще незрѣлые.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ ноябрѣ скончались въ С.-Петербургѣ:

2-го. Отставной Артиллеріи Полковникъ Лавръ Степановичъ *Лавровъ*.

6-го. Членъ Почтоваго Совѣта, Тайный Совѣтникъ Фролъ Осиповичъ *Доливо-Добровольскій*.

12-го. Дѣйств. Стат. Сов. Александръ Николаевичъ *Верещанинъ*.

13-го. Дѣйств. Стат. Сов. Михайлъ Ивановичъ *Вороновъ*.

18-го. Отставной Генераль-Маіоръ Александръ Борисовичъ *Подобьдовъ*. Стат. Сов. Иванъ Ефимовичъ *Севербрикъ*.

19-го. Супруга Дѣйств. Стат. Сов. Марья Яковлевна *Черноглазова*, и Генераль-Маіоръ Дмитрій Николаевичъ *Соколовъ*.

20-го. Вдова Генераль-Лейтенанта Любовь Александровна *Маевская*.

24-го. Отставной Чиновникъ 5-го класса Степанъ Васильевичъ *Животовъ*.

28-го Генераль-Лейтенантъ Петръ Ивановичъ *Кошкуль*.

Въ декабрѣ скончались въ С.-Петербургѣ:

1-го. Супруга Генерала отъ Кавалеріи, баронесса Екатерина Федоровна *Офенбергъ*.

2-го. Директоръ Канцеляріи Капитула Императорскихъ и Царскихъ Россійскихъ Орденовъ, Тайный Совѣтникъ Дмитрій Ниловичъ *Казинъ*.

4-го. Дочь Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, графиня Варвара Петровна *Протасова*.

6-го. Тайный Совѣтникъ Петръ Никифоровичъ *Беклемишевъ*.

12-го. Дочь Статскаго Совѣтника, дѣвица Аграфена Михайловна *Веніаминава*.

18-го. Генераль-Лейтенантъ Сергѣй Михайловичъ *Бровцынъ*.

20-го. Оберъ-Гофмейстеръ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Федоръ Петровичъ *Опочининъ*, и Тайный Совѣтникъ Камергеръ Александръ Ивановичъ *Ковальковъ*.

24-го. Супруга Статскаго Совѣтника Марья Ивановна *Никольская*.

26-го. Супруга Генераль-Лейтенанта Марья Григорьевна *Паскина*.

29-го. Вдова Контръ-Адмирала Анна Ивановна *Грениъ*, и Статскій Совѣтникъ *Ярошевскій*.

30-го октября скончался въ Ярославлѣ Протоіерей Богословской церкви, отецъ Козьма, 91-го года отъ рожденія. Онъ былъ старше всѣхъ въ ярославскомъ духовенствѣ. Несмотря на глубокую старость, отецъ Козьма до послѣдней минуты своей жизни сохранилъ свѣтлую память, здравое сужденіе и силу религіознаго чувства. Уважая заслуги, лѣта и христіанскую жизнь покойнаго, Преосвященнѣйшій Архіепископъ Ярославскій Евгенийъ самъ изволилъ присутствовать, 2-го ноября, на выносѣ тѣла почтеннаго отца Протоіерея и совершить заупокойную литургію по немъ, съ надгробнымъ пѣніемъ, при многочисленномъ стеченіи народа изъ всѣхъ сословій. Долголѣтняя жизнь усопшаго была хотя не разнообразная, но украшена услугами обществу и Церкви. По окончаніи курса наукъ въ семинаріи, нѣсколько лѣтъ состоялъ онъ наставникомъ въ духовномъ училищѣ, потомъ былъ Діакономъ и наконецъ, 56 лѣтъ служилъ въ санѣ Священника; послѣднія 10 лѣтъ находился уже внѣ службы, по причинѣ потери зрѣнія.

8-го ноября скончался въ Одессѣ, въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, одинъ изъ одесскихъ старожилловъ, изъ первыхъ заселителей и лучшихъ сельскихъ хозяевъ при-одесскаго края, отставной Капитанъ Иванъ Михайловичъ Колмогоровъ. Онъ вступилъ въ военную службу еще при Императрицѣ Екатеринѣ, и лично помнилъ великаго Суворова; вышедши въ отставку, вскорѣ послѣ аустерлицкаго сраженія, въ которомъ участвовалъ, онъ поселился съ-тѣхъ-поръ въ 40 верстахъ близъ Одессы, и на безплодной степи создалъ одно изъ самыхъ цвѣтушихъ и богатыхъ селеній нашего края, гдѣ онъ имѣлъ счастье лично принимать Императора Александра. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ былъ Предводителемъ Дворянства Одесскаго уѣзда. По неуклон-

ной прямотѣ и честности своего характера, по неизмѣнному благодушію и твердому, практическому уму своему, покойный пользовался до конца дней своихъ самымъ искреннимъ уваженіемъ всѣхъ близкихъ къ нему и всѣхъ его знакомыхъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ф Р А Н Ц І Я.

Новый великій переворотъ совершился во Франціи. Франція—Имперія; Президентъ Республики—Императоръ, подъ именемъ Наполеона III.

Сообщаемъ всѣ событія послѣдовательно.

Нобря 4-го, въ засѣданіи сената, было прочитано слѣдующее посланіе Людовика Наполеона:

«Господа сенаторы! Нація громогласно выразила желаніе свое о возстановленіи Имперіи. Довѣряя вашему благоумію и любви къ отечеству, я собралъ васъ для законнаго обсужденія сего важнаго вопроса, и поручаю вамъ устроеніе поваго порядка вещей. Если вы примете его, то именно найдете, какъ и я, что уложеніе 1852 г. должно быть удержано, и тогда измѣненія, оказавшіяся необходимыми, нимадо не коснутся его основныхъ началъ. Готовящееся нынѣ измѣненіе преимущественно будетъ относиться къ формамъ, и между-тѣмъ возстановленіе императорскаго сана имѣетъ для Франціи необъятное значеніе. Въ самомъ-дѣлѣ, въ возстановленіи имперіи народъ найдетъ обезпеченіе своихъ выгодъ и удовлетвореніе своей справедливой гордости; это возстановленіе обезпечиваетъ его выгоды, упрочивая будущее, заключаая собою рядъ революцій, утверждая еще приобрѣтенія 1789 г.; оно удовлетворяетъ его гордости, возстанавливая свободно и разсудительно то, что за тридцать семь лѣтъ предъ симъ низпровергла вся Европа силою оружія, среди бѣдствій отечества; народъ благо-

родно отмщаетъ за свои неудачи, не требуя жертвъ, не угрожая ни чьей независимости, не нарушая общаго мира. Между-тѣмъ, не скрываю отъ себя, какъ страшно мнѣ нынѣ принять и надѣть на голову корону Императора Наполеона, но сіи опасенія смягчаются мыслію, что такъ-какъ я, по многимъ причинамъ, представитель дѣла народнаго и воли націи, то нація, возвышая меня на тронъ, увѣнчиваетъ сама себя. Дано въ Сень-Клудскомъ дворцѣ. 4-го ноября 1852 г. *Людвигъ Наполеонъ*».

Предложенія измѣненій въ уложеніи заключаются въ слѣдующемъ: § 1. Императорское достоинство возстановляется. Людвигъ-Наполеонъ Бонапарте есть Императоръ Французовъ, подъ именемъ Наполеона III.—§ 2. Достоинство императорское есть наследственное въ прямомъ, родномъ (naturel) и законномъ нисходящемъ потомствѣ Людовика-Наполеона, мужескаго пола, по праву первородства, съ исключеніемъ лицъ женскаго пола и ихъ потомства.—§ 3. Людвигъ-Наполеонъ, въ случаѣ неимѣнія дѣтей мужескаго пола, можетъ усыновить дѣтей и родныхъ потомковъ, въ мужскомъ колѣнѣ, братьевъ Императора Наполеона.—Обряды и условія усыновленія будутъ опредѣлены постановленіемъ сената. Еслибъ, послѣ усыновленія, родились у Людовика-Наполеона дѣти мужескаго пола, то усыновленные имъ могутъ наследовать не иначе, какъ послѣ родныхъ и законныхъ его потомковъ. Усыновленіе воспрещается преемникамъ Людовика-Наполеона Бонапарте и ихъ потомкамъ.—§ 4. За неимѣніемъ роднаго и законнаго или усыновленнаго наследника Людовика-Наполеона Бонапарте, императорское достоинство переходитъ къ Иерониму-Наполеону Бонапарте и его роднымъ и законнымъ наследникамъ, рожденнымъ отъ брака его съ принцессою Екатериною Виртембергскою, въ мужескомъ колѣнѣ, по праву первородства, съ исключеніемъ лицъ женскаго пола и ихъ потомства.—§ 5. За неимѣніемъ родныхъ и законныхъ наследниковъ у Иеронима Бонапарте и его преемниковъ, сенатскимъ рѣшеніемъ, предложеннымъ сенату совѣтомъ министровъ, съ присоединеніемъ къ нему президентовъ сената, законодательнаго собранія и государственнаго совѣта, и подлежащимъ принятію, назначается Императоръ и устрояется въ его фамиліи порядокъ престолонаслѣдія въ мужескомъ колѣнѣ, съ исключеніемъ лицъ женскаго пола и ихъ потомковъ. До совершенія избранія новаго Императора, го-

сударственныя дѣла отправляются служащими министрами, составляющими правительственный совѣтъ, и рѣшающими по большинству голосовъ. § 6. Члены фамиліи Людовика-Наполеона Бонапарте, имѣющіе, въ случаѣ, право престолонаслѣдія, и ихъ потомки обоюбого пола составляютъ фамилію императорскую. Положеніе ихъ будетъ утверждено постановленіемъ сената. Они не могутъ вступать въ бракъ безъ согласія Императора. Бракъ, заключенный безъ сего согласія, лишаетъ правъ наследованія, какъ заключившаго оный, такъ и его потомковъ. Между-тѣмъ, если отъ сего брака не было дѣтей, то по расторженіи онаго смертію, Принцъ, вступившій въ сей бракъ, получаетъ обратно права наследованія. Людвигъ-Наполеонъ Бонапарте назначаетъ титулы и состояніе прочихъ членовъ своей фамиліи. Императоръ имѣетъ полную власть надъ всѣми членами своей фамиліи. Онъ устанавливаетъ ихъ должности и обязанности статутами, имѣющими силу закона. § 7. Уложеніе 14-го января утверждается во всѣхъ его постановленіяхъ, которыя не противорѣчатъ сему рѣшенію сената. Измѣненія въ ономъ могутъ быть сдѣланы только въ тѣхъ формахъ и тѣми средствами, которыя въ немъ предписаны. § 8. Слѣдующее предложеніе будетъ сдѣлано на принятіе его народомъ, въ формахъ, изложенныхъ въ декретахъ 2-го и 4-го декабря 1852 г.: «Народъ желаетъ возстановленія императорскаго достоинства въ лицѣ Людовика-Наполеона Бонапарте, съ наследованіемъ въ прямомъ, родномъ и законномъ его потомствѣ, или въ усыновляемомъ имъ, и за неимѣніемъ онаго въ прямомъ, родномъ и законномъ потомствѣ Иеронима-Наполеона Бонапарте, какъ постановлено рѣшеніемъ сената. Ноября 1852 г.»

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, въ которыхъ происходили преимущественно пренія о престолонаслѣдіи, сенатъ, утвердивъ постановленіе свое о возстановленіи Имперіи, отправился въ Сень-Клу; сенаторы въ парадныхъ мундирахъ, кардиналы въ красной одеждѣ; ихъ сопровождалъ кавалерійскій конвой.

Всѣ собрались въ большой галлерей. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Президентъ, окруженный министрами и комиссарами государственнаго совѣта, въ сопровожденіи военной своей свиты. При входѣ его привѣтствованъ онъ былъ восклицаніемъ: «да здравствуетъ Императоръ!» Г. Менаръ подалъ ему декретъ сената, утвержденный въ засѣданіи

сего числа, и сказалъ: «Ваше Высочество! Когда великое государство, подобное Франціи, объявляетъ свою волю, политическое собраніе, къ которому обратился его голосъ, должно внимать ему и соображаться съ этою волею. Такова была мысль Вашего Высочества, когда вы передавали на разсмотрѣніе сената обширное движеніе общественнаго мнѣнія, обнаружившагося съ такою совокупностью и силою. Сенатъ понялъ, что это великое движеніе оправдывается огромными заслугами, вами оказанными, именемъ, вами носимымъ, ручательствомъ въ будущности, которое даруетъ вамъ величіе вашего характера, мудрость и твердость ума. Сенатъ понялъ, что послѣ толикихъ революцій, Франція чувствуетъ необходимость вѣрить свою участь подъ защиту Правительства могущественнаго и національнаго, которое, заимствуя изъ прошедшаго одни воспоминанія славы и законность происхожденія, находитъ теперь въ народномъ происхожденіи начало своей силы и прочности. Сенатъ представляетъ себѣ за славу, Ваше Высочество, быть вѣрнымъ толкователемъ желаній и чувствъ Франціи, поднося вамъ декретъ свой о наименованіи васъ Императоромъ». Послѣ сихъ словъ снова раздались крики: да здравствуетъ Императоръ! Людовикъ-Наполеонъ отвѣчалъ: «Господа сенаторы! Благодарю сенатъ за готовность, съ какою онъ исполнилъ желаніе Франціи, обсудивъ вопросъ о возстановленіи имперіи, и составивъ декретъ, который долженъ быть представленъ на утвержденіе націи. За сорокъ восемь лѣтъ предъ симъ, въ этомъ самомъ дворцѣ, въ этой самой залѣ и въ подобныхъ же обстоятельствахъ, сенатъ поднесъ корону главѣ моего семейства, и Императоръ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Духъ мой перестанетъ одушевлять мое потомство съ той минуты, когда оно перестанетъ служить любовь и довѣренность великой націи». Теперь сердце мое наиболѣе тронуто тою мыслию, что духъ Императора оживляетъ меня, что гений его руководствуетъ мною, что тѣнь его мнѣ покровительствуетъ: вы торжественно, отъ имени французской націи, принесли мнѣ доказательство, что я заслужилъ ея довѣренность; не имѣю надобности говорить вамъ, что я непрерывно буду, вмѣстѣ съ вами, трудиться для благосостоянія и величія Франціи». Крики: да здравствуетъ Императоръ! вновь раздались съ восторгомъ. Потомъ Президентъ подошелъ къ сенаторамъ

и разговаривалъ со всѣми. Послѣ сего сенаторы возвратились въ сенатъ съ тѣмъ же конвоемъ. (С. Пч.).

Постановленіе сената принято въ комиссіи девятью голосами противъ одного, поданнаго г. Вильяромъ, бывшимъ наставникомъ Людовика-Наполеона. Въ немъ § 4 измѣненъ слѣдующимъ образомъ: «Людовикъ-Наполеонъ Бонапарте назначаетъ органическимъ декретомъ, препровожденнымъ въ сенатъ и хранимымъ въ его архивѣ, порядокъ престолонаслѣдія въ фамиліи Бонапарте, въ случаѣ неоставленія имъ никакого прямаго, законнаго или усыновленнаго преемника». Итакъ въ сенатѣ одержала верхъ сильная и дружная оппозиція противъ бывшаго короля Вестфальскаго, и еще болѣе противъ его сына, Наполеона. Иеронимъ, въ слѣдствіе сего, отказался отъ званія президента сената.

Заимствуемъ изъ Journal des Debats родословную братьевъ и сестеръ Императора Наполеона Бонапарте, обращающихъ на себя, въ нынѣшнее время, вниманіе читателей газетъ.

Иосифъ Наполеонъ Бонапарте родился въ Корте, 7-го января 1768 г.; былъ Неаполитанскимъ королемъ съ 30-го марта 1806 по 1808; Испанскимъ Королемъ съ 6-го іюня 1808 по 1813. Потомъ жилъ подъ именемъ графа Сюрвилле; женился 1-го августа 1794 г., на Маріи Юліи Клари. Скончался 7-го апрѣля 1845 г.

Люціанъ Бонапарте родился въ Аяччіо въ 1775 г., наименованъ принцемъ Канино 18-го августа 1814. Женился въ первый разъ въ 1795, на Христинѣ Бойе, умершей въ 1801, а во второй разъ въ 1802 г., на Александринѣ-Флорансѣ Блешанъ, родившейся въ Кале въ 1777. Умеръ въ Витербѣ 23-го іюня 1840 г.

Марія-Анна-Элиза Бонапарте, принцесса Луккская, Піомбинская, великая герцогиня Тосканская, родилась въ Аяччіо 3-го января 1777. Въ бракъ вступила 5-го марта 1797 съ княземъ Феликсомъ Баччіоки, скончалась въ августѣ 1820, оставивъ двоихъ дѣтей: 1) Наполеону-Элизу Баччіоки, родившуюся 3-го іюня 1806, бывшую въ замужствѣ за графомъ Камерато. 2) Фредерика Баччіоки, умершаго въ Римѣ.

Людовикъ Бонапарте родился въ Аяччіо 2-го сентября 1778; былъ королемъ Голландскимъ съ 24-го мая 1805 по 1-е іюля 1810. Женился 3-го января 1802, на принцессѣ Гортенсіи-Евгеніи де-Сенъ-Лё, родившейся 10-го апрѣля

1793. умершей 3 ноября 1837 г. Самъ онъ скончался 25-го іюля 1846 г.

Марія-Полина Бонапарте, возведенная Императоромъ, братомъ своимъ, въ званіе принцессы и герцогини Гвастальской 30-го марта 1806. Была въ замужствѣ въ первый разъ за генераломъ Леклеркомъ, а во второй, съ 6-го ноября 1803, за княземъ Камиломъ Боргезе. Скончалась бездѣтною.

Марія-Анонсиада-Каролина Бонапарте родилась въ Аяччіо 25-го марта 1780, вступила въ бракъ 20-го января 1800 съ Іоахимомъ Мюратомъ, Королемъ Неаполитанскимъ съ 15-го іюля 1808. Скончалась во Флоренціи, подъ именемъ графини Липона 18-го мая 1839. У ней дѣти: 1) Наполеонъ-Ахиллъ-Карлъ-Людовикъ Мюрать, наслѣдннй принцъ неаполитанскій, родился 21-го января 1801, скончался 15-го апрѣля 1847. 2) Летиція-Жозефа, родилась 25-го апрѣля 1802, въ замужствѣ за графомъ Пеполи въ Болоньѣ. 3) Луціанъ-Карлъ-Іосифъ-Францъ-Наполеонъ Мюрать, родился 16-го марта 1803, избранъ былъ въ 1848 депутатомъ департамента въ національное собраніе. 4) Луиза-Юлія-Каролина Мюрать, родилась 22-го марта 1805, въ замужствѣ за графомъ Роспони въ Равеннѣ.

Іеронимъ Бонапарте родился въ Аяччіо 15-го декабря 1784, былъ Королемъ Вестфальскимъ съ 1-го декабря 1807 по 26-е октября 1813. (Онъ же принцъ Монфорскій). Вступилъ въ бракъ 12-го августа 1806 съ принцессою виртембергскою Фридерикою-Катериною-Софіею-Доротеєю, родившеюся 21-го февраля 1783, скончавшеюся 28-го ноября 1836.

У Іосифа Бонапарте было двое дѣтей: Зинаида-Карлота-Юлія, родилась въ Парижѣ 8-го іюля 1804, въ замужствѣ за двоюроднымъ своимъ братомъ, Карломъ-Луціаномъ-Жюлемъ-Лораномъ Бонапарте, принцемъ Канино и Музиньяно, сыномъ Луціана Бонапарте, брата императора. Шарлотта въ замужствѣ за двоюроднымъ братомъ своимъ, принцемъ Наполеономъ-Людовикомъ Бонапарте, сыномъ короля Людовика. Овдовѣла 16-го марта 1831; скончалась въ 1839 г.

У Луціана Бонапарте было одиннадцать человѣкъ дѣтей. Шарлотта, родившаяся въ 1796, въ замужствѣ за княземъ Габріели, отъ котораго имѣла сына и трехъ дочерей. Христина-Египта, родившаяся въ 1698, въ замужствѣ съ 1824

за лордомъ Додлеемъ-Стюартомъ, умершая въ 1847. Сынъ ея, Франкъ-Додлей Стюартъ, служилъ офицеромъ въ Индіи. Карлъ-Луціанъ-Жюль-Лоранъ Бонапарте, родился въ Парижѣ 24-го мая 1803, принцъ Канино и Музиньяно, членъ-корреспондентъ Французскаго Института, академіи с.-петербургской, берлинской, лондонской и гаагской, авторъ *италіанской фавны*, основатель ученыхъ съѣздовъ въ Италиі. Летиція Бонапарте, родилась въ Миланѣ 1-го декабря 1804 г., замужемъ за Томасомъ Вейзомъ, католическимъ членомъ англійскаго парламента. Людовикъ-Луціанъ Бонапарте, родившійся 13-го января 1813 года. Петръ-Наполеонъ Бонапарте, родившійся въ Римѣ 12-го сентября 1815 года, начальникъ баталіона иностраннаго легіона въ Алжиріи, избранъ, въ 1848 г. депутатомъ Корсики въ національное собраніе. Антуанъ Бонапарте, родился въ Тускулумѣ 31-го октября 1836 г. Александрина-Марія Бонапарте, родилась въ Римѣ 1818, въ замужствѣ за графомъ Винцентомъ Валентини. Констанція Бонапарте родилась въ Болоньѣ 1823, монахиня въ римскомъ монастырѣ. Павелъ Бонапарте, умершій въ Греціи. Жанна Бонапарте, въ замужствѣ за маркизомъ Гонорати.

У Людовика Наполеона было трое дѣтей: Наполеонъ-Карлъ Бонапарте, наслѣдннй принцъ голландскій, умершій въ Гаагѣ 5-го марта 1807. Наполеонъ-Людовикъ Бонапарте, великій Герцогъ Бергскій и Клевскій, имѣлъ въ замужствѣ свою двоюродную сестру, принцессу Шарлотту, дочь короля Іосифа. Скончался въ Форли 16-го марта 1831, бездѣтенъ. Карлъ-Людовикъ-Наполеонъ Бонапарте родился въ Парижѣ 20-го апрѣля 1808. Содержался нѣсколько лѣтъ въ крѣпости Гамбъ. Избранъ въ 1848 четырьмя департаментами депутатомъ въ національное собраніе, а потомъ въ президенты республики.

У Іеронима Бонапарте было трое дѣтей: Іеронимъ-Наполеонъ Бонапарте, князь Монфорскій, родился въ Триестѣ 24-го августа 1814, былъ полковникомъ 8-го линійнаго полка въ арміи Короля Виртембергскаго, скончался въ 1847. Матильда-Летиція-Вильгельмина Бонапарте, княжна Монфорская, родилась въ Триестѣ 27-го мая 1820; замужемъ съ 1841 за г. Демидовымъ. Наполеонъ-Іосифъ-Карлъ-Павелъ Бонапарте, князь Монфорскій, родился въ Триестѣ 9-го сентября 1822, былъ капитаномъ 8-го линійнаго полка въ

виртембергской службѣ. Въ 1848 избранъ Корсикою депутатомъ въ національное собраніе.

У Карла-Люціана князя Канино было десять человекъ дѣтей: Іосифъ-Люціанъ-Карлъ-Наполеонъ Бонапарте, князь Музиляно, родился въ Филадельфій 13-го февраля 1824. Люціанъ-Людвикъ Іосифъ-Наполеонъ Бонапарте родился въ Римѣ 15-го ноября 1828 года; Юлія-Шарлотта-Зинаида-Полина-Летипія-Дезири-Бартоломея, родилась въ Римѣ 6-го іюня 1830; Шарлотта-Гопорина-Жозефина родилась въ Римѣ 4-го марта 1832. Марія-Дезире-Жозефина-Филомена, родилась въ Римѣ 18-го марта 1835. Августа Амалія-Максимиліяна-Жакеллиа, родилась въ Римѣ 5-го февраля 1839. Батильда-Алоиза родилась въ Римѣ 26-го ноября 1840 года. Албертина Марія-Тереза, родилась во Флоренціи 12-го марта 1842 года, умерла 2-го іюня того же года. Карлъ-Албертъ, родился 23-го марта 1843.

Народъ былъ созванъ на сходки (comices) 21-го ноября, для принятія или отверженія постановленія сената. Засѣданія законодательной палаты откроются 25-го ноября.

Папѣ было сдѣлано предложеніе короновать Людовика Наполеона. Онъ отвѣчалъ, говорятъ, что Императоръ Наполеонъ, основывая новый порядокъ вещей, новую династію, могъ исключительно испрашивать утвержденія оныхъ Папою Піемъ VII; племянникъ же его, принимая титулъ Наполеона III-го, тѣмъ показываетъ, что онъ только продолжаетъ династію и порядокъ вещей, основанные въ 1804 году, и посему Папа, согласившись короновать его, возложитъ на себя обязанность исполнить тоже самое по требованію всякаго католическаго Государя Европы.

Въ *Preussische Zeitung* пишутъ: «При прекраснѣйшей погодѣ парижане вступаютъ въ преддверіе имперіи. Когда посмотришь, какъ они расхаживаютъ по бульварамъ и по улицамъ, беззаботно, шутя, и закуривая другъ у друга сигары, никакъ не подумаешь, что они недавно получили извѣстіе о важнѣйшемъ событіи своей новѣйшей исторіи. Только на биржѣ видна дѣятельность больше обыкновенной. Внутри зданія толпы роятся, какъ пчелы, а по площади бѣгаютъ спекулянты и ведутъ переговоры съ женскимъ поломъ, которому воспрещенъ входъ въ официальный денежный рынокъ: дамы производятъ биржевыя спекуляціи чрезъ третьи руки. Приготовленія къ имперіи идутъ для парижанъ слишкомъ медленно. Уже за нѣсколько мѣся-

цевъ, всѣ очень хорошо знали о возстановленіи ея, и прокламація сената не могла произвести значительнаго впечатлѣнія. Но кто внимательно прочтетъ объявленіе Монитѣра объ измѣненіи въ новой формѣ правленія, для того событіе это будетъ весьма занимательно. Новый Императоръ, дѣйствительно, принимаетъ наименованіе Наполеона III, а чтобы значительность этого событія не подлежала никакому сомнѣнію, докладчикъ сената и одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ юристовъ, г. Тролонъ, объявляетъ, что Наполеонъ II дѣйствительно царствовалъ, и новый Императоръ дѣйствительный преемникъ Наполеона I. Вообще это донесеніе есть документъ очень замѣчательный. Въ немъ стараются доказать необходимость возстановленія имперіи въ семействѣ Бонапарте, и основываютъ ее на верховномъ правѣ націи къ избранію себѣ главы, извлекая это право изъ документовъ, собранныхъ изъ временъ монархіи, до 1789 г. Въ сенатскомъ декретѣ замѣчательно усиленіе власти, данной Императору. Онъ, конечно, не принимаетъ вновь диктаторства, и новое уложеніе остается въ прежней своей силѣ, но Императоръ устанавливаетъ право престолонаслѣдія въ случаѣ своего бездѣтства, и вся фамилія его формально отдана ему въ опеку. Участъ фамиліи Іеронима Бонапарте теперь оставлена безъ вниманія, потому-что въ донесеніи сенатора Тролона бракъ Людовика-Наполеона представленъ въ близкой перспективѣ, и нѣтъ еще покуда основанія полагать, что Императоръ будетъ бездѣтенъ. Впрочемъ, Принцъ Іеронимъ будетъ вознагражденъ за сложеніе съ себя званія президента сената. Если благопріятная погода продолжится до срока подавія голосовъ, то это обстоятельство будетъ имѣть весьма важное вліяніе, потому-что поселяне съ большимъ удобствомъ могутъ являться на избирательныя сходки, нежели при дурной погодѣ. Нынѣшняя прекрасная погода кажется весьма благопріятнымъ предзнаменованіемъ.»

Очень понятно, что такое важное событіе не могло быть оставлено безъ вниманія въ Фросдорфѣ, и вотъ манифестъ, обнародованный Графомъ Шамборомъ.

Французы! При опытахъ, которымъ подвергается мое отечество, я добровольно осудилъ себя на бездѣйствіе и молчаніе. Я не простилъ бы себѣ, еслибъ могъ хоть на минуту увеличить его смятенія и опасности. Я въ разлукѣ съ Франціею, но она мнѣ столько же и болѣе любезна и свя-

щенна, какъ еслибъ я никогда не оставлялъ ея. Не знаю, суждено ли мнѣ будетъ нѣкогда служить моему отечеству, но увѣренъ, что оно не упрекнетъ меня ни въ словѣ, ни въ поступкѣ, могущемъ нанести малѣйшій вредъ его благоденствію и спокойствію. Нынѣ возвышаю голосъ по требованію его и моей чести, въ попеченіи о его будущности, въ исполненіе моего долга.

Французы! вы желаете монархіи; вы признали, что она одна можетъ даровать вамъ, при благоустроенномъ и твердомъ правительствѣ, то обезпеченіе всѣхъ правъ, то ручательство во всѣхъ выгодахъ, то ненарушимое соединеніе сильнаго правленія съ благоразумною свободою, которыя основываютъ и утверждаютъ благоденствіе націй. Не увлекайтесь мечтаніями, которыя погубятъ васъ рано или поздно. Новая, предлагаемая вамъ имперія не можетъ быть кротою и прочною монархіею, отъ которой вы ждете всѣхъ сихъ благъ. Обманываются и васъ обманываютъ, обѣщая ихъ вамъ подъ симъ именемъ. Истинная монархія, монархія, переданная предками, основанная на правѣ престолонаслѣдія и освященная вѣками, одна можетъ возвратить вамъ сіи драгоценныя достоянія, и навсегда упрочить ихъ за вами. Гений и слава Наполеона не были достаточны для основанія чего-либо прочнаго, еще менѣе можно достигнуть того его именемъ и воспоминаніемъ. Нельзя возстановить безопасности потрясеніемъ правила, на которомъ утверждень тронъ; нельзя упрочить всѣхъ правъ, пренебрегая тѣмъ правомъ, которое у насъ служитъ основою монархическому порядку. Монархія Франціи заключается въ королевскомъ домѣ, неразрывно связанномъ съ націею. Мои и ваши отцы прожили вѣки, трудясь въ согласіи, по обычаямъ и потребностямъ времени, надъ развитіемъ нашего прекраснаго отечества. Въ-теченіе тысячи четырехъ сотъ лѣтъ, изъ всѣхъ націй Европы одни Французы имѣли въ главѣ своей государей своей націи своей крови. Исторія моихъ предковъ есть исторія постепеннаго величія Франціи. Монархія даровала ей и Алжиръ, богатый будущимъ, богатый великою воинскою славою, имъ созданною, славою, присоединяющеюся ко всѣмъ вашимъ знаменитостямъ.

Какова бы ни была судьба, предназначаемая Богомъ вамъ и мнѣ, я, глава древняго рода вашихъ государей, преемникъ длиннаго ряда монарховъ, которые въ-теченіе толѣкихъ вѣковъ увеличили и заставили уважать могущество и

счастіе Франціи, обязанъ самому-себѣ, моему семейству и моему отечеству, громогласно протестовать противъ лживыхъ и опасныхъ соображеній. Я сохраняю свое право, самое вѣрное ручательство вашихъ правъ, и призывая въ свидѣтели Господа Бога, объявляю Франціи и всему свѣту, что, пребывая въ вѣрности законамъ королевства и преданіямъ моихъ предковъ, свято сохраняю, до послѣдняго моего издыханія, законъ наследственной монархіи, порученный Провидѣніемъ моему охраненію, послѣднее спасительное пристанище, въ которомъ, послѣ толѣкихъ бурь, Франція, предметъ всей нашей любви, можетъ наконецъ обрѣсти спокойствіе и благоденствіе. Фросдорфъ, 25-го октября 1852. *Герихъ*.

Къ сему манифесту приложена слѣдующая инструкция легитимистамъ, для удержанія ихъ отъ участія въ выборахъ 21-го и 22-го ноября:

«Происшествіе, предвидѣнное въ письмѣ 27-го апрѣля, готово совершиться. Долгъ повелѣваетъ нынѣ напомнить о совѣтахъ, данныхъ для избѣжанія обмановъ и опасностей, сопряженныхъ съ симъ новымъ преобразованіемъ правленія, и для сохраненія въ неприкосновенности спасительныхъ средствъ, сбереженныхъ для насъ Провидѣніемъ. Стѣтѣхъ-поръ, какъ Франція насильственно отдѣлена отъ законной королевской власти, она тщетно искала въ шаткихъ и обманчивыхъ выраженіяхъ мнимаго народнаго выбора, охраненія своихъ выгодъ, уваженія къ законамъ, и учреждений, необходимыхъ для ея благоденствія.—Въ-продолженіе толѣкихъ бесплодныхъ опытовъ, съ удовольствіемъ видѣли, что роялисты, какъ и всѣ честные люди, старались содѣйствовать къ прекращенію безпорядковъ, къ возстановленію спокойствія въ селахъ и городахъ нашихъ; но Франція не можетъ смѣшивать великодушныхъ усилій, соединяющихся для охраненія общей пользы, съ происками властолюбія и своекорыстія. Нѣтъ! Имперія, которую на нее возлагаютъ, не можетъ быть тою попечительною монархіею, въ которой она теперь чувствуетъ необходимость. Это будетъ новое разгласіе среди насъ и новая запутанность нашихъ судебъ. Изъ этого можетъ произойти только нарушеніе законовъ и своеволие.—Въ письмѣ 27-го апрѣля предлагалось было протестовать всѣми мирными средствами противъ готовившейся перемѣны, которая могла имѣть только самыя пагубныя послѣдствія. Насталъ часъ для исполне-

нія сихъ совѣтовъ. Итакъ, да удержатся всѣ приверженцы монархіи отъ участія въ подачѣ голосовъ, которая есть явное нарушение ихъ правилъ, и да употребятъ они все свое вліяніе на окружающее ихъ народонаселеніе, для убѣжденія его послѣдовать ихъ примѣру. Что касается до тѣхъ, которые полагали донынѣ, что могутъ уклониться отъ начертаннаго имъ пути въ политикѣ, ходъ событій долженъ открыть имъ глаза: они, конечно, увидятъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ благопріятный случай обратиться на указанный имъ путь, отказавшись отъ должностей, исполненіе которыхъ было бы нынѣ менѣе, нежели когда-нибудь, сообразно съ ихъ чувствами и убѣжденіемъ. 28-го октября 1852.

Кромѣ-того Графъ Шамборъ написалъ слѣдующее письмо къ г. Лакомбу, автору книги: *Histoire de la bourgeoisie de Paris* (Исторія парижскаго гражданства:) «Фросдорфъ, 24-го октября. Съ удовольствіемъ получилъ я экземпляръ вашего сочиненія. Вы обнаружили въ немъ свѣтлый умъ, подкрѣпленный глубокою ученостію, твердыя правила, руководимыя большимъ умомъ, и вообще отличное литературное дарованіе. Вы указали на всѣ благодѣянія, которыми Франція обязана древней монархіи, и на необходимость возвратиться къ ней, чтобъ даровать обществу обезпеченіе, ниспровергнутое революціею. «Народы, увлекшіяся на ложную стезю, должны воротиться на прежній свой путь, указанный имъ Провидѣніемъ». Франція получила предостереженіе, говорите вы. Дай Богъ, чтобъ она въ-продолженіе своихъ несчастій приобрѣла довольно опытности, для убѣжденія своего, что будущность ея можетъ быть обезпечена только на основаніи истинныхъ правилъ и благородною довѣренностію. Примите увѣреніе въ моемъ благосклонномъ участіи. *Георихъ*».

Во-время представленія оперы «Моисей» было большое число официальной публики. Много говорили объ имперіи и о Графѣ Шамборѣ. Одинъ извѣстный легитимистъ изложилъ слѣдующимъ образомъ положеніе, которое приметъ Фросдорфскій дворецъ: «Тамъ еще не согласились, нужно ли Принцу протестовать противъ имперіи. Одни думаютъ, что этотъ протестъ, оскорбивъ чувства національной гордости, будетъ бесполезенъ, и слѣдственно неприличенъ. Другіе полагаютъ, напротивъ того, что при этомъ важномъ случаѣ должно развить легитимистское знамя, хотя бы только для

того, чтобъ одушевить колеблющихся легитимистовъ. Графъ Шамборъ еще не рѣшился ни на которое изъ этихъ двухъ мнѣній. Говорили, что онъ намѣренъ сдѣлать воззваніе къ самой Франціи, и доказать ей, что воля націи была увлечена безъ внутренняго убѣжденія. Но эта мысль вскорѣ была оставлена: ограничились только напоминаніемъ приверженцамъ законной монархіи, что они должны оставаться совершенно безпристрастными, и ожидать будущаго. Что-же касается до поданія голосовъ въ пользу имперіи, Принцъ предоставляетъ друзьямъ своимъ полную свободу, будучи убѣжденъ, что имперія составляетъ только переходный періодъ къ возстановленію старшей линіи Бурбоновъ. О сліяніи не говорятъ ни слова, и это очень ясно при нынѣшнемъ устраниеніи и молчаніи принцевъ Орлеанскаго дома.»

Почти въ одно время съ манифестомъ Графа Шамбора вышли и разныя прокламаціи противъ возстановленія Имперіи, обнародованныя разнокалиберными выходцами французскими въ Лондонѣ, на островѣ Джерси, и т. п. Вдругъ, вовсе неожиданно, и манифестъ и прокламаціи явились въ Монитёрѣ. Обнародовавъ эти акты, правительство хотѣло показать, что они для него нестрашны.

Между высшимъ парижскимъ купечествомъ составляетъ подписка, для поднесенія Людовику-Наполеону почтовой шпаги и лавроваго вѣнка, украшеннаго драгоценными камнями. За три года предъ симъ, это самое купечество подносило такой же подарокъ генералу Шангарніе. Одинъ изъ нынѣшнихъ высшихъ сановниковъ пожертвовалъ тогда всѣми своими брилліантами, для украшенія ими этого приношенія; ему содѣйствовали въ томъ другія должностныя лица; теперь они забыли этого генерала. Но къ чему вспоминать о подобныхъ обстоятельствахъ? Не упрекая никого за покорство нынѣшней политикѣ, можемъ только сказать, что многія лица, хвалящіяся теперь преданностію Людовику-Наполеону, обязаны были генералу Шангарніе первыми успѣхами на нынѣшнемъ своемъ поприщѣ и благопріятнымъ расположеніемъ властей. Все это принадлежитъ къ исторіи человѣчества. (J. de St. P.)

25-го ноября, законодательная палата имѣла публичное засѣданіе. Собравшись въ отдѣленіяхъ, получила она посланіе Президента слѣдующаго содержанія, прочитанное государственнымъ министромъ Фульдомъ: «Господа депутаты! Я созвалъ васъ изъ вашихъ департаментовъ, чтобъ

вы приняли участіе въ великомъ событіи, совершающемся нынѣ. Хотя сенатъ и нація одни имѣютъ право измѣнять уложеніе, но я желалъ, чтобъ законодательная палата, обязанная своимъ существованіемъ, какъ и я, поданію голосовъ всѣмъ міромъ, подтвердила предъ лицомъ всего свѣра единодушіе народа, возвышающаго меня въ санъ Императора. Желая, чтобъ вы, усматривая свободу подаванія голосовъ и число оныхъ, еще болѣе подтвердили своимъ объявленіемъ законность моей власти. Дѣйствительно, объявляя, что власть основана на неоспоримомъ правѣ, вы придадите ей надлежащую силу къ созданію прочнаго порядка вещей и къ обезпеченію благосостоянія отечества. Вы знаете, что правительство измѣнится только въ формѣ. Усердствуя къ великимъ пользамъ отечества, указаннымъ мудростью, оно, по-прежнему, останется въ предѣлахъ умѣренности, ибо успѣхъ никогда не придаетъ самонадѣянности тѣмъ, которые въ новомъ своемъ возвышеніи видятъ только новыя и сильнѣйшія обязанности, налагаемыя нацією, и еще возвышеннѣйшій долгъ, указуемый Провидѣніемъ.» Документъ сей, не имѣя важности предшествовавшихъ, весьма значителенъ, при всей своей краткости. Замѣчательно, что будущій Императоръ настаиваетъ не только на единодушій націи, возвысившей его въ санъ Императора, но и на законности своей власти. Это слово, употребленное уже Людовикомъ-Наполеономъ въ одной изъ предъидущихъ его рѣчей, повторено здѣсь не безъ умысла. Президентъ объявляетъ, что измѣнится только форма правленія. Дѣйствительно, имперія существуетъ уже давно: недоставало только названія. Выслушавъ посланіе, законодательная палата разошлась по отдѣленіямъ, для счѣта голосовъ.

Декабря 1-го, законодательная палата провозгласила имперію, и представила Президенту, въ восемь часовъ вечера, результатъ собранія голосовъ, а именно 7,824,480 утвердительныхъ и 253,145 отрицательныхъ.

J. de St. P.

Всѣ члены зак. пал., съ президентомъ своимъ, г. Билію, и прочими должностными лицами, отправились въ Сень-Клу, подъ конвоемъ ескадрона кавалеріи. Прежде ихъ поѣхали туда члены сената, съ первымъ своимъ вице-президентомъ, г. Менаромъ и должностными лицами, и члены государственнаго совѣта. Въ три четверти девятаго Императоръ, сопровождаемый дядею своимъ, принцемъ Иерони-

момъ, и принцемъ Наполеономъ Бонапарте, съ церемоніймейстеромъ графомъ Баччіоки, помощникомъ церемоніймейстера г. Фелье де Коншемъ, адъютантами и свитою, со всѣми министрами и вице-президентомъ государственнаго совѣта, г. Барошемъ, отправился въ большую галерею, гдѣ, на возвышеніи, сооруженъ былъ тронъ. Позади трона стояли члены государственнаго совѣта. Впереди военная свита Императора; по правую руку принцъ Иеронимъ, по лѣвую принцъ Наполеонъ Бонапарте. Позади Императора всѣ министры. Самъ онъ сталъ впереди трона. Президентъ зак. пал., г. Билію, и вице-президентъ сената, г. Менаръ произнесли Лудовику Наполеону, отъ имени председательствуемыхъ ими мѣстъ, рѣчи, сообразныя съ обстоятельствами. Онѣ были приняты всеобщими рукоплесканіями, и Лудовикъ-Наполеонъ отвѣчалъ на нихъ слѣдующее: «Господа! Новое царствованіе, начинающееся сегодня, происходитъ не такъ, какъ многія другія въ исторіи, отъ насильства, завоеванія, или хитрости. Вы сами объявили теперь, что оно составляетъ законный результатъ воли цѣлой націи, которая среди мира утверждаетъ начатое среди волненій. Я вполне признателенъ націи, которая три раза въ четыре года поддержала меня своими голосами, и каждый разъ усиливала свое большинство, чтобъ увеличить мою власть. Но чѣмъ болѣе власть увеличивается въ объемѣ и жизненной силѣ, тѣмъ болѣе нужны ей просвѣщенные люди, которые ежедневно меня окружаютъ, и люди независимые, къ которымъ я обращаюсь для полученія совѣтовъ, которые возвратили-бы мою власть въ надлежащіе предѣлы, если-бы когда-либо она отъ нихъ удалась. вмѣстѣ съ короною принимаю я, съ нынѣшняго дня, имя Наполеона III, данное мнѣ уже здравомысліемъ народа въ возгласахъ его, законно предложенное мнѣ сенатомъ, и подтвержденное всею нацією. Это не значитъ однако же, чтобы, принимая этотъ титулъ, я впадалъ въ ту же ошибку, въ которой упрекали государя, возвратившагося изъ изгнанія и объявившаго, что все случившееся во время его отсутствія не должно быть признаваемо. Я далекъ отъ этого заблужденія. Не только признаю предшествовавшія мнѣ правительства, но нѣкоторымъ образомъ наслѣдую слѣланное ими добро или зло, потому-что всѣ правительства, слѣдующія одно за другимъ, хотя они и различнаго происхожденія, находятся въ отвѣтственности за своихъ предшественни-

ковъ. Принимая все, что въ-теченіе пятидесяти лѣтъ исторія передала намъ въ неумолимой своей истинѣ, не могу прейти молчаніемъ славнаго царствованія главы моего семейства, и законнаго, хотя скоропрешеднаго титула сына его, провозглашеннаго палатами въ послѣднемъ порывѣ побѣжденнаго патріотизма. Слѣдственно, титулъ Наполеона III не есть безразсудное требованіе династїи, оскорбляющее, по-видимому, здравый смыслъ и истину. Это дань правительству, которое было законно, и которому мы обязаны прекраснѣйшими страницами нашей новѣйшей исторїи. Царствованіе мое начинается не съ 1815 года, а съ той минуты, когда вы мнѣ объявили результатъ голосовъ націи. Благодарю васъ, господа депутаты, за блескъ, который вы придали народной волѣ, сдѣлавъ ее болѣе явною вашимъ счисленіемъ, и торжественнѣе вашимъ объявленіемъ. Благодарю также васъ, господа сенаторы, за то, что вы первые принесли мнѣ поздравленія, какъ вы же первые выразили мнѣ желаніе народа. Помогите мнѣ, всѣ, утвердить въ сей странѣ, потрясенной толикими революціями, прочное правительство, которое было бы основано на религіи, правосудїи, честности и любви къ страждущимъ сословіямъ націи. Примите клятву, что я пожертвую всѣмъ для утвержденія благосостоянія отечества, и что сохраняя миръ, не уступлю ни въ чемъ, что касается до чести и достоинства Франціи».

J. de St. P.

Декабря 2-го Людовикъ-Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Парижъ. Въ семь часовъ произвели 101 пушечный выстрѣлъ съ Инвалиднаго-дома и нѣкоторыхъ фортовъ. Въ десять часовъ сенскій префектъ, окруженный членами совѣта префектуры и парижскимъ городовымъ совѣтомъ, прочелъ съ балкона, устроеннаго у зданія Ратуши, и великолѣпно украшеннаго, объявленіе законодательной палаты о результатѣ исчисленія голосовъ 21—22-го ноября, и о принятїи народомъ постановленія сената 7-го ноября. Потомъ прочиталъ декретъ, изданный того же числа, о провозглашенїи Людовика-Наполеона Бонапарте Императоромъ Французовъ. Засимъ раздались крики толпы: да здравствуетъ Императоръ! Во-время чтенія произведены вновь 101 пушечный выстрѣлъ съ Инвалиднаго-дома, съ монмартрской высоты и у Тронной-заставы. На площади стояли тринадцатый баталіонъ національной гвардіи и три

баталіона линійныхъ войскъ. Несмотря на холодный дождь, шедшій съ утра, стеченіе народа было довольно значительное. Около одиннадцати часовъ національная гвардія и войско начали занимать назначенныя имъ мѣста по пути торжественнаго въѣзда, на Елисейскихъ поляхъ и по нельской дорогѣ: національная гвардія по правой сторонѣ къ Шалю, а линійное войско по лѣвой. Въ то же время двинулись многочисленныя толпы рабочихъ, съ знаменами и значками, къ Тюльерійскому-дворцу, въ томъ же порядкѣ, какъ 16-го октября. Дождь пересталъ, и толпы устремились къ Елисейскимъ-полямъ, вдоль большой аллеи, а наиболѣе около триумфальныхъ воротъ Звѣзды и по площади Согласія. Толпы были довольно густы, но легко было видѣть, что дурная погода удержала часть любопытныхъ. На бульварахъ было меньше народа, нежели за шесть недѣль предъ симъ. На Елисейскихъ-поляхъ не видно было никакого приготовленія къ празднеству; у многихъ оконъ развѣвались нѣсколько флаговъ; только два дома и нѣсколько публичныхъ зданій были совершенно разцвѣчены, и несмотря на блескъ мундировъ, эта живая картина имѣла въ туманѣ видъ молчаливый и печальный. Въ четверть перваго прибылъ къ триумфальнымъ воротамъ военный министръ съ нѣсколькими генералами и штабомъ. Двадцать минутъ спустя, барабаны на нельской дорогѣ ударили походъ, возвѣщая о приближенїи шествія, выступившаго изъ Сень-Клу въ полдень. Оно открывалось эскадрономъ 7-го уланскаго полка, за которымъ ѣхалъ главнокомандующій парижскою арміею съ своимъ штабомъ. Засимъ ѣхали нѣсколько эскадроновъ егерей и драгунъ; потомъ Людовикъ-Наполеонъ верхомъ, въ мундирѣ дивизіоннаго генерала; передъ ними военная его свита. Онъ проѣхалъ подъ триумфальными воротами шагомъ, и на минуту остановился, чтобъ привѣтствовать ожидавшихъ его военныхъ генераловъ и офицеровъ, которые встрѣтили его громкими возгласами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ акцизнаго павиліона остановился онъ снова для принятія поздравленія сенскаго префекта и парижскаго городского совѣта; потомъ рысью проѣхалъ большую аллею Елисейскихъ-полей. Въ ту минуту, когда онъ проѣзжалъ чрезъ заставу, поднялось нѣсколько ракетъ. На многихъ пунктахъ по дорогѣ былъ онъ привѣтствованъ криками: да

здравствуетъ Императоръ! Въ половинѣ втораго Людовикъ-Наполеонъ прибылъ въ Тюльерійскій-дворецъ. Онъ произвелъ смотръ пѣхотнымъ полкамъ, стоявшимъ на дворцовомъ дворѣ, а также уланскимъ и драгунскимъ на Карусельской-площади. Войско единогласно кричало: да здравствуетъ Императоръ! Въ два часа Людовикъ-Наполеонъ вступилъ въ Тюльерійскій-дворецъ, гдѣ, въ тронной залѣ, ожидали его особы его семейства и первые государственные сановники. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на балконъ подъ часами, и кланялся народу и цехамъ, толпившимся у дворца. Нѣсколько иностранныхъ офицеровъ въ мундирахъ присоединились къ шествію, а другіе гуляли по Тюльерійскому-саду. У одного изъ оконъ дворца сидѣлъ Эмиръ Абдель-Кадеръ. Немедленно послѣ смотра всѣ войска возвратились въ свои казармы. Вечеру публичныя зданія были иллюминированы.

Въ четверть третьяго, министръ внутреннихъ дѣлъ, Г. Персинъ, верхомъ и въ парадномъ министерскомъ мундирѣ прибылъ на площадь Согласія, и посреди баталіоновъ національной гвардіи громко прочиталъ результатъ голосовъ 21-го—22-го ноября, послѣ чего провозгласилъ имперію. На чтеніе національная гвардія отвѣчала единодушными криками: да здравствуетъ Императоръ!

Въ тотъ же день, въ Мониторъ было напечатано большое число декретовъ, изъ которыхъ главный слѣдующаго содержанія: «Наполеонъ, Божіею милостію и волею націи Императоръ Французовъ, привѣтствую всѣхъ, нынѣшнихъ и будущихъ. Основываясь на постановленіи сената 7-го ноября 1852 г., предложившаго народу слѣдующее опредѣленіе: «Нація желаетъ возстановленія императорскаго достоинства въ лицѣ Людовика-Наполеона Бонапарте, съ прямыми законными или усыновленными имъ наследниками, и предоставляетъ ему право учредить порядокъ престолонаслѣдія въ семействѣ Бонапарте, какъ сказано въ постановленіи сената 7-го ноября 1852 г.»; основываясь на объявленіи законодательной палаты, подтверждающемъ, что собраніе голосовъ было повсюду произведено правильно и непринужденно; что по общему исчисленію голосовъ, оказалось семь милліоновъ восемьсотъ двадцать четыре тысячи сто восемьдесятъ девять голосовъ утвердительныхъ, двѣсти пятьдесятъ три тысячи сто сорокъ пять отрица-

тельныхъ, и шестьдесятъ три тысячи триста двадцать шесть недѣйствительныхъ, повелѣваемъ;

1) Постановленіе сената 7-го ноября 1852 г., утвержденное собраніемъ голосовъ 21-го и 22-го ноября, обнародовать и постановить государственнымъ закономъ.

2) Людовикъ-Наполеонъ Бонапарте провозглашается Императоромъ Французовъ подъ именемъ Наполеона III,

Объявляемъ и повелѣваемъ внести сей декретъ, съ приложеніемъ государственной печати, въ реестръ законовъ, и препроводить во всѣ присутственныя мѣста и административныя начальства, для внесенія въ списки, чтобъ соблюдать оный самимъ и понуждать къ тому другихъ. Министры, до котораго что касается, обязаны наблюдать за исполненіемъ декрета. Сенъ-Клу, 2-го декабря 1852. *Наполеонъ*. Читалъ и приложилъ государственную печать, министръ юстиціи, хранитель печати, *Аббатучи*. Контрасигировалъ государственный министръ *Фульдъ*».

Въ одной газетѣ выставлены цифры трехъ собраній голосовъ на президенство, на диктатуру и на имперію. Въ 1848 г. было внесенныхъ въ списки избирателей въ Парижѣ: 433,107 человекъ, подавшихъ голоса 342,195; въ пользу Людовика Наполеона 198,484; въ пользу генерала Кавеньяка 143,711. Въ 1851 было избирателей 394,069; подали голоса 297,230; въ пользу десятилѣтняго президенства 197,091, противъ онаго 96,511. Въ 1852 году вписалось 313,501 избиратель; подали голоса 270,704; утвердительныхъ голосовъ 208,615, отрицательныхъ 53,617.

(*J. de P.*)

Въ одномъ парижскомъ журналѣ мы нашли слѣдующее любопытное исчисленіе, во что обошлись городу Парижу разныя празднества, бывшія съ начала настоящаго столѣтія. Каронованіе Наполеона I-го стоило 1,745,646 фр. (436,411 1/2 р. сер); бракосочетаніе Маріи Луизы, 2,670,932 фр. (667,733 р. сер); рожденіе короля римскаго, 600,000 фр. (150,000 р. сер.); крестины герцога Бордоскаго, 698,000 фр. (167,000 р. сер.); праздникъ Трокадеро, 800,000 фр. (200,000 р. сер.); каронованіе Карла X, 1,164,000 фр. (291,000 р. сер.); бракосочетаніе герцога Орлеанскаго, 878,613 фр. (219,653 р. 25 коп.); сверхъ того на пятьдесятъ другихъ не столь значительныхъ празднествъ было истрачено до трехъ милліоновъ рублей серебромъ. Съ дру-

гой стороны исчислено, что каждое большое празднество доставляло городу Парижу, торговлѣ, промышленности, земледѣлію выгоды, въ тридцать и сорокъ разъ превосходившія истраченныя суммы.

Министръ народного просвѣщенія разослалъ ко всѣмъ архіепископамъ и епископамъ циркуляры, приглашая ихъ, въ силу распоряженія 8-го января 1804 года, сообщеннаго отъ имени Папы кардиналомъ Капрарою, возвратиться къ формулѣ, употреблявшейся тогда при богослуженіи, а именно: *Domine salvum fac Imperatorem nostrum Napoleonem* (Боже, спаси Императора нашего Наполеона!)

Лудовикъ-Наполеонъ назначилъ изъ собственныхъ суммъ 200,000 фр. въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, для раздачи родителямъ, отдавшимъ дѣтей своихъ въ воспитательные дома, и желающимъ взять ихъ обратно.

Придворный мундиръ уже утвержденъ. Онъ долженъ быть бархатный, черный или синій. Прочіе цвѣта воспрещены. Воротникъ, обшлага и фалды вышиты золотомъ; мундиръ однобортный, съ золотыми пуговицами; жилетъ бѣлый, съ орлами на пуговицахъ; панталоны бѣлыя казимировыя, съ золотыми лампасами; галстухъ бѣлый; шляпа съ плюмажемъ; шпага прямая, бѣлыя ножны, ефесъ перламутровый.

На монетномъ дворѣ чеканили мѣдную монету въ два су. На одной сторонѣ портретъ Императора, съ надписью: «Наполень III, Императоръ Французовъ», а на другой орелъ съ распростертыми крыльями, съ надписью: *Empire Français*.

2-го декабря, въ Монитѣрѣ напечатано о производствѣ генераловъ Сентъ-Арно, Маньяна и Кастеллана въ маршалы. По этой же газетѣ, форма обнародованія законовъ есть слѣдующая: «Божіею милостию и волею націи, повелѣваю я, Императоръ Французовъ, и проч.»—Сверхъ того объявлено въ Монитѣрѣ о всепрощеніи за нарушение правилъ тишенія и за проступки, и о прощеніи всѣхъ проступковъ противъ порядка службы въ національной гвардіи. Солдатамъ и унеръ-офицерамъ арміи дана, въ награду, прибавка къ жалованью. Двумъ стамъ девяносту сосланнымъ въ Алжирію даровано совершенное прощеніе, или облегчено наказаніе.—Изъ отвѣтовъ, данныхъ Лудовикомъ-Наполеономъ разнымъ депутациямъ, замѣчательнъ слѣдующій: «Новая, сегодня провозглашенная имперія основана не на силѣ, не на за-

воеваніи, не на хитрости, а есть законное произведеніе общаго желанія націи.—Мужественно принимаю наименованіе Наполеона III, созданное восторгомъ народа, законно предложенное сенатомъ и утвержденное всею націею. Не отрицаю предшествовавшихъ правительствъ, ибо всѣ правительства отвѣчаютъ одно за другое, но считаю обязанностью воспоминаніе о достославномъ владычествѣ главы моей фамилии и о законномъ, хотя и скоропрешедшемъ титулѣ его сына. Имя Наполень III не есть безсмысленное требованіе династии, но дань уваженія, принесенная законному правительству, которому мы обязаны прекраснѣйшими страницами новой исторіи.» Далѣе сказалъ онъ: «Примите мою присягу, что я твердо намѣренъ сохранить миръ, но никакъ не уступлю, когда будетъ идти дѣло о чести и достоинствѣ Франціи.»

Въ слухахъ, распространившихся въ Парижѣ о назначеніи новыхъ сенаторовъ, называли и Г. Ламартина. По сему случаю онъ напечаталъ въ *Siecle* слѣдующее письмо: «По извѣстіямъ въ *Indépendance Belge*, вы помѣстили мое имя въ числѣ лицъ, предназначаемыхъ въ званіе сенаторовъ новаго правительства. Для открытія истины позвольте опровергнуть этотъ слухъ, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія.»

Страсбургскій городской совѣтъ, по случаю провозглашенія имперіи, рѣшилъ предложить Лудовику-Наполеону въ подарокъ тамошній дворецъ, принадлежащій городу, и такимъ образомъ превратить Страсбургъ въ императорскую резиденцію. Меръ города, который вмѣстѣ съ тѣмъ и членъ законодательной палаты, получилъ порученіе донести Президенту о рѣшеніи городского совѣта. Извѣстно что городъ Страсбургъ подарилъ этотъ дворецъ Императору Наполеону. До 1831 года оставался оный собственностью короны, а тогда опять возвращенъ былъ городу.

Съ 1-го декабря, армія ограничивается тремястами семидесятью тысячами человѣкъ, считая въ томъ числѣ армію африканскую и корпусъ, занимающій городъ Римъ.—Сею важною мѣрою армія уменьшится слишкомъ на тридцать тысячъ человѣкъ.

Въ самый день провозглашенія имперіи, официально сообщено было всѣмъ иностраннымъ посланникамъ въ Парижѣ о перемѣнѣ, воспослѣдовавшей въ формѣ правленія.

Сообщеніе это разослано министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Друэномъ де Люизъ, и въ депешѣ сей прописаны были постановленіе сената, 7-го ноября, и результатъ собранія голосовъ со всей націи 21-го и 22-го ноября, съ объясненіями, долженствовавшими уничтожить опасенія нѣкоторыхъ державъ, возникающія отъ возстановленія имперіи и наименованія: Наполеонъ III. Въ этомъ объясненіи развита мысль, что если Франція избираетъ себѣ правительство, болѣе сообразное съ своими правами, преданіями и мѣстомъ, занимаемымъ ею въ Европѣ, если она въ этомъ возвратѣ къ монархіи находитъ недостававшее ей обезпеченіе въ будущей своей участи, то внѣшнія ея отношенія къ другимъ державамъ нисколько отъ того не измѣнятся. «Императоръ (сказано въ депешѣ) признаетъ и утверждаетъ все, что признавалъ Президентъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ; та же рука, та же мысль будутъ продолжать руководить судьбами Франціи, а опыты, приобрѣтенные въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, достаточно доказали, что французское правительство, защищая свои права, уважаетъ и права другихъ народовъ, желая болѣе всего содѣйствовать, съ своей стороны, къ сохраненію всеобщаго мира. г. Друэнь де Люизъ объявляетъ, что къ этой цѣли будутъ всегда клониться всѣ усилія Императора, съ полною увѣренностью, что намѣренія его будутъ вполне соответствовать съ чувствами прочихъ правительствъ, и тогда миръ Европы будетъ обезпеченъ. Въ заключеніе выражаютъ надежду, что возстановленіе императорской власти во Франціи будетъ вездѣ признано счастливымъ событіемъ, какъ залогъ прочности и порядка, согласныхъ съ политикою и потребностями всѣхъ прочихъ державъ. Вотъ въ какихъ фразахъ г. Друэнь де Люизъ сообщилъ иностраннымъ посланникамъ въ Парижѣ о восшествіи на престолъ Людовика-Наполеона подъ именемъ Наполеона III.

Замѣчательнѣйшимъ событіемъ выхода, бывшаго въ Тюльери 2-го числа, былъ пріѣздъ Абдель-Кадера. Еще поутру Эмиръ являлся на балконѣ Тюльерійскаго-дворца, когда Людовикъ-Наполеонъ выходилъ къ народу. Вечеру пріѣхалъ онъ, въ половинѣ десятаго, въ большую галерею. Его тотчасъ же окружила многочисленная толпа, чтобъ видѣть черты бывшаго врага Франціи. Абдель-Кадеръ былъ, какъ и всегда, равнодушенъ; улыбка его была

печальная и задумчивая. Казалось, что его не удивляла ни эта разряженная толпа, ни великолѣпіе комнатъ, ни богатство, представлявшееся его взорамъ. Только на одну минуту былъ онъ сильно тронутъ, а именно, когда, войдя въ залу маршаловъ, вдругъ очутился предъ портретомъ маршала Бюжо: внимательно посмотрѣлъ на него, и послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, при которыхъ лицо его выражало живѣйшую скорбь, склонился предъ портретомъ храбраго маршала, съ которымъ такъ мужественно сражался, и въ знакъ уваженія приложилъ руку къ сердцу. Зрители, бывшіе свидѣтелями этого трогательнаго зрѣлища, отвѣчали ему рукоплесканіями.—Людовикъ-Наполеонъ ночевалъ въ первый разъ въ Тюльери; въ газетахъ сказано, что онъ проведетъ въ этомъ дворцѣ всю зиму. Внутренняя дворцовая служба еще неполнѣ устроена. Наружный караулъ содержится баталіономъ линійной пѣхоты, полубаталіономъ подвижныхъ жандармовъ, занимающихъ почетные посты, и эскадрономъ карабинеровъ. Часовыхъ вездѣ разставлено много, какъ внутри двора, такъ и снаружи. У триумфальныхъ воротъ на Карусельной-площади стоятъ два карабинера верхомъ, въ парадныхъ мундирахъ, два гренадера за рѣшеткою и два по сю сторону рѣшетки. Входъ въ корридоръ подъ часовымъ павильономъ, ведущій въ Тюльерійскій садъ, рѣшительно воспрещенъ публикѣ.

Со 2-го декабря французское посольство въ Брюсселѣ выдаетъ уже паспорта отъ имени Императора. Въ одной бельгійской газетѣ замѣчаютъ, что, по странному случаю первый, кому выдали подобный паспортъ съ новымъ заголовкомъ, былъ генераль Шангарніе, который отправляется въ Германію и Италію. (J. de St. P.)

Пожалованіе генераловъ Маньяна, Леруа де-Сентъ-Арно и Кастелана въ маршалы Франціи возвышаетъ опять число ихъ до семи; ихъ оставалось, по смерти маршаловъ Жерара и Эксельмана, только четверо. Теперь, по старшинству, состоятъ они въ слѣдующемъ порядкѣ: маршалъ Рейль, пожалованный Королемъ Людовикомъ-Филиппомъ въ 1847 г., Принцъ Иеронимъ Бонапарте, Гариспъ и Вальянъ, пожалованные во-время президентства Людовика-Наполеона.

9-го декабря, въ Монитѣрѣ напечатаны ноты касательно всепрощенія, а именно: всѣ политическіе осужденные, которыхъ проступки впрочемъ не оскорбляютъ нравствен-

ности, признаваемой всѣми вѣками (т. е. не были сопряжены съ убійствомъ, грабежемъ, и т. п.) получаютъ свободу и возвращены будутъ въ отечество, съ условіемъ не предпринимать ничего противу избранника народа.

По поводу этой ноты помѣщена въ Asssemblée Nationale статья слѣдующаго содержания: «Когда въ Монитёрѣ объявлено было, что новое царствованіе будетъ ознаменовано милосердіемъ и примиреніемъ, вся Франція, (мы увѣрены, что никто не уличитъ насъ въ неправдѣ) полагала, что первую изъ возвѣщенныхъ мѣръ будетъ возвращеніе въ отечество депутатовъ и генераловъ, изгнанныхъ въ слѣдствіе событій въ декабрѣ 1851 года. Мы не думаемъ, чтобы для нихъ требовалось прощеніе, потому-что они не совершили никакого преступленія, никакого проступка. Вся вина ихъ состоитъ въ блистательномъ военномъ поприщѣ, въ славѣ, пріобрѣтенной на службѣ Франціи, и въ опасеніи, которое они внушали власти, вновь установившейся 2-го декабря. Только по поводу исключительныхъ обстоятельствъ могли они быть временно удалены изъ Франціи. Мы увѣрены, и говоримъ это не боясь, чтобы кто-либо уличилъ насъ во лжи, что память о заслугахъ ихъ не исчезла и не ослабѣла. Ни нація, ни армія не забыли именъ генераловъ Шангарніе, Ламорисіера, Бедо, Лефло. Они, вмѣстѣ съ именами Принцевъ Орлеанскихъ, напоминаютъ блистательныя завоеванія въ Алжиріи, гдѣ столько проявилось военныхъ дарованій, и столько славы присоединилось къ нашимъ прежнимъ трофеямъ. Понимаемъ, что Принцы не могутъ быть возвращены, но не можемъ понять, чтобы генералы оставались въ изгнаніи, или чтобы можно было предлагать условія для ихъ возвращенія. Всѣ газеты твердятъ, что правительство ежедневно видитъ доказательство умноженія своей силы. Внутри пріобрѣло оно восемь милліоновъ голосовъ; извнѣ получаетъ увѣренія въ мирѣ и согласіи. Въ подобномъ положеніи, какое опасеніе могутъ внушить нѣсколько генераловъ, которыхъ прежняя жизнь ручается, что они не могутъ быть приверженцами безпорядка? Почему и ихъ не допустить пользоваться этимъ всеобщимъ миромъ, этимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ, проистекающими отъ побѣды, счастливо одержанной надъ демократією, тѣмъ болѣе, что и эти лица участвовали въ сей побѣдѣ.—Помнимъ, что въ іюнѣ 1848 года генераль Ламорисіеръ больше всѣхъ под-

вергался опасностямъ на полѣ битвы въ Парижѣ. Послѣ трехдневной борьбы и кровопролитія успѣлъ онъ побѣдить мятежъ, заставилъ положить оружіе и очистить предмѣстье св. Антонія, которое было послѣднимъ убѣжищемъ бунта. Генераль Бедо былъ раненъ въ первый день, и долго находился въ опасности. Генераль Шангарніе еще 16-го апрѣля спасъ Парижъ и правительство, сильными своими мѣрами разсѣявъ шайки демагоговъ. Въ 1849 году, 13-го іюня съ армією, имъ сформированною, онъ побѣдоносно защитилъ правительство Президента противу сильнѣйшаго возстанія. Всѣ помнятъ эти заслуги, и мы увѣрены, что ни правительство, ни армія ихъ не забыли. Что же препятствуетъ возвращенію изгнанныхъ генераловъ? Боятся ли вліянія ихъ на армію и попытокъ къ возстанію? Подобная мысль для нихъ оскорбительна; притомъ же исторія наша указываетъ намъ на многіе примѣры, что подобныя замыслы можно готовить и внѣ Франціи. Всѣ эти размышленія внушены намъ Монитёромъ, напоминающимъ о обѣщаніяхъ милосердія, которыя уже отчасти и были исполнены. Бѣроятно, никто не осудитъ насъ за выраженные нами чувства.»

— Въ *Indépendance Belge* напечатанъ полный текстъ циркуляра, разосланнаго г. Друэнъ де Люизомъ къ посланникамъ иностранныхъ державъ о перемѣнѣ формы французскаго правительства: «Честъ имѣю препроводить при семъ, съ текстомъ сенатскаго постановленія, опредѣляющаго условія власти, утвержденной на будущее время во Франціи, официальную копию съ народнаго рѣшенія, подтвердившаго сію важную перемѣну, и давшаго ей силу государственнаго закона. Слѣдственно, новый Императоръ восходитъ на престолъ по благодати Божественнаго Провидѣнія, призываемый почти единодушными голосами всей націи, и во исполненіе приказанія его, честь имѣю сообщить вамъ о восшествіи его на престолъ, для донесенія о семъ событіи вашему Правительству. Сія перемѣна въ политическомъ уложеніи Франціи требуетъ, по принятымъ обычаямъ, чтобы дипломатическіе агенты, находящіеся въ Парижѣ, какъ равно и посланники Императора Французовъ, пребывающіе въ чужихъ краяхъ, получили новыя вѣрительныя грамоты. Но до исполненія сей двойной формы, я съ удовольствіемъ буду имѣть съ вами дружественныя сношенія, какія существовали и будутъ существовать между нашими правитель-

ствами. Дѣйствительно, если Франція избираетъ себѣ правительство, болѣе свойственное ея правамъ, преданіямъ и занимаемому ею въ Европѣ положенію; если, возвращаясь къ монархіи, находитъ она недостававшее ей обезпеченіе ея выгодъ, то и во внѣшнемъ ея положеніи ничто не можетъ измѣниться. Императоръ признаетъ и одобряетъ все, что признавалъ и одобрялъ Президентъ въ-продолженіе четырехъ лѣтъ. Та же рука, та же мысль будутъ руководить судьбами Франціи. Опытность, пріобрѣтенная въ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ, достаточно доказала, что французское правительство, защищая права свои, равномерно уважаетъ и права другихъ, и всячески желаетъ съ своей стороны содѣйствовать сохраненію всеобщаго мира. Къ этой цѣли будутъ всегда клониться усилія Императора Французовъ, который вполне увѣренъ, что намѣренія его одинаковы съ чувствами прочихъ государей, и что спокойствіе свѣта обезпечено.—Не сомнѣваюсь, что возстановленіе Имперіи во Франціи будетъ принято вездѣ, какъ событіе счастливое, потому-что служить залогомъ прочности и твердости политики, вполне соответствующей выгодамъ и потребностямъ всѣхъ державъ, и сообразной съ особенными сношеніями, въ какихъ Императоръ Французовъ желаетъ пребыть съ вашимъ Правительствомъ. Примите, и пр.»

Изъ Парижа пишутъ въ Берлинъ: «Я гулялъ сегодня по многимъ улицамъ, и, признаюсь, былъ удивленъ имперіалистскимъ колоритомъ, господствующимъ въ Парижѣ съ нѣкотораго времени. Дамскія талии чрезвычайно поднялись, несравненно выше биржеваго курса. Въ фойе Большой Оперы видѣлъ я уже дѣйствительныхъ *merveilleuses*, причесанныхъ какъ нѣкогда чесались ихъ бабушки. Мнѣ казалось, что я вижу портреты Жерара 1806—1810 годовъ. У мужчинъ пальто день ото дня становятся короче, и денди, которыхъ я сегодня видѣлъ верхомъ (а они вѣдоки плохіе) въ Елисейскихъ-поляхъ, носили уже спенсеры, ужасные спенсеры, которые были въ модѣ въ 1810 году! Усердные бонапартисты носятъ узкія пантолоны и сапоги съ отворотами. Я еще не видалъ кучерскихъ шинелей съ шестью или семью воротниками одинъ на друготъ, но вѣроятно и онѣ скоро появятся. Впрочемъ все обѣщаетъ веселый зимній сезонъ, потому-что Императоръ никакъ не хочетъ, чтобъ сенаторы, члены государственнаго совѣта и проч. сберегали большое жалованье, ими получаемое. «Тратьте деньги!»

вотъ девизъ нынѣшняго Двора. Правда и то, что должностныя лица получаютъ нынѣ очень много, не только жалованья, но и отъ биржевыхъ спекуляцій. Вы не можете себѣ представить огромныхъ размѣровъ биржеваго ажіотажа въ послѣднее время! Не только мелочной торговецъ, даже мастеровой жертвуетъ всѣми сбереженными имъ деньгами на биржевую игру. Самымъ же ужаснымъ и легкомысленнымъ образомъ играютъ женщины. Третьяго-дня одна жена утащила у мужа 8,000 фр., побѣжала на биржу, проиграла, и бросилась въ Сену! Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ. Женщинъ не пускаютъ въ самое зданіе биржи; онѣ толпами стоятъ на площади; лица ихъ искажены сребролюбіемъ. Нѣкоторыя прячутся подъ воротами ближайшихъ домовъ, и видятся тамъ съ своими агентами, которые имъ сообщаютъ о движеніи курса. Важнѣйшія изъ нихъ сидятъ въ каретахъ, останавливаясь на улицѣ близъ Биржи. Агенты обманываютъ ихъ самымъ гнуснымъ образомъ. Полиція ежедневно беретъ женщинъ подъ стражу. Третьяго-дня одна съ изступленіемъ лѣзла на желѣзную биржевую рѣшетку, и ее насильно оторвали отъ этого мѣста. Происходятъ отвратительныя явленія. Блистательную сторону ажіотажа представляютъ лица, которыя безъ труда нажили огромныя богатства, не умѣя съ ними теперь управиться, но другая сторона этой медали—ужасна.—Я видѣлъ новаго Императора. Онъ прогуливался верхомъ по Елисейскимъ-полямъ. Съ нимъ были только два адъютанта и два рейткнехта. Онъ ѣздитъ верхомъ гораздо лучше своихъ спутниковъ».

Декретъ о превращеніи парижскаго заемнаго банка въ главное кредитное учрежденіе для всей Франціи, подъ названіемъ: *Société du crédit foncier de France* (Французское кредитное общество недвижимаго имущества), напечатанъ въ Мониторѣ. До 1-го іюля будущаго года должны быть учреждены конторы сего общества во всѣхъ округахъ апелляціонныхъ судовъ. Тамъ, гдѣ подобныя учрежденія уже существуютъ, общество можетъ присоединить ихъ къ себѣ съ утвержденія правительства. Оно обязуется раздать въ различныхъ департаментахъ, по размѣру долга и залоговъ, до 200 милліоновъ фр., по пяти процентовъ, изъ которыхъ 3,67 за самый капиталъ, 0,60 за административные расходы, и 0,73 въ видѣ погашенія, которое будетъ окончено чрезъ пятьдесятъ лѣтъ. Но какъ само общество не най-

детъ капиталовъ менѣе четырехъ процентовъ, то оному и назначены въ пособіе десять милліоновъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ взяты мѣры, чтобъ и послѣ раздачи двухъ сотъ милліоновъ можно было еще получать займы отъ общества. Министръ внутреннихъ дѣлъ почитаетъ основаніе кредитнаго учрежденія на недвижимости дѣйствительнѣе заведенія отдѣльныхъ конторъ, и ожидаетъ отъ новой сей мѣры важнаго переворота въ государственной экономіи, которымъ со временемъ совершенно будутъ уплачены долги, обременяющіе недвижимую собственность во Франціи, и накопившіеся вѣками.

Ювелиръ Императора Наполеона, Лемоннѣ, занимается изготовленіемъ императорской короны, которая будетъ стоить 23,000,000 фр., считая и старинные брилліанты французской короны. Герцоги Бассано, де Гишъ, Муши и князь Бофремонъ будутъ назначены первыми чинами двора. Пале-Рояль будетъ мѣстомъ жительства принца Иеронима Бонапарте, котораго сынъ носитъ уже теперь титулъ Принца французскаго.

Въ засѣданіи совѣта министровъ, въ присутствіи Императора, происходила весьма жаркая сцена. Г. Персиньи сильно говорилъ противу преданности одного изъ своихъ товарищей. Всѣ хранили глубокое молчаніе, и ни чье имя не было произнесено. По отбытіи Императора, сцена возобновилась гораздо сильнѣе, и сдѣлалась даже шумною. Всѣ окружили г. Персиньи, и объявили, что уваженіе къ Императору удерживало ихъ въ его присутствіи, но что теперь они требуютъ объясненія словъ его и имени того, на кого онъ намекалъ. «Боже мой!» сказалъ г. Персиньи, и указалъ пальцемъ на г. Фульда: это вовсе не секретъ; я разумѣлъ г. государственнаго министра. При сихъ словахъ г. Фульдъ запыхалъ гнѣвомъ, и совѣтъ раздѣлился на двое. Поднялся шумный споръ. На другой день г. Фульдъ имѣлъ въ тьюльерійскихъ своихъ комнатахъ другую сцену съ г. Вильяромъ, задушевнымъ пріятелемъ Персиньи, и тутъ доходило до сильной ссоры. При этомъ никого не было, но извѣстны всѣ слова разговора. Послѣ этого общіе друзья обоихъ министровъ успокоили ихъ; но вражда не погасла и вспыхнетъ при первомъ случаѣ.»

Въ Мониторѣ напечатанъ текстъ сенатскаго постановленія объ измѣненіяхъ въ уложеніи, 14-го января 1852 года, утвержденного Императоромъ 26-го декабря: «1. Импера-

торъ имѣетъ право помилованія и всепрощенія. 2. Императоръ предсѣдательствуетъ, когда ему благоугодно, въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ. 3. Коммерческіе трактаты, заключенные на основаніи 6-й статьи уложенія, имѣютъ силу закона касательно обозначенныхъ въ нихъ измѣненій въ тарифѣ. 4. Всѣ работы для общественной пользы, а именно исчисленные въ 10-й статьѣ закона 21-го апрѣля 1832 года, и въ 3-й статьѣ закона 3-го мая 1841, какъ равно и всѣ предпріятія для общихъ выгодъ, предписываются и утверждаются декретами Императора, согласно принятымъ формамъ общественнаго управленія. Если однако же эти работы и предпріятія потребуютъ заключенія условій, или вспомогательныхъ суммъ отъ казны, то кредитъ на оныя долженъ быть ассигнованъ и условіе утверждено до приведенія его въ исполненіе. Если работы производятся на счетъ казны и не имѣютъ надобности въ привилегіяхъ, то кредиты могутъ быть, въ случаѣ нужды, произведены по предписаннымъ формамъ для экстраординарныхъ кредитовъ, съ представленіемъ ихъ законодательной палатѣ въ слѣдующемъ ея засѣданіи. 5. Распоряженія органическаго декрета 22-го марта 1852 года могутъ быть измѣнены императорскими декретами. 6. Члены императорской фамиліи, назначаемые предполагаемымъ образомъ къ престолонаслѣдію, пользуются съ своими потомками титуломъ французскихъ принцевъ. Старшій сынъ Императора именуется Принцемъ Императорскимъ. 7. Французскіе принцы пользуются званіемъ членовъ сената и государственнаго совѣта по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста, и засѣдаютъ въ сихъ мѣстахъ съ соизволенія Императора. 8. Документы по составу императорской фамиліи получаютъ государственнымъ министромъ, и по повелѣнію Императора передаются сенату, который предписываетъ внесеніе оныхъ въ списки и храненіе въ архивѣ. 9. Содержаніе двора и особы Императора (*liste civile*) назначается на все продолженіе царствованія особеннымъ постановленіемъ сената. 10. Число сенаторовъ, непосредственно назначаемыхъ Императоромъ, не можетъ простираться свыше ста-пятидесяти. 11. Сенаторамъ назначается пожизненно ежегодное содержаніе въ 30,000 фр. 12. Бюджетъ расходовъ представляется законодательной палатѣ, съ административными подраздѣленіями по статьямъ и параграфамъ. Онъ утверждается по министерствамъ. Распредѣленіе назначаемого на каждое мини-

стерство кредита по статьямъ опредѣляется декретомъ Императора, даннымъ государственному совѣту. Особенными декретами, данными въ той же формѣ, можно переводить суммы изъ одной статьи въ другую. Сіе распоряженіе касается и до бюджета 1853 года. 13. Отчеты, предписанные 42-ю ст. уложенія, представляются, прежде обнародованія ихъ, въ комиссію, составленную изъ президента законодательной палаты и президентовъ каждаго отдѣленія. Въ случаѣ разногласія и равенства голосовъ, мнѣніе президента законодательной палаты беретъ верхъ. Протоколъ засѣданія, прочитанный въ собраніи, свидѣтельствуется только о дѣйствіи и опредѣленіяхъ законодательной палаты. 14. Депутаты законодательной палаты получаютъ вознагражденія по 2,500 фр. въ мѣсяць на все время обыкновенныхъ или экстраординарныхъ засѣданій. 15. Генералы, состоящіе въ резервныхъ кадрахъ, могутъ быть членами законодательной палаты. Они почитаются уволенными отъ званія депутата, перейдя въ дѣйствительную службу, согласно ст. 5-й декрета 1-го декабря 1852 года и 3-й ст. закона 4-го августа 1839 г. 16. Присяга, предписанная 14-ю статьею уложенія есть слѣдующая: «клянусь повиноваться уложенію и быть вѣрнымъ Императору». 17. Статьи 2-я, 9, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 22 и 37 я уложенія 14-го января 1852 года отмѣняются. Составлено въ сенатѣ 23-го декабря 1852».

— Обѣ легитимистскія газеты, l'Assemblée Nationale и l'Union, обнародовали по статьѣ по случаю превозглашенія имперіи. Сообщаемъ статью Assemblée Nationale, подписанную Сальванди, бывшимъ министромъ Іюльскоіи Монархіи: «Лудовикъ XVIII никогда не отвергалъ событій, случившихся во-время междоцарствія. Онъ, напротивъ того, принялъ ихъ, призналъ, подтвердилъ формально. Будучи въ изгнаніи, онъ отвѣчалъ на предложенія, сдѣланныя ему Первымъ Консуломъ, что онъ благодаренъ ему за многія мѣры, полезныя для Франціи, ознаменовавшія первый періодъ этой эпохи. На тронѣ, въ Сентъ-Уанѣ и вездѣ, во всѣхъ распоряженіяхъ хартіи, во все время царствованія, онъ сохранилъ судебное уложеніе, законы, декреты, всю административную систему, донинѣ еще существующую, и нѣсколько измѣнившуюся въ послѣдніе годы. Онъ сохранилъ орденъ Почетнаго Легіона, поддерживалъ и уважалъ какъ лица, такъ и учрежденія. Судебное сословіе, духовенство, армія, даже администрація—все было признано и утверждено въ

томъ видѣ, какъ ихъ оставила Имперія. Извѣстно, въ какое положеніе Король поставилъ, въ 1814 году, всю фамилію Наполеона, и какъ великодушны были распоряженія Короля въ ея пользу. Мать Принца, который нынѣ провозглашенъ Императоромъ Французовъ, видѣла Лудовика XVIII. Она нашла его окруженнаго маршалами, назначенными не Королемъ, а нашими побѣдами и, къ несчастію, нашими пораженіями. Исторія сохранила споры Бурбоновъ съ европейскими державами чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ реставраціи, за титулы, напоминавшіе наши завоеванія, которыми Франція была обязана не королямъ своимъ, за которыя однако же заплатила она потоками крови, остановившимися съ паденіемъ Наполеона. Можно смѣло сказать, что донинѣ никогда въ исторіи не было правительства, которое бы такимъ образомъ принимало, освящало, прикрывало своею эгидою всѣ наслѣдія и всѣ результаты переворотовъ, громоздившихъ одни событія на другія. И послѣ сто-дневнаго царствованія, королевское правительство признало всѣ обязательства, заключенныя въ это несчастное время, и подавшия Франціи еще разъ печальное зрѣлище чужеземнаго вторженія. Это торжественное признаніе самыхъ невыгодныхъ обязательствъ прежде никогда не бывало видано. Въ нынѣшнее время, двояко напоминающее Франціи и матеріальныя ея выгоды, и славу, слѣдуетъ только вспомнить о великомъ подвигѣ реставраціи, обязавшейся, посреди совершеннаго разоренія, заплатить долги имперіи. Этотъ подвигъ послужилъ основаніемъ кредиту Франціи, и можно сказать, что этимъ Монархія основала новое народное право во всемъ свѣтѣ. Великія дѣйствія Франціи имѣютъ то свойство, что не ей одной приносятъ пользу, а служатъ примѣромъ всему міру. Число восемнадцатаго года царствованія, выставленное на видъ тогдашними газетами, для того, чтобы распалить революціонныя страсти, назвавъ оное противорѣчіемъ новому положенію Франціи, было не что иное, какъ выраженіе, можетъ-быть излишнее, основнаго, древняго, монархическаго правила, подъ защитою котораго сенатъ, законодательная палата, городовые совѣты, вся Франція искали тогда спасенія послѣ толикихъ несчастій, произведенныхъ всѣми перемѣнами и бурями. Это было подтвержденіемъ лѣтописи королей: это была дань, требуемая общественнымъ мнѣніемъ въ честь вѣнценосному сиротѣ, погибшему въ Тамплѣ,

и получившему отъ націи наименованіе Лудовика XVII. Исторія сохранить ему это имя. То же самое имперія говоритъ о Наполеонѣ II.—Въ самомъ же дѣлѣ, это была одна формула, принятая, быть-можетъ, потому, что сила обстоятельствъ заставила возвратиться къ правиламъ, которыхъ не обсуждали, когда Франція была обременена несчастіемъ. Цѣль и характеръ этой формулы состояли въ томъ, чтобы соединить звено прошедшаго съ настоящимъ, и напомнить обществу объ основѣ нашего общественнаго порядка. То же самое можно было бы сказать нынѣ и о формулѣ: *Божіею милостію*, возстановленной для всеобщаго вразумленія Французовъ. Эти выраженія могутъ возбуждать только вражду революціоннаго духа, но истинная политика умѣетъ ихъ цѣнить и понимать; она подтверждаетъ необходимость преданій и потребность основныхъ правилъ во всѣхъ узаконеніяхъ; новыя правительства, надѣющіяся на будущность, стараются найти въ этомъ подпору. Вся разность въ томъ, что одни должны ее заимствовать; другія же находятъ ее въ себѣ самихъ.»

Несмотря на волненіе, произведенное великимъ государственнымъ переворотомъ, Абдель-Кадеръ производилъ своего рода впечатлѣніе въ Парижѣ.

О прибытіи его, въ Мониторѣ пишутъ: Абдель-Кадеръ пріѣхалъ по Орлеанской желѣзной дорогѣ. Со времени отъѣзда Президента изъ Амбуаза, Эмиръ безпрестанно просилъ позволенія пріѣхать въ столицу, чтобы изъявить благодарность Принцу, столь великодушно возвратившему ему свободу, и снова увѣрить его въ вѣчной своей преданности. Просьба Абдель-Кадера была исполнена. Эмиръ прібылъ съ маіоромъ Буассоне и двумя лицами изъ своей свиты, Сиди-Аллахомъ и Кара-Могамедомъ. Сиди-Аллахъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати, и двоюродный братъ знаменитаго Ульдъ-Сиди-Эмбарека, убитаго въ сраженіи съ Французами. Онъ принадлежитъ къ одной изъ значительнѣйшихъ арабскихъ фамилій. Во-время пребыванія своего въ Амбуазѣ, онъ довольно хорошо изучилъ французскій языкъ и обычаи. Кара-Магомедъ, бывший ага регулярной кавалеріи Эмира, состоитъ теперь при немъ интендантомъ. Онъ доказалъ ему свою преданность и мужество во многихъ случаяхъ, оправдывающихъ довѣренность Эмира. Онъ никогда не хотѣлъ оставить его въ несчастіи. Маіоръ Буассоне управлялъ, до 1846 года, дѣлами арабскаго отдѣ-

ленія въ Константиноблѣ. Въ 1848 году дано ему было нынѣшнее его мѣсто при Эмирѣ; онъ исполнялъ свою должность къ полному удовольствію правительства. По приказанію военнаго министра, генерала Сентъ-Арно, приготовлены были для Абдель-Кадера комнаты въ Риволійской-улицѣ, гдѣ онъ принятъ съ великодушнымъ гостепріимствомъ, достойнымъ Франціи.» Въ *Constitutionnel* сказано, что по принесеніи своей благодарности, Абдель-Кадеръ намѣренъ отправиться обратно въ Амбуазъ, и выразилъ живѣйшее желаніе присутствовать при возстановленіи имперіи, прежде отправленія своего въ Брюсселю.

Разсказываютъ много рѣчей Абдель-Кадера, которыми онъ выражалъ удивленіе и похвалы прежнимъ своимъ врагамъ. Впрочемъ, вотъ одна фраза, которая доказываетъ, что Эмиръ не забылъ и своихъ многочисленныхъ и блистательныхъ успѣховъ, и что въ немъ сохранилось чувство собственной славы. При осмотрѣ Версальскаго дворца показали ему картину Гораса Вернета, представляющую взятіе Герцогомъ Омальскимъ смалы Абдель-Кадера. Эмиръ долго смотрѣлъ на нее, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія, потомъ сказалъ однако же:

— Ахъ! еслибъ у меня были живописцы, я могъ бы имъ тоже заказать картины».

Абдель-Кадеръ выѣхалъ изъ Парижа, сопровождаемый маіоромъ Буассоне, который четыре года исправлялъ при немъ трудную должность пристава.

Во вторичный пріѣздъ Эмиръ привезъ съ собою жену свою, мать и дѣтей; жена его жила и во Франціи, какъ на родинѣ: ходила всегда подъ фатою, и никто изъ людей, часто видѣвшихъ Эмира не видалъ ея. Эмиръ, узнавъ о своемъ освобожденіи, полагалъ, что сильнѣйшимъ выраженіемъ его радости и благодарности будетъ то, что онъ предъ маіоромъ Буассоне, бывшимъ при немъ неотлучно четыре года, сниметъ фату съ жены своей. Притомъ сказалъ онъ:

Пусть это докажетъ тебѣ радость моего сердца и благодарность мою тебѣ за твою дружбу.

Во-время пребыванія своего въ Парижѣ, Абдель-Кадеръ былъ осыпанъ самыми странными просьбами: онъ получалъ ежедневно до пятидесяти писемъ, на которыя Буассоне отвѣчалъ, просиживая за этою работою ночи. Большая

часть просили автографовъ, и къ стыду должно прибавить, очень многіе просили денегъ.

Въ Акбарѣ напечатано слѣдующее замѣчаніе: «Въ Бруссе, гдѣ будетъ жить Абдель-Кадеръ, находится гробница Хейръ эдъ-Дина, того изъ братьевъ Барбароссы, который основалъ алжирское правленіе. Такимъ-образомъ сойдутся тѣ, изъ которыхъ одинъ уничтожилъ династію Арабовъ и Берберовъ, а другой хотѣлъ возстановить ихъ.

Декабря 10-го Абдель-Кадеръ выѣхалъ окончательно изъ Парижа. Въ Лионѣ пробылъ онъ сутки. Ронскій префектъ принялъ его при выходѣ съ парохода. Сопровождаемый однимъ изъ своихъ сыновей и переводчикомъ, отправился онъ къ маршалу графу Каstellану, а потомъ къ кардиналу Бональду. Онъ обѣдалъ въ тотъ день у маршала Каstellана съ префектомъ, генераль-прокуроромъ апелляціоннаго суда и многими генералами. Послѣ обѣда онъ прогуливался по Лионскимъ улицамъ; присутствовалъ при смотрѣ войскъ въ большомъ лагерѣ; послѣ чего отправился въ дальнѣйшій путь.

Декабря 23-го, ввечеру, паровой фрегатъ Лабрадоръ вышелъ изъ Марсели съ Абдель-Кадеромъ семействомъ его и свитою до пятидесяти человѣкъ. Всѣ начальства оказывали Эмиру величайшее уваженіе, и на фрегатѣ все было устроено для удобства его въ путешествіи. (J. de St. P.)

Въ газетѣ Pays сообщаютъ слѣдующія подробности о образѣ жизни Абдель-Кадера: «Абдель-Кадеръ занимаетъ первый этажъ въ гостинницѣ la Terrasse, въ улицѣ Риволи. По пріѣздѣ въ домъ, онъ произнесъ французское слово *salon*, давая тѣмъ понять, что желаетъ видѣть главную комнату своего помѣщенія. Войдя въ эту комнату, онъ спросилъ, съ которой стороны востокъ, и тотчасъ же одинъ изъ Арабовъ разложилъ подъ его ногами коверъ. Абдель-Кадеръ палъ ницъ, и громко прочиталъ молитву. Подъ вечеръ ему поданъ былъ отличный французскій обѣдъ; но бывшій эмиръ, извѣстный своимъ воздержаніемъ, ѣлъ очень мало, хотя и отвѣдывалъ почти всѣ кушанья. Затѣмъ онъ далъ знать метрдотелю, что никогда не употребляетъ въ пищу мяса. Абдель-Кадеръ обѣдаетъ обыкновенно одинъ, и лишь изрѣдка приглашаетъ къ своему столу маіора Буассоне, подъ надзоромъ котораго состоялъ съ 1848 года; пища его состоитъ преимущественно изъ риса, приготовляемаго или въ видѣ супа, или въ видѣ лепешекъ. Часто, въ-продолженіе дня, онъ требуетъ молочныхъ булокъ, любитъ также

плоды и овощи. Онъ не куритъ табаку. За исключеніемъ военнаго министра, генерала Домъ и еще немногихъ официальныхъ лицъ, Абдель-Кадеръ не принимаетъ почти никого. Никогда не измѣняя своей торжественной важности, онъ постоянно задумчивъ, и мало обращаетъ вниманія на парижскія диковинки. Въ комнатѣ своей очень часто молится, прижавъ лицомъ къ землѣ, и всегда громко; часто и долго пишетъ, сидя на корточкахъ, и наклонясь на правую сторону. Весьма вѣжливый въ обращеніи со всѣми, онъ ласково киваетъ головою тѣмъ, которые подходятъ къ нему. Арабы, составляющіе его свиту, оказываютъ ему глубочайшее уваженіе. Абдель-Кадеръ спитъ на французской постели. Въ одной съ нимъ комнатѣ, въ небольшомъ отъ него разстояніи, спитъ на полу, по-восточному, одинъ изъ его приближенныхъ.»—Въ томъ же журналѣ сообщаютъ о свиданіи между Абдель-Кадеромъ и бывшимъ алжирскимъ епископомъ Дююшемъ, который, въ знаменитую кампанію 1840 года, способствовалъ своимъ посредничествомъ размѣну плѣнныхъ, написавъ къ эмиру трогательное письмо. Съ-тѣхъ-поръ Абдель-Кадеръ питаетъ чувства уваженія и любви къ почтенному прелату. Когда ему доложили о пріѣздѣ епископа, отъ всталъ, изъ-за стола, и оба бросились другъ другу въ объятія. Абдель-Кадеръ былъ такъ взволнованъ, что въ первую минуту не могъ произнести ни одного слова; потомъ посадилъ епископа возлѣ себя, и угостилъ его и пріѣхавшихъ съ нимъ священниковъ кофе и пирожнымъ. Епископъ сказалъ ему: «Давно желалъ я видѣть тебя, и порадоваться съ тобою твоему освобожденію; я много молился за тебя, и благословляю руку, расторгшую твои узы.»—Абдель-Кадеръ отвѣчалъ: «Ты первый изъ Французовъ понялъ меня, ты одинъ всегда понималъ меня: твоя молитва достигла Бога. Богъ просвѣтилъ умъ и умилилъ сердце того, кто возвратилъ мнѣ свободу.» Въ-продолженіе четверти часа, пока продолжался визитъ, Абдель-Кадеръ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ руку епископа, и неоднократно изъявлялъ желаніе видѣться съ нимъ еще разъ. «Когда ты воротишься въ Амбуазъ, сказалъ епископъ, я испрошу позволеніе провести съ тобою нѣсколько дней.»—«Хорошо, отвѣчалъ эмиръ; но навѣсти меня и здѣсь. Я всегда радъ тебя видѣть.» При прощаніи, слезы снова заблестали въ глазахъ Абдель-Кадера. Обнимаемая епископа, онъ какъ-будто хотѣлъ повторить слова,

сказанныя ему въ послѣдній разъ въ Амбуазѣ: «Когда ты удаляешься отъ меня, мнѣ кажется, что душа моя разстается съ тѣломъ.»

Бретельскій лѣсъ, принадлежавшій Королю Людовику-Филиппу, проданъ съ публичнаго торга въ сенскомъ судѣ, за 3,810,000 фр. Король купилъ его въ 1830 году у г. Жака Лафита, заплативъ болѣе, нежели вдвое. Прекрасная лѣсная дача въ Сенъ-Дизіе также вчера продана одному богатому реймскому капиталисту. Наконецъ Аркское и Шатовиленское помѣстья, принадлежавшія Принцу Жуанвильскому, и Ранданское, завѣщанное Принцессою Аделаидою Герцогу Монпансіерскому, будутъ также проданы на дняхъ. Общество землевладѣльцевъ, лѣсныхъ торговцевъ и охотниковъ торгуетъ первое изъ сихъ помѣстьевъ, а второе одинъ богатый Генуезецъ, владѣющій уже во Франціи значительными помѣстьями. Такимъ-образомъ Орлеанскій домъ исполнить декретъ 22-го января, предписывающій продать все его имущество въ-теченіе года. Продажа кончена будетъ до срока.

— Г. Пеку представилъ парижской городской комиссіи любопытное дѣло. Графиня дю-Кейла (Cailla) завѣщала Графу Шамбору, а въ небытность его, городу Парижу, великолѣпный Сентъ-Уанскій замокъ, въ которомъ сохранились многія историческія воспоминанія временъ реставраціи, и гдѣ подписана была хартія 1814 года. Законъ 11-го апрѣля 1832 года, воспретившій всѣмъ потомкамъ Карла X владѣть движимымъ или недвижимымъ имуществомъ во Франціи, или приобрѣтать оное какимъ бы то образомъ ни было, еще не отмѣненъ. Посему городъ Парижъ принялъ наслѣдство вмѣсто Графа Шамбора; но наслѣдники графини намѣрены просить объ уничтоженіи духовной.

Въ Constitutionnel пишутъ: «Усилія французскаго правительства къ обезпеченію правъ литературной собственности встрѣчаютъ въ Германіи важныя препятствія по причинѣ таможеннаго устройства, по которому одни и тѣ же пошлинные законы существуютъ у державъ, присоединившихся къ усиліямъ Франціи противу контрафакцій, и у тѣхъ, которыя еще не согласились на это. Такимъ-образомъ Саксонія, Ганноверъ, Ольденбургъ и Брауншвейгъ не могутъ теперь совершенно исполнять заключенныхъ съ нашимъ правительствомъ трактатовъ, потому-что Пруссія, находящаяся въ главѣ Таможеннаго Союза, ведетъ еще по

сему предмету переговоры, которые въ два года ничѣмъ еще не кончились. Письмомъ изъ Берлина, отъ 11-го декабря, напечатаннымъ въ Кельнской-газетѣ, увѣдомляютъ, что Ганноверъ предложилъ свое посредничество для склоненія Пруссіи къ этому трактату. Полагаютъ, что оно вскорѣ приведетъ къ удовлетворительному результату.

Городовой совѣтъ въ Аяччо (на Корсикѣ) положилъ воздвигнуть Наполеону III, на площади Летицій, насупротивъ дома, гдѣ родился Наполеонъ I, мѣдную статую. По повелѣнію Императора, площадь эта будетъ расширена, и домъ, гдѣ родился дядя его, отдѣленъ отъ прочихъ. Подъ статуею будетъ слѣдующая надпись: «Наполеону III, спасителю Франціи и благотворителю Корсики, городъ Аяччо.»

При громѣ пушекъ, въ присутствіи арміи, духовенства и административныхъ начальствъ и при стеченіи многочисленной толпы зрителей, положенъ въ Курбвуа (близъ Парижа) первый камень памятника, который воздвигнуть будетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ смертные останки Наполеона коснулись береговъ Франціи. Извѣстно, что тѣло Наполеона привезено было во Францію водою вверхъ по Сенѣ. (J. de St. P.)

Въ сенскую префектуру поступило такое множество плановъ о перестройкахъ въ Парижѣ, что еслибъ всѣ они были приведены въ исполненіе, не осталось бы камня на камнѣ. Между прочимъ предлагаютъ провести тоннель отъ желѣзной дороги, идущей вокругъ Парижа, къ центральному рынку. Чрезъ этотъ тоннель будутъ привозить каждое утро съѣстные припасы для города, не препятствуя движению городскихъ экипажей.

Всѣ театры приняли наименованія временъ Имперіи. Большая Опера называется Academie Impériale de Musique (Императорская академія музыки), Комическая опера Théâtre Impérial de l'Opéra comique (императорскій театръ комической оперы). Актеры Французскаго Театра, опять называются: comédiens ordinaires de S. M. l'Empereur, (придворные актеры Е. И. В.)

Основатель и директоръ цирка Елисейскихъ-полей получилъ позволеніе назвать его циркомъ Наполеоновымъ.

У книгопродавца Ледойена вышла изъ печати любопытная книга подъ названіемъ *Границы Франціи*. Она надѣлаетъ много шума. Книжка эта состоитъ изъ пяти печатныхъ листовъ въ 12-ю долю, и вышла безъ штемпеля.

Авторомъ подписался А. ле-Массонъ, написавшій въ 1840 году книгу о Венеціи. Авторъ говоритъ въ ней рѣшительно: онъ исторически доказываетъ, что Рейнъ, Шельда и Альпы суть границы Франціи, и требуетъ присоединенія Савойи, Піемонта и Бельгіи именемъ спасенія и спокойствія Франціи. Онъ увѣряетъ, что реставрація, Людовикъ-Филиппъ и республика пали оттого, что не хотѣли вести войны, и Людовикъ-Наполеонъ (котораго онъ хвалитъ не слишкомъ восторженно, хотя это, можетъ-быть, и литературная хитрость) падетъ такъ же, какъ они, если не возвратитъ Франціи естественныхъ границъ ея. Книжка написана чистымъ, правильнымъ, воинственнымъ слогомъ. Нечего и говорить о толкахъ, которые теперь распространяются, и въ особенности о выходѣ въ свѣтъ книги безъ штемпеля; словомъ, она надѣлала шуму. (С. П.)

А н г л и я .

Замѣчательно, что и англійскія газеты съ тѣмъ же жаромъ, какъ и французскія, говорятъ о спекулятивной горячкѣ, овладѣвающей Европой.

Вотъ что пишутъ въ Atlas: «горячка спекуляцій, обуявшая Европою въ 1825 и 1845 г., возобновляется нынѣ. Только и слышно что объ учрежденіи банковъ, о построеніи желѣзныхъ дорогъ, о разработкѣ рудокопень и о составленіи разныхъ компаній. Капиталисты не хотятъ, чтобъ деньги ихъ залеживались, и придумываютъ разные проекты. До-сихъ-поръ публика еще не жалуется на спекуляторовъ, дѣйствующихъ, по-крайней-мѣрѣ, добросовѣстно. Лишь бы всѣ эти предпріятія не кончились, какъ въ 1845 г., сожалѣніемъ и раскаяніемъ. Послѣ печальныхъ опытовъ того года, кажется, должно быть осторожнымъ. Впрочемъ, можетъ-быть, и политическія событія остановятъ духъ спекуляцій».

Въ Англии эти политическія событія ограничиваются однимъ внутреннимъ движеніемъ, къ которому нельзя не отнести погребенія Герцога Веллингтона, совершившагося 18 ноября. Наканунѣ, послѣ обѣда, королевскій дворъ прибылъ изъ Виндзора въ Лондонъ. Въ Букингамскомъ-

дворцѣ представлялись Ея Величеству всѣ генералы и офицеры, прибывшіе къ похоронамъ Герцога Веллингтона. По улицамъ, гдѣ должно было проходить шествіе, замѣтно было еще вчера стеченіе народа болѣе обыкновеннаго: тысячи людей прибыли изъ окрестностей къ этому дню. Съ девяти часовъ вечера пошелъ дождь, и продолжался во всю ночь, превратясь, въ четыре часа утра, въ ураганъ, но многіе оставались на улицахъ, чтобы занять хорошія мѣста. Поутру на разсвѣтѣ вся линія шествія была уже совершенно наполнена народомъ. Около шести часовъ начали разставлять войско около казармъ конной гвардіи. Въ то же время прибыли траурныя кареты. Изъ Букингамскаго-дворца выѣхали кареты королевскія и назначенныя для иностранныхъ военныхъ депутацій. Въ восьмомъ часу начало образоваться шествіе у Конной-Гвардіи. Средоточіемъ онаго была большая палатка, подъ которою находилась траурная колесница, окруженная множествомъ знаменъ. Вокругъ колесницы стоялъ корпусъ офицеровъ въ парадныхъ мундирахъ и съ креномъ на шпагахъ и на каскахъ. За шесть минутъ до восьми часовъ поданъ былъ, пушечными выстрѣлами изъ парка, сигналъ началу шествія. Буря утихла, только дулъ холодный вѣтеръ. Дождь также пересталъ вскорѣ. Войско, подъ командою герцога Кембриджскаго, съ блистательнымъ штабомъ, двинулось впередъ; сперва пѣхота, потомъ артиллерія, далѣе кавалерія, а потомъ попеременно траурные герольды, знаменосцы, трубачи и литаврщики, высшіе государственные и судебные сановники, городовыя начальства и депутаціи, высшее духовенство, члены верхняго и нижняго парламента. Позади знамени рода Веллеслеевъ шли главные судьи и министры, потомъ лордъ-меръ, присоединившійся къ шествію у Темпель-Бара; далѣе адъютанты покойнаго герцога, къ которымъ присоединились придворные чины Принца Алберта. Засимъ самъ Принцъ Албертъ въ траурной каретѣ. Большое знамя Англии, а за нимъ, когда шествіе поравнялось съ церковью св. Павла, духовенство. За нимъ, въ траурныхъ каретахъ, военные депутаты Россіи, Испаніи, Пруссіи, Португаліи, Нидерландовъ и Ганновера, съ фельдмаршальскими жезлами каждой изъ сихъ державъ. Наконецъ англійскій фельдмаршальскій жезлъ, на черной бархатной подушкѣ, несомый маркизомъ Энгльси, и герцогская корона покойнаго, несомая на черной подушкѣ,

главнымъ герольдомъ, за которымъ слѣдовали восемь британскихъ генераловъ и двѣ траурныя кареты. За симъ, на похоронной колесницѣ, везомой двѣнадцатью лошадьми, гробъ съ смертными останками герцога, покрытый ботатымъ чернымъ покровомъ съ гербами и трофеями. За нимъ слѣдовали ближайшіе родственники покойнаго, предводимые нынѣшнимъ герцогомъ съ лордомъ Чарльсомъ Веллелеемъ, Джеральдомъ Веллелеемъ и Вилліамомъ Веллелеемъ, въ пятнадцати каретахъ. Лошадь покойнаго герцога и карета его; кареты нынѣшняго герцога; офицеры и солдаты всѣхъ англійскихъ полковъ (музыка впереди) по девяти человекъ съ каждаго. Затѣмъ траурныя кареты Королевы и ея фамиліи. Въ заключеніе еще отряды войска. Вскорѣ по выступленіи шествія, погода прояснилась, и солнце освѣтило великолѣпное зрѣлище. Когда шествіе проходило мимо Букингамскаго-дворца, каждый отрядъ салютовалъ Королевѣ. Въ началѣ двѣнадцатаго, шествіе прибыло къ дверямъ церкви св. Павла. Духовенство приняло гробъ, и поставило его посреди церкви. Началась панихида, по окончаніи которой лондонскій лордъ-епископъ произнесъ благословеніе надъ смертными останками герцога, которые и были послѣ того опущены въ могилу подлѣ гробницы Нельсона. Все сіе печальное торжество произошло въ совершенномъ порядкѣ.

Корреспондентъ Новой Прусской Газеты сообщаетъ въ ней слѣдующее описаніе торжественнаго погребенія герцога Веллингтона: «Вчерашняя печальная церемонія отличалась особенностями, которыя придаютъ ей важность въ историческомъ отношеніи. Зрѣлище, представленное среднею полосою Лондона въ первой половинѣ этого дня, будетъ навсегда памятнымъ. Этотъ угрюмый, черноватый городъ, одушевляемый обыкновенно только движеніемъ торговли, принялъ нынѣ, съ разсвѣта, совершенно иной видъ; omnibusы и кабриолеты тянутся по одному направленію; изъ всѣхъ домовъ выходятъ люди въ лучшей своей траурной одеждѣ; вездѣ народъ бѣжитъ съ нетерпѣливою поспѣшностью; всѣ лавки заперты. Чѣмъ ближе omnibusы подъѣзжаютъ къ тому пункту, куда стремятся всѣ, тѣмъ густѣе становятся толпы. Дорога, оставленная для проѣзда каретъ, похожа на быструю рѣку, по которой идетъ сильный ледъ. Съ опасностью жизни пускаются черезъ нее пѣшеходы. Зрѣлище, представляемое всею этою толпою

народа, удивительно. Всѣ въ траурѣ, всѣ хранятъ благоговѣйное молчаніе. За окнами, за дверьми, на балконахъ, на крышахъ разставлены скамьи, и на нихъ сидятъ ряды мужчинъ и женщинъ въ черномъ одѣяніи. У домовъ богатыхъ людей, предъ общественными зданіями и клубами построены эстрады и амфитеатры, со вкусомъ и приличіемъ, и на нихъ помѣщаются зрители. Всѣ эти картины похожи на гравюры изъ акватинты—нѣтъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ сѣраго и чернаго: мостовая, дома, угольный дымъ, балконы балюстрады—все одного и того же цвѣта, изрѣдка съ бѣлыми надписями и розетками. И всѣ зрители въ одеждѣ того же цвѣта. Вотъ улица Пикадилли, въ которой жилъ герцогъ, гдѣ живетъ старинная его пріятельница, миссъ Бордеттъ-Куттсъ: только въ этихъ двухъ домахъ, въ знакъ глубокаго траура, закрыты ставни. То же видимъ въ Сентъ-Джемской улицѣ и въ Пелль-Мелль, гдѣ красуются великолѣпныя зданія клубовъ Крокфордскаго и Охранительнаго; предъ фасадами ихъ построены въ три этажа галереи, обитыя чернымъ сукномъ. Оксфордскій и Кембриджскій клубы обвѣсили свои фасады великолѣпными траурными украшеніями, съ розетками или медалями вокругъ бѣлой буквы W. Самое величественное зрѣлище представляли Трафальгарскій Скверъ и Чарингкросъ, гдѣ соединяются улицы Страндъ, Пелль-Мелль и Уайтголлъ. Трафальгарскій Скверъ идетъ, возвышаясь уступами, къ сѣверу. Въ срединѣ его статуя Нельсона, около которой выстроились Чельсійскіе инвалиды. На каменныхъ уступахъ сквера стояли, по-крайней-мѣрѣ, тридцать тысячъ человекъ. Видъ отсюда простирался въ три стороны. На Страндѣ отличался Эксетерголлъ, публичное зданіе для религіозныхъ митинговъ, и Соммерсетгоузъ, бывшій дворецъ, теперь занимаемый присутственными мѣстами. На драпировкѣ перваго вышита была серебромъ надпись: *Non sibi, sed patriae* (не себѣ, а отечеству). Обѣ красивыя церкви посреди Странда обстроены были тоже галереями для зрителей, которые какъ бы составляли черный цоколь зданій. Въ Темплъ-Барѣ, при входѣ въ Сити, лондонскія городовыя начальства построили траурныя триумфальныя ворота, покрытыя чернымъ бархатомъ съ серебрянымъ шитьемъ. Шествіе двинулось въ восемь часовъ, изъ казармъ конной гвардіи, и слѣдовало указаннымъ путемъ. Въ Эспли-Гоузъ присоединились къ

церемоніи принцъ Албертъ и знатные сановники. Мимо каждаго отдѣльнаго пункта шествіе тянулось два часа; изъ войска больше всѣхъ возбуждали удивленіе, ростомъ и живописною одеждою, горные Шотландцы. Траурная колесница обратила на себя общее вниманіе благородною, величественною простотою. Распоряженія полиціи были на этотъ разъ превосходны. Нигдѣ не было давки. Всѣ галереи были предварительно и тщательно осмотрѣны, и выдержали толпу. Только въ Чарингкросѣ, кажется, одинъ человекъ упалъ съ крыши и ушибся до смерти. Остальной городъ во-время процессіи былъ также достоинъ замѣчанія: вездѣ мертвое молчаніе и пустота». Изъ всѣхъ описаній этого печальнаго торжества явствуетъ, что оно было единодушное, искреннее, благоговѣнное, достойное героя, который былъ его предметомъ, достойное великой, благородной и религіозной націи, умѣющей цѣнить достоинства и заслуги.

Сообщимъ нѣсколько эпизодовъ по поводу этого торжественнаго погребенія:

По общему исчисленію, прибыло въ Лондонъ, на погребеніе герцога Веллингтона, до полутора милліона человекъ. Слѣдственно, въ Лондонѣ было въ этотъ день четыре милліона, изъ которыхъ, вѣроятно, не менѣе двухъ милліоновъ стояли на улицахъ, гдѣ проходило шествіе. Въ этомъ безпримѣрномъ стеченіи народа состояло главное величіе торжества.

На пути шествія гроба Герцога Веллингтона цѣны за мѣста платились отъ восьми гиней до шестнадцати шиллинговъ девяти пенсовъ. На кладбищахъ, лежащихъ по пути (ихъ шесть), цѣны были отъ пяти до десяти шиллинговъ, съ лицъ, не принадлежавшихъ къ приходу. Много было продано съѣстныхъ припасовъ и питей, потому-что любопытные сидѣли на своихъ мѣстахъ съ половины восьмого часа утра до четырехъ или пяти вечера. Можно себѣ вообразить, сколько людей было на лондонскихъ улицахъ во-время похоронной церемоніи, потому-что компаніи желѣзныхъ дорогъ, сбавившія на эти дни цѣны, выдали въ три дня болѣе милліона пяти сотъ тысячъ билетовъ.

Въ клубѣ сухопутныхъ и морскихъ войскъ данъ былъ большой обѣдъ всѣмъ иностраннымъ генераламъ и штаб-офицерамъ, прибывшимъ на погребеніе Герцога Веллингтона. На этомъ банкетѣ предсѣдательствовалъ герцогъ Кем-

бриджскій. Когда провозглашенъ былъ тостъ Его Величества Государя Императора Всероссійскаго, Князь Горчаковъ отвѣчалъ слѣдующими словами: Господа! благодарю васъ за предложенный вами тостъ. Ваше Высочество (обращаясь къ герцогу Кембриджскому), примите выраженіе моей признательности, и позвольте мнѣ выразить вамъ благодареніе за радушное гостепріимство, съ какимъ приняли насъ въ Англіи. И теперь позвольте, господа, сказать вамъ нѣсколько словъ о знаменитомъ полководцѣ, котораго вы лишились. Герцогъ Веллингтонъ былъ великій воинъ и великій гражданинъ. Августѣйшій нашъ Императоръ Николай Павловичъ, достойный соревнатель Петра Великаго, питалъ къ нему особенное уваженіе. Доказательствомъ тому служитъ мое здѣсь присутствіе. Всегдашнее попеченіе о благосостояніи солдата, чрезвычайная осторожность въ военныхъ движеніяхъ, смѣлость и сила при нанесеніи рѣшительныхъ ударовъ—таковы были правила герцога Веллингтона. Ссылаюсь на ваше свидѣтельство, господа: вы были товарищами его на полѣ битвы; ссылаюсь на достойнаго моего товарища, графа Ностица, мужественно сражавшагося при фельдмаршалѣ Блюхерѣ, подлѣ герцога Веллингтона. Военная система герцога была наилучшая для нашей эпохи, Она принята и оправдана знаменитѣйшими современными полководцами: въ Россіи княземъ Варшавскимъ, въ Австріи графомъ Радецкимъ, въ Англіи виконтомъ Гардингомъ. Еще разъ благодарю васъ, господа за выраженіе вашихъ братскихъ чувствъ; позвольте вамъ отъ всей души повторить: да здравствуетъ Королева и Королевскій домъ, да здравствуетъ англійская армія, да здравствуетъ англійскій флотъ и достойный представитель его, герцогъ Нортумберландскій, наконецъ да здравствуетъ навсегда старая и знаменитая Англія!» (J. de St. P.)

Отказъ Австріи въ присылкѣ генерала на погребеніе Герцога Веллингтона возбудилъ въ Англіи удивленіе и неудовольствіе, выраженныя въ Morning Chronicle. Очень понятно, что въ Лондонѣ недовольны рѣшеніемъ австрійскаго правительства, но трудно понять, чтобъ были тѣмъ удивлены. Англичане, которые такъ щекотливы, каждый лично за себя и за свое правительство въ сношеніяхъ съ иностранцами, не могутъ требовать, чтобъ люди, которыхъ они позволили у себя оскорбить и почти лишиться жизни, вновь

явились къ нимъ съ учтивостями». Въ газетѣ *Deutsche Volkshalle* напечатано по этому предмету слѣдующее: «Австрийское правительство не пошлетъ никакой военной депутаціи на погребеніе герцога Веллингтона. Императоръ ясно объявилъ, что онъ не хочетъ этого. Представляли Императору объ отправленіи въ Лондонъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ, служившихъ подъ начальствомъ герцога. Императоръ, получивъ донесеніе объ этомъ, отвѣчалъ:

— Господа! на этотъ разъ ваше представленіе бесполезно.

Видя удивленіе министровъ, Императоръ продолжалъ:

— Никакая депутація не поѣдетъ въ Лондонъ!

Потомъ, обратясь къ одному офицеру, спросилъ его, какой мундиръ онъ носитъ, и прибавилъ:

— Этотъ мундиръ былъ оскорбленъ лондонскою чернью, и зато не было дано никакого удовлетворенія. Я не хочу подвергать его подобному оскорбленію во второй разъ.

Въ этихъ словахъ видны высокія чувства и твердость характера юнаго Императора Франца-Иосифа. Пусть всѣ власти съ такимъ же достоинствомъ защищаютъ права своей короны и подданныхъ въ сношеніи съ Англіею, и если англійская политика не измѣнится въ отношеніи къ иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Англію, то она будетъ, по крайней-мѣрѣ, осторожнѣе во всегдашнихъ попыткахъ къ преобладанію надъ независимостью правительствъ и народовъ материка.

Замѣчательно одно обстоятельство въ засѣданіи лондонскаго верхняго парламента въ прошедшую пятницу (19-го числа): графъ Дерби публично выразилъ благодарность всѣмъ правительствамъ, которыя имѣли официальныхъ представителей при погребеніи герцога Виллингтона. Отдѣльный параграфъ рѣчи его былъ посвященъ Франціи, которая, не могши официально участвовать при возданіи почестей покойнику, имѣла однако при похоронахъ представителемъ своего посланника въ Лондонъ, графа Валевскаго. Графъ Дерби воспользовался симъ случаемъ, чтобъ сказать нѣсколько дружественныхъ словъ Французамъ отъ имени Англіи.

— Рѣчь, произнесенная г-мъ д'Израэли въ честь герцога Веллингтона въ нижнемъ парламентѣ, составляла предметъ всѣхъ сужденій и радость оппозиціонныхъ газетъ: г-на

д'Израэли обвиняютъ въ присвоеніи себѣ чужаго труда. Одинъ изъ редакторовъ *Globe*, бывшій въ засѣданіи нижняго парламента, вспомнилъ, что онъ гдѣ-то читалъ нѣкоторыя мѣста слышанной имъ рѣчи. Возвратясь домой, онъ сталъ перелистывать *Morning-Chronicle*, и въ іюнѣ или іюлѣ 1848 года нашелъ переводъ рѣчи, произнесенной г. Тьеромъ въ честь маршала Гувіона-Сенъ-Сира. Кажется, что г. д'Израэли заимствовалъ цѣлые періоды изъ рѣчи французскаго оратора, и даже безъ малѣйшаго измѣненія. Въ *Globe* немедленно напечатали французскую рѣчь, съ переводомъ на англійскій языкъ, и теперь всеобщее вниманіе обращено на это политическо-литературное дѣло. Въ глазахъ Англичанъ проступокъ этотъ тѣмъ непростительнѣе, что совершенно былъ въ такую торжественную минуту. Г. д'Израэли говорилъ официальную рѣчь въ званіи главы нижняго парламента. Онъ выражалъ мысль не собственную свою, а всего министерства и палаты. Враги его (а у него ихъ немало) утверждаютъ, что онъ оскорбилъ парламентъ, похитивъ мысли и слова у французскаго писателя и государственнаго челоука, и примѣнивъ къ герою Англіи мѣста рѣчи, назначенной для прославленія подвиговъ одного изъ благороднѣйшихъ противниковъ англійскаго полководца. Вотъ какимъ-образомъ стараются объяснить дѣло: д'Израэли хорошій литераторъ, и не станетъ заимствоваться ни у кого. Это то же самое, еслибъ Ротшильдъ укралъ у своего сосѣда кошелекъ. Слѣдственно въ этомъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе, а именно: когда за четыре или за пять лѣтъ предъ симъ, г. д'Израэли прочелъ рѣчь г. Тьера, то былъ до того пораженъ силою и вѣрностью его идей, что написалъ многія мѣста на память. Эти выписки были заложены со многими другими матеріалами для будущихъ рѣчей. Утомленный тяжестью огромныхъ своихъ финансовыхъ занятій, и принужденный въ послѣднюю минуту взяться за сочиненіе рѣчи въ честь герцога Веллингтона, г. д'Израэли употребилъ эти выписки, воображая, что это собственные его идеи, набросанныя имъ для употребленія при будущихъ рѣчахъ. Но съ какой точки ни смотрѣть на это дѣло, оно крайне неприятно для г. д'Израэли, который въ послѣднее время пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Этотъ случай и приготовленія къ похоронамъ прекратили впрочемъ всѣ политическія борьбы.

Въ *Times* напечатано, что одна дама, имѣя нѣкоторое

количество волосъ знаменитаго герцога, стриженныхъ въ 1841 году, желаетъ уступить часть ихъ за двадцать пять фунт. стерл. (150 р. с.), причемъ даны будутъ все доказательства, что они дѣйствительно ему принадлежали и приобрѣтены этою дамою. *J. de St. P.*

Ноября 4-го происходило открытіе парламента. Погода была прекрасная, и дворъ Вестминстера былъ наполненъ народомъ. Парламентъ открытъ королевскою коммиссіею, составленною изъ лорда канцлера, герцога Нортумберланда, маркиза Салисбюри, графа Лонсделя и герцога Монтроза. Лорды-коммиссары сѣли въ верхнемъ парламентѣ, у подножія трона въ два часа пополудни. Лордъ канцлеръ приказалъ езекутору пригласить членовъ нижняго парламента. Черезъ нѣсколько минутъ явились они съ главнымъ своимъ секретаремъ, сиромъ Денисомъ Лемаршаномъ. Канцлеръ казначейства находился въ первыхъ рядахъ депутатовъ. Секретарь верх. парл. прочелъ тогда объявленіе королевской коммиссіи объ открытіи парламента, послѣ чего, по приглашенію лорда-канцлера, члены ниж. парл., по произнесеніи обычной присяги и совершеніи молитвы, удалились для открытія своего засѣданія и для выбора президента. Въ ниж. парл. публика была впущена въ половинѣ втораго. Около двухъ часовъ вошли члены парламента и министры. Канцлеръ казначейства казался очень утомленнымъ и озабоченнымъ. На первой скамьѣ оппозиціи не было никого. По пробитіи двухъ часовъ, явился езекуторъ, и потребовалъ, чтобы члены ниж. пар. явились въ верхній. Большая часть новыхъ членовъ отправились съ сиромъ Денисомъ Лемаршаномъ. Во-время отсутствія ихъ прибылъ Л. Дж. Россель, и сѣлъ подлѣ г. Гладстона. По возвращеніи членовъ происходилъ выборъ оратора. Г. Робертъ Пальмеръ предложилъ г. Шау-Лефевра. Л. Робертъ Гровеноръ поддерживалъ предложеніе съ сиромъ Робертомъ Инглисомъ. Выборъ сей былъ утвержденъ. Занявъ президентскія кресла, онъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ поблагодарить парламентъ за честь, которую онъ мнѣ вновь оказываетъ. Могу увѣрить, что этотъ знакъ его довѣренности усугубитъ мое усердіе въ вѣрномъ и безпристрастномъ исполненіи моего долга. (Рукоплесканіе.)

Канцлеръ казначейства поздравилъ парламентъ съ этимъ выборомъ, сказавъ, что назначеніе г. Лефевра ручается за

независимость всѣхъ членовъ, и за сохраненіе порядка при всѣхъ преніяхъ парламента. Л. Дж. Россель произнесъ рѣчь въ томъ же смыслѣ, и объявилъ, что парламентъ долженъ теперь подать всей Европѣ примѣръ свободныхъ и благоприличныхъ засѣданій.

Ноября 11-го, королева лично пожаловала въ парламентъ, и произнесла рѣчь объ открытіи его засѣданій.

«Милорды и господа! Видя васъ въ первый разъ по распусценіи парламента, я обязана выразить вамъ глубокую скорбь мою, которую, я увѣрена, вы все раздѣляете, о томъ, что ваши сужденія лишились совѣтовъ знаменитаго мужа, котораго великіе подвиги прославили Англію, и въ прямодушіи и любви къ отечеству котораго тронъ мой и народъ всегда находили вѣрную подпору. Я вполне увѣрена, что вы соединитесь со мною для принятія надлежащихъ мѣръ къ выраженію горестныхъ чувствъ по случаю безвозвратной потери, которую Англія понесла кончиною герцога Артура Веллингтона.—Съ удовольствіемъ признаю я усердіе, съ какимъ мои подданные поспѣшили, въ-слѣдствіе послѣдняго парламентакаго акта, наполнить ряды милиціи, и твердо убѣждена, что военныя силы, составленныя наборомъ охотниковъ, произведутъ дѣйствительное усиленіе моей регулярной арміи, для защиты и безопасности отечества.—Я, по-прежнему, получаю отъ всѣхъ иностранныхъ державъ увѣренія въ искреннемъ ихъ желаніи сохранить дружественныя сношенія, счастливо существующія между ними и моимъ правительствомъ.—Частыя и основательныя жалобы сѣверо-американскихъ моихъ подданныхъ касательно нарушеній конвенціи 1818 года о рыбной ловлѣ со стороны гражданъ Соединенныхъ-Штатовъ принудили меня отправить туда, для защиты выгодъ сихъ колоній, отрядъ кораблей сильнѣе употреблявшася до сихъ-поръ. Эта мѣра подала поводъ къ объясненіямъ съ правительствомъ Соединенныхъ-Штатовъ, и въ то время, какъ права моихъ подданныхъ были охраняемы твердою рукою, духъ миролюбія, съ которымъ обсуждаемъ былъ этотъ вопросъ, подаетъ мнѣ надежду, что онъ будетъ рѣшенъ окончательно съ обоюднымъ распространеніемъ пользы, и съ улучшеніемъ коммерческихъ нашихъ сношеній съ этою великою республикою.—Особенное посольство, отправленное мною, въ согласіи съ Принцемъ-Президентомъ французской республики, къ Аргентинскому Союзу, было принято съ

большимъ радушіемъ. Добрая воля и просвѣщенная политика аржентинскаго правленія уже открыли всемірной торговлѣ большія рѣки, которыя доселѣ были ей преграждены, и даютъ входъ въ обширныя страны твердой земли Южной Америки.—Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что усердныя и искреннія усилія бразильскаго правительства къ уничтоженію торговаго неграми, почти прекращеннаго на этихъ берегахъ, дозволили мнѣ приостановить строгія мѣры, которыя я, къ сожалѣнію, должна была принять, и къ которымъ, надѣюсь, не буду болѣе имѣть надобности прибѣгать.—Правительство Португальской Королевы вполнѣ признало справедливость давнишнихъ и убѣдительныхъ требованій объ уничтоженіи различія пошлинъ на вывозъ винъ, и издало декретъ о точномъ исполненіи статей трактата по сему предмету.—Вы, вѣроятно, найдете нужнымъ продолжать изслѣдованія, начатыя прежнимъ парламентомъ объ установленіи законодательства будущаго правительства моего въ остиндскихъ владѣніяхъ. — Господа члены нижняго парламента! Бюджетъ будущаго года представленъ вамъ будетъ своевременно.—Успѣхи въ изящныхъ искусствахъ и практическихъ наукахъ конечно будутъ признаны съ вашей стороны заслуживающими вниманія великой и просвѣщенной націи. Я приказала представить вамъ подробный планъ о развитіи сихъ предметовъ, приглашая васъ къ содѣйствію и одобренію.—Милорды и господа! Съ величайшимъ удовольствіемъ, благодаря волѣ Всеблагаго Провидѣнія, могу васъ поздравить съ общимъ поправленіемъ состоянія нашей страны, и особенно съ улучшеніемъ участи рабочаго сословія. Если вы полагаете, что недавнія законодательныя мѣры, способствовавшія съ другими мѣрами сему счастливому успѣху, причинили въ то же время неизбѣжный ущербъ нѣкоторымъ важнымъ выгодамъ, то предлагаю вамъ разсмотрѣть внимательно, до какой степени возможно, по справедливости, уменьшить эти вредныя послѣдствія, и доставить (земледѣльческой) промышленности нашей средства съ пользою состязаться противу соперничества, которому она подверглась въ—слѣдствіе рѣшенія парламента.—Ласкаюсь надеждою, что несмотря на многочисленныя препятствія, общее благосостояніе распространится и на Ирландію. Совершенно полагаюсь на вашу помощь, еслибы она была нужна къ подавленію несчастнаго духа неповиновенія и буйства, кото-

рый болѣею частію производитъ бѣдствія, удручающія эту страну, и усиливаетъ ихъ, поручаю вамъ принять, въ отношеніи къ Ирландіи, великодушную и щедрую политику, чтобы содѣйствовать ей къ возстанію отъ упадка, въ который она повергнута страданіями послѣднихъ лѣтъ.—Желая усилить дѣятельность каждой вѣтви нашей національной церкви, я заблагоразсудила назначить комиссію для изслѣдованія и донесенія мнѣ, до какой степени можно, по ея мнѣнію, усилить дѣйствія нашихъ капитулярныхъ узаконеній, въ важныхъ отношеніяхъ богослуженія, общественнаго воспитанія и духовной дисциплины.—Я приказала, донесенія комиссіи, которымъ поручено произвести слѣдствіе о системѣ воспитанія оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, передать корпораціямъ, завѣдывающимъ сими университетами, дабы онѣ обратили на нихъ вниманіе, и полагаюсь на ваше содѣйствіе къ устраненію всякихъ преградъ желаніямъ сихъ университетовъ вообще, или коллегіумовъ ихъ, о введеніи въ нынѣшнюю систему тѣхъ измѣненій, какія они почтутъ наиболѣе соответствующими потребностямъ нашей эпохи.—Система второстепенныхъ наказаній занимала уже нѣсколько парламентскихъ засѣданій сряду, и я была бы счастлива, еслибъ вы успѣли вскорѣ прекратить ссылку на Фанъ-Дименову Землю, не поощряя преступленій.—Реформа судопроизводства обращаетъ на себя живѣйшее мое вниманіе. Билли, принятые въ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента, разосланы съ надлежащими приказаніями къ исполненію ихъ. Продолжаются изысканія, по моему приказанію, чтобы привести въ согласіе законы о завѣщаніяхъ между разными судебными мѣстами королевства. Вамъ представлены будутъ билли о введеніи новыхъ улучшеній въ судопроизводствѣ: я увѣрена, что вы посвятите искреннее и усердное вниманіе на эти предметы, какъ равно и на другіе, для общественной пользы Англіи. Призываю благословеніе Бога Всемогущаго на ваши занятія, да направятся они къ благосостоянію и счастію моего народа».

Въ преніяхъ объ адресѣ Королевѣ лордъ Дерби сказалъ въ верхней палатѣ парламента: «Переходя къ той части тронной рѣчи, которая говоритъ объ улучшеніи участи промышленнаго сословія, я намѣренъ представить нѣсколько обстоятельствъ. Увеличеніе потребленія нѣкоторыхъ пред-

метовъ, какъ-то: чаю, табаку, кофе и сахару, ясно доказываетъ, что положеніе большинства народонаселенія въ послѣднее время значительно улучшилось. Въ сберегательныхъ кассахъ земледѣльческихъ округовъ, въ продолженіе того же времени, взносы увеличились въ сравненіи съ суммами, взятыми обратно, и операціи ихъ уравнились въ первый разъ въ нынѣшнемъ году послѣ 1847, когда законъ о свободной торговлѣ нанесъ земледѣлю жестокой ударъ. По моему мнѣнію, гибельное дѣйствіе свободной торговли уничтожено сильнымъ ввозомъ золота и необыкновеннымъ переселеніемъ. Но отъ имени моего и прочихъ моихъ соотечественниковъ, я склоняюсь предъ рѣшеніемъ всей націи. Объявляю также, что какъ бы ни желалъ смягчить неудобства новѣйшихъ законовъ, отъ которыхъ терпитъ значительное сословіе народа, но принимаю эти законы безусловно, принимаю ихъ искренно, какъ волю націи, и буду исполнять ихъ честно и прямодушно. Потерпите двѣ недѣли: мой почтенный другъ, канцлеръ казначейства представитъ вамъ тогда финансовыя мѣры, приготовленныя правительствомъ. До-тѣхъ-поръ надѣюсь, что вы воздержитесь отъ враждебныхъ дѣйствій».

J. de St. P.

4-го декабря, г. д'Израели изложилъ свой финансовый планъ въ ниж. пар. Въ газетахъ напечатана рѣчь канцлера казначейства, продолжавшаяся пять часовъ. Онъ началъ исчисленіемъ ущербовъ, нанесенныхъ новѣйшими законами выгодамъ трехъ народныхъ сословій, а именно: коммерческому флоту, вестъ-индскимъ колоніямъ и земледѣльцамъ вообще. Средства правительства къ вознагражденію сихъ сословій недостаточны. Эти средства ограничиваются слѣдующими мѣрами. Купеческій флотъ получитъ убавку пошлины съ маяковъ. При этомъ казна потеряетъ 100,000 фунт. ст. въ годъ. Для пособія колоніямъ дозволено рафинировать сахаръ, хранящійся въ складахъ, о чемъ давно уже просятъ хозяева плантацій. Съ земледѣльцевъ будутъ убавлены подати, взимаемая на содержаніе большихъ дорогъ. Исчисливъ эти три мѣры вознагражденія, г. д'Израели приступилъ къ общей системѣ налоговъ. Онъ предлагаетъ сбавить на половину акцизъ съ солода. Казна потеряетъ отъ этого 2,500,000 фунт. ст., но мѣра сія послужитъ къ выгодамъ, какъ производителей, такъ и потребителей. Вторая сбавка произведена будетъ съ ввознаго чаю. Теперь платятъ съ фунта по два шиллинга два съ поло-

виною пенса. Пошлина эта, въ теченіе шести лѣтъ, постепенно убавится до одного шиллинга. Третья мѣра будетъ состоять въ убавкѣ половины пошлины съ хмѣля. Всѣ эти распоряженія, вмѣстѣ взятая, произведутъ для казны уменьшеніе доходовъ въ три или четыре милліона ф. ст. Здѣсь канцлеръ казначейства напомнилъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ окончится срокъ взиманія подати съ доходовъ. Надобно будетъ рѣшиться продолжать оную. Но при возобновленіи ея слѣдуетъ измѣнить систему распределенія, которая до-сихъ-поръ падала неодинаково на всѣхъ. Во-первыхъ, надобно положить различіе между доходомъ, получаемымъ съ постоянной собственности, и между промышленностью или ремесломъ. Пошлина съ сего послѣдняго разряда уменьшится на одну четверть. Во-вторыхъ, должно распространить нынѣшнюю систему подати съ доходовъ. Теперь она начинается съ дохода въ 150 фунт. стерл. въ годъ. Должно будетъ меньшую сумму опредѣлить во сто фунт. стерл. съ промышленности, и 50 фунт. стерл. съ недвижимой собственности. Наконецъ было бы справедливо, чтобъ Ирландія, не платившая до-сихъ-поръ этой подати, была также подвергнута оной. Не должно налагать ея безъ различія на поземельную собственность, но слѣдуетъ взимать ее съ доходовъ отъ промышленности. Разсматривая потомъ государственные расходы, канцлеръ казначейства объявилъ, что суммы, требуемыя на дополненіе оборонительной системы Англіи, простираются на сей годъ до 600,000 фунт. стерл. Вооруженіе ламаншской эскадры и необходимое усиленіе артиллеріи требуютъ сихъ расходовъ. Для вознагражденія всѣхъ означенныхъ уменьшеній доходовъ, канцлеръ казначейства не назначаетъ установленія новой подати, но почитаетъ нужнымъ увеличить налогъ съ домовъ, а именно: съ девяти пенсовъ возвысить до одного шиллинга и шести пенсовъ налогъ съ домовъ, и съ шести пенсовъ до одного шиллинга съ лавокъ. Сверхъ-того онъ полагаетъ не ограничиваться взиманіемъ налога съ домовъ, приносящихъ 20 фунт. стерл. но брать его и съ тѣхъ, которые даютъ 10 фунт. стерл. Посредствомъ этихъ измѣненій онъ полагаетъ возможнымъ сохранить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ. Г. д'Израели изложилъ весь этотъ финансовый планъ съ извѣстнымъ своимъ талантомъ, которому парламентъ отдалъ полную справедливость.

Изъ всѣхъ мнѣній, предложенныхъ парламенту, было принято мнѣніе Г. Пальмерстона, состоящее въ слѣдующемъ: Парламентъ полагаетъ, что улучшения, совершившіяся въ Англіи, а особенно въ промышленномъ сословіи, наиболѣе произошли отъ послѣднихъ законодательныхъ мѣръ, которыми введены правила безпредѣльной конкуренціи, уничтожены пошлины протекціонистской системы, уменьшены издержки на самыя произведенія, и произошло изобиліе въ главныхъ предметахъ народной пищи. Сверхъ того парламентъ полагаетъ, что твердое продолженіе и благоразумное распространіе этой политики болѣе всего можетъ содѣйствовать англійской промышленности къ перенесенію лежащихъ на ней тяжестей, и къ вѣрнѣйшему увеличенію благосостоянія и довольства народа, не нарушая ни чьихъ важныхъ выгодъ.

Въ ниж. пар. канцлеръ казначейства сообщилъ слѣдующее: «Я долженъ увѣдомить парламентъ, что Е. В. получила сообщеніе о перемѣнѣ, происшедшей въ формѣ французскаго правительства, а именно, что имперія возстановлена (*that the Empire has been reestablished*), и что Императоръ провозглашенъ подъ именемъ Наполеона III. Слѣдуя всегдашней политикѣ Англіи, признавать всякое существующее правительство, министерство выразило Е. В. свое мнѣніе, что слѣдуетъ изъяснить немедленное и полное признаніе новаго правительства (*promptly, completely to recognize the new government*). Въ то же время, сперва подъ дружественною формою, а потомъ формально и официально, сообщено англійскому правительству, что Императоръ Французовъ вовсе не желаетъ выставить своего права на наслѣдіе имперіи, а напротивъ того полагаетъ, что единственное его право на званіе императора состоитъ въ избраніи его всею націею. Императоръ также добровольно объявилъ, что вполне признаетъ всѣ правительства и дѣйствія ихъ съ 1814 года».

Декабря 20-го, въ верх. парламентѣ, графъ Дерби объявилъ объ увольненіи кабинета, и о порученіи, данномъ Абердину, составить новое министерство, и предложилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отсрочить засѣданіе до четвертка. То же объявленіе сдѣлано было въ ниж. пар. канцлеромъ казначейства. Г. д'Израели воспользовался симъ случаемъ, чтобъ изгладить впечатлѣніе, произведенное сильною рѣчью произнесенною имъ въ прошедшій четвертокъ. Онъ съ

прямодушіемъ и учтивостью изъяснилъ сожалѣніе, если обидѣлъ ею кого-либо изъ членовъ собранія. Л. Дж. Россель, С. Джемсъ Грегамъ и С. Чарльсъ Вудъ, въ отвѣтахъ своихъ, обнаружили столько же учтивости, и съ обѣихъ сторонъ согласились забыть пылкость и рѣзкость послѣднихъ преній.

Новое министерство было вскорѣ составлено, стараніями Л. Абердина. Л. Абердинъ назначенъ первымъ министромъ; Пальмерстонъ статсъ-секретаремъ внутреннихъ дѣлъ; Россель, иностранныхъ дѣлъ; Сидней Гербертъ, военнымъ; Грегамъ, первымъ лордомъ адмиралтейства, а Гладстонъ канцлеромъ казначейства.

Во всѣхъ газетахъ подтверждаютъ, что никогда въ Англіи не было составлено министерства изъ такого множества парламентскихъ и административныхъ знаменитостей, но нѣкоторые опасаются, что самый этотъ усиленный составъ доказываетъ его слабость. Всѣ эти значительные люди, изъ которыхъ каждый могъ бы имѣть право на званіе перваго министра, могли на минуту съ самоотверженіемъ пожертвовать личною своею значительностью, и принять низшія мѣста противъ тѣхъ, на какія каждый имѣетъ право. Но сохранится ли это самоотверженіе? Не одержитъ ли верхъ чувство личной значительности? Не пожелаетъ ли каждый, министръ имѣть преобладающее вліяніе на правительство, и не произойдутъ ли отъ этого въ кабинетѣ несогласія, отъ которыхъ онъ разрушится? Вотъ вопросы газетъ, можетъ-быть нѣсколько преждевременные. Есть и другое, довольно справедливое замѣчаніе. Въ новомъ министерствѣ собраны всѣ лица, могущія имѣть право быть первыми министрами. Если это министерство разрушится, къ кому обратится коронная власть, чтобъ составить новый кабинетъ? Послѣ всѣхъ этихъ блистательныхъ личностей, не покажется ли всякій кабинетъ слабымъ и безцвѣтнымъ? Впрочемъ, повторяемъ, что всѣ эти сужденія, прежде нежели официально объявленъ составъ министерства, слишкомъ шатки.

Несмотря на всѣ миролюбивыя увѣренія Франціи, Англія дѣятельно продолжаетъ работать, для приведенія значительнѣйшихъ своихъ пунктовъ въ приличное положеніе, въ которомъ бы она могла быть обезпечена въ своей защитѣ, а если нужно, то и перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Хорошихъ матросовъ у ней много, но ей нужно и

достаточное число кораблей. Адмиралтейство получило приказаніе, немедленно устроить защиту Ливерпуля, неимѣющаго никакихъ укрѣпленій. И вотъ уже десять мѣсяцевъ въ Англіи непрерывно укрѣпляютъ берега и вооружаются. Нѣтъ лихорадочнаго и всеобщаго военнаго духа, но господствуетъ правильная и постоянная дѣятельность въ адмиралтействѣ и артиллерійскомъ департаментѣ. Хотятъ быть готовыми на всякій случай. На островѣ Джерси строятъ новыя укрѣпленія, и усиливаютъ гарнизонъ. На Гернси отправлены на-дняхъ большіе военные запасы, а на Альдерни стараются всѣми силами устроить укрѣпленную гавань, посредствомъ которой этотъ маленькій островъ можетъ сдѣлаться средоточіемъ обширнѣйшихъ дѣйствій. Альдерни находится только въ девяти миляхъ отъ французскаго мыса Лагогъ, и въ двадцати морскихъ миляхъ отъ Шербурга. Ни одна лодка не можетъ выйти изъ этой гавани, или пройти мимо мыса Лагога, не будучи замѣчена съ Альдерни.

Въ Morning Herald говорятъ, что на усиленіе морскихъ силъ потребовано будетъ у парламента 380,000 фунт. стерл., и именно на сооруженіе паровыхъ машинъ для флота. Въ послѣдніе три года употребляли на этотъ предметъ только 50,000 фунт. стерл. Другой кредитъ потребованъ будетъ на покупку строеваго дѣса.—Въ Times при-сокупаютъ, съ своей стороны, что сухопутная армія усилена двумя тысячами человекъ артиллеристовъ, и что даны приказанія о покупке тысячи лошадей подъ артиллерию. Сверхъ-того заказано двѣсти полевыхъ орудій со всѣми принадлежностями. Батареи эти будутъ готовы въ концѣ зимы, а въ случаѣ нужды и раньше. Сообщая это извѣстіе, въ Times прибавляютъ, что мѣры эти не должны удивлять никого, потому-что проистекаютъ отъ давно предположенной системы защиты Англіи.

(J. de St. P.)

Для защиты Англіи совершенно изготовлены къ выходу въ море корабли: Герцогъ Веллингтонъ, Рояль-Албертъ, Агамемнонъ, Санъ-Парель, Сенъ-Жанъ-д'Акръ, Рояль-Джорджъ, Джемсъ-Уатъ, Аннибалъ, Алжиръ, Нилъ, Лагогъ, Аяксъ, Бленгеймъ и Эдинбургъ. Нужны теперь только опытные и хорошіе моряки и солдаты для пополненія экипажей, и офицеры для командованія ими. Потомъ намѣрены заняться сухопутною артиллеріею, и лучшимъ рас-

предѣленіемъ войскъ, ввѣривъ охраненіе мануфактурныхъ округовъ мѣстной милиціи; расходы на нее должны пасть на тѣ самыя мѣста, гдѣ она будетъ на службѣ.

Вообще всѣ газеты занимаются вопросомъ о защитѣ Англіи. Въ Times въ особенности спрашиваютъ: какъ велика опасность, которой можетъ подвергнуться Англія отъ предпріятій иностранныхъ державъ? «Мнѣнія по этому вопросу могутъ-быть различны, (сказано тамъ). Не нужно доказывать неминуемой опасности, чтобъ правительство приняло необходимыя мѣры предосторожности, Если предвидится какая-либо возможность непріятельскаго нашествія на Англію, министры обязаны приготовить все, чтобъ избѣжать опасности. По словамъ, которыя были произнесены въ засѣданіи совѣта, происходившемъ на-дняхъ, они не могутъ опасаться, чтобъ предложенныя ими мѣры были отвергнуты, или чтобъ парламентъ не согласился на жертвованія, которыя они почтутъ нужными для защиты Англіи. Мы увѣрены, напротивъ того, что малѣйшаго знака со стороны властей достаточно будетъ, чтобъ возбудить во всѣхъ частяхъ Великобританіи и во всѣхъ сословіяхъ общества выраженіе мужественныхъ и прямодушныхъ чувствъ, готовыхъ на всякое жертвованіе для огражденія всеобщей безопасности. Дѣйствительно, это убѣжденіе въ единодушіи и высокихъ чувствахъ Англичанъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, служить для насъ вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха, еслибъ когда-либо обстоятельства того потребовали. Но доколѣ Англія не будетъ въ такомъ состояніи, чтобы правительство могло объявить намъ невозможность всякаго нашествія на берега Англіи, мы не можемъ почитать себя въ безопасности, потому-что какъ бы мала ни была вѣроятность въ успѣхѣ, она можетъ привести къ опаснымъ и гибельнымъ случайностямъ. Англія въ-правѣ надѣяться, что арсеналы ея и порты будутъ сильно укрѣплены противъ всякой попытки непріятельской паровой эскадры; что берега ея будутъ достаточно защищены войсками, приученными къ дѣйствіямъ артиллеріею; что засѣдающая нынѣ коммиссія для снабженія флота приметъ неукоснительно вѣрнѣйшія мѣры для приведенія онаго въ полный комплектъ, и что достаточно число регулярныхъ войскъ, снабженныхъ полевой артиллеріею, будетъ разставлено по южнымъ графствамъ, для поддержанія дѣйствій милиціи и для отраженія непріятеля, который рѣшился бы на высадку. Съ такимъ

главнокомандующимъ, каковъ Виконтъ Гардингъ, мы увѣрены, что приняты будутъ всѣ военныя мѣры, внушенныя опытностью и благоразуміемъ. Но правительство должно дать средства къ этимъ мѣрамъ, а парламентъ долженъ подкрѣпить дѣйствія правительста, потому-что не пустой страхъ или неосновательные слухи производятъ эти опасенія: они внушены убѣжденіемъ людей, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ, и полагающихъ, что защита Англии требуетъ большихъ усилій, чтобъ быть вполне удовлетворительною. Мы съ удовольствіемъ видимъ, что л. Дерби принялъ теперь по этому вопросу серьезный тонъ, болѣе приличный государственному человѣку. Дѣйствительно, сознаваясь, что много еще нужно сдѣлать для матеріальной обороны Англии, онъ объявляетъ, что правительство видитъ необходимость этихъ мѣръ и чувствуетъ себя подкрѣпленнымъ патриотическими рѣчами оппозиціи при преніи объ адресѣ.»

(*J. de St. P.*)

Этотъ же вопросъ сильно занимаетъ и американскія газеты. Въ одной нью-іоркской газетѣ говорятъ, что пора Англии увидѣть, какъ беззащитно ея положеніе въ Европѣ. Англія, такъ тщательно заботящаяся о своихъ пользахъ, набираетъ теперь милицію въ 80,000 человѣкъ, не видя, что у воротъ ея стоитъ непріятель, имѣющій 500,000 солдатъ, извѣстныхъ мужествомъ и дисциплиною. Десять тысячъ французскаго войска разобьютъ очень легко эти 80,000 Англичанъ. Неужели наблюденіе ничтожной экономіи будетъ простираться въ кабинетѣ до того, что пожертвуютъ судьбою Англии, лишь бы не налагать на нее податей! Неужели Провидѣніе поразило Англию слѣпотою, чтобъ содѣйствовать ея покоренію! Вся Европа блеститъ штыками, а богатѣйшій народъ въ свѣтѣ боится издержать на это немного денегъ. Вторженіе можно было бы почитать химерою, еслибъ Англія могла ему противопоставить хоть 250,000 волонтеровъ подъ ружьемъ. Англія не подверглась бы оскорбленіямъ, которыя нанесены были ей недавно въ чужихъ краяхъ, еслибъ имѣла достаточную силу для защиты своей и для отмщенія за оскорбленіе извнѣ. Расходы на составленіе арміи были бы несравненно меньше убытковъ вторженія. Американцы, желающіе добра Англии, говорятъ ей теперь: Къ ружью, Албіонъ! къ ружью!» (*J. de St. P.*)

Англійская аристократія занята теперь однимъ чрезвычайнымъ случаемъ. Жена одного протестантскаго пастора, г-жа

Вилліамсъ, была ограблена на большой дорогѣ, и по судебному слѣдствію оказалось, что разбойникъ принадлежитъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Кумблерланда. Въ газетахъ не называютъ несчастнаго по имени: онъ бѣжалъ изъ военного училища, и со времени преступленія нѣтъ о немъ никакого слуха. (С. П.)

Г Е Р М А Н І Я .

Положеніе таможеннаго вопроса начинаетъ нѣсколько разъясняться. По письмамъ изъ Берлина, въ Аугсбургской газетѣ, достовѣрнымъ кажется, что Австрія и Пруссія ведутъ дѣятельные переговоры, для достиженія соглашенія въ-слѣдствіе конференцій между австрійскимъ посланникомъ г. Прокешемъ и г. Мантейфелемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Пруссія вновь обратилась къ южнымъ державамъ. Въ прусской министерской газетѣ помѣщены инструкціи, данныя прусскому посланнику въ Мюнхенъ, г. Бокельбергу, при возвращеніи его къ своему посту. Въ нихъ предписано ему стараться объ удержаніи сихъ владнѣй въ таможенномъ союзѣ, распространенномъ сентябрскимъ трактатомъ, съ повтореніемъ обѣщанія, что лишь только таможенный союзъ будетъ возстановленъ, Пруссія приступитъ къ дѣятельнымъ переговорамъ для заключенія съ Австріею коммерческаго и таможеннаго трактата, не принимая впрочемъ на себя обязанности окончательнаго заключенія съ нею таможеннаго союза. Въ письмѣ изъ Вены увѣдомляютъ о совершенномъ согласіи между уполномоченными союзныхъ державъ, собравшихся на вѣнскія конференціи. По послѣднимъ извѣстіямъ, ни Ганноверъ, ни Франкфуртъ не были приглашены къ симъ конференціямъ.

Въ вѣнскомъ Лойдѣ, на вопросъ: какая причина несогласія существуетъ между Австріею и Пруссіею? отвѣчаютъ слѣдующимъ: «Въ существѣ дѣла, Пруссія хочетъ совершенно того же, чего и Австрія, но только безъ участія послѣдней. Австрія же хочетъ того же, чего и Пруссія, но съ ея содѣйствіемъ. Вотъ источникъ разногласій между обоими государствами. Для доказательства, рассмотримъ ближе таможенный вопросъ, какъ наиважнѣйшій. Въ чемъ состо-

ить программа Пруссіи? Въ заключеніи всеобщаго германскаго таможеннаго союза, на основаніи сентябрскаго трактата и тарифа бывшаго досель таможеннаго союза, Этого же самаго хочеть и Австрія; этого же хотять и державы Дармштатскаго Союза. Слово *германскій* не имѣеть въ глазахъ Пруссіи строгаго значенія и ограниченія однимъ Германскимъ Союзомъ. Еще недавно провинціи Восточной и Западной Пруссіи и болѣе половины Великаго Герцогства Познанскаго исключены были, по требованіямъ Пруссіи, изъ Германскаго Союза, но будутъ, попрежнему, участвовать въ таможенномъ союзѣ. Тарифъ нынѣшняго таможеннаго союза, даже послѣ измѣненій, сдѣланныхъ сентябрскимъ трактатомъ, основанъ на протекціонистской системѣ. Остаться ли въ этомъ положеніи, вотъ вопросъ всеобщихъ сужденій въ Пруссіи и внѣ ея. По программѣ Пруссіи, основаніе это должно быть сохранено. Австрія предполагаетъ то же самое. Пусть нѣсколько статей таможеннаго тарифа платять болѣе или меньше пошлины, и пусть Австрія приписываютъ болѣе привязанности къ охранительной системѣ, нежели Пруссіи, но по первому пункту легко было бы всѣмъ согласиться. Что же касается до втораго, то единогласіе, требуемое по составу таможеннаго союза и дѣятельность торговли воспрепятствуютъ всякимъ преувеличеннымъ мѣрамъ запретительной системы».

Франкфуртъ на М. Всѣ Ротшильды, Саломонъ изъ Вьенны, Джемсъ изъ Парижа, Ансельмъ и Карлъ изъ Франкфурта и племянникъ ихъ Ліонель изъ Лондона, собрались теперь на семейный конгрессъ во Франкфуртъ.

Ганноверъ. Ганноверское правительство старается, чтобъ трактатъ, заключенный имъ съ Франціею касательно литературной собственности, принятъ былъ и другими германскими державами; иначе, при своей отдаленности, Ганноверъ много оттого потеряетъ. До-сихъ-поръ только Саксонія и Ольденбургъ присоединились къ этому союзу, но надѣются, что нѣсколько другихъ второстепенныхъ владѣній приступятъ къ оному. Что же касается до присоединенія Пруссіи, оно кажется сомнительнымъ, потому-что не могли еще согласиться въ основныхъ условіяхъ.

Мюнхенъ, 14-го декабря, флигель-адъютантъ Его Величества Государя Императора Всероссийскаго, графъ Алопеусъ, привезъ сюда сердце въ Бозѣ почивающаго Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго. Въ

ожиданіи торжественнаго погребенія, помѣщено оно было въ дворцовой церкви.

20-го декабря, послѣ божественной службы, сердце Его Высочества Герцога Лейхтенбергскаго было похоронено, въ присутствіи Принца Карла, въ церкви дворца Герцога Лейхтенбергскаго.

Ольденбургъ, 13-го декабря. Изъ Браке пишутъ, что 11-го числа, принадлежавшіе къ бывшему Германскому флоту военные пароходы: «Любекъ», «Бременъ», «Франкфуртъ», Великій Герцогъ Ольденбургскій и «Гамбургъ» (о шестомъ «Эристъ-Августъ» не упоминается), сданы английской пароходной компаніи (General-steam-navigation-company) которая купила ихъ и отправила въ Браке двѣсти чело-вѣкъ, для составленія экипажей на сихъ судахъ, съ четырьмя стами тоннами угля. Они выйдутъ отсюда чрезъ нѣсколько дней. Теперь изъ непроданныхъ судовъ бывшаго германскаго флота остались только два: «Эрцгерцогъ Іоаннъ» и «Ганза». Первое разсвѣшено, а о покупкѣ втораго сдѣлала предложенія Австрія; но кажется, что ничего еще не рѣшено. (J. de St. P.)

П р у с с і я .

29-го ноября, въ полдень, послѣдовало открытіе палаты президентомъ совѣта министровъ, г. Мантейфелемъ. Въ рѣчи открытія объявлено, что палатамъ представлены будутъ бюджеты, составленные по дѣйствительнымъ государственнымъ потребностямъ, въ надлежащемъ порядкѣ и со всегдашнею бережливостью. Къ-сожалѣнію, не всѣ еще члены таможеннаго союза приступили къ пруско-ганноверскому трактату сентября мѣсяца; но правительство удостовѣрено, что Пруссія одобряетъ весь ходъ этого политическаго вопроса. Въ рѣчи объявлено также о проектахъ проведенія новыхъ путей сообщенія, объ устройствѣ городовъ и провинцій, и о составѣ первой палаты. Последняя мѣра должна освободить корону отъ стѣсненій, вредящихъ пользамъ государства. Вообще желаютъ только привести правительство въ независимость отъ происковъ партій. Все не намѣрены

нарушать ни чьихъ правъ, но хотять также, чтобъ разногласія не могли ослабить королевской власти.

Наблюдая ходъ политическихъ дѣлъ въ теченіе послѣднихъ недѣль, находимъ многія благія надежды для Пруссіи. И перспектива отнюдь не такъ печальна, какъ была при открытіи палатъ. Важнѣйшій матеріальный вопросъ о таможенномъ союзѣ очевидно вступилъ на новый путь, благопріятнѣе прежняго: его уже обсуждаютъ не съ точки зрѣнія страстей. Обманчивыя надежды, по которымъ каждая партія ожидала себѣ полнаго успѣха, теперь исчезли. Въ главномъ дѣлѣ между нами и Австріею всѣ стараются достигнуть только возможнаго, то есть благоразумнаго и полезнаго соглашенія. Важный вопросъ о французской имперіи также пересталъ угрожать намъ послѣдствіями, лишь только узнали объ отношеніяхъ Франціи къ прочимъ европейскимъ державамъ. Объявленія Англіи подѣйствовали здѣсь самымъ успокоительнымъ образомъ; хотя никто не согласенъ съ мнѣніями англійскаго министерства касательно восьми милліоновъ голосовъ, поданныхъ французскою націею, но изъ сихъ объявленій оказывается, что Наполеонъ Бонапарте даетъ твердыя удостовѣренія и ручательства (сколько послѣднія возможны) въ сохраненіи мира и трактатовъ 1815 года. Далѣе оказывается, что Франція, въ нынѣшнемъ положеніи своемъ, возставила бы противъ себя всю Европу, еслибы нарушила миръ или трактаты; а какъ подобный вызовъ съ ея стороны невозможенъ, то спокойствіе Европы до времени обезпечено, если обстоятельства не измѣнятся, вопреки всеобщему желанію. Но теперь довѣренность возстановилась. Это послужитъ къ успѣху торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, какъ въ Берлинѣ, такъ и во всей Пруссіи, при наступленіи святокъ, самаго дѣятельнаго времени въ нашей коммерціи.

Многозначительнымъ политическимъ событіемъ можно назвать повѣзку Австрійскаго Императора въ Берлинъ и встрѣчу, оказанную ему Прусаками.

Декабря 17-го, въ 8 часовъ утра, Е. В. Король прибылъ изъ Шарлоттенбурга въ Берлинъ, и вслѣдъ затѣмъ, съ чрезвычайнымъ повѣздомъ, отправился навстрѣчу Императору въ Ютербокъ, куда Императоръ пріѣхалъ въ десять часовъ. Съ сердечнымъ чувствомъ обнялъ Король юнаго Монарха, а равно и сопровождавшаго его Эрцгерцога Фердинанда Максимилиана. Около одиннадцати часовъ, Ихъ Величества вы-

ѣхали изъ Ютербока, и въ часъ прибыли въ Берлинъ. На станціи желѣзной дороги стояла въ почетномъ караулѣ первая рота гренадерскаго полка Императора Франца. У подъезда собрались всѣ генералы и офицеры берлинскаго гарнизона въ парадныхъ мундирахъ. По пріѣздѣ обоихъ Монарховъ, отданы имъ были всѣ воинскія почести; послѣ чего караулъ проходилъ мимо ихъ церемоніальнымъ маршемъ. Императоръ былъ въ мундирѣ гренадерскаго полка Императора Франца съ орденомъ Чернаго Орла; Король въ мундирѣ гусарскаго венгерскаго полка, котораго онъ шефомъ. Привѣтствуемые радостными возгласами толпы, Ихъ Величества въ парадной каретѣ отправились (въ другой каретѣ ѣхалъ Эрцгерцогъ) въ Шарлоттенбургъ, и прибыли туда въ половинѣ перваго. Они встрѣчены были австрійскимъ національнымъ гимномъ, исполненнымъ военною музыкою 8-го пѣхотнаго полка; 1-й батальонъ его стоялъ въ парадѣ. Обѣхавъ по фронту баталіона съ августѣйшимъ своимъ гостемъ, Король приказалъ войску пройти церемоніальнымъ маршемъ. Для принятія Императора собрались въ Шарлоттенбургъ министры, австрійскій посланникъ графъ Тунъ и другіе высшіе сановники. Они имѣли честь представляться Императору. Вскорѣ потомъ Императоръ, въ сопровожденіи министра двора, графа Штольбергъ-Вернигероде, возвратился въ Берлинъ для посѣщенія больнаго Принца Карла Прусскаго. Вскорѣ прибылъ туда и Король. Послѣ сего Ихъ Величества посѣтили княгиню Лигницъ, и въ три часа отправились обратно въ Шарлоттенбургъ. 18-го числа былъ въ Берлинѣ большой парадъ, обѣдъ во дворцѣ, а вечеромъ торжественный спектакль.

За обѣдомъ Король Прусскій провозгласилъ сперва тостъ за здравіе августѣйшаго своего гостя, Императора Австрійскаго, для выраженія тѣмъ чувствъ всѣхъ присутствующихъ и всей столицы, а потомъ предложилъ тостъ за здравіе Государя Императора Всероссійскаго, по случаю тезоименитства Его Императорскаго Величества. Императоръ Францъ-Іосифъ всталъ съ своего мѣста и предложилъ тостъ за здравіе Короля и всей его фамиліи и Августѣйшаго Союзника своего, Императора Всероссійскаго.

Въ воскресенье, 19-го числа, Императоръ Австрійскій съ своею свитою присутствовалъ при богослуженіи въ католической церкви св. Гедвиги, гдѣ встрѣченъ былъ у входа всѣмъ духовенствомъ. Послѣ сего осматривалъ берлинскіе

музей, а въ заключеніе отправился съ Принцемъ Прусскимъ и Принцемъ Фридрихомъ Карломъ въ кадетскій корпусъ. Произведя кадегамъ смотръ и обозрѣвъ замѣчательности зданія, Императоръ возвратился во дворецъ, гдѣ въ полдень принималъ корпусъ офицеровъ, причемъ оказалъ имъ много вниманія и ласки. Потомъ, съ Королемъ, принцами Альбертомъ и Адалбертомъ, генераломъ Строта и нѣсколькими штабъ-офицерами, осматривалъ арсеналъ и казармы 2-го гвардейскаго уланскаго полка. Въ два часа Ихъ Величества и Принцы со свитою отправились въ Потсдамъ, куда въ это время прибыли Король Ганноверскій и Герцогъ Брауншвейгскій. Ввечеру Ихъ Величества съ королевскою фамиліею и августѣйшими гостями были въ спектакль. Король Ганноверскій выѣхалъ обратно изъ Потсдама 20-го числа.

Императоръ Францъ-Иосифъ сказалъ представлявшимся ему прусскимъ офицерамъ слѣдующее привѣтствіе: «Господа! Радуюсь видя вокругъ себя въ такомъ значительномъ числѣ представителей прусской арміи, съ которыми только вчера я имѣлъ случай и честь познакомиться. Армія Августѣйшаго вашего Короля доказала непоколебимую, вѣрность свою въ затруднительныя времена. Духъ чести и вѣрности, соединяющій всѣхъ вопновъ общими узами, привязываетъ и мою армію къ арміи прусской, и посему могу я выразить здѣсь твердую увѣренность, что обѣ сіи арміи, каковы бы ни были обстоятельства, ожидающія ихъ въ будущемъ, всегда будутъ соединены твердымъ и вѣрнымъ военнымъ сотовариществомъ.»

Декабря 21-го, въ 2 часа, Императоръ Австрійскій, въ сопровожденіи Короля Прусскаго и Королевы, а также Принцевъ и Принцессъ королевской фамиліи, прибылъ на станцію Ангальтской желѣзной дороги, возвращаясь въ Вѣну чрезъ Дрезденъ. Императора ожидали на станціи генералы, корпусъ офицеровъ и рота гренадеръ полка Императора Франца. Пройдя въ послѣдній разъ по фронту солдатъ и привѣтствовавъ ихъ, юный Монархъ дружески простился съ Королевскою Фамиліею, и нѣсколько разъ обнималъ Короля и Королеву. Онъ сѣлъ съ Эрцгерцогомъ Фердинандомъ Масимиліаномъ въ парадный вагонъ, и поѣздъ отправился.

Императоръ Австрійскій, на обратномъ своемъ пути изъ Берлина, былъ встрѣченъ въ Дрезденъ, на станціи желѣзной дороги, Королемъ Саксонскимъ и Принцами Ю-

анномъ и Георгомъ. Принцъ Альбертъ вздѣлъ навстрѣчу Императору до Рёдерау. У иллюминированнаго входа въ королевскій дворецъ, Императоръ и Король были привѣтствованы восторженными криками толпы. Императоръ провелъ весь вечеръ въ кругу королевской фамиліи. На утро Императоръ принималъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, причемъ онъ отозвался въ лестныхъ выраженіяхъ о саксонской арміи. За симъ Императоръ и Эрцгерцогъ Максимилианъ, въ сопровожденіи принцевъ Альберта и Георга, осматривали достопамятности нашей столицы. Въ четыре часа былъ большой обѣдъ во дворцѣ, а ввечеру королевская фамилія и августѣйшіе гости были въ придворномъ спектакль. Въ десять же часовъ вечера Императоръ и Эрцгерцогъ Максимилианъ отправились обратно въ Вѣну.

Декабря 23-го, въ-вечеру, Императоръ возвратился въ Вѣну.

Въ Journal de Francfort помѣщена слѣдующая статья: «Императоръ Австрійскій уже возвратился теперь въ свои владѣнія изъ путешествія въ Берлинъ. Нѣкоторыя особы видѣли въ этой повѣздкѣ чрезвычайное событіе. Мы же полагаемъ, что она была естественнымъ слѣдствіемъ положенія Европы со времени первой французской революціи, въ особенности съ войнъ имперіи до нынѣшней эпохи. Чѣмъ болѣе умы взволнованы страстями, тѣмъ тѣснѣе должны быть узы, связующія обѣ великія германскія державы. Несогласія, происходящія отъ разныхъ положеній, преданій и исторіи Австріи и Пруссіи, могутъ замедлять ходъ этого непоколебимаго союза, но ни мало не нарушатъ онаго, не только потому, что это союзъ священный, но по той причинѣ, что онъ одинъ можетъ служить основою общему отечеству, и обезпечить независимость Германіи, какъ внутри, такъ и извнѣ, однимъ словомъ необходимъ для сохраненія равновѣсія въ Европѣ. Четыре года сряду происходила война на перьяхъ, а теперь Государя, для успокоенія всего свѣта, доказываютъ, возобновленіемъ своего союза, что миръ не будетъ нарушенъ, развѣ въ газетныхъ статьяхъ. Нынѣшнее событіе не вдругъ прекратитъ всѣ несогласія, но всѣ могутъ быть увѣрены, что несогласія сіи будутъ устранены. Каковы бы ни были результаты преній по вопросу о таможенномъ союзѣ, всѣ увѣрены, что Германія будетъ сильна симъ необходимымъ союзомъ, который преодолѣетъ всѣ современныя препят-

ствія, и если не можетъ уничтожить событій прошедшихъ вѣковъ, основавшихъ двойственность выгодъ и идей, то довольно твердъ и проченъ, чтобъ воспрепятствовать великому вліянію этой двойственности въ дѣлахъ высшей политики. Съ радостью можно приветствовать нынѣшнее свиданіе; но кто ему удивляется, тотъ имѣетъ мало политической пророчливости. Могутъ ли люди, сомнѣвающіеся въ этомъ, находить въ условіяхъ, расположеніяхъ, чувствахъ и выгодахъ общаго отечества какія-нибудь побудительныя причины къ дѣйствіямъ противоположнымъ? Правда, что союзъ выгодъ всегда побѣдитъ союзъ идей, но союзъ, связующій двѣ германскія державы, основанъ не только на сочувствіи, но и на выгодахъ, поглощающихъ все другія, и именно на выгодахъ національности и всеобщаго охраненія. Старались также доказать, что путешествіе Императора Австрійскаго означаетъ угрозу противу Франціи. Но мы знаемъ, что Францъ-Иосифъ прибылъ въ Берлинъ не для протеста противъ имперіи, а для сохраненія мира. Императоръ Французовъ нѣсколько разъ увѣрялъ, что онъ не нарушитъ мира, не смотря на трактаты, непризнающіе династіи Наполеона. Съ своей стороны, обѣ германскія державы объявили, что онѣ не нарушатъ мира, не смотря на то, что династія Наполеона не признала трактатовъ. Нынѣшній Императоръ обязался наблюдать ихъ. Европа можетъ быть и будетъ спокойна потому-что сила обстоятельствъ сильнѣе всего. Мы живемъ въ такую эпоху, когда возможны только союзы въ пользу мира; союзы же въ пользу войны падутъ на тѣхъ, которые заключаютъ ихъ, потому-что націи не примутъ въ нихъ участія.» (*J. de St. P.*)

Въ «Марсельскомъ Семафорѣ» напечатано слѣдующее: «Капитанъ прусскаго брига «Флора», г. Виттъ, въ 175 тоннъ и съ экипажемъ въ девять человекъ, прибылъ вчера въ здѣшній портъ. Онъ отправился 2-го ноября изъ Чайльдса (въ Англіи) съ грузомъ въ 250 тоннъ угля; 7-го числа былъ въ Гибралтарскомъ проливѣ. Въ половинѣ пятого пополудни подъѣхала къ нему шлюпка съ десятью человекѣми неизвѣстно какой націи. Погода была тихая. Эти люди, выстрѣливъ по экипажу, взошли на корабль. Прежде всего потребовали они, чтобъ капитанъ направилъ свое судно къ марокскому берегу, и сталъ тамъ на мель, но по причинѣ безвѣтрія, нельзя было этого исполнить.

Приписывая неисполненіе своей воли упорству рулевого, они застрѣлили его и бросили въ море. Испуганный этимъ убійствомъ экипажъ бѣжалъ въ трюмъ, а капитанъ съ подшкиперомъ остались одни на палубѣ. Тогда разбойники принялись грабить пожитки экипажа, обобрали весь паруса, веревки и провизію, и въ половинѣ десятого вечера удалились съ корабля на марокскій берегъ. Это дерзкое разбойничество на водахъ, посѣщаемыхъ судами всѣхъ націй, требуетъ скорого и примѣрнаго наказанія.

— Ужасный пожаръ истребилъ въ Кенигсбергѣ, въ первыхъ числахъ ноября, значительное число амбаровъ съ хлѣбомъ. Ущербъ, понесенный оттого разными страховыми обществами, простирается до 700,000 талеровъ. (С. П.)

А В С Т Р І Я .

Официальное открытіе таможенныхъ конференцій въ Вѣнѣ происходило 30-го октября. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Буль-Шауэнштейнъ произнесъ при семъ случаѣ рѣчь, онъ изложилъ въ ней коммерческую политику, которой должны слѣдовать Австрія и союзныя съ нею державы. Онъ представилъ сперва необходимость предупредить коммерческой переворотъ, угрожающей Германіи, и объявилъ, что должно предоставить каждой державѣ свободу присоединиться къ Пруссіи, или къ Австріи, но необходимо, чтобъ онѣ рѣшились на то или на другое вскорѣ; причемъ Австрія желаетъ покровительствовать національной своей промышленности, а Пруссія намѣрена руководствоваться правилами коммерческой свободы, преобладающей въ Англіи. Министръ прибавилъ, что онъ предвидитъ затрудненія въ скоромъ заключеніи союза съ южными державами, и потому полагаетъ, что прежде всего нужно было бы заключить коммерческой трактатъ. Но какъ таможенный союзъ составляетъ непрѣмѣнную цель австрійскаго кабинета, то и слѣдуетъ внимательно рассмотреть въ конференціяхъ проектъ трактата, приготовленный въ Дармштадтѣ, чтобы исправить его, а если нужно, то и распространить. Баварскій

посланникъ, графъ Лерхенфельдъ, отвѣчая на рѣчь австрійскаго министра, выразилъ ему благодарность всѣхъ союзныхъ державъ.

Для убѣжденія въ благотвѣтельномъ дѣйствіи уменьшенія таможенныхъ пошлинъ въ Австріи на всеобщую торговлю сей страны, достаточно сравнить августъ и сентябрь мѣсяцы 1851 года съ тѣми же мѣсяцами нынѣшняго. Въ 1851 пошлины простирались до 499,532 гульденовъ 36 крейц., а въ 1852 до 689,915 гульд. 58 $\frac{1}{2}$ крейц. Въ особенности потребленіе сахарнаго песку заводами значительно усилилось. Вывозъ многихъ статей, какъ, на примѣръ, сырой шерсти и шерстяныхъ издѣлій, мелочныхъ желѣзныхъ товаровъ и пр., также весьма увеличился. (*J. de St. P.*)

Повелѣніемъ Императора, 8-го декабря, обнародовано всѣмъ венгерскимъ дезертирамъ прощеніе, буде они въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по обнародованіи сего повелѣнія явятся къ какому-либо военному или гражданскому начальству, и кромѣ побѣга не совершили никакого преступленія; если же виновны въ чемъ другомъ, то наказаніе за побѣгъ во всякомъ случаѣ прощается.

Изъ Милана въ Аугсбургской-газетѣ пишутъ, что по произведенному въ мантуанскомъ процессѣ слѣдствію, обнаружилось между-прочимъ, что множество оружія и военныхъ припасовъ скрыто въ церквахъ, школахъ, госпиталяхъ, ратушахъ, и проч. Число лицъ, содержащихся еще въ Мантуѣ, простирается, какъ говорятъ, до ста. Нѣкто Пеццолли, принадлежащій къ значительной фамиліи изъ Милана, и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Мадзиніевыхъ агентовъ, повѣсился въ миланской тюрьмѣ. (С. П.)

Ш в е ц і я .

По возвращеніи изъ путешествія, Е. В. Король занемогъ трудно и опасно. Собрались у Е. В. всѣ члены государственнаго совѣта, и рѣшено составить временное управленіе королевства вмѣстѣ съ Норвегіею. Постановленіе о томъ, подписанное Королемъ, было обнародовано въ официальныхъ газетахъ. Въ немъ сказано, что по причинѣ болѣзни Короля, которая, при помощи Божіей, прекра-

тится, онъ не въ состояніи управлять государствомъ. Впредь до повелѣнія учреждается (какъ было во-время поѣздки Короля въ чужіе края) временное управленіе для Швеціи и Норвегіи изъ равнаго числа шведскихъ и норвежскихъ членовъ государственнаго совѣта, согласно § 7 государственнаго уложенія, § 40-го законовъ о формѣ шведскаго правленія, и § 41-го норвежскихъ основныхъ законовъ. Всѣ начальства и подданные имѣютъ повиноваться сему правленію. Въ первомъ засѣданіи правленія графъ Спарре назначенъ президентомъ на первую недѣлю.

Долго Е. В. находился въ опасности, наконецъ, въ день рожденія Короля, обнародованъ былъ слѣдующій радостный бюллетень: «Его Величество, поправляясь въ здоровьѣ въ прошедшіе дни болѣе и болѣе, провелъ нынѣшнюю ночь спокойно. Лихорадка совершенно прошла, и можно считать, что уже наступило выздоровленіе.» Никогда еще не праздновали дня рожденія Короля во всѣхъ сословіяхъ въ такимъ восторгомъ. Слово *выздоровленіе*, котораго врачи не смѣли употребить до-сихъ-поръ, возбудило тѣмъ болѣе надеждъ, чѣмъ больше медлили обнародованіемъ этого событія. Вечеру зала театра была освѣщена великолѣпно; публика потребовала народнаго гимна, и пѣла его съ большимъ одушевленіемъ. (С. П.)

Ш в е й ц а р і я .

Едва только начали надѣяться, что между Швейцаріею и сосѣдственными державами установятся дружественныя сношенія, вдругъ возникли новыя затрудненія. Нетолько Пруссія и Баварія, но и Баденъ воспретили входъ въ свои границы работникамъ, выходящимъ изъ Швейцаріи. Баденское правительство намѣрено даже отпрать новую ноту Швейцарскому Союзу, чтобы онъ принялъ мѣры къ прекращенію революціонныхъ происковъ со стороны изгнанниковъ.

Бернъ. Приказаніе, данное прусскимъ правительствомъ своимъ подданнымъ выѣхать изъ Швейцаріи, произвело большія затрудненія на фабрикахъ и во всѣхъ мастерскихъ,

гдѣ вообще нѣмецкихъ рабочихъ предпочитаютъ швейцарскимъ и французскимъ, потому-что они искуснѣе, трудолюбивѣе и тише. Во избѣжаніе большихъ ущербовъ, нѣкоторые мастера просили посредничества правительства для исходатайствованія продолженія срока пребыванія рабочимъ до конца года, обѣщаясь внести залогъ. Говорятъ, что прусское правительство дозволило нѣкоторымъ рабочимъ, по поданнымъ отъ нихъ просьбамъ, остаться на дальнѣйшее жительство во Франціи.

Базель. Молодая африканская негрятка Полина Фатме, бывшая тамъ нѣсколько лѣтъ въ услуженіи у барона Мюллера, получила отъ базельскаго общества протестантскихъ миссіонеровъ порученіе распространить христіанство между негрятками Египта. Полина Фатме отправилась изъ Штутгарта въ Базель, для полученія надлежащихъ инструкцій, послѣ чего поѣдетъ къ мѣсту назначенія. Говорятъ, что это еще первая негрятка, на которую возложено подобное порученіе.

Женева. Извѣстный женевакскій диктаторъ Джемсъ Фази просилъ увольненія отъ званія члена женевакскаго государственнаго совѣта. Онъ побѣжденъ соединенною оппозиціею охранителей и радикаловъ. (*de St. P.*)

Тессинъ. Тессинскій государственный совѣтъ (въ Швейцаріи) издалъ, 19-го числа, постановленіе, которымъ высылаются изъ сего кантона капуцинскіе монахи. Мѣра эта, какъ объявлено, основывается на внутреннемъ состояніи этого ордена, въ которомъ дисциплина и порядокъ весьма упали, по причинѣ внутреннихъ несогласій; на томъ, что орденъ капуциновъ живетъ милостынею и на счетъ народа; наконецъ на той причинѣ, что блага духовенства достаточно для совершенія всѣхъ церковныхъ требъ. По симъ поводамъ всѣ иностранные капуцины должны въ три дня выѣхать изъ кантона. Изъ этого исключены шестидесяти-пяти лѣтніе старики. Всѣмъ выданы будутъ путевыя издержки. (*C. P.*)

И т а л і я .

Римъ. Въ письмахъ изъ Рима сообщаютъ объ открытіи государственной консулты, долженствующей доставить

правительству всѣ свѣдѣнія о потребностяхъ провинцій, и о средствахъ къ улучшенію финансовъ. Давно уже ожидали засѣданій этого вновь-учрежденнаго совѣта. Большая часть членовъ онаго состоитъ изъ людей спеціальныхъ. Предъ начатіемъ своихъ работъ, они отправились, подъ предводительствомъ кардина Бригіоля, въ Ватиканъ. Папа принялъ ихъ благосклонно, сказалъ имъ краткую рѣчь, исполненную чувства, въ которой выразилъ, что давно уже желалъ собрать консулту для разсужденія о финансахъ; что обстоятельства не дозволили ему исполнить этого намѣренія раньше, но какъ теперь исполненіе онаго возможно, то онъ радуется, что могъ созвать ее, а въ особенности тому, что она состоитъ изъ людей благонамѣренныхъ и достойныхъ его довѣренности. Консултѣ, сказалъ онъ, будетъ предоставлено составленіе бюджета, и члены ея, какъ добрые отцы семейства, должны возстановить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ; наконецъ представлены имъ будутъ два закона: объ уничтоженіи ассигнацій и о сооруженіи важной желѣзной дороги. По окончаніи рѣчи Папа благословилъ начинаніе ихъ дѣла на пользу государства. Члены эти, большею-частію избранные цѣлыми областями, утверждены были Папою, каждый изъ числа трехъ кандидатовъ. Ихъ всего тридцать, и сверхъ-того шесть членовъ назначены самимъ Папою. Консулта раздѣлена будетъ на отдѣленія. Бюджетъ уже напечатанъ и обнародованъ за нѣсколько времени предъ симъ. Нѣкоторые изъ членовъ и между прочимъ князь Корсини (который, на восьмидесятомъ году, все еще дѣятельно занимается дѣлами), нѣсколько дней уже изучаютъ сей бюджетъ. Собраніе это официально засѣдало въ первый разъ 19-го ноября, на другой день по представленіи своемъ Папѣ.

Неаполь. Въ *Union* пишутъ: «Извѣстно, что Король Фердинандъ оказалъ много милостей политическимъ преступникамъ. Путешествіе, совершенное имъ нынѣ по южнымъ провинціямъ королевства, представляло ему каждый день случай къ новымъ помилованіямъ. Недавно Король встрѣтилъ на дорогѣ отрядъ арестантовъ, сопровождаемый карабинерами. Онъ остановился, потребовалъ акта о причинахъ осужденія этихъ лицъ, для многихъ смягчилъ приговоры, а нѣкоторыхъ освободилъ совершенно. Офицеръ карабинеровъ не узналъ Короля въ полковничьемъ мун-

дирь, и боясь подвергнуться ответственности, потребовалъ письменнаго приказанія. Какъ онъ же удивился, когда въ подписи увидѣлъ имя Фердинанда III. Въ обвѣхъ Калабріяхъ Король простилъ 1890 осужденныхъ, жившихъ въ изгнаніи и поселившихся въ пустыняхъ.»

Изъ Палермо въ Ind. В. пишутъ, что празднества, данныя Королю въ Мессинѣ, можно почитать важными въ политическомъ отношеніи. Изъ всѣхъ сицилійскихъ городовъ Мессина наиболее оказывала непокорства. Въ стѣнахъ ея началась революція 1848 года, а потомъ она выдерживала упорную борьбу съ королевскими арміями. Въ этихъ праздникахъ было одно замѣчательное обстоятельство: фейерверкъ устроили такъ, что онъ кончался вершиною Этны, которая тогда была въ сильнѣйшемъ изверженіи, и освѣщала всю окрестность потокомъ пламени. Великолѣпнѣйшая картина, какой невозможно описать!

Флоренція. Отмѣненная здѣсь смертная казнь опять восстановлена.

Монако. Извѣстно, что Князь Монакскій протестовалъ, въ 1848 г., противъ присоединенія къ Пиемонту двухъ округовъ Мантонскаго и Рокабрунскаго, однако же присоединеніе это было совершено. Флорестанъ I возобновилъ 2-го декабря свой протестъ, прибѣгнувъ къ суду державъ, подписавшихъ трактаты 1814 и 1815 г., по случаю рѣшенія въ нидцскомъ судѣ одного тяжелаго дѣла по упомянутымъ двумъ округамъ. Въ этомъ рѣшеніи округи эти называются принадлежащими Сардиніи. Новый протестъ Князя Монакскаго послѣдовалъ въ Парижѣ.

Въ «Севильской газетѣ» напечатано, что новорожденная инфантина, дочь Герцогини Монпансіерской, получила слѣдующія имена: Марія, Христина, Франциска-Паула, Антонія, Луиза, Фернанда, Амалія, Филиппа, Изабелла, Аделаида, Тереза, Жозефа, Жоакина, Жюста, Руфнія, Лутгарда, Елена, Каролина, Бабіана, Полонія, Гаспара, Мельчоса, Балтазара, Анна, Анда, Луція и Нарциса.

Испанскій маршалъ Нарваэсъ является во Франціи изгнанникомъ уже въ третій разъ. Любопытно прослѣдить за подробностями всей его жизни, наполненной блистательными успѣхами и жестокими неудачами. Во-время управленія Эспартеро, генералъ Нарваэсъ былъ извѣстенъ только военными своими способностями. Онъ послѣдовалъ тогда въ изгнаніе за Королевою Христиною. Проживши нѣсколь-

ко времени во Франціи, отправился онъ опять въ Испанію, чтобъ на деньги Королевы произвести возстаніе въ ея пользу, но возвратился, не успѣвши въ этомъ. Онъ составилъ планъ, за который, въ 1843 г., получилъ тутуть герцога Валенскаго. Сдѣлавшись президентомъ совѣта, содѣйствовалъ онъ вступленію въ бракъ Королевы, восторжествовалъ надъ всѣми своими противниками, и вдругъ, безъ всякой видимой причины, палъ жертвою интриги, и получилъ приказаніе выѣхать во Францію. Онъ прожилъ нѣсколько времени въ Парижѣ, гдѣ Президентъ принялъ его самымъ дружескимъ образомъ. Наконецъ, возвратился онъ въ Испанію, и жилъ какъ частный человекъ, участвуя только въ церемоніяхъ, какъ, напримѣръ, при послѣднемъ крещеніи дочери Герцогини Монпансіерской. Но лишь только онъ вздумалъ вновь доказать независимость своего мнѣнія противъ кабинета, былъ внезапно исключенъ изъ мадридскаго избирательнаго комитета, и получилъ приказаніе выѣхать изъ Испаніи. Такимъ-образомъ онъ уже третій разъ въ изгнаніи, и нынѣшнее несчастье для него чувствительнѣе всѣхъ прежнихъ. Особенно шекотливо положеніе его къ французскому правительству, потому-что кабинетъ Браво-Мурилю хотѣлъ подражать Людовику-Наполеону, хотя это подражаніе было похоже на копію школьника съ учительскаго оригинала. И въ Тюльери не знаютъ, такъ ли принимать его, какъ прежде. Съ обвѣхъ сторонъ слѣдуетъ быть осторожнымъ. (С. П.)

Г р е ц і я .

Пишутъ изъ Афинъ, что Король Греческій, по возвращеніи своемъ, былъ встрѣченъ съ торжествомъ и единодушнымъ выраженіемъ радости и усердія. (J. de St. P.)

Т у р ц і я .

Извѣстно уже, какое сильное впечатлѣніе произвелъ отказъ въ займъ.

— Въ Contitutionnel помѣщены слѣдующія извѣстія изъ

Константинополя: «Новый посланникъ, назначенный въ Парижъ, на мѣсто князя Камлимахи, Вели-Паша, имѣеть особенное порученіе объяснить правительству и французскимъ банкирамъ причины неутвержденія займа. Причины эти теперь очевидны. Министръ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-Эффенди сообщилъ ихъ въ собраніи, бывшемъ на константинопольскомъ монетномъ дворѣ. Порты жалуется на ложное толкованіе султанскаго ираде (декрета) касательно сего займа. Повелѣніе сіе подписано 10-го іюня. Въ немъ дѣйствительно поручается начать переговоры о займѣ, но только въ 36 милліоновъ фр. по 6% и на четыре года. Продолжительность срока займа болѣе всего возбудила неудовольствіе Султана, узнавшаго объ этомъ не прежде 2-го октября, послѣ экстраординарнаго засѣданія совѣта. Слѣдствіемъ этого было паденіе великаго визиря, и открытіе дѣйствительнаго положенія финансовъ, которое до-тѣхъ-поръ скрывали отъ Султана. Кажется, въ министерскихъ инструкціяхъ измѣненъ султанскій ираде въ томъ, что срокъ займа принять на десять лѣтъ, и на сумму 50 милліоновъ. Но эти инструкціи, данныя безъ вѣдома Султана, недостаточны, по увѣренію нынѣшнихъ министровъ, для оправданія дѣйствій тѣхъ, которые вели переговоры о займѣ.»

— Изъ Константинополя, въ «Аугсбургской газетѣ» отъ 4-го декабря, пишутъ: «Уже нѣсколько дней сословіе людей, обыкновенно миролюбивыхъ, находится въ полномъ возстаніи. Народныя собранія, рѣчи, совѣщанія, однимъ-словомъ всѣ революціонныя дѣйствія въ ходу; но на этотъ разъ крикуны состоятъ только изъ купцовъ, и военный пароль ихъ состоитъ въ словѣ *каиме* (турецкія ассигнаціи). За недѣлю предъ симъ банкъ отказался выпускать векселя. За два дня объявилъ онъ, что готовъ ихъ выдавать, но съ платежемъ звонкой монеты, тогда какъ, по условіямъ, банкъ долженъ принимать за векселя половину звонкою монетою, а половину *каиме*, съ учетомъ трехъ процентовъ. Всѣ торговцы собрались третьяго дня на биржѣ въ ужаснѣйшемъ волненіи; разсуждали и составляли адреса посольствамъ, и пр. Дѣйствительно, положеніе ихъ кажется критическимъ. Съ той минуты, какъ правительственный банкъ не имѣеть довѣренности къ государственнымъ ассигнаціямъ, можно сказать, что казна обанкрутилась. Говорятъ, что временное затрудненіе банка произошло въ-слѣдствіе отсылки суммъ въ Лондонъ, на уплату векселей, и что суммы эти захвачены

англійскими банкирами, участвовавшими въ турецкомъ займѣ. Забавнѣе всего, что правительство, объявивъ фальшивыми монетчиками всѣхъ принимающихъ иностранныя монеты, само ежедневно принимаетъ ихъ въ собственномъ своемъ банкѣ, за неимѣніемъ достаточнаго количества своей монеты.»

Изъ бережливости, Порты прекратила пособія, производившіяся выходцахъ венгерскимъ, валахскимъ и греческимъ.

Султанъ взялъ обратно землю, подаренную имъ въ 1848 году г-ну Ламартину, и, въ вознагражденіе за это, назначилъ ему пенсію въ 60,000 піастровъ.

Несогласія, существующія между Австріею и Портою (известно, что Императоръ Австрійскій отказался отъ великодушныхъ подарковъ, назначенныхъ ему Султаномъ, и состоявшихъ въ коврахъ и десяти арабскихъ лошадяхъ съ сѣдлами и сбруею) основаны на слѣдующихъ трехъ пунктахъ 1) Требованіе объ улучшеніи участи боснійскихъ христіанъ. 2) Протестъ противу предпринимаемаго, въ угожденіе Англіи, учрежденія порто-франко въ Дураццо или въ другомъ пунктѣ турецко-адриатическихъ береговъ, потому-что эта вольная гавань послужитъ складочнымъ мѣстомъ англійскимъ товарамъ, которые будутъ ввозимы контрабандою въ пограничныя австрійскія провинціи. 3) Требованіе Австріи, чтобъ подданные ея, (а вѣроятно и всѣ христіане вообще), проживающіе въ Турціи, имѣли право на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ, не вступая для сего въ подданство Порты, а оставаясь подъ покровительствомъ и завѣдываніемъ своихъ посольствъ. Въ этомъ письмѣ прибавляютъ, что вѣнскій кабинетъ твердо рѣшился не уступать ни въ одномъ изъ этихъ трехъ пунктовъ. (J. de St. P.)

Черногорія. Происшествія въ Черногоріи должны обратить на себя вниманіе, но важнѣе всего они для Албаніи и Герцоговины. Омеръ-паша одинъ умѣлъ управляться съ этими горцами, но у него чрезвычайно мало войска, а Черногорцы безпрестанно усиливаются. Они давно уже готовились къ бою; притомъ же Албанцы имъ помогаютъ. Омеръ-паша дѣйствовалъ осторожно: хотя Черногорцы обвиняютъ его въ нарушеніи перемирія, но, кажется, сами слишкомъ поторопились. Нѣтъ сомнѣнія, что Черногорцы имѣютъ теперь больше выгодъ, нежели при Махмудъ-пашѣ. Смѣлость

нынѣшняго князя, принявшаго наименованіе князя Данила I-го, вполне соответствуетъ желаніямъ Сербовъ, которые явно радуются успѣхамъ Черногорцевъ. Войско Данила раздѣлено теперь на три части. Онъ предводительствуетъ одною, Перо и Георгій Петровичъ двумя прочими. Съ жителями Нахій Пиперской произошли несогласія, потому-что они недовольны распоряженіями князя. Экспедиція Черногорцевъ взволновала всѣхъ тамошнихъ жителей. Вездѣ распространяются слухи, особливо въ Босніи и Герцоговинѣ, что всѣ рай перейдутъ на сторону Черногорцевъ. Посредствомъ этихъ слуховъ хотятъ отворотить нападеніе. Губернаторъ Герцоговины. Измаиль-паша, не двигается съ мѣста: онъ жалуется, что связанъ краткими повелѣніями Султана и стѣснительными судебными формами, говоря, что тотчасъ же справился бы съ Черногорцами, употребивъ строгія мѣры.

Между-тѣмъ Черногорцы заняли крѣпость Жабляку. Хотя она обстрѣливалась безпрестанно, но Черногорцы дѣлали мужественные отпоры, принудивъ нѣсколькихъ пѣнныхъ турецкихъ артиллеристовъ къ обученію ихъ дѣйствовать пушками. Бывшій начальникъ крѣпости, Селимъ-Реджи, по прибытіи его въ Скутари, закованъ въ цѣпи. Онъ объявилъ однакоже, что готовъ подвергнуться суду, чувствуя себя нимало не виновнымъ въ сдачу крѣпости: причиною тому было бездѣйствіе скутарскаго губернатора, не присылавшаго во-время денегъ на исправленіе укрѣпленій. Подгорица имѣла бы ту же участь, еслибъ жители не оказала сопротивленія. Въ Антивари не было припасовъ. Нашелся, правда, въ крѣпости порохъ, но онъ лежалъ со временъ венеціанскаго владычества, и надобно было разбивать его топорами. Нашли также до 200,000 фунтовъ стараго свинцу, изъ котораго начали лить пули. Наконецъ, 1-го декабря пришло изъ Скутари повелѣніе атаковать Черногорцевъ, и привезены запасы. Комендантъ Селимъ-Бей выступилъ въ тотъ же день противъ непріятеля, съ девятьюстами человекъ и одною пушкою. Курто-Бей собралъ въ Марковичъ и Спицъ до ста человекъ подъ свои знамена, и повелъ ихъ противъ Черногорцевъ, но принужденъ былъ уступить превосходству числа, а Селимъ-Бей, оставленный бѣльшею частію своихъ войскъ, долженъ былъ отступить къ Тургемиллю. Антиварійскимъ жителямъ приказано было произвести, 3-го числа, новое нападеніе на Черногорцевъ, но они

выступили неохотно. Тозумъ-паша арестовалъ наконецъ въ Яковъ до тридцати непослушныхъ жителей города, и сдалъ ихъ Омеръ-пашѣ. Въ числѣ ихъ главные зачинщики волненій, Анца и Кирымъ. Жители Яковы были напуганы угрозою, что городъ ихъ будетъ занятъ нерегулярными войсками Скутарскаго пашалыка, которыя повсюду производятъ грабежи и опустошенія.

Князь Даниль издалъ декретъ, по которому всякій Черногорецъ, который откажется сражаться за отечество, изгнанъ будетъ изъ Черногорской Области. Часть войска его стоитъ въ трехъ часахъ отъ Подгорицы; другая же заняла крѣпкую позицію при тѣснинахъ, гдѣ ожидаетъ турецкой арміи. Скутарскій паша производилъ между-тѣмъ дѣятельныя распоряженія. Онъ собралъ уже 10,000 войска, и готовился двинуться съ ними противъ непріятеля. Телары (глашатаи) ходили по всѣмъ селеніямъ, и призывали жителей къ священной брани. Однакоже бѣльшая часть Славянъ, обитающихъ въ Верхней Албаніи, отказалась сражаться противу Черногорцевъ. Говорятъ даже объ одномъ старшинѣ племени (Meriditi), который намѣревался возстать противъ Турокъ.

12-го и 13-го декабря происходило жаркое сраженіе у Подгорицы. Турки, съ помощію своей легкой артиллеріи, одержали сначала верхъ, но Черногорцы, усиленные Пипиренами, обратили ихъ потомъ въ бѣгство, и принудили заключить перемиріе, до рѣшенія Султаномъ вопроса о требованіяхъ Черногорцевъ. Послѣдніе все еще владѣли крѣпостью Жаблякомъ, которую вооружили еще сильнѣе и снабдили припасами. Князь Даниль возвратился въ Черногорию, съ дядею своимъ Петромъ.

По поводу нынѣшней борьбы Черногорцевъ, напечатана въ «Триестской газетѣ» слѣдующая статья: «Какимъ образомъ будетъ дѣйствовать Омеръ-Паша въ горной странѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ, и неприступныя скалы представляютъ вѣрное убѣжище, изъ котораго нѣсколько сотъ мужчинъ и женщинъ могутъ истребить цѣлую армію? Черногорцы поступили благоразумно, отказавшись отъ предложенія маршала Мармона устроить у нихъ дороги. Вся область представляетъ огромную грудку скалъ, склоняющихся къ Скутарскому озеру, куда впадаютъ всѣ черногорскія рѣчки. Очевидна важность пріобрѣтенія для Черногорцевъ озера и окрестныхъ областей, и въ этомъ, кажется, состоитъ цѣль дѣйствія Черногорцевъ.»

17-го декабря, въ триестскихъ газетахъ сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Албаніи, Черногоріи и Каттаро: На крѣпость Спужь Черногорцы нападали уже два раза, но еще не успѣли овладѣть ею, хотя и не отказываются отъ будущихъ попытокъ. Въ крѣпости Жаблякъ они защищаются мужественно, отразивъ двукратное нападеніе Чая-Бей, секретаря паша скутарскаго. Блокгаузъ, въ полупушечномъ выстрѣль отъ Жабляка, разрушенъ ими, а при произведенной потомъ вылазкѣ истребили они еще два блокгауза, и обратили въ бѣгство защитниковъ. Между-тѣмъ Турки все еще блокируютъ Жаблякъ. Сильный отрядъ Черногорцевъ пошелъ къ Подгорицѣ, гдѣ сраженія продолжаются. 11-го числа произошло опять сраженіе между Спужемъ, Жаблякомъ и Подгорицею, но результатъ онаго еще не былъ извѣстенъ при отходѣ парохода. Скутарскій паша сосредоточивалъ войска, и ожидалъ подкрѣпленія изъ Румеліи. Два округа Верхней Албаніи, обитаемые болѣею-частію христіанами, хотятъ, какъ говорятъ, присоединиться къ Черногорцамъ.»

18-го декабря, полторы тысячи Черногорцевъ вторично напали на турецкую крѣпость Спужь. Жаблякъ окруженъ теперь Турками, но черногорскій гарнизонъ сильно защищается. У Подгорицы сраженія все еще продолжаются; 11-го числа слышны были опять пушечные выстрѣлы.

Телеграфическою депешою изъ Константинополя, отъ 4-го декабря, полученною въ *Desterreichische Correspondenz* сообщаютъ, что Омеръ-Паша назначенъ главнокомандующимъ противу Черногорцевъ, и что онъ начнетъ военныя дѣйствія еще въ-теченіе нынѣшней зимы. (*J. de St. P.*)

А з і я.

На корабль «Карадокъ», прибывшемъ 26-го октября поутру въ Марсель, привезены извѣстія изъ Остъ-Индіи: изъ Калькутты отъ 30-го сентября, а изъ Бомбеи отъ 2-го октября. Правительство отправило подкрѣпленія генералу Годвину, командующему экспедиціею противъ Бирмановъ. Съ этимъ подкрѣпленіемъ силы Англичанъ простираются тамъ теперь до пятнадцати тысячъ человекъ пѣхоты, и тысячи артиллеріи и инженеровъ, Последнія извѣстія съ по-

зорища войны простираются до 12-го сентября. Если въ-рять письмамъ изъ арміи, болѣею-часть жителей желаютъ вступленія Англичанъ. Генераль-губернаторъ еще разъ предлагалъ Бирманскому Королю заключеніе мира, обѣщая неприкосновенность его владѣній и отступленіе Англичанъ, если онъ заплатитъ за военныя издержки по 1-е сентября, и дастъ достаточное удовлетвореніе. При отходѣ почты неизвѣстенъ еще былъ успѣхъ переговоровъ, доказывающихъ какъ охотно Англичане желали бы окончить бесполезную для нихъ войну. Впрочемъ средства Бирмановъ еще такъ значительны, что они могутъ продолжать войну.

— Письмомъ изъ Гонгъ-Конга (въ Китаѣ) сообщаютъ, что тамъ обезглавленъ, 1-го мая сего года, за распространеніе христіанской вѣры, миссіонеръ въ Тонгъ-Кингъ, г. Боннаръ. Онъ родился въ Ліонскомъ округѣ, и принадлежалъ къ обществу иностранныхъ миссіонеровъ. Въ 1849 году отправился онъ въ Тонгъ-Кингъ. Подробности кончины его еще неизвѣстны. (С. П.)

А ф р и к а.

Изъ Алжиріи получено извѣстіе о взятіи Лагуата французскими войсками. Въ двухъ донесеніяхъ, одномъ генераль-губернатора военному министру, а другомъ генерала Пелиссіе генераль-губернатору, сообщаются подробности этого блистательнаго дѣла. Генераль Пелиссіе, донеся о приуготовительныхъ мѣрахъ къ приступу, продолжаетъ: «Первыя двѣ колонны быстро понеслись впередъ, и опрокинули защитниковъ бреша. Несмотря на самую упорную и изступленную защиту, я бросился, съ моимъ штабомъ и полковникомъ Клеркомъ, впереди колонны Морана, и когда мы проникли въ брешъ, я увидѣлъ, что городъ былъ нашъ. Три батальона Зуавовъ быстро спустились съ занимаемой ими позиціи на башняхъ, и одушевленные храбрыми своими предводителями, двинулись къ дому Бенъ-Салемъ, составлявшему родъ цитадели въ верхней части города. Подполковникъ Делиньи вломился въ дверь, и вскорѣ знамя 2-го полка Зуавовъ развилось на минаретѣ этого дома. Съ этой минуты Лагуатъ былъ въ моей власти; я условился съ генераломъ Юсуфомъ, чтобъ онъ началъ штурмъ съ свер-

ной части города, когда увидить дымъ, который я хотѣлъ зажечь на холмѣ Сиди-Эль-Гаджи-Аисса. Но дымъ пушечный закрылъ дымъ сигнала. Только тогда, какъ замолкъ огонь нашей брешъ-баттарей, затрубили къ атакѣ. Генералъ Юсуфъ бросился на высоты, бывшія передъ нимъ, поставилъ лѣстницы, и взошелъ на стѣны. Вскорѣ онъ соединился съ нами, и водрузилъ свое знамя подлѣ моего на домѣ Бенъ-Салемъ. Этотъ приступъ, который я вамъ описываю вкратцѣ, чтобъ не замедлить отправленіемъ донесенія о столь блистательномъ подвигѣ нашихъ храбрыхъ войскъ, произведенъ былъ съ удивительною силою и совокупностью. Теперь городъ занятъ на военномъ положеніи. Борьба еще продолжается въ садахъ. Пѣхота поражаетъ тамъ послѣднихъ защитниковъ. Кавалерія же рубить всѣхъ, кто старается скрыться въ оградѣ пальмоваго лѣса. Участь Шерифа еще неизвѣстна. Должно будетъ искать его между убитыми. Женщины и дѣти были пощажены, и солдаты, исполняя данный имъ приказъ, обнаружили столько же великодушія, сколько храбрости. О потерѣ нашей не могу еще донести. Взятія нами предосторожности и быстрота атаки подають надежду, что побѣда наша не будетъ стоить много слезъ. Я буду имѣть честь препроводить вамъ ключи бенъ-салемской казбы, три знамени и одну пушку, взятую въ городъ.

Получены извѣстія съ Мыса Доброй-Надежды отъ 6-го ноября, о войнѣ съ Каффрами. Война все еще продолжается. Хотя Каффровъ преслѣдуютъ и множество ихъ истреблено, но они все еще не отгнаны за Кей. Предложеніе англійскаго главнокомандующаго предводителямъ Каффровъ, сдать-ся на произволь побѣдителей, отвергнуто ими. Макомо и Сандили съ Галканскими Каффрами скрываются въ лѣсахъ Аматоласкихъ. У нихъ однако же, говорятъ, недостаетъ пороху, и стада ихъ чрезвычайно уменьшились. Будущіе планы главнокомандующаго еще неизвѣстны. Онъ такъ же скрытенъ, какъ сиръ-Гарри Смитъ былъ откровененъ; о дѣйствіяхъ узнають по приказамъ. (С. П.)

А М Е Р И К А.

Въ Rapama-Star, 9-го октября, сообщаютъ слѣдующія подробности объ отъѣздѣ французскаго посланника изъ

Гваяквилля. Въ началѣ экспедиціи генерала Флореса многія лица, преслѣдуемая Эрбиною, искали убѣжища въ домѣ графа Монтолона; онъ отказался выдать ихъ правительству, ссылаясь на свои права и на уваженіе, которымъ обязаны французскому флагу. Послѣ этого въ гваяквильскихъ газетахъ стали обвинять французскаго посланника въ дружбѣ съ генераломъ Флоресомъ, и въ передачѣ писемъ его измѣнникамъ, проживающимъ въ городѣ Графъ Монтолонъ протестовалъ противъ этой клеветы, и требовалъ удовлетворенія, но не получилъ его. 3-го августа былъ въ Гваяквилѣ демократическій банкетъ. Гости, въ числѣ которыхъ было нѣсколько членовъ правительства, расхаживали ввечеру съ музыкою по улицамъ. Предъ домомъ французскаго посольства музыка замолкла, и раздались крики: «Смерть Монтолону! смерть Французамъ!» Притомъ произносились еще ругательства и угрозы, Графъ Монтолонъ требовалъ, разумется, у правительства удовлетворенія, но не получивъ его, потребовалъ паспортовъ, и сѣлъ на французскій военный корабль «Пенелопа». Капитанъ этого судна, г. Пиліонъ, тоже требовалъ удовлетворенія, но безъ успѣха, и потому графъ Монтолонъ отправился на пароходъ «Квито» въ Панаму, а оттуда съ вѣсть-индскою почтою, чрезъ Саутгемптонъ, прибылъ во Францію.

— Въ Англіи получено извѣстіе, что статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, г. Вебстеръ, отказавшійся на-дняхъ отъ кандидатура на званіе президента скончался 24-го октября отъ болѣзни въ печени. Ему было отъ роду семьдесятъ лѣтъ.

— Въ письмахъ изъ Америки сообщаютъ разныя извѣстія объ островѣ Кубъ. Многіе мятежники тамъ казнены. Сверхъ-того взяты два зятя Лопеса: одинъ изъ нихъ маркизъ Посось-Дульсесъ. Эти люди, какъ говорятъ, волновали народъ, и были захвачены властями въ ту самую минуту, какъ фрегатъ ихъ Корнелія бросилъ якорь у береговъ острова. Говорятъ о взятіи многихъ лицъ подъ стражу, о задержаніи секретныхъ бумагъ, оружія и вѣрныхъ доказательствъ существованія обширнаго заговора.

А В С Т Р А Л І Я .

Въ Globe сообщаютъ слѣдующія подробности о положеніи дѣлъ въ Австраліи: «Происходящіе здѣсь перевороты богатства безпримѣрны въ торговыхъ лѣтописяхъ. Эти случаи еще скорѣе приведутъ въ забвеніе ту истину, что дѣйствительное народное богатство состоитъ въ произведеніяхъ земли. Событія доказали, что австралійскія колоніи не страшатся ни какого иноземнаго враждебнаго вліянія. Ежедневно открываются новыя золотыя розсыпи. Недавно, близъ города Софолы, одинъ мальчикъ нашелъ самородокъ, вѣсомъ въ пятьдесятъ семь унцій, и продалъ его за 170 фун. стерл. Самородки въ 15 унцій попадаются часто. Розсыпи по рѣкѣ Турону еще не разрабатываются. Бѣдный золотопромышленникъ нашелъ тамъ самородокъ въ 54 унціи, и продалъ его за 170 фунт. стерл. Величайшій самородокъ, найденный до-сихъ-поръ, вѣсилъ 156 унцій, и проданъ былъ за 485 фунт. стерл. Унція золота, представляющая три фунта стерлинга, составляетъ среднее число ежедневной выработки каждаяго. Иногда добываютъ по три унціи въ день на человѣка. Три человѣка приобрѣли, въ три дня, по 25-ти фун. стерл. Были даже примѣры, что добывали по шести унцій въ день, но эти случаи рѣдки. Нѣкоторые золотопромышленники, прибывшіе изъ Калифорніи, добываютъ отъ шестидесяти до семидесяти унцій въ недѣлю въ одномъ мѣстѣ, близъ рѣки Турона, которое они еще скрываютъ, хотя коммиссіонеры и слѣдятъ за ними, чтобъ открыть этотъ приискъ».

Переселенія изъ Остѣ-Индіи въ Австралію усиливаются со дня на день. (С. П.)

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Рефракція звучныхъ волнъ.—Новая луна.—Маятникъ.—Причины непостоянства тока въ элементѣ Даниеля.

РЕФРАКЦІЯ * ЗВУЧНЫХЪ ВОЛНЪ. Общность законовъ распространеніе и отраженія звука и свѣта позволяла давно предполагать тоже однообразіе въ законахъ преломленія (рефракціи); но только въ послѣднее время это предположеніе подтверждено опытами. Зондгаузенъ, германскій ученый разсуждалъ такъ: если двояковыпуклое стекло поставленное передъ горящей свѣчей собираетъ лучи свѣта (въ-слѣдствіе преломленія) въ одну точку, въ чемъ можно убѣдиться держа передъ стекломъ бумагу, то такого же вида тѣло, такъ-сказать *прозрачное для звука*, поставленное передъ тѣломъ звучащимъ, должно собрать въ одну точку звучныя волны, отъ чего звукъ въ ней будетъ сильнѣе.

Основываясь на своихъ разсужденіяхъ онъ устроилъ для опыта двояковыпуклое тѣло изъ коллодіума ** наполнивъ пустоту его углекислымъ газомъ. Стукъ маятника карманныхъ часовъ, поставленныхъ съ одной стороны прибора, былъ очень явственно слышенъ по другую сторону, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него; такимъ-образомъ особа, стоящая съ одной стороны прибора, только одна услышитъ разговоръ, произнесенный шопотомъ на другой сторонѣ. Надо соблюдать при этомъ одно условіе, чтобы говорящая и слушающая особы, помѣщали свои головы на одной линіи, проходящей чрезъ середину прибора.

* Рефракція или преломленіе т. е. измѣненіе направленія звучныхъ волнъ.

** Коллодіумомъ называютъ растворъ хлопчатобумажнаго пороха въ эфирѣ. Если налить слой этого раствора на стекло, то чрезъ нѣсколько минутъ по испареніи эфира можно снять листокъ тончайшей неплотной ткани, употребленной Зондгаузенемъ для своего прибора.

НОВАЯ ЛУПА. * Г. Брюкке предложилъ составлять лупу изъ двухъ стеклъ, двояковыпуклаго и двояковогнутаго, расположенныхъ такъ, какъ въ Галилеевой (нынѣ театральной) трубкѣ, именно оба стекла вставлены въ трубку такъ, чтобы ихъ фокусы совпадали въ одинъ общій, находящійся внѣ трубки. За-мѣтимъ, что фокусныя разстоянія этихъ стеклъ должны быть короче, чѣмъ у театральной трубки.

Новая лупа, при малой длинѣ своей трубки и хорошемъ увеличаніи, съ выгодною замѣнитъ старую при всѣхъ физическихъ и астрономическихъ инструментахъ.

МАЯТНИКЪ. Часто, при физическихъ опытахъ, фотографическихъ работахъ и нѣкоторыхъ другихъ, бываетъ надобность въ секунд-ныхъ часахъ. Обыкновенный маятникъ, длиною въ 33, 4 дюйма, съ стальнымъ ножомъ въ верхней части, упирающимся на агатовыя подставки, удовлетворяетъ потребности; при большомъ трѣннн ножа обѣ агатовыя подставки, маятникъ качается до 50 минутъ. Наскоро можно устроить маятникъ изъ шелковинки привязавъ наконецъ небольшой грузъ; по продолжительности движенія (до 90 минутъ), его можно предпочесть первому. Но вотъ замѣчательная подвижность маятника: если маятникъ съ желѣзнымъ ножомъ на верхнемъ концѣ приложить ребромъ ножа къ концу большаго магнита, и отклонить нижній конецъ его, то качанія будутъ продолжаться, какъ показали опыты надъ 12-ти-золотниковымъ маятникомъ, 16 часовъ.

ПРИЧИНЫ НЕПОСТОЯНСТВА ТОКА ВЪ ЭЛЕМЕНТѢ ДАНИЕЛЯ. Изъ гальваническихъ элементовъ: Грова, Бушена и Даниеля, послѣдній даетъ болѣе постоянный токъ; но и этотъ черезъ нѣсколько часовъ значительно ослабѣваетъ, какъ полагали отъ образованія цинковаго купороса внутри элемента. Н. Н. Тыртовъ ** говоритъ, что кромѣ образованія цинковаго купороса, на ослабѣваніе тока имѣетъ большое вліяніе образованіе на поверхности амальгамированнаго цинка сортутки мѣди, и скопленіе на ней пузырьковъ газа. Образованіе сортутки мѣди онъ приписываетъ просачиванію мѣднаго купороса въ глиняный цилиндръ, гдѣ отъ прикосновенія купороса съ цинкомъ выдѣляется мѣдь, тотъ

* Луцою называютъ увеличительное стекло.

** Опыты Н. Н. Тыртова надъ измѣненіями происходящими въ замкнутой гальванической батареѣ Даниеля, помѣщены въ Бюлетенѣ нашей Академіи Наукъ, Августъ 1852 года.

часть соединяющаяся съ ртутью. Отъ прикосновенія мѣди и цинка происходятъ частные токи и, какъ слѣдствіе ихъ, отдѣленіе водороднаго газа, скопляющагося на поверхности цинковой пластинки. Въ справедливости этого предположенія легко убѣдиться, обмывая цинковую пластинку отъ пузырьковъ газа, и снова опуская ее въ прежнюю жидкость, — токъ получаетъ значительно большую силу.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ, ПАРОХОДСТВО И ТЕЛЕГРАФЫ.

Проектъ англійской компаніи для утвержденія транзитнаго сообщенія между С.-Петербургомъ и Гулломъ (или Гримсби) посредствомъ Готскаго канала, утвержденъ шведскимъ правительствомъ. Сверхъ-того оно выдало привилегію на построеніе желѣзной дороги между Чѣпингомъ и Гультомъ. — Въ шведской почтовой газетѣ, сообщаютъ, что компанія пароходной линіи между С.-Петербургомъ и Гулломъ чрезъ Швецію и готскій каналъ заказала, на знаменитомъ мотальскомъ заводѣ, четыре парохода, изъ которыхъ два будутъ готовы во второй половинѣ будущаго 1853 г., а остальные два въ 1854 г.

— Одинъ американскій выдумщикъ сообщилъ въ редакцію New-York-Mirror планы и описаніе желѣзнаго парохода въ 700 футовъ длины. На немъ будетъ шестнадцать паровыхъ машинъ, каждая въ три тысячи лошадиныхъ силъ. вмѣщая въ себя три тысячи пассажировъ, пароходъ этотъ будетъ переплывать Атлантическій Океанъ въ четыре или пять дней.

— На желѣзной дорогѣ между Лондономъ, Манчестеромъ и Бирмингамомъ устраиваютъ теперь паровозы по новой системѣ: они будутъ доставлять обыкновенные пассажирскіе поѣзды изъ Лондона въ Бирмингамъ въ два часа (разстояніе между сими городами составляетъ 210 верстъ). Одинъ изъ паровозовъ уже готовъ, и при сдѣланныхъ съ нимъ, 31-го октября, опытахъ, вполне оправдалъ обѣщанія изобрѣтателя, г. Ферберна. Доказательствомъ выгоднаго устройства паровоза служить то об-

стоятельство, что когда огонь былъ разведенъ подъ котломъ, то спустя 45 минутъ, получена была уже сила, равная давлению ста футовъ на квадратный дюймъ, а въ обыкновенныхъ английскихъ паровозахъ для сего требуется три часа времени. Машина, при величайшей скорости, достигаетъ силы 650-ти лошадей. Эти паровозы будутъ введены въ употребленіе, когда компанія заготовитъ ихъ достаточное число. Они будутъ совершать поѣздки изъ Лондона въ Дувръ въ часъ съ четвертью времени, а изъ Лондона въ Брейтонъ въ три четверти часа.

— Сообщаютъ изъ Александріи, что желѣзная дорога между симъ городомъ и Каиромъ сильно подвигается впередъ. Полагаютъ, что въ будущемъ году будетъ она кончена до Нила.

— Между Пруссіею, Бельгіею, Франціею, Саксоніею, Нидерландами и Австріею заключена телеграфическая конвенція, для взаимныхъ сношеній между правительствами и посланниками ихъ. У каждаго будетъ своя секретная азбука. Послѣ этого не нужно будетъ посылать курьеровъ.

— Подводная проволока между Дувромъ и Остенде готова, и вскорѣ будетъ положена. Этимъ установится прямое сообщеніе между Англіею и сѣвѣрною Европою. Въ нынѣшнюю же зиму устроено будетъ другое телеграфическое сообщеніе между Лондономъ и Осборномъ, королевская резиденція на островѣ Вейтѣ.

— Въ Daily-News сообщаютъ, что телеграфическія линіи Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ соединены въ одну, подъ названіемъ *національнаго телеграфа*. Въ немъ сходятся семнадцать линій, простирающихся на 10 804 английскія мили (16,206 верстъ). Центральное управленіе телеграфовъ въ Цинцинати выдало въ одинъ годъ три раза дивидендъ, по три процента. Доходъ телеграфовъ въ 1850 году составлялъ 73,270 долларовъ (102,578 р. сер), а расходъ 35,013 дол. (49,018 р. 20 к. сер). Число всѣхъ телеграфическихъ депешей простиралось до 364,559.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТОРГОВЛЯ АНГЛІИ СЪ ФРАНЦІЕЮ. Въ парламентскомъ документѣ, обнародованномъ 6-го декабря, изложены результаты английской торговли съ Франціею въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Цѣнность всѣхъ английскихъ товаровъ, ввезенныхъ во Францію въ 1848 г. простиралась до 1,025,521 фунт. стерл.; въ 1849 до 1,951,269; въ 1850 до 2,401,956, а въ 1851 до 2,028,463 фунт. стерл. Ввозъ изъ Франціи представлялъ официальную цѣнность въ 1848 г. 8,130,394 фунт. стерл.; въ 1849 8,177,075; въ 1850 8,454,193, а въ 1851 8,083,112 фунт. стерл.

АМЕРИКАНСКАЯ СПЕКУЛЯЦІЯ. Едвали гдѣ искусство спекуляцій доведено до такой высокой степени, какъ въ Америкѣ. Въ прошломъ маѣ, поднимался въ Нью-Йоркѣ воздушный шаръ, и въ газетахъ было напечатано: «Смѣлаго воздухоплавателя будетъ сопровождать на этомъ сто-двадцать-шестомъ путешествіи молодая дѣвушка, которая получитъ половину сбора на приданое, чтобы сочетаться законнымъ бракомъ съ молодымъ человекомъ, съ которымъ она обручена уже семь лѣтъ»,

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ. 20-го октября, въ четвертомъ часу утра, въ Чесмѣ ощущено было сильное землетрясеніе, по направленію съ востока къ западу; въ восьмомъ часу повторились два удара, гораздо слабѣе. Въ Смирнѣ это землетрясеніе почти не было замѣчено. Поэтому поводу, въ смирнскомъ журналѣ указываютъ на замѣчательное сближеніе двухъ недавнихъ разрушительныхъ явленій природы: изверженіе Этны, въ Сициліи, началось въ нынѣшнемъ году въ ночи 20-го августа н. ст., и 20-го же августа и на слѣдующій день почти разрушенъ страшнымъ землетрясеніемъ городъ Сантъ-Яго, на островѣ Кубѣ, на разстояніи почти 9,000 верстъ отъ Сициліи.

ПОСЛѢДСТВІЯ УРАГАНА. При послѣднемъ ураганѣ, свирѣпствовавшемъ въ Аоннахъ, не только была опрокинута одна изъ колоннъ храма Юпитера Олимпійскаго, но и три полуколонны Эрхтеева храма, на западной сторонѣ Акрополе, подверглись

той же участи. Большая и почти невознаградимая потеря для художествъ, потому-что колонны эти разбились въ мелкія части. Нужно много трудовъ и опытности, чтобъ собрать ихъ и поставить на прежнее мѣсто.

ПѢВИЦА-КНЯЖНА. Изъ Рима пишутъ, что на сценѣ театра Арджентино поетъ теперь, въ операхъ Дондзетти и Верди, артистка съ первокласснымъ талантомъ, принадлежащая къ одному изъ первыхъ княжескихъ семействъ: Донна Марія Пикколомини. Она дочь князя и племянница кардинала Джакомо Пикколомини. Убѣдительнѣйшія просьбы ея родственниковъ не могли поколебать ея намѣренія поступить на сцену, для которой впрочемъ, она повидимому и создана.

ПОЛУЧЕНІЕ ХЛОПКИ ИЗЪ ИГОЛЬ ХВОЙНЫХЪ ДЕРЕВЪ. Нѣкто Вейсъ, въ 1847 году, въ Силезіи устроилъ два большія заведенія для полученія хлопки изъ иголь хвойныхъ деревъ. Хлопка или, какъ ее называютъ еще, лѣсная шерсть, представляя короткія но упругія волокна, подобныя волосу, можетъ съ пользою замѣнять послѣдній при набивкѣ мебели, подушекъ и матрацовъ; сильный ароматическій запахъ ея препятствуетъ насѣкомымъ разводиться въ мебели, набитой ею.

Лучшая хлопка получается изъ зеленыхъ иголь сосны; осеннія желтыя иглы даютъ дурную хлопку. Собранныя иглы высушиваютъ; въ такомъ видѣ онѣ могутъ сохраняться долгое время.

Для полученія хлопки, иглы сначала вывариваютъ въ водѣ, до того, что при треніи между пальцами онѣ раздѣляются на волокна. Для раздѣленія на волокна, иглы растираются подъ тяжелыми вальками, катающимися по круглому столу. Для равномернаго растиранія, волокна смачиваютъ водою и безпрестанно переворачиваютъ. Окончательная обработка и промывка волоконъ производится въ большихъ ящикахъ, раздѣленныхъ продольною перегородкою на двѣ части; на концѣ этой перегородки существуетъ сообщеніе обѣихъ частей. Въ одной части ящика чрезъ продольныя стѣнки, проходитъ горизонтальный валъ съ посаженными деревянными лопатками. Въ той же части ящика къ валу идетъ наклонный полъ, по которому пущенная струя воды, несетъ растертыя волокна подъ лопатки вращающагося вала. Волокна, попадая между лопатками и дномъ ящика, окончательно перетираются и промываются.

При быстромъ вращеніи вала, часть волоконъ выбрасывается вонъ изъ ящика и падаетъ на металлическія стѣнки; другая часть вмѣстѣ съ водою уносится во второе отдѣленіе ящика.

Обработанная такимъ-образомъ хлопка, представляетъ коротко волокнистую вату, зеленовато-желтаго цвѣта; лучи солнца и хлоръ выбѣливаютъ ее совершенно.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДРОБИ. Охотничья дробь готовится, для большей твердости, изъ сплава свинца и мышьяка, послѣдній въ небольшомъ количествѣ. Сплавъ выливаютъ въ желѣзное сито, установленное на значительной высотѣ надъ чаномъ съ водою; шарики сплава застываютъ въ пути и охлаждаются окончательно въ водѣ.

Нынче дробь готовятъ такъ: въ мѣдный боченокъ, съ множествомъ отверстій по бокамъ, быстро вращающійся около вертикальной оси, наливаютъ сплавъ свинца съ мышьякомъ; отъ дѣйствія центробѣжной силы сплавъ выбрасывается въ видѣ шариковъ. При скорости точекъ на окружности въ 1148 футъ, дробь имѣетъ совершенно правильный шарообразный видъ; при меньшей скорости она получаетъ удлинненный овальный видъ.

Чтобъ дробь не разлеталась далеко въ стороны, весь приборъ окруженъ холщевою стѣнкою.

ФАБРИКАЦІЯ СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ ВЪ БИРМИНГАМЪ. Фабрикація этихъ перьевъ въ Бирмингамѣ началась въ 1820 году, съ каждымъ годомъ производство значительно увеличивалось, и въ настоящее время достигло огромнѣйшихъ размѣровъ. Съ развитіемъ производства перьевъ, цѣна ихъ быстро понижалась. Въ 1820 году, стальные перья появились въ первый разъ, 12 дюжинъ стоили болѣе 44 рублей серебромъ. Въ слѣдующія 10 лѣтъ цѣна быстро понижалась и въ 1830 году, 12 дюжинъ стоили 2½ руб. сер.; въ 1832 году, онѣ стоили уже 1 руб. 80 коп. сер. Въ настоящее время въ Бирмингамѣ лучшія перья продаются по 20 коп. сер. 12 дюжинъ, худшія же сорта покупаются съ фабрикъ въ томъ же числѣ за 6 коп. сер.

Ежегодно бирмингамскія фабрики производятъ до 1000 миллионовъ перьевъ; 2000 работниковъ заняты этой работой.

НЕКРОЛОГЪ.

Генералъ-лейтенантъ и первый адъютантъ Короля Шведскаго Карла Юанна XIV-го, графъ Оттонъ Аксель Мёрнеръ, скончался на дняхъ, на восьмидесятомъ году.

Веймаръ. 9-го ноября скончался одинъ изъ достойнѣшихъ мужей Веймара, государственный министр баронъ Герсдорфъ.

— Въ полуофициальной части Монитёра сообщено о кончинѣ французскаго посланника въ Карлеруэ, г. Энгельгардта, послѣдовавшей 9-го числа.

— Константинополь. Въ ноябрѣ скончались вторая супруга и одинъ изъ сыновей Султана; на другой день, послѣ смерти, они были похоронены въ мечети Ени-Джами.

— Въ Константинополь-же скончался, 90 лѣтъ отъ роду, Могаммедъ-Ханъ, бывший въ-теченіе тридцати лѣтъ сряду персидскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОСТОРОЖНОСТЬ ЛУЧШЕ ПОСПѢШНОСТИ.

Амедея Ашара.

(Окончаніе.)

VI.

ЖИЗНЬ ВЪ ЗАМКѢ.

Девять часовъ утра; солнце блеститъ на голубомъ небѣ; легкій вѣтерокъ играетъ между деревьями; весна пробуждается, и счастливая деревня убирается въ свѣжіе майскіе цвѣты.

Два человѣка, сидя подъ развѣсистымъ букомъ, безопасно разговаривали между собою.

— И такъ, Пьерръ, вы отдыхаете? говорилъ Изидоръ, до-
вѣренный человѣкъ маркиза.

— Да, всегда пріятно отдохнуть.

— А ваши аллеи?

— Онѣ подчищены.

— А ваши цвѣты?

— Они политы еще до разсвѣта.

— А ваши деревья?

— Очищены сверху до низу.

— Такъ что работа кончена?

— Я спалъ еще, когда она была кончена.

— Вотъ это удобно!

— Весьма удобно.

Разговоръ замолкъ на пять минутъ, въ-продолженіе которыхъ Пьерръ вытянулъ ноги, зѣвнулъ и потянулся какъ совершенный счастливецъ.

— И вы такъ проводите каждый день? началъ снова Иси-
доръ.

— Каждый день.

— Давно ли?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ поселился въ замкъ Г. Плюшэ.

— Такъ это онъ вамъ помогаетъ?

— Онъ все дѣлаетъ. То, что надо дѣлаетъ другимъ, его забав-
ляетъ, и то, что утомляетъ меня, служитъ ему развлеченіемъ. Сначала я ничего не могъ понять. Напрасно я вставалъ до утра, всегда находилъ, что половина работы окончена: здѣсь выполота дурная трава, тамъ посыпаны дорожки. Въ другой разъ, дрова наколоты, и сдѣланы вязанки; мнѣ приходили на умъ сказки, которыя я слышалъ еще въ дѣтствѣ. Хорошо, думалъ я: когда другіе за меня работаютъ, я могу выспаться вдоволь. Одинъ разъ только я всталъ съ постели, и повстрѣчался мнѣ Г. Плюшэ въ саду. Онъ доставалъ воду, чтобы полить мои куртинки. Добрякъ весь покраснѣлъ. «Тсъ! сказалъ онъ мнѣ, не говорите никому, что вы видѣли. Мнѣ будетъ скучно сидѣть сложа руки».

— О! не безпокойтесь, отвѣчалъ я: работайте, поливайте, ко-
пайте, подрѣзывайте, подчищайте, я вамъ не помѣшаю. За

этимъ словами господинъ Жеромъ пожалъ мнѣ руку и унесъ свои лейки.

— И теперь онъ все продолжаетъ?

— Какъ нельзя лучше! Но тутъ еще не все.

— Что же онъ еще дѣлаетъ.

— Одного садоводства ему было недостаточно, и мой другъ, Г. Плюшэ, вздумалъ соединить съ нимъ столярную работу.

— Ага!

— Это его ремесло; онъ смыслить болѣе въ доскахъ, чѣмъ въ овощахъ, хотя и съумѣетъ отличить артишокъ отъ латука. Видно грабля не довольно занимала его; онъ принялся за скобель, и въ эту минуту онъ, я думаю, дѣлаетъ рѣшетки къ окнамъ фермера. Этотъ человѣкъ тогда только и счастливъ, когда работаетъ.

— Что жъ, вамъ же лучше!

— О! еслибы я былъ увѣренъ, что онъ у меня всегда будетъ подъ рукой! Но онъ уѣдетъ, и прощай мое гулянье!

Не успѣлъ Пьерръ, окончить своей рѣчи, какъ въ саду раздался выстрѣлъ, и нѣсколько дробинокъ разбила стеклянный колпакъ на растеніи; почти въ ту же минуту со всѣхъ ногъ пробѣжалъ кроликъ.

— Теперь другой! сказалъ Пьерръ.

— Кто другой?

— Э! негодай, дурной мальчишка, шалунъ! Г. Артуръ, какъ его называютъ.

— Сколько эпитетовъ! Что онъ вамъ сдѣлалъ, этотъ бѣдный Артуръ?

— Скажите лучше, чего онъ мнѣ не сдѣлалъ? Это можно скорѣе рассказать.

— Скорѣе, или нѣтъ, но рассказывайте.

— Хорошо.

— Каждое утро, когда я ходилъ осматривать, что сдѣлано, я находилъ на дорогѣ кроликовъ, сѣрыхъ, черныхъ, бѣлыхъ, кроликовъ всѣхъ цвѣтовъ, возрастовъ и половъ. Я ловилъ однихъ за уши, другихъ за хвостъ и относилъ въ ихъ конуру. На слѣдующій день та же исторія. Должно-быть, думалъ я, кто-нибудь въ замкъ забавляется и ночью выпускаетъ ихъ; посмотримъ! Беру свое ружье, кладу въ дуло горсть соли, и поджидаю, спрятавшись за бочку.

— И вы подкараулили Г. Артура.

— Его! Негодный мальчикъ открылъ дверь и сталъ выгонять кроликовъ, швыряя въ нихъ каменьями. Я разсердился, и чтобы испугать его, выстрѣлилъ. Вы думаете, можетъ-быть, что онъ убѣжалъ? Какъ бы не такъ! Проказникъ ничего не боится. Онъ разсмѣялся во все горло, поднявъ убитаго мною кролика, и обратился прямо ко мнѣ. «Вотъ славное жаркое.... Желаю вамъ хорошаго аппетита!» Я хотѣлъ разсердиться, но такъ какъ кроликъ ужъ былъ убитъ, то рассудилъ его изжарить.... онъ былъ весь соленый.

Исидоръ разсмѣялся.

— Вы смѣтаетесь, возразилъ садовникъ: видно вы не имѣли дѣла съ Г. Артуромъ. Если только вы будете осенью ѣсть яблоки, то въ этомъ онъ не будетъ виноватъ! Онъ лазитъ по всѣмъ деревьямъ и все ломаетъ! У меня была кошка; ее онъ замучилъ до смерти, привязывая ей къ ногамъ шутихи съ огнемъ. Въ другой разъ застрѣлилъ мою сороку, подъ тѣмъ предлогомъ, что сороки воровки, превращенныя въ птицу. Онъ срываетъ мои лучшіе цвѣты, и втыкаетъ ихъ въ свои петлицы. Вы знаете любимую лошадь Г. Людовика?

— Колибри?

— Да, Колибри. Такъ вотъ Артуръ хотѣлъ на ней ѣхать верхомъ; не прошло пяти минутъ, всадникъ и лошадь катились по землѣ. Ему ничего; эти негодяи живущи, но лошадь расшибена такъ, что жалъ! Въ другой разъ, выстрѣломъ разбила у меня стекла; я вскакиваю съ постели въ рубашкѣ это Артуръ стрѣляетъ ласточекъ. Онъ въ открытой войнѣ со всѣми собаками въ домѣ. Вечеромъ, онъ лаетъ, чтобы заставить ихъ кричать всѣхъ вмѣстѣ; это такой шабашъ, что перебудитъ всѣхъ мертвыхъ. Онъ топчетъ мою землянику, приводитъ въ беспорядокъ мои вазы, учится стрѣлять въ цѣль по моимъ стекляннымъ колпакамъ; все раззоряетъ, ломаетъ опустошаетъ. Довольно трехъ такихъ негодяевъ, чтобы разрушить весь замокъ!

Между-тѣмъ, какъ Исидоръ и Пьерръ толковали о своихъ дѣлахъ, Людовикъ и Целина взявъ другъ друга подъ руку, гуляли по дорожкамъ, надъ которыми повисла пахучая сирень. Пейзажъ, казалось, былъ взятъ со страницъ Флоріана. Плетни

изъ молодаго плюща, гдѣ щебетала влюбленная малиновка, ручеекъ, свѣжая и прозрачная вода котораго текла по мшистому лугу, нѣсколько деревенскихъ скамеекъ, на концѣ аллеи лужайка, по которой небрежно бродило стадо овецъ, и подъ веселымъ небомъ быстрый полетъ лѣсныхъ голубей. Дафнисъ и Хлоя, то есть Людовикъ и Целина шли медленно по дереву.

Целина обрывала листки маргаритки.

— Что говорить она? спросилъ Людовикъ.

— Немного, отвѣтила Целина.

— Она лжетъ.

— Кто знаетъ? возразила она, бросивъ цвѣтокъ.

И она вздохнула.

— Такъ вы не вѣрите, что я люблю васъ?

— Нельзя не вѣрить, если вы соглашаетесь на мнѣ жениться... что меня немного удивляетъ, будь сказано между нами.

— Отъ чего?

— Вы живете въ шоссе д'Антенъ, а я въ предмѣстьи Сенъ-Дени; это все объясняетъ.

— Напротивъ. Слушая васъ, можно подумать, что мы родились на антиподахъ; а мы оба изъ Парижа. Только двѣнадцать улицъ раздѣляли насъ!

Целина сорвала вѣтку съ ягодами и принялась ихъ ѣсть.

— Когда вы говорите, мнѣ ничего не остается отвѣчать, сказала она. Я говорю то, что знаю, а вы то, что думаете, и подъ конецъ всегда выходите, что я ошибаюсь, хотя, можетъ-быть, и бываю права. Хотите вы ягодъ?

— Пожалуй.

Целина сѣла на скамью, положила ягоды себѣ на колѣни, очистивъ, подала ихъ сосѣду.

— Вы очаровательны! сказалъ ей Людовикъ, въ страстномъ восторгѣ любви.

— Дѣло идетъ не обо мнѣ, а о насъ. Послушайте, что будемъ мы дѣлать, когда женимся?

— Что вы пожелаете.

— Такъ мы часто будемъ ходить въ театръ?

— Очень часто, въ Итальянскую-оперу.

— Нѣтъ, лучше въ театръ Веселія или Амбигю.

— Такъ вы не любите музыки?

— О нѣтъ, я очень люблю шарманку.

Людовикъ улыбнулся.

— Я васъ повезу въ оперу, и когда вы услышите превосходныя творенія Россини и Мейербера....

— Благодарю! я не знаю этихъ музыкантовъ, и имъ не довѣряю. Однажды, я была въ вашей оперѣ; давали *Гуипотовъ*.

— Что же?

— Какой гвалтъ! Барабаны и трубы. Сначала меня занимали костюмы, но послѣ мнѣ показалось, что слишкомъ много пѣли. И потомъ, ничего не понимаешь, что говорятъ эти люди.. Я заснула на менуэтѣ, и проснулась при ружейныхъ выстрѣлахъ.... Ягоды всѣ!

Целина встала и побѣжала собирать еще ягодъ. Людовикъ смотрѣлъ вслѣдъ за нею. Она прыгала по клумбамъ съ легкостію жаворонка.

— Вотъ порядочное количество, сказала она, вернувшись: полная шляпа.

— Любите ли вы балы? спросилъ Людовикъ.

— Люблю ли я балы! Но вы помните Сень Манде?

— Тамъ я съ вами познакомился, тамъ я въ первый разъ съ вами заговорилъ! Вы помните это, Целина?

— Помню ли я это! Какъ хотите вы, чтобы я забыла пируэтты того господина и его гримасу, когда онъ упалъ?

Лиризмъ, готовый вылиться изъ устъ Людовика, оцѣпенѣлъ при этомъ отвѣтѣ.

— Вы мнѣ говорили, что будете возить меня на балы? спросила Целина.

— Сколько вамъ будетъ угодно.

— О! я не очень требовательна! только по воскресеньямъ и изрѣдка по понедѣльникамъ. На балъ *Акацій* въ воскресенье, на *Островъ Цитеры* въ понедѣльникъ.

— Когда вы будете моею женою, Целина, сказалъ Людовикъ съ серьезнымъ видомъ: я васъ повезу на балъ, но въ другое мѣсто.

— Куда это?

— Въ Сень Жерменское предмѣстье, Сень-Опоре, къ друзьямъ моего отца, однимъ-словомъ, въ большой свѣтъ.

— Думаете ли вы, что никого нѣтъ въ Роменвиллѣ? Тамъ также большой свѣтъ!

— Какое различіе!

— Я знаю это различіе! Я видѣла одинъ изъ этихъ свѣтскихъ баловъ, какъ вы говорите, у одной графини, въ Мироменильской улицѣ; я принесла ей гирлянду цвѣтовъ на платье, и осталась въ прихожей, посмотришь. Дамы сидѣли кругомъ на стульяхъ, мужчины стояли посрединѣ, всѣ въ черномъ. Задыхались отъ жару. Когда оркестръ начиналъ играть, нѣсколько молодыхъ людей брали своихъ дамъ за руку, и становились какъ попало, каждый танцевалъ не двигаясь съ своего мѣста. Подъ конецъ кавалеръ отводилъ свою даму на мѣсто и отвѣшивалъ ей низкій поклонъ. Дамы никогда не сходили съ своихъ стульевъ, а мужчины разговаривали между собою. Такъ всегда бываетъ?

— Всегда.

— Это не весело.. Мы будемъ ходить на балъ *Акацій*. По крайней-мѣрѣ, тамъ прыгаютъ и бѣгаютъ. Ахъ! у меня есть еще до васъ просьба.

— Какая?

— Мы будемъ обѣдать разъ въ недѣлю въ ресторанѣ. Я люблю это.

— Ничего нѣтъ легче.

— У Рапе, Тьея, на Сень-Денискомъ острову, или у Деффье.

Людовикъ нахмурилъ брови.

— Тамъ или въ другомъ мѣстѣ, сказалъ онъ: въ Пале-Рояль, наприимѣръ,

— Въ ресторанѣ по сорока су хорошо, однажды я тамъ обѣдала превосходно.

— Лѣтомъ, сказалъ Людовикъ, мы будемъ путешествовать.

— Гдѣ это?

— Въ Италіи или Швейцаріи.

— Что же хорошаго въ этихъ странахъ?

— Въ Италіи, превосходныя творенія искусства, въ Швейцаріи чудеса созданія.

— Что еще?

— Тамъ статуи, картины, памятники, развалины, лучшія въ мірѣ галереи; здѣсь озера, ледники, горы, долины, каскады.

— О! если ничего болѣе, сказала Целина, съ видомъ пренебреженія: то я могу обойтись и безъ этого.

— Какъ! такое равнодушіе!

— А вы восхищаетесь этимъ? Однажды я была въ галереяхъ Лувра, и вышла оттуда съ ужасною головою болью. Да я и не поняла тамъ ничего. Что касается до горъ, то съ меня будетъ довольно Монтмартрскаго холма; и на тотъ, какъ взлезешь, такъ запыхаешься. Я видѣла Ангіенское озеро, оно красиво, да что въ немъ толку! Что же до вашихъ развалинъ, то, благодаря Бога, довольно разрушаютъ и въ Парижѣ, чтобы отбить отъ нихъ охоту. Къ чему хотите вы, чтобы я отправилась на край свѣта искать статуй, когда ихъ въ Версали и Тюльери больше, чѣмъ мнѣ придется увидѣть на своемъ вѣку?

— Такъ мы поѣдемъ въ Англію!

— Надо переплывать море, чтобы попасть туда?

Этотъ вопросъ оглушилъ Людовика.

— Хорошо! сказалъ онъ съ неудовольствіемъ: мы останемся дома.

— Для меня это лучше.

— Въ деревнѣ.

— А почему не въ Парижѣ?

— Чтобы быть вмѣстѣ.

— Какъ, однимъ? сказала Целина съ испуганнымъ видомъ.

— Совершенно однимъ.

— Ужъ это слишкомъ,

Восторженный лиризмъ Людовика ежеминутно сталкивался съ прозою Целины; одинъ хотѣлъ подняться за облака, другая цѣплялась за землю.

— Послушайте, сказала цвѣточница, послѣ минутнаго молчанія: я не знаю, что за мысль пришла вамъ покинуть Парижъ лѣтомъ; останемся въ немъ. Это время Цирка и Гипподрома, которыхъ я еще не знаю; вы меня поведете на балъ въ Асиеры; тамъ также деревня, и вдобавокъ мы тамъ будемъ танцовать.

— На балъ въ Асиеры! сказалъ нетерпѣливо Людовикъ: никогда!

— Гмъ? сказала Целина, посмотрѣвъ прямо въ лицо Людовику... То есть, вы ничего не хотите дѣлать, что мнѣ нравится. Теперь уже! что же будетъ потомъ?

— Но подумайте!

— О! я много думаю. Какъ только я говорю бѣлое, вы отвѣчаете черное; я иду въ одну сторону, а вы въ другую. Ахъ! это не общаетъ мнѣ прекраснаго мужа!

— Боже мой! Целина, я ничего другаго не желаю, какъ вамъ во всемъ повиноваться!

— Съ условіемъ поступать по своему?

— Однако, будьте благоразумны!

— То есть, я теперь неблагоразумна.

Съ этимъ словомъ Целина вскочила и пошла съ сердитымъ видомъ.

Людовикъ также всталъ и пошелъ за нею.

— Но послушайте...

— Нѣтъ, оставьте меня.

Людовикъ все за нею слѣдовалъ; она пустилась бѣжать, не слушая его; наконецъ оба скрылись за деревьями.

На другомъ концѣ сада, въ маленькомъ уединенномъ зданіи, служившемъ для храненія инструментовъ и разломанной мебели, кто-то рубилъ, пилилъ, тесалъ и стругалъ, распѣвая пѣсни. Его галстухъ и жилетъ валялись въ углу, его сюртукъ висѣлъ на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну. Съ засученными рукавами и стругомъ въ рукахъ, онъ былъ окруженъ стружками, разлетавшимися во все стороны.

Съ него градомъ катился потъ, а онъ, веселѣе зяблика, переходилъ къ третьему куплету своей пѣсни; вдругъ отворилась дверь.

— Г. маркизъ! вскричалъ онъ, уронивъ стругъ.

— Я не ошибся, сказалъ Г. де ла-Сейлмерей: ваша пѣсня привела меня сюда. «Это голосъ добраго Жерома», говорилъ я себѣ и вошелъ.

— Проклятый голосъ! пробормоталъ Жеромъ.

— Но не безпокою ли я васъ; вы, кажется, были заняты.

— Я?... Нѣтъ... то есть да... Я проходилъ мимо, вы поворачиваете; я увидѣлъ инструменты своего ремесла, и мнѣ пришла охота ихъ попробовать.

— И мало-по-малу, вы сдѣлали эти четыре рѣшетки и эти три ставни.

Жеромъ смѣшался и покраснѣлъ.

— Г. маркизь, я болѣе не буду оправдываться, наконецъ сказалъ онъ. Да, я работникъ, и работалъ на славу. Въ этомъ нѣтъ ничего худого... Ничто меня такъ не утомляетъ, какъ праздность. Я умиралъ отъ скуки. Я думалъ, какъ бы разсѣяться, и естественно принялся снова за свои инструменты.

— И вы хорошо сдѣлали.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, г. маркизь? И вы не обижаетесь тѣмъ, что я работаю?

— Не просилъ ли я васъ быть какъ у себя дома?

— Такъ я не буду стѣснять себя... Я скрывался, потому что жена бранилась.

— Ба!

— Она постоянно бранится; это въ ея характерѣ. «Нестыдно ли тебѣ, говоритъ она, работать, вмѣсто того, чтобы гулять, заложивъ руки въ карманы. Фи!» Она мнѣ столько наговорила, что въ первые дни я стругалъ потихоньку; наконецъ махнулъ рукой.

— И теперь?

— О! теперь, я работаю, какъ въ Парижѣ, отъ чего и не скучаю.

Жеромъ поднялъ стругъ и провелъ имъ по доскѣ.

— А мадамъ Плюшэ, что дѣлаетъ она? спросилъ маркизь.

— О! мадамъ Плюшэ! Она ходитъ по замку, изъ одного этажа въ другой; перемѣняетъ платья три раза въ день, и заставляетъ г. Людовика читать себѣ всѣ рыцарскіе романы, какіе только находятъ въ библіотекѣ.

— Ахъ! Боже мой!

— Это окончательно лишитъ ее разсудка.

И къ этому прибавилъ мужъ философически.

— Немного болѣе! немного менѣе! Повѣрите ли вы, что вчера вечеромъ, она мнѣ не дала спать до полуночи, все рассказывала исторіи, которыхъ я вовсе не понималъ; о темницахъ, наполненныхъ преступниками, подземельяхъ, снабженныхъ цѣпями и крючьями, башняхъ съ заложеными дверьми и окнами, и увѣряла что во всѣхъ замкахъ, которые она знаетъ изъ романовъ, есть

привидѣнія. Всѣ эти сказки надѣлали то, что я всталъ только въ пять часовъ, и запоздалъ работой.

Между-тѣмъ, какъ г. де-ла-Сейллерей разговаривалъ съ Жеромомъ, мадамъ Плюшэ поднималась и спускалась по всѣмъ лѣстницамъ замка; она входила во всѣ комнаты, рылась во всѣхъ кабинетахъ, заглядывала во всѣ углы переходила изъ коридора въ коридоръ, изъ погреба на чердакъ.

— Странно! говорила она сквозь зубы: я ничего не нахожу.

И она снова начинала свою бѣготню.

Наконецъ, одолеваяемая любопытствомъ, она остановила одного слугу.

— Любезный, спросила она: скажи, пожалуйста, гдѣ здѣсь потаенныя двери,

— Потаенныя двери? повторилъ слуга съ видомъ непонимающаго человѣка.

— Да, мой другъ.

Слуга почесалъ себѣ затылокъ и ничего не отвѣчалъ.

— Погодите, сударыня, сказалъ онъ наконецъ: я пойду, освѣдомлюсь.

Слуга передалъ вопросъ мадамъ Плюшэ-комнатному лакею, комнатный лакей ключнику, ключникъ егерю, егеръ садовнику; переходя отъ одного къ другому, вопросъ дошелъ до маркиза.

— Скажите мадамъ Плюшэ, сказалъ онъ, что здѣсь нѣтъ потаенныхъ дверей.

Получивъ этотъ отвѣтъ, мадамъ Плюшэ вздохнула.

— Ни башенъ, ни потаенныхъ дверей! сказала она съ видомъ глубокаго разочарованія.

И пародируя знаменитое слово, она прибавила:

— Замки исчезаютъ!

Мы видѣли, какимъ образомъ Г. Артуръ проводилъ свое время. При поворотѣ изъ одной аллеи, Людовикъ встрѣтилъ его съ ружьемъ въ рукѣ.

— Вы охотитесь? спросилъ онъ.

— Какъ видите, отвѣчалъ Артуръ: я промахнулся по нѣсколькимъ кроликамъ.... это меня упражняетъ въ стрѣльбѣ.... Но не за ними настоящая моя охота. Есть другая дичь, которую я преслѣдую съ болѣшимъ жаромъ.

— Фазаны....

— Лучше.... дичь на двухъ ногахъ и безъ перьевъ, какъ говорилъ одинъ философъ.... Бѣлое платье.

— Вы опять его видѣли?

— Да; это настоящее волшебство. Подобно китайскимъ тѣнямъ, оно то появится, то исчезнетъ.... Но я его стерегу, и будто преслѣдуя кроликовъ, гоняюсь за молодою дѣвушкою.

— Какъ! вы ее ждете?

— Можетъ-быть.... Но я вижу тамъ мою кухню.... Ступайте скорѣе къ ней...

Артуръ удалился съ торжествующимъ видомъ.

Спустя два или три часа послѣ различныхъ рассказанныхъ нами сценъ, Г. де-ла-Сейллерей поднимался съ своимъ сыномъ на крыльцо замка.

— Что новаго сегодня, Людовикъ? сказалъ отецъ.

— Ничего, батюшка, отвѣчалъ сынъ.

Это тебя я видѣлъ утромъ съ мадемоазель Целпной въ липовой аллеѣ?

— Это былъ я.

— Знаешь ли, видя, какъ ты проходилъ, я завидовалъ твоему счастью? Она очаровательна, твоя мадемоазель Целпна! И какой вкусъ! Постоянно вся въ розовомъ! Платье розовое, чепчикъ розовый, кушакъ розовый, ленты розовыя! Ты женишься, мой другъ, на букетѣ розановъ.

— Гмъ! букетъ не безъ шиповъ!

— О! бездѣлица! И къ тому, какая очаровательная веселость! Она поетъ съ утра до вечера: романсы въ полдень, баркароллы въ полночь. Еслибы я вѣрилъ въ переселеніе душъ, я бы сказалъ, что это жаворонокъ, превращенный въ дѣвушку.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Людовикъ: но жаворонокъ иногда становится коноплинкой.... Бываютъ часы, когда Целпна вовсе не разсуждаетъ.

— Не хочешь ли ты найти философа въ цвѣточницѣ?

— Нѣтъ; но большаго бы несчастья не было, еслибы цвѣточница немного разсуждала.

— Къ чему?

— Но хоть бы къ тому, чтобы понять, что графиня де-ла-Сейллерей не можетъ имѣть свою ложу въ Фюнамбулахъ и свой салонъ въ залѣ Цитеры!

Маркизь пожалъ плечами.

— Я начинаю думать, мой другъ, возразилъ онъ, что у тебя болѣе предразсудковъ, чѣмъ у меня.

Сказавъ эти слова, маркизь отворилъ дверь въ залу, куда обыкновенно послѣ завтрака удалялись читать обзорѣнія и журналы.

Все семейство Плюше, исключая Артура, спало глубокимъ сномъ.

— Стъ! сказалъ Г. де-ла-Сейллерей.

Отецъ сидѣлъ въ креслѣ, мать на диванѣ, дочь на кушеткѣ. Журналъ лежалъ на колѣняхъ мадамъ Плюше, обзорѣніе у ногъ Г. Плюше, книга близъ мадемоазель Плюше.

— Опять! прошепталъ Людовикъ: они спали вчера, они спятъ сегодня, они будутъ спать завтра!

— Вотъ какъ я понимаю тѣснѣйшую дружбу, отвѣчалъ маркизь въ полголоса: это зрѣлище меня трогаетъ.... Посмотри, мадамъ Плюше положила свой чепчикъ на стулъ, чтобы не смять его, и повязала голову платкомъ. Расположившись такъ спокойно, она проспигъ до обѣда. Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь моего стараго друга, капитана де-Гароффе? Онъ, который всегда обвинялъ меня въ излишней слабости, онъ былъ бы тронутъ нѣжнымъ союзомъ этого семейства!

— Вы называете это союзомъ, батюшка. Но это сонъ!

— Не въ словѣ дѣло. Ахъ! мой сынъ! Какіе спокойные дни ты себѣ готовишь! Нѣсколько фельетоновъ утромъ, сонъ въ полдень, и вечеромъ Роменвилъ или Амбигю!

Вдругъ раздалось въ сосѣднемъ коридорѣ поспѣшное топанье; дверь, скрытая занавѣсью, внезапно растворилась, и молодая дѣвушка вся въ попыхахъ вбѣжала въ комнату.

— Дядюшка!... Ахъ! я спасена! вскрикнула она, подбѣжавъ къ Г. де-ла-Сейллерей.

— Кухня! вскричалъ Людовикъ.

Мадамъ Плюше, пробужденная отъ сна, вскочила на ноги.

— Гмъ?... что такое?... что случилось? сказала она съ испуганнымъ видомъ.

Жеромъ и Целпна встали. Тотъ и другая смотрѣли съ удивленіемъ на молодую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, искавшую защиты въ объятіяхъ маркиза.

— Не бойся, дитя мое, успокойся, сказалъ Г. де-ла-Сейллерей: съ тобою я и твой двоюродный братъ?

— Ея двоюродный братъ! проговорила Целина.

— Друзья мои, сказалъ Г. де-ла-Сейллерей: позвольте мнѣ представить вамъ мою племянницу, мадемоазель Марію де Шомонь... Я считаю лишнимъ говорить вамъ, что я люблю ее, какъ свое дитя.

— Это видно потому, какъ она васъ поцаловала! отвѣтилъ Жеромъ.

Потомъ, поклонясь Маріи, онъ прибавилъ:

— Мадемоазель, не знаю, могу ли быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, но сердце честнаго человѣка и рука хорошаго работника принадлежатъ вамъ.

Марія съ улыбкою поклонилась.

— А вы, мой кузень, ничего не имѣете сказать мнѣ? спросила она Людовика.

— Я, отвѣтилъ Людовикъ, неспускавшій съ нея глазъ: я, я....

— Ты долженъ поцаловать ее! вскричалъ маркизь. Ну! продолжалъ онъ, послѣ того, какъ молодые люди возобновили свое знакомство: такъ, какъ ты теперь больше не дрожишь, то расскажи намъ, отъ чего ты такъ внезапно явилась тамъ, гдѣ тебя вовсе не ожидали?

— Я думаю, что потеряю рассудокъ, отвѣчала Марія. Оставаясь почти всегда одна въ томъ павильонѣ, въ которомъ вы меня помѣстили, я иногда выходила подышать воздухомъ и набрать цвѣтовъ. Въ одинъ вечеръ, я замѣтила молодаго человѣка довольно странной наружности, онъ слѣдилъ за мною; тоже повторилось и въ слѣдующіе дни. Мнѣ кажется, что онъ меня подстерегалъ.

— Гмъ! сказалъ Жеромъ, качая головою.

— Въ одну ночь, въ оранжереѣ, гдѣ я думала быть одна, онъ старался заговорить со мною. Я измѣнила время моихъ прогулокъ, надѣясь избѣжать его; но сегодня, въ ту минуту, какъ я входила въ оранжерею, услышала позади себя шумъ отъ песку; я обернулась и увидѣла того же самага молодаго человѣка; хотѣла убѣжать, но онъ бросился за мною, схватилъ мои руки и началъ говорить мнѣ самыя безсмысленныя рѣчи.

— Это мой племянникъ! вскричалъ съ гнѣвомъ Жеромъ.

— Бѣдное дитя! это свойственно его возрасту, прошептала мадамъ Плюшэ.

— А потомъ? спросилъ Людовикъ взволнованнымъ голосомъ.

— Остальное весьма просто, возразила Марія: испуганная словами этого господина и его пантомимою, я высвободила свои руки и пустилась бѣжать, онъ бросился за мною; но какъ павильонъ былъ далеко то я поспѣшила къ замку; къ счастью дверь была отворена; я заперла ее за собой. Вотъ, какимъ образомъ я очутилась здѣсь.

— Ахъ, онъ негодяй! попадись онъ мнѣ! вскричалъ Жеромъ.

Въ эту минуту Артуръ, раскраснѣвшійся и весь въ попыхахъ, съ крикомъ вскочилъ черезъ окно въ залу:

— Наконецъ то! вотъ она! я ее поймалъ!

VI.

ЛЮБОВНОЕ ПОРУЧЕНІЕ.

При видѣ Артура, Марія, испуганная, бросилась къ своему дядѣ.

— А! негодяй, такъ это ты! вскричалъ Г. Плюшэ: вотъ какъ ты платишь за гостепріимство Г. маркиза! погоди! погоди! я тебѣ переломаю руки и ноги!

— Фи! какія дурныя у васъ манеры! Какъ, дядюшка, вы никогда не исправитесь отъ вашихъ гадкихъ привычекъ? Фи! говорю я вамъ, отвѣчалъ Артуръ, стараясь высвободиться изъ рукъ Жерома.

— Ты шутить вздумалъ? А вотъ какъ я тебѣ налѣплю на плеча пластырь изъ зеленаго дерева.... мы увидимъ, отобьетъ ли онъ у тебя охоту смѣяться.

— Опять! вы сегодня удивительно какъ проворны. Честное

слово! Обыкновенно подобные припадки случаются съ вами только по вечерамъ.

Жеромъ, выведенный изъ себя, схватилъ палку.

— Батюшка, вскричала Целина, бросившись на шею Жерома.

— Остановитесь, мой добрый Г. Плюшэ! сказалъ маркизь.

— Обижать молодую дѣвушку! возразилъ Жеромъ, грозя Артуру концемъ своей палки.

— Обижать!... Слово слишкомъ рѣзко! Въ чемъ было дѣло? Въ ничтожныхъ словахъ. Это обыкновенно водится между Французами и въ деревнѣ!

— Такой негодяй, какъ ты, осмѣлился напугать племянницу г. маркиза!

Ничего не отвѣчая дядѣ, Артуръ подошелъ къ маркизу, и низко поклонился.

— Г. маркизь, сказалъ онъ, позвольте мнѣ просить руки вашей племянницы?

При этихъ словахъ Целина громко захохотала.

— Ахъ! сказала она: вотъ славная партія для мадемоазель Маріи де-Шомонъ.... Г. Артуръ Плюшэ, парижскій гамень!

— Такъ что же? возразилъ Артуръ: у меня нѣтъ состоянія, но что у меня есть, я ей предлагаю отъ всего сердца,

— Ты говоришь серьезно?

— Почему же нѣтъ? Ты, моя двоюродная сестра, выходишь же замужъ за Г. Людовика де-ла-Сейллерея, двоюроднаго брата мадемоазель де-Шомонъ?

— Это другое дѣло, отвѣтила Целина, немного сконфуженная: Г. Людовикъ меня любитъ.

— А ты?

— И я также его люблю, прибавила она нетакъ ясно.

— Съ моей стороны, половина дѣла уже сдѣлана. Остальное придетъ въ-послѣдствіи.... Я не лишень достоинствъ, и племянница Г. маркиза могла бы найти и хуже....

— Ты забываешь, кто ты? вскричалъ Плюшэ, придя наконецъ въ себя отъ удивленія.

— Боже мой! я знаю, что вы хотите сказать, дядюшка. Я избавлю васъ отъ этого труда. Вы, кажется, желаете имѣть чистосердечную исповѣдь, вотъ она. Если вы найдете въ ней одно слово, которое не выражаетъ истины, то остановите меня!

— Какъ онъ говоритъ, мой брилліантикъ! проговорила мадамъ Плюшэ, пораженная восторгомъ.

— Мадемоазель, продолжалъ Артуръ, мое состояніе вамъ извѣстно: ни доходовъ, ни капитала, таковъ его итогъ. Что касается до моего характера, то онъ ясенъ какъ ключевая вода: я предпочитаю пѣніе работѣ, гуляніе пѣнію, и театръ гулянію. А потомъ, какъ говоритъ Рюи-Блазь:

Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые проводятъ цѣлый день въ томъ, что смотрятъ, предаваясь мечтамъ и лѣни.

Я люблю искусства и праздность, и самое пріятное препровожденіе моего времени проходитъ въ куреніи, мечтаніи и гуляньѣ по городу; такъ бывало проводили свое время древніе философы. Я — Діогенъ, разница только въ сигарѣ и бочкѣ. Впрочемъ, у меня красивая нога, красивые глаза и хорошій аппетитъ, и когда мнѣ не мѣшаютъ дѣлать то, что я хочу, я никого не беспокою. Все это, мнѣ кажется, можетъ составить порядочнаго мужа, готоваго къ вашимъ услугамъ.

Между-тѣмъ, какъ Артуръ произносилъ свою маленькую рѣчь съ жаромъ и съ дерзостію, маркизь не переставалъ наблюдать дѣйствіе, производимое имъ на фізіономіи слушателей.

Мадамъ Плюшэ, скрестивъ руки, едва сдерживала порывы радости и энтузіазма. Ей казалось, что послѣ такой импровизаціи, Артуръ достоинъ былъ явиться на сценѣ, вмѣстѣ съ самыми знаменитыми актерами.

Целина чувствовала удивленіе, смѣшанное съ замѣшательствомъ. Природная честность ея души возмущалась при видѣ такой наглости и такого безстыдства.

Г. Плюшэ, съ сжатыми кулаками, выжидалъ случая вымѣстить на комъ-нибудь свой гнѣвъ.

Марія слушала Артура, какъ слушаютъ аккорды неизвѣстной и странной музыки. Съ первыхъ фразъ она закусила себѣ губки, и въ ея глазахъ блеснулъ огонь насмѣшки и веселія.

Что касается до Людовика, то онъ постепенно блѣднѣлъ отъ гнѣва и краснѣлъ отъ стыда. Взоры его переходили отъ Артура къ Маріи, и онъ негодовалъ, что прелесть и красота одной не внушали болѣе уваженія другому.

Маркизь принялъ немедленно свое рѣшеніе.

— Вотъ, что называется говорить превосходно, сказалъ онъ вѣжливо: но вы позволите, г. Артуръ, моей племянницѣ немного подумать.

— Все изумились.

Марія подняла глаза на г. де-ла-Сейллерея, но маркизь подалъ ей знакъ молчать.

— Признаніе сдѣлано, продолжалъ онъ: теперь, Марія, ты можешь идти въ свои комнаты.

— О! мадмоазель можетъ думать, сколько ей угодно, я не тороплюсь оставить замокъ, сказалъ Артуръ, послѣ того какъ маркизь отвелъ Марію.

— Какъ! батюшка, вы хотите?... вскричалъ Людовикъ.

— Я хочу, отвѣчалъ маркизь, прервавъ его, чтобы твоя кузина не рѣшалась необдуманно; она въ возрастѣ вступить въ супружество, и ей остается только ничего не предпринимать безъ зрѣлаго размышленія.

— Прекрасный человекъ! вскричала мадамъ Плюшэ.

— Прекраснѣйшій! прибавилъ г. Артуръ: А вы, продолжалъ онъ, фамильярно ударивъ Людовика по плечу: вы мнѣ поможете.

— Я?

— Безъ сомнѣнія! услуга за услугу, мой другъ; то, что я сдѣлалъ для васъ въ отношеніи къ моей кузинѣ, вы сдѣлаете для меня въ отношеніи къ вашей. Я сказалъ, теперь что вы скажете?

— Никогда!

— Г. графъ забываетъ благодарность! сказалъ Артуръ, пощелкивая пальцами.

— Гм! Г. Артуръ, я думаю, шутить! сказалъ Людовикъ съ гордымъ видомъ.

— Г. Артуръ сдѣлалъ замѣчаніе, прервалъ маркизь: и не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, весьма, можетъ-быть, справедливое.

— То-есть, я неправъ?

— Во-первыхъ, ты напрасно сердишься; а во-вторыхъ, я не вижу, почему тебѣ не сдѣлать того, о чемъ тебя проситъ г. Артуръ.

— Ба! ба! сказалъ Артуръ съ видомъ покровительства: г. Людовикъ не такъ золъ, какъ кажется.... Онъ согласится.

Не правда ли, мой милый кузень, вы будете говорить за меня съ мадмоазель Марією? Вы знаете способъ приучать этихъ хорошенькихъ птичекъ. Я не понимаю ихъ чиликанья. Оно переходитъ въ реторику цвѣтовъ, которыхъ я не обрабатывалъ. Вы составите изъ нихъ хорошенькій букетъ, и представите ей отъ моего имени.

Людовикъ видимо терялъ терпѣніе.

— И потомъ, подумайте, продолжалъ Артуръ: вы будете защищать свое дѣло.... Мы идемъ по одной дорогѣ, сражаемся подъ однимъ знаменемъ. Какая честь для васъ, если вы убѣдите вашу кузину послѣдовать вашему примѣру! Все мои друзья Тампльскаго бульвара устроятъ для васъ серенаду, и мы отпразднуемъ вмѣстѣ двѣ свадьбы, въ трактирѣ подъ вывѣскою *Сосуцаго теленка*, съ фрикандо и пюре изъ ананасовъ.

— А я! вскричалъ г. Плюшэ: я говорю, что если мадмоазель Марія выйдетъ замужъ за этого негоднаго мальчишку, то это уже будетъ не глупость, а самоубійство.

Съ этимъ словомъ Жеромъ сильно ударилъ кулакомъ по столу и вышелъ.

— Эхъ! вскричала мадамъ Плюшэ съ негодованіемъ: отецъ семейства, а очень мало любитъ своихъ племянниковъ!

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ лакея, который возвѣстилъ маркиза о пріѣздѣ г. де-Гораффе.

Маркизь принялъ его въ своемъ кабинетѣ.

— Надѣюсь, я пріѣзжаю во-время, сказалъ старшій морякъ, чтобы остановить глупость!

— Я могу у тебя спросить, не помню, вмѣстѣ съ какимъ классикомъ: Ко мнѣ ли относится ваша рѣчь?

— Къ тебѣ, и ни къ кому другому! Ахъ! еслибы проклятый ревматизмъ не пригвоздилъ меня къ креслу, я былъ бы у васъ пятнадцатью днями ранѣе.

— Ну! теперь ты у меня, такъ говори!

— Да! я буду говорить! Ты мнѣ рассказываешь, что сынъ твой питаетъ, я не знаю какую романтическую страсть къ какой-то дѣвчонкѣ, и ты, который долженъ бы, волею или неволею, вылечить его отъ этой болѣзни, ты становишься его соучастникомъ; что говорю я! главнымъ лицомъ въ его глупостяхъ. Такъ вамъ не доставало роли наперсника въ трагедіяхъ?

— Эта роль слишком истасканная, мой другъ; я хотѣлъ выбрать что-нибудь лучше, отвѣчалъ холодно маркизъ!

— Ты и успѣлъ въ этомъ, и долго придется искать по всей Франціи, чтобы пайти другаго подобнаго тебѣ отца. Какъ! вмѣсто-того, чтобы услатъ сына, я не знаю куда, въ Камчатку, если на то пошло, ты оказываешь гостепрѣимство дѣвушкѣ, за которою онъ ухаживаетъ, и двери вашего замка растворяются настежь для ея прѣема. Славный способъ для излеченія Людовика!

— Можетъ-быть.

— Что же ты окончательно не вылечишь его отправивъ въ церковь, къ сельскому священнику?

— Еще не время.

— Ты меня выводилъ изъ себя своимъ хладнокровіемъ!

— А ты меня смѣшилъ своею раздражительностію.

— Спасибо.

— Да не сердись.

— Возможно ли это съ такимъ человѣкомъ, какъ ты!

— Выслушай меня сначала, и сердись потомъ, если хочешь.

— Я слушаю.

— Помнишь ли, мой любезный другъ, что однажды, по случаю любовныхъ похожденій моего сына, я тебѣ говорилъ о китовой ловлѣ?

— Да.

— Позволь же мнѣ теперь занять другое сравненіе изъ искусства мореплаванія.

— Занимай, пожалуй.

— Когда васъ въ морѣ настигаетъ сильный шквалъ, какъ вы плывете?

— Я ложусь въ дрейфъ и иду на бейдевиндъ.

— Взавъ всѣ паруса на гитовы?

— Еслибы я этого не сдѣлалъ, у меня ихъ унесло бы шкваломъ!

— Такъ вотъ, любезный капитанъ, мой сынъ — шквалъ, я корабль, и иду на бейдевиндъ. Понимаешь меня?

— Несовсѣмъ.

— Такъ я постараюсь выразиться яснѣе. Ты знаешь, что мой сынъ не только влюбленъ, но и намѣренъ жениться.... это

припадокъ безумія въ сильнѣйшей степени. Надобно дать время одуматься ему; потому-что я и поднялъ мои паруса на гитовы передъ шкваломъ.

— И это плаваніе привело тебя въ деревню?

— Прямо въ деревню. Есть страсти, которыя увеличиваются отъ времени, но число ихъ невелико, и большая часть умираетъ потихоньку, въ три недѣли, или въ три мѣсяца. Страсть Людовика питалась грезами; онъ сочинялъ для себя каждое утро по фельетону, въ который, какъ главные элементы, входили: опасеніе быть открытымъ, волненіе, переодѣваніе, неизвѣстность. Однимъ-словомъ, я все это уничтожилъ, и поставилъ его лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію, съ бѣдною дѣйствительностію, лишенною привлекательности. Онъ видитъ свою героиню съ утра до вечера, и увѣренъ, что будетъ ея супругомъ; нѣтъ болѣе неизвѣстности, ни волненія, слѣдовательно, нѣтъ болѣе и удовольствія. Очарованіе преодолевать затрудненія исчезло. Его замѣнили ежедневная тѣсная связь, свиданіе наединѣ во всякое время. Людовикъ похожъ на солдата, который пылаетъ желаніемъ идти на приступъ крѣпости подъ градомъ пуль и ядеръ, и котораго водятъ по пахатымъ землямъ, подъ проливнымъ дождемъ. Если его страсть нескоро утихнетъ, то она должна быть сильнаго темперамента.

— Я начинаю понимать, сказалъ морякъ.

— Изучалъ ли ты когда-нибудь, что такое счастье? спросилъ маркизъ, смѣясь.

— Нѣтъ. Говорятъ, что счастье весьма пріятно.

— Счастье, мой любезный капитанъ, близкій родственникъ скуки....

— Теорія, мнѣ кажется, немного странная!

— Какъ и все, что справедливо. Еще нѣсколько дней счастья, и мы увидимъ, что будетъ съ Людовикомъ. Но тутъ еще не все. Людовикъ увлекся романтизмомъ, я ему бросилъ ту же приманку. Его двоюродная сестра Марія жила въ замкѣ безъ его вѣдома; посредствомъ фантастической системы прогулокъ при лунномъ свѣтѣ, пѣнія при утренней зарѣ, появленій ввечеру позади деревьевъ, я хотѣлъ привлечь его вниманіе на таинственную незнакомку. Марія, которая понимаетъ намеки (это, между нами, дѣвушка смышленная и умная) удивительно какъ

подавалась этому соображенію. Но вмѣсто Людовика, попалъ на удочку другой, милый г. Артуръ, двоюродный братецъ Целины.... Сначала, признаюсь, я былъ совершенно разочарованъ; но послѣ пришла мнѣ мысль, что я могу извлечь большую пользу изъ этого событія.

— Очень хорошо; я вижу, что ты держишь въ рукахъ всѣ нити интриги; но мнѣ кажется, что ты играешь въ опасную игру. Если твой сынъ заупрямится.

— Тогда значитъ Богу было угодно, въ наказаніе за мои грѣхи, послать ему одну изъ тѣхъ страстей, которыя смиряются только передъ смертію; но какъ подобныя страсти являются одна или двѣ въ цѣлое столѣтіе, но надо быть очень несчастливымъ, чтобы найти ее въ своемъ семействѣ... Теперь, прибавилъ маркизъ, сердись... я кончилъ.

— Нѣтъ, ты меня успокоилъ! вскричалъ морякъ.

— Такъ я продолжаю.... Я атаковалъ моего героя, я готовлюсь атаковать мою героиню.

— То есть, ты стрѣляешь съ бакборда и штирборда?

— Отовсюду.... При послѣднемъ актѣ я буду имѣть, можетъ-быть, нужду въ тебѣ и особенно въ твоихъ сыновьяхъ. Обѣщаешь ли мнѣ ихъ содѣйствіе?

— Полное и совершенное!

Изъ этаго разговора можно было видѣть, какіе были планы маркиза. Внезапное появленіе Маріи въ тѣсномъ кругу замка нѣсколько измѣнило обычный ходъ его жизни. Не прошло двадцати четырехъ часовъ, и Людовикъ уже чувствовалъ пріятное вліяніе молодой дѣвушки, ея очаровательнаго ума исполненнаго обаянія. Даль воспоминаній открылась передъ ними; они вступили въ нее вмѣстѣ, и Людовикъ нашелъ невыразимую прелесть въ этихъ первыхъ разговорахъ, гдѣ самая наивная веселость соединилась съ самымъ тонкимъ вкусомъ.

Если Людовикъ всегда имѣлъ мало сочувствія къ Артуру, то со времени послѣдней его выходки, такъ дерзко выраженной, онъ сталъ для него невыносимъ. Артуръ могъ растащить гардеробъ Людовика, пользоваться безцеремонно всѣмъ, что принадлежало ему, разбить ноги его лошадей, принимать съ нимъ самое фамильярное обращеніе; все это ничего не значило; но Людовикъ не могъ терпѣливо сносить, что онъ вздумалъ имѣть

своею женою мадемоазель Марію де-Шомонъ, племянницу Г. де-ла-Сейллера, и притомъ такую очаровательную во всемъ особу.

Что же случилось съ нимъ, когда Г. де-ла-Сейллерей, отведя его въ сторону, хладнокровно попросилъ переговорить съ двоюродною его сестрою, чтобы узнать ея мнѣніе о предложеніи Артура?

— Какого мнѣнія хотите вы отъ нея? встрѣчалъ Людовикъ озадаченный этою просьбою.

— Я не знаю, и потому прошу тебя спросить объ этомъ, отвѣтилъ спокойно маркизъ. Ты, мнѣ кажется, въ хорошихъ отношеніяхъ съ нею; она безъ труда объяснится съ тобою?

— Но можете ли вы сомнѣваться въ ея отвѣтѣ?

— Кто знаетъ! Но откажетъ она, или согласится я исполню ея желаніе.

— Но, батюшка, Артуръ самый гадкій негодяй.

— Вотъ, ты снова преувеличиваешь! Прежде Целина имѣла всѣ добродѣтели; теперь Артуръ имѣетъ всѣ пороки. Самое ясное изъ всего этого то, что одна женщина, а другой мужчина, впрочемъ оба двоюродные братъ и сестра.

— Стѣй, однако, только посмотрѣть, чтобы увидѣть, на что способенъ Артуръ.

— Пустое! Артуръ молодъ годами и еще моложе характеромъ; время измѣнитъ его нравъ и сгладитъ недостатки, на которые ты жалуешься.

— Недостатки! Вы очень снисходительны: тысячи пороковъ, одинъ гнусіе другаго.

— Ба! главное, чтобы онъ понравился Маріи; остальное вздоръ.... Твой двоюродный братъ умецъ, забавецъ, и притомъ не дурецъ....

Людовикъ закусилъ губы.

— Мой двоюродный братъ, мой двоюродный братъ! вскричалъ онъ: пока еще нѣтъ!

— О! для этого недостаетъ пятнадцати или двадцати дней. Что это значитъ?

Людовикъ прошелся по комнатѣ:

— И такъ, сказалъ онъ: вы непременно хотите, чтобы я говорилъ съ Марією?

— Конечно, и какъ можно скорѣе. Ты не забылъ впрочемъ, какое порученіе тебѣ сдѣлалъ Артуръ. Онъ въ-правѣ полагаться на тебя, и я увѣренъ въ твоей услужливости. Подожди здѣсь; я пришлю къ тебѣ Марію.

Съ этимъ словомъ, Маркизь вышелъ такъ спокойно, какъ-будто онъ только кончилъ разговаривать съ своимъ фермеромъ о жатвѣ и хорошей погодѣ.

Людовикъ упалъ въ кресло,

— Они всѣ съума сошли въ этомъ домѣ! вскричалъ онъ. Выдавать мою кузину за такого негодяя.... Если Г. Артуръ воображаетъ, что я буду говорить въ его пользу, то онъ очень ошибается въ расчетѣ!... Мнѣ стѣтъ только открыть истину, чтобы Марія прогнала его отъ себя! Одна Целина сохранила свой здравый смыслъ: Мадемоазель Марія де-Шомонъ жена Г. Артура Плюшэ, парижскаго гамена!... Соединеніе этихъ двухъ именъ говоритъ болѣе всякихъ разсужденій... Но, вотъ она; мы увидимъ.

Шорохъ платья возвѣстилъ приближеніе Маріи. Она отворила дверь, и подошла къ Людовику съ граціею лебедя, разсѣкающаго волны.

Насмѣшливая веселость блистала въ ея глазахъ.

— Вы желаете со мною говорить, мой кузенъ, сказала она, улыбаясь.

Людовикъ посмотрѣлъ на нее.

«Какъ она хороша! сказалъ онъ про себя: это значило бы убить ее!»

— Кажется, прибавила Марія, вы имѣете что-то сказать мнѣ; я готова слушать васъ, сколько вамъ угодно.

— Да, отвѣтилъ Людовикъ съ усиліемъ: мнѣ поручили сказать вамъ то, на что бы я никогда не рѣшился, еслибы не просилъ объ этомъ самъ отецъ мой.

— Такъ это что-нибудь очень важное?

— Это, по-крайней-мѣрѣ, весьма непріятное.

— Ахъ! Боже мой! вы меня пугаете; хорошо, что во мнѣ довольно смѣлости!

— Въ васъ довольно смѣлости, притакшихъ нѣжныхъ глазахъ....

— О! мои глаза не всегда выражаютъ все то, что есть на-

самомъ-дѣлѣ.... И притомъ, заранѣе я ничего не боюсь... И такъ говорите.

— Я не знаю, какъ сказать вамъ.

— Скажите прямо; я испугаюсь потомъ, если будетъ отъ чего.

— О! въ этомъ недостатка не будетъ.... Но порученіе, поистинѣ, такое странное, что я долженъ буду предварительно произнести, какъ Созія, рѣчь моему фонарю.

— И какъ здѣсь нѣтъ фонаря....

— Я не знаю съ чего начать.

— Такъ это должно-быть очень страшное?

— Еслибы это было только страшное, то ничего бы не значило, но это еще хуже: это смѣшно.

— Вы подстрекаете мое любопытство.

— Представьте себѣ, моя милая кузина, что мнѣ поручено предложить вамъ жениха!

— Но я не вижу, чтобы это было такъ смѣшно, какъ вы говорите. Мнѣ скоро девятнадцать лѣтъ....

— Но женихъ жениху рознь.

— Безъ сомнѣнія. А вашъ?

— О! мой совершенно особеннаго рода. Однимъ-словомъ, вы видите во мнѣ полномочнаго министра Г. Артура Плюшэ, претендателя на вашу руку.

Марія спокойно посмотрѣла на своего кузена.

— Какъ! спросилъ Людовикъ, вы не смѣтесы!

— А для чего хотите вы, чтобы я смѣялась? Г. Плюшэ гость вашего отца.

— Благодаря Бога, онъ не всегда имъ останется.

— И потомъ, предложеніе, которое вамъ поручено передать мнѣ, первое сдѣланное мнѣ въ этомъ родѣ, а оно всегда лестно для самолюбія.

— Вы шутите.

— Съ вашимъ будущимъ кузеномъ.... членомъ нашего семейства.... ахъ!

— И вы примете предложеніе подобнаго человѣка?

— Почему же нѣтъ? Предложеніе его доказываетъ, что я го-жусь быть чьей-нибудь женою.... я начинала думать противное.... Его домогательство льститъ моему кокетству....

— Да вы смотрѣли ли на него?

— Немного. Признаюсь.... первое впечатлѣніе не было въ его пользу, это правда; но послѣ всего, этотъ господинъ, можетъ-быть, не такъ дурень, какъ я думаю.... Какъ имя вашего кузена?

— Артуръ.

— Хорошее имя.... Но дѣло не въ имени. Въ мужѣ должно искать достоинствъ сердца и ума.

— И вы надѣетесь найти ихъ въ Артурѣ?

— О! я не имѣю этой надежды! Если природа немного сдѣлала для него, то воспитаніе еще менѣе; но онъ измѣнится.

— Въ худшую сторону. Онъ гадокъ и будетъ еще гаже.

— Такъ вы не довѣряете моему вліянію?

Людовикъ вскочилъ на ноги.

— Я не знаю, не сплю ли я! сказалъ онъ.

— Нѣтъ.... вы разговариваете....

— Но, милая кузина, вы слышали, какъ онъ говоритъ?

— Довольно для того, чтобы убѣдиться что разговоръ его не есть разговоръ свѣтскаго человѣка; но гдѣ было выучиться ему лучшимъ выраженіямъ?

— И какія манеры!

— Боже мой! я согласна: джентельмены имѣютъ лучшія; но не воспитала ли его мадамъ Плюшэ, ваша теща?

— Знаете ли вы, куда онъ поведетъ васъ?

— Я думаю, не въ Сентъ-Жерменское предмѣстье....

— На заставу, моя кузина.

— Это тамъ, вѣроятно, онъ учился танцовать, бѣдняжка!... Я буду ему давать совѣты, однимъ-словомъ, я буду дѣлать съ нимъ то, что вы съ вашей женою.

— Я васъ слушаю и не понимаю. Вы такая изящная....

— О! сказала Марія съ очаровательною улыбкою, немного кисей, немного лентъ, и все тутъ.

— Позвольте мнѣ думать, что въ этой граціи много значитъ женщина; и вся эта утонченность, это высшее отличіе, этотъ тонкій умъ, всѣ эти прелести будутъ принадлежать такому уроду! Это невозможно.

Марія съ трудомъ удержала насмѣшливую улыбку, но приняла самый важный видъ:

— Невозможно! говорите вы, сказала она: но не болѣе, мнѣ

кажется, какъ ваше супружество съ мадамъзель Целиною. Знаете ли что мы будемъ дѣлать, мой кузень? Мы будемъ жить всѣ въ четверомъ, подъ одною крышею, вы и ваша супруга, мой мужъ и я.

— Хозяйство въ четверомъ!

— Составленное изъ двухъ учениковъ и двухъ профессоровъ. Это будетъ превосходно и совершенно ново.

— Благодарю, я не чувствую никакого расположенія къ учительскому занятію, отвѣчалъ сухо Людовикъ.

— Ба! возразила Марія: труденъ только первый урокъ.... Вотъ какъ мы распредѣлимъ занятія нашего дня. Утромъ, завтракъ и урокъ грамматики; въ полдень, прогулка въ паркѣ и географія; въ четыре часа, смѣсь изъ маленькихъ пирожковъ, исторія и разговора; въ семь часовъ, обѣдъ и немного чтенія. Мы уничтожимъ будуаръ, и замѣнимъ его классомъ. Я беру на себя воспитаніе вашей супруги, возьмите на себя воспитаніе моего мужа.

Людовикъ оставался безмолвнымъ передъ кузиною; хладнокровіе Маріи подавляло его.

— Что же, Людовикъ, скажете вы о моемъ предположеніи? спросила она спокойно.

— Я, ничего.... сказалъ онъ, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Такъ потрудитесь сходить къ моему дядѣ, и сказать ему отъ меня, что я готова принять предложеніе г-на Артура.

Людовикъ остановился, и схватилъ руку Маріи:

— Вы говорите серьезно? спросилъ онъ.

— Очень серьезно.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Одинъ, два, три.... сколько вамъ угодно.

— Не думали-ли вы когда-нибудь, моя кузина, о другой будущности?

— О! да.

— И мужъ, котораго желало ваше сердце, былъ такой, какъ Артуръ?

— О, нѣтъ! мой опекунъ, вашъ отецъ, наставникъ моей молодости, лучшій, самый снисходительный изъ людей, заставлялъ меня предугадывать другаго.

— Ахъ!

— Онъ мнѣ говорилъ о мужѣ, избранномъ въ свѣтѣ, въ которомъ я была призвана жить.... мой дядя научалъ меня любить его, и признаться ли вамъ? я чувствовала расположе- ніе ему повиноваться!

— Въ-самомъ-дѣлѣ! сказалъ Людовикъ съ тайнымъ волне- ніемъ.

— Очень естественно! Онъ мнѣ описывалъ этого мужа въ такихъ очаровательныхъ краскахъ.... Онъ былъ долженъ быть товарищемъ, другомъ всей моей жизни.... Это не былъ романъ, это была самая пріятная, самая милая изъ дѣйствитель- ностей.

— Что же?

— Я вамъ сказала, отвѣтила Марія съ видомъ пренебреже- нія: это не былъ романъ, и вотъ что все разстроило, надежду вашего отца и мои мечты.

— Ахъ!

— Да, это счастье было слишкомъ легко! Что хотите вы, я васъ спрашиваю, дѣлать съ счастьемъ, являющимся такъ, само отъ себя, какъ зрѣлый плодъ, подъ руку, желающую сорвать его? Это слишкомъ прозаически, слишкомъ пошло. Кто имѣетъ душу благородную.... тотъ оставляетъ избитыя дороги.... смѣло ступаетъ въ пространства неизвѣданныя, гдѣ живетъ фантазія... Я колебалась, но вашъ примѣръ заставилъ меня рѣшиться, и теперь, какъ вы, я ищу непредвидѣннаго, фантастическаго, не- возможнаго.

— Такимъ-образомъ, сказалъ печально Людовикъ: вы отка- зались отъ плановъ, о которыхъ говорилъ вамъ мой отецъ въ Германіи?

— Совершенно!

— А если вы не будете счастливы?

— Это возможно!

Послѣ этихъ словъ, Марія встала.

— Марія! вскричалъ Людовикъ: берегитесь, на что вы рѣ- шаетесь!

— Ахъ! берегитесь и вы также, мой кузень! Если вы будете такъ сильно настаивать, чтобы отклонить меня отъ моего на- мѣренія, вы меня заставите думать, что вы и сами сожалеете о своемъ рѣшеніи!

— Я! что за идея! отвѣчалъ онъ перѣшительно.

— Такъ чего же вы такъ боитесь?... Не дѣлаю ли я того же самага, что и вы?

Людовикъ не отвѣчалъ.

— Вы все сказали, я думаю, прибавила она: ступайте те- перь, и повторите моему дядѣ и г-ну Артуру то, что я вамъ отвѣчала.

Она протянула свою руку Людовику, который взялъ ее ма- шинально и опустилъ немедленно. Сердце его сжималось будто въ тискахъ.

Марія удалилась, но подойдя къ двери, она оглянулась:

— Бѣдный братъ! сказала она такимъ очаровательнымъ и нѣжнымъ голосомъ, что еслибы Людовикъ услышалъ, то у- палъ бы къ ея ногамъ.

Когда она выходила, Артуръ подошелъ къ ней, завитый и съ лорнетомъ въ глазу.

— Ну что, мадамозель? сказалъ онъ съ видомъ побѣ- дителя.

Людовикъ поднялъ голову.

Марія съ минутой колебалась, потомъ, поклонившись Артуру, сказала:

— Мой двоюродный братъ тамъ, поблагодарите его.

И она исчезла.

Людовикъ повернулъ голову, чтобы скрыть двѣ слезы, у- павшія изъ его глазъ.

VIII.

Въ одно утро, внезапно раздавшійся страшный шумъ заста- вилъ подумать слугъ маркиза, что на замокъ напали разбойни- ки. Повсюду слышалось странное соединеніе смѣха, пѣсень, криковъ. Одинъ голось превышалъ всѣ прочіе: это былъ го- лось Артура. Всѣ жители замка бросились къ окнамъ, и увидѣ-

ли среди садовъ толпу молодыхъ людей, бѣгавшихъ по всеѣмъ направленіямъ.

Исидоръ вошелъ, весь перепуганный, въ комнату г-на де-ла-Сейллерея.

— Г-нъ маркизъ, сказалъ онъ: пришли друзья г-на Артура, и желаютъ видѣть г-на Людовика.

— А! это друзья г-на Артура!... Поди, отвѣтилъ маркизъ, предувѣдомь моего сына.

Но уже Артуръ, вскарабкавшись на плеча одной статуи, звалъ Людовика громовымъ голосомъ.

— Эй, вы! кричалъ Артуръ: будьте готовы, и какъ только покажется мой двоюродный братъ, привѣтствуйте его, какъ слѣдуетъ.

Друзья Артура выстроились въ линію передъ балкономъ.

— Что же! г-нъ Людовикъ! вскричалъ снова ихъ предводитель.

Людовикъ, вызванный этимъ шумомъ, вышелъ изъ замка.

Артуръ бросилъ шляпу на воздухъ, и при этомъ знакѣ, раздалась тысяча криковъ изъ среды толпы.

Оглушенный Людовикъ остановился посреди балкона.

— Молчать теперь! прокричалъ Артуръ, поднявъ руку въ знакъ команды: и дайте мнѣ сказать нѣсколько словъ моему двоюродному брату.

Полная тишина водворилась въ рядахъ.

— Г-нъ Людовикъ, продолжалъ Артуръ, такъ-какъ вы вступаете въ мое семейство, и я имѣю надежду соединиться съ вами, то я нашелъ приличнымъ представить вамъ моихъ друзей, пахучій букетъ Тампльскаго бульвара, такихъ же ремесленныхъ учениковъ, какъ я! Они плакали, не видя меня, ягнята, и вотъ почему я взялъ на себя пригласить ихъ въ замокъ.... Подойдите, г-нъ Людовикъ, подойдите, и вы увидите, что мы называемъ славными *зигами*, мы, львы Сентъ-Мартенской площади.

Артуръ соскочилъ съ своей статуи.

— Да здравствуетъ г-нъ Людовикъ! прокричала толпа хоромъ

— Мой другъ, сказалъ ему тогда г-нъ Артуръ: мы проведемъ сегодняшний день въ замкѣ.

Въ эту минуту, на порогѣ появился маркизъ.

Г. де-ла-Сейллерею былъ одинъ изъ всеѣхъ обитателей замка, котораго немного уважалъ г-нъ Артуръ, и передъ которымъ онъ терялъ свою самоувѣренность.

— Ахъ! сказалъ онъ: г. маркизъ.

Г-нъ де-ла-Сейллерею сдѣлалъ рукой знакъ привѣтствія молодымъ людямъ.

— Это вы, мой молодой другъ, сказалъ онъ Артуру, привели этихъ господъ?

— Да я, отвѣчалъ Артуръ. Они горѣли желаніемъ видѣть замокъ, прекрасное зданіе, и я позвалъ ихъ посмотреть его.

— И хорошо сдѣлали, отвѣчалъ маркизъ; мой сынъ покажетъ вамъ замокъ.

Этотъ привѣтливый пріемъ возвратилъ самоувѣренность г-ну Артуру.

— Такъ-какъ вы позволите намъ погулять немного, то позвольте также и позавтракать, сказалъ онъ. Порядочное разстояніе отъ Парижа до замка, и этимъ господамъ пріятно было бы чѣмъ-нибудь закусить.

Маркизъ позвалъ Исидора.

— Приготовишь завтракъ этимъ господамъ, сказалъ онъ.

При этомъ приказаніи, энтузіазмъ друзей Артура разразился.

— Да здравствуетъ г-нъ маркизъ! вскричали они, бросивъ вверхъ свои шапки.

Маркизъ успокоилъ ихъ жестомъ.

— Я оставляю тебя съ друзьями г. Артура и твоими, сказалъ онъ Людовику, а самъ спасаюсь.

Когда мадамъ Плюшэ и Целина, привлеченныя шумомъ, сошли въ залу, ихъ привѣтствовали громкими криками многіе изъ товарищей Артура, знавшіе ихъ въ Парижѣ.

Поздравленія этихъ молодыхъ людей преисполнили гордостію материнское сердце мадамъ Плюшэ.

— Да, да! говорила она: они настоящіе голубки! воркуютъ съ утра до вечера.... Г. Людовикъ, вы можете поцаловать вашу невѣсту.... при мнѣ, это законный поцалуй.

Поощренія мадамъ Плюшэ обыкновенно только охлаждали любовь Людовика. Въ этотъ разъ, они его совершенно оцѣпе-

нили. Людовикъ отворотилъ голову, и показалъ видъ, что не слышалъ. Краска униженія покрыла лицо его.

Присутствіе Людовика сначала удерживало странное общество, въ которомъ онъ находился; но одушевленіе завтрака, изобиліе винъ, естественная веселость парижскихъ гаменовъ, подъ конецъ взяли свое, и разговоръ становился все шумливѣе и шумливѣе.

— Эй! Артуръ, сказалъ одинъ изъ пирующихъ: теперь какъ ты сталъ важнымъ человѣкомъ, что ты дѣлаешь, чтобы веселиться?

— Всего понемногу.

— Такъ какъ прежде.

— Да, но въ другомъ родѣ.

— А когда мы опростаемъ бутылки, что ты намъ предложишь?

— Что вамъ угодно.

— Вотъ это такъ называется говорить, какъ слѣдуетъ въ твоёмъ положеніи! Такъ замокъ находится въ распоряженіи г. графа Плюшэ?

— Почти, мой другъ; развѣ женятся между родными? Не правда ли, кузень?

Крупныя капли пота падали со лба Людовика; онъ бы охотно выбросилъ Артура за окно.

Целина, которая со времени пребыванія своего въ замкѣ, не разу такъ не забавлялась, была въ восторгѣ.

— Хорошо! сказалъ Артуръ: теперь, кузина, рѣшить какія намъ избрать удовольствія.

— Рыбную ловлю! сказала она.

Гости по очереди кричали:

— Охоту!

— Танцы!

— Кегли!

— Чехарду!

— Прогулку въ экипажахъ!

— Поѣздку на ослахъ!

Между тѣмъ Артуръ наполнилъ виномъ свой стаканъ и выпилъ его за здоровье общества.

Все общество поддержало его тостъ, и встало въ невыразимомъ беспорядкѣ.

— Боже мой! лишь бы батюшка не забылъ удалить Марію! думалъ Людовикъ.

Понятно, что г. де-ла-Сейллерей не сталъ ждать опасеній своего сына, чтобы отвести мадмоазель де-Шомонъ въ отдаленную часть замка, откуда она не могла ни видѣть, ни слышать друзей г. Артура.

Артуръ, въ качествѣ главного распорядителя, увлекъ толпу въ садъ. По дорогѣ, она вооружилась ружьями, какія только были въ замкѣ.

— Гдѣ водится дичь? спросилъ Касторъ, одинъ изъ гостей.

— Погоди, отвѣчалъ Артуръ.

Онъ пошелъ къ кроличьей норѣ, которую съ нѣкотораго времени оставилъ въ покоѣ, и открылъ дверцы.

— Слушать теперь, и ни малѣйшаго шума, сказалъ онъ: кроликъ трусливое животное, которое не должно пугать неблагоприятными пѣснями; дадимъ ему время отвѣдать овощей г. маркиза, и потомъ на охоту!

Молодые люди сирятались за деревьями, и стали ждать, приготовивъ ружья и удерживая хохотъ.

Вышелъ одинъ кроликъ, за нимъ другой, потомъ еще два, три и наконецъ все гнѣздо. Раздался первый выстрѣлъ; бѣдныя, испуганныя животныя бросились во все стороны, и началась ружейная пальба вдоль всей линіи.

Два или три кролика, жертвы случая, остались въ огородѣ между капустою и салатомъ. Одобренный этимъ первымъ успѣхомъ, Артуръ побѣждалъ къ голубятнѣ.

— Перья послѣ шерсти, сказалъ онъ.

Голуби, внезапно атакованные, разлетѣлись.

Одинъ изъ друзей Артура замѣтилъ охотничій рогъ въ столовой замка; онъ взялъ его и началъ трубить изо всехъ силъ. Свора собакъ отвѣтила на этотъ призывъ громкимъ лаемъ, уже возбужденнымъ ружейными выстрѣлами. Артуръ предложилъ выпустить ихъ на волю.

— Да, да! вскричали все.

Открыли псарню, и собаки выскочили.

Тогда поднялась оглушительная сумятица криковъ, лая и выстрѣловъ. Точно буря бушевала въ саду.

Бѣгая назадъ и впередъ, одинъ изъ охотниковъ увидалъ плавающихъ въ бассейнѣ красныхъ рыбокъ.

— Рыбная ловля вѣдь также въ числѣ объявленныхъ удовольствій, сказалъ онъ, и побѣжавъ въ замокъ, взялъ удочку, и важно сѣлъ на краю бассейна.

Одинъ изъ его товарищей послѣдовалъ его примѣру, другой сдѣлалъ то же, и вскорѣ все усѣлись въ кругъ, вооруженные удочками противъ невинныхъ и мирныхъ обитателей садка.

— Вѣдь эти красныя рыбки всехъ цвѣтовъ, сказалъ Касторъ.... Вотъ одна бѣлая!

— У меня черная, сказалъ другой.

— Она въ траурѣ.

— Вотъ розовая съ сѣрымъ.

— Нѣжные цвѣта!... Это должно-быть, влюбленная рыба.

Пойманныя рыбки металась по травѣ около Кастора, принявшаго на себя обязанность хранителя добычи.

— Какое славное жаркое! сказалъ онъ въ восторгѣ.

— Подадутъ его за обѣдомъ, спросилъ другой.

— Намъ надо будетъ пригласить маркиза, прибавилъ третій.

— Мы этимъ возвратимъ ему завтракъ; вѣжливость за вѣжливость! замѣтилъ Касторъ.

— Кролики, и свѣжая рыба! лучше не ѣдятъ и у Латюиля! вскричалъ Артуръ.

Рыбки начинали рѣдѣть въ бассейнѣ, когда одна изъ дѣвушекъ замка, привлеченная любопытствомъ, подкралась къ толпѣ на цыпочкахъ.

Захрустѣвшій подъ ея ногами песокъ выдалъ ее.

— О! сказалъ Касторъ, нимфа!

Онъ вскочилъ, и бросился къ кусту, за которымъ она спряталась.

Нимфа, ремесломъ прачка, вскрикнула, и пустилась бѣжать.

Касторъ побѣжалъ за ней въ догоню.

Прачка смѣялась и, какъ Галатея, оглядывалась по временамъ назадъ.

Они бѣжали въ той части сада, которая была усажена буквыми деревьями, затруднявшими преслѣдованіе. Касторъ то настигалъ ее, то оставался позади.

Рыболовы оставили свои удочки, и встали, чтобы лучше видѣть шалость товарища, который не могъ однакожь догнать нимфу, и возвратился весь оборванный.

Можно представить, въ какомъ гнѣвѣ находился Людовикъ; эта шумливая веселость, этотъ громкій хохотъ, прерываемый иногда грубыми словами, этотъ гвалтъ, все это раздражало его и обижало. Но онъ былъ у себя въ домѣ; его отецъ далъ полную свободу г. Артуру. Людовикъ удерживался.

Что касается Целины, то она слишкомъ много видѣла подобныхъ сценъ, чтобы ими обижаться. Можно даже сказать, что она принимала въ нихъ живое участіе. Касторъ, самый предпріимчивый и самый веселый изъ всехъ, даже весьма много забавлялъ ее.

Однако Людовикъ замѣтилъ на лицѣ Целины мгновенное выраженіе печали и неудовольствія. Это выраженіе, соотвѣтствовавшее тайному расположенію его души, очаровало его. Онъ подошелъ къ Целинѣ.

— Вы, кажется, печальны? сказалъ онъ.

— Да, отвѣчала она.

— Я васъ понимаю! эти игры, этотъ шумъ вамъ не нравятся.

Целина покачала головою.

— Нѣтъ, сказала она, я сожалею о томъ, что нѣтъ здѣсь моихъ пріятельницъ.

— Такъ оттого-то вы скучаете?

— Не понятно ли? Конечно, когда бы онѣ были въ замкѣ, то веселились бы съ нами. Вы ихъ не знаете!... онѣ премиленькія! Есть Аннета, которая все смѣется, и Жюльета, которая поетъ, какъ птичка, и Гортензія блондинка... эта вамъ понравится, она такъ же сантиментальна, какъ вы, и ищетъ, какъ она говорить, сердца для своего сердца; есть еще Маргарита, корсетница, которая танцуетъ, какъ волчокъ, и Констанція, и Каролина, и Луиза, и Клотильда, лучше которой никто не дѣлаетъ молочныхъ блиновъ. Я хочу, чтобы вы ихъ отвѣдали.

— Я не знаю, буду ли имѣть для этого случай.

— Ничего пѣтъ проще; мы ихъ всѣхъ пригласимъ въ замокъ.

— Сюда?

— Конечно.... Въ будущее воскресенье, если вы хотите.... Послѣ нашей свадьбы, я назначу одинъ день въ педѣлю, въ который онѣ всѣ будутъ собираться у насъ къ обѣду. Какъ онѣ будутъ довольны тѣмъ, что будутъ ѣсть мороженое и пить пуншъ! Особенно Матильда, которая его очень любитъ.

— Еще Матильда?... Боже мой, Целина, сколько же у васъ подругъ-пріятельницъ?

— Я не знаю, тридцать или сорокъ, конечно, моихъ хорошихъ пріятельницъ, такъ-какъ всѣхъ ихъ у меня цѣлая сотня: въ одной мастерской, въ Сенъ-Мартенской улицѣ, у позументщика, я знаю восемнадцать.... Бѣдныя подруженьки, какъ мнѣ хочется поскорѣ ихъ увидѣть!... Я хочу, чтобы въ день моей свадьбы всѣ были въ замкѣ.

Разговоръ былъ прерванъ громкими криками. Артуръ и Касторъ звали Целину.

Устроили жмурки, и въ нихъ потребовалось участіе Целины.

— Я здѣсь! отвѣчала цвѣточница.

И она бѣгомъ оставила Людовика.

Всѣ друзья Артура и ихъ импровизированныя подруги, усѣлись въ кругу на лужайкѣ. Касторъ записалъ имена, смѣшалъ билетика въ фуражкѣ и вынулъ одинъ изъ нихъ, чтобы узнать, кому изъ играющихъ случай назначить завязать глаза.

Имя Целины вышло первое изъ фуражки, и Касторъ повязалъ платокъ на глаза цвѣточницы.

— Мама Плюшэ будетъ беречь фанты, сказалъ Артуръ.

И игра началась.

Людовикъ смотрѣлъ со страхомъ на зорю невинныхъ игръ и тотъ продолжительный рядъ поцалуевъ, составляющихъ необходимую ихъ принадлежность. Передъ этимъ новымъ испытаніемъ, его твердость, уже поколебленная, совершенно пала, и онъ обратился въ бѣгство.

Проходя по каштановой алее, съ сердцемъ полнымъ тоски, онъ встрѣтилъ г. де-ла-Сейллерея. Маркизь увидѣлъ перемѣну, происшедшую въ умѣ Людовика.

— Я тебя искалъ, сказалъ онъ.

— Меня, батюшка?

— Я долженъ писать къ моему нотаріусу, и какъ, мнѣ кажется, ты не измѣнилъ своего намѣренія, то я предувѣдомлю его, чтобы онъ приготовилъ контрактъ?

— Какой контрактъ?

— Твой.

— Мой сватевный контрактъ?

— Да! Ты смотришь на меня такими странными глазами, какъ будто пріѣхалъ изъ Конго.... Рѣшился ты, да или нѣтъ?

— Конечно.... Я далъ слово Целинѣ.

— Такъ тебѣ остается только назначить день.

— Къ-чему такъ спѣшить?

— Къ-тому, чтобы скорѣ насладиться тебѣ счастіемъ. За плетнемъ раздался шумный хохотъ.

— Опять! сказалъ Людовикъ.

— Молодые люди веселятся! замѣтилъ маркизь.

— Развѣ не могутъ они веселиться, не дѣлая такого шума?

— Ба! это свойственно ихъ возрасту.... Но оставимъ ихъ игры, и возвратимся къ твоей свадьбѣ. Что написать нотаріусу?

— Что вы предувѣдомите его черезъ нѣсколько дней, отвѣчалъ Людовикъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою.

Отецъ, Целина, Артуръ, то, что онъ видѣлъ, то, что онъ слышалъ, все увеличивало его тайное расположеніе къ печали; и единственное мѣстечко въ его сердцѣ, куда не проникалъ гнѣвъ, было то, гдѣ улыбался образъ Маріи.

Людовикъ не ошибся: невинныя игры господствовали въ саду. Пѣли, танцовали, цаловались во-имя невинныхъ игръ, и лукавый, несмотря на этикетъ, ничего не терялъ.

Однако, къ вечеру, и между-тѣмъ какъ Артуръ, Касторъ и ихъ соучастники занимались приготовленіями къ обѣду, поданному на чистомъ воздухѣ, Целина удалилась въ сторону замка; ея веселость исчезла, и противъ своего желанія, цвѣточница вздыхала. Ей казалось, что чего-то недоставало ея сердцу, и его не могли замѣнить ни шумъ, ни удовольствіе, ни роскошь. Она вспомнила о своей прогулкѣ въ Медонъ осенью, въ прошедшемъ году, и спрашивала себя, отчего она, возвратясь оттуда, была такъ весела. Тогда, однако, шелъ дождь, и она бѣдно пообѣдали

въ дурной гостинницѣ, и не удалось ни одно изъ предложенныхъ удовольствій.

— Но, мнѣ кажется, сказала тихонько Целина, тамъ былъ Жакъ.

И она вздохнула.

— Что съ тобою, дочь моя? Можно подумать, что ты скучаешь? сказалъ Целинѣ папа Плюшэ, встрѣтившій ее на террасѣ замка.

— Она, просто, устала! отвѣчала мадамъ Плюшэ.

— Такъ она плачетъ отъ усталости!

— Если она плачетъ, такъ это повятно, Касторъ или кто другой сказалъ ей какую-нибудь глупость.... Ты знаешь, что у Целины сердце, что у дыпленка.

— У ней сердце дѣвушки, и я знаю, что въ немъ кроется!... Видишь ты, Целина тоскуетъ....

— Опять та же исторія.... Она ни о чемъ не тоскуетъ!... Она очень счастлива!

— Сожалѣю о ней.

Мадамъ Плюшэ пожала плечами.

— Хорошо! хорошо! сказала она, оставь въ покоѣ дочь, и ступай надѣвъ фракъ.... сейчасъ дають обѣдать.... Не стыдно ли, тесть графа въ курткѣ!

Целина осталась одна; она стояла облокотясь на вазу съ цвѣтами.

— Какъ странно счастье! думала она: никогда я не чувствовала такого расположенія плакать, какъ теперь, когда меня называютъ счастливою.

Она отерла слезу, блиставшую на ея рѣсницахъ.

— Не слѣдуетъ болѣе думать объ этомъ, продолжала она.... Г. Людовикъ меня любитъ, и я должна также стараться любить его... Почему его нѣтъ здѣсь? Можетъ-быть, онъ разсердился на то, что я танцевала и прыгала съ друзьями Артура. Онъ ушелъ поспѣшно... Въ другой разъ, я буду осторожиѣе... Но для чего онъ не остался со мною?... Жакъ не покинулъ бы меня!... Вотъ я снова думаю о Жакѣ. Ужъ не тоскую ли я о немъ, какъ говоритъ мой отецъ; я хорошо поняла, что онъ намекалъ на него.... Это было бы недостойно, послѣ того, что онъ сдѣлалъ со мною! Обмануть меня, когда я его такъ люби-

ла!... Теперь все кончено... дурно было бы съ моей стороны думать еще о немъ.... Впрочемъ, я выйду замужъ за г. Людовика; у меня будетъ экипажъ, прислуга, замокъ; я буду счастлива, какъ говоритъ мама.... Бѣдная мама! какъ-будто безъ того нельзя быть счастливою? Съ какимъ важнымъ видомъ она прохаживается въ этихъ большихъ залахъ! Вздумала же она на прошедшей недѣлѣ сдѣлать себѣ платье съ такимъ же шлейфомъ, какой видѣла на картинахъ!

Целина принялась смѣяться.

— Теперь я смѣюсь! продолжала она: тѣмъ лучше, это веселѣе.... Я не хотѣла бы сѣсть за столъ съ пасмурнымъ видомъ.

Она подняла голову, и сдѣлала шагъ впередъ, съ намѣреніемъ удалиться. Передъ ней стоялъ мужчина.

— Жакъ! вскричала она.

— Я, можетъ-быть, беспокою васъ, сказалъ онъ. Я проходилъ мимо, вы засмѣялись, и тогда я невольно подошелъ къ вамъ.

— Вы въ замкѣ! Но какимъ-образомъ....

— О! это весьма просто. Г. Маркизь имѣлъ нужду въ работникахъ для различныхъ исправленій въ замкѣ; онъ написалъ своему обойщику, къ которому случайно я поступилъ два или три дня тому назадъ, и тотъ послалъ меня въ замокъ наблюдать за работами.

Вечерняя тѣнь дозволила Целинѣ скрыть смущеніе; но сердце у ней сильно билось, и она не смѣла взглянуть на Жака.

— Вы счастливы, продолжалъ онъ, и я не хотѣлъ бы помѣшать вашему счастью; однако, у меня есть до васъ просьба.

— До меня?

— Да, я многое имѣю сказать вамъ.... Можетъ-быть, я бы никогда на это не рѣшился; но такъ-какъ я васъ встрѣтилъ, то сердце мое влечетъ меня объясниться съ вами.

— Но, я не могу....

— О! ради Бога! не отказывайте мнѣ!... Можетъ-быть, я вижу васъ въ послѣдній разъ, и мнѣ будетъ очень прискорбно думать, что вы уносите съ собою обо мнѣ дурное мнѣніе.

— Если вы хотите оправдать себя; то отчего вы этого не сдѣлали, когда были у насъ?

Целина спрашивала, слѣдовательно уступала; Жакъ понялъ это, и продолжалъ настаивать.

— Я не могъ тогда, возразилъ онъ: теперь я свободенъ. Не думайте, что я хочу отклонить васъ отъ вашего намѣренія. Имѣю ли я право жаловаться, когда оно упрочиваетъ ваше счастье? Но я васъ прошу назначить мнѣ свиданіе, послѣднее, можетъ-быть, въ нашей жизни.

Целина колебалась; вето, чтобы она не желала, можетъ-быть, не менѣе самого Жака, свиданія, котораго онъ просилъ такъ настоятельно, но она боялась быть застигнутою, и не знала, на что рѣшиться.

— Вы мнѣ ничего не отвѣчаете? сказалъ Жакъ.

— Боже мой! то, что вы просите, очень затрудняетъ меня, сказала она.

Въ эту минуту, явилось третье лицо; это была мадамъ, Плюшѣ, искавшая свою дочь. Она была въ полномъ блескѣ своего вечерняго убора, съ вѣеромъ въ рукѣ.

— Это Жакъ! сказала она, узнавъ мастераго. Здравствуй, Жакъ.

— Здравствуйте, мама Плюшѣ!

— Мама!... Мнѣ кажется, что ты могъ бы сказать мадамъ Плюшѣ!...

— Хорошо! впередъ я буду говорить вамъ мадамъ!

— Такъ въ этотъ разъ я тебѣ прощаю, любезный, продолжала мадамъ Плюшѣ, обмахивая себя онахаломъ: ты работаешь здѣсь въ замкѣ.... Тѣмъ лучше.... Я поговорю о тебѣ съ г. маркизомъ.

— Мама! сказала тихонько Целина.

— Конечно.... и потомъ, ты будешь на меня работать. Тебѣ поручаю я приготовить мебель для моей дочери.... Ты постарайся, надѣюсь, чтобы все было изъ цѣльнаго краснаго дерева.

— Вы можете положиться на меня.

— Только теперь, какъ я стала знатною барынею, я не могу принимать тебя, какъ въ бывшее время... Если тебѣ случится до меня просьба, ты вызовешь меня въ корридоръ... я выйду... общаю тебѣ.

— Какъ! вы будете такъ добры!

— Ты знаешь, у меня всегда было доброе сердце; но съ условіемъ, чтобы ты не показывалъ вида, что меня знаешь.

— Гмъ!

— У тебя нѣтъ порядочной манеры, и если ты меня гдѣ встрѣтишь, прошу не кланяться.

— О! вскричалъ Жакъ, вамъ не кланяться, не безлокойтесь.

— Смотрите, онъ вздумалъ сердиться.

— Жакъ! прошептала Целина.

— Оставь его; ремесленникъ туда же корчитъ барина...

— Прощайте, мадамъ Плюшѣ, сказалъ онъ: я могу забыть, что мадамъ Плюшѣ ваша мать, и я худо слѣблю...

Но Целина, зайдя поспѣшно впередъ, сказала тихонько Жаку:

— Завтра, въ двѣнадцать часовъ, въ голубой залѣ.

Жакъ вздрогнулъ, а Целина скрылась.

Что касается до мадамъ Плюшѣ, то она величественно сошла съ террасы.

— Вотъ каковы ремесленники! ворчала она: имъ хотятъ слѣлать добро, а въ нихъ ни на грошъ нѣтъ благодарности. Это отвратительно!

Поднимаясь по лѣстницѣ, она услышала голосъ Артура.

— Эй! бездѣльники! подавать обѣдать! кричалъ онъ.

Мадамъ Плюшѣ остановилась въ восхищеніи.

— Настоящій хозяинъ! сказала она.

IX.

VICE-VERSA.

На слѣдующій день, съ одиннадцати часовъ, Жакъ былъ въ голубой залѣ. Чтобы удалить подозрѣніе, онъ снялъ занавѣсъ съ окна, и принялся въ него вколачивать множество гвоздей,

сопровождая работу пѣсней, слова и вмѣстѣ музыку которой онъ импровизировалъ.

Пробило двѣнадцать часовъ, а Целина не являлась.

— Что, если она не придетъ! подумалъ Жакъ.

Онъ сталъ прислушиваться, не слыхатъ-ли шаговъ въ соседней комнатѣ.

— Можетъ-быть, часы эти идутъ впередъ, сказалъ онъ.

Онъ вынулъ свои часы; на нихъ было четверть перваго.

— Нѣтъ, невозможно, чтобы она вздумала посмѣяться надо мною! прибавилъ онъ.

— Я не могу, однако, истыкать гвоздями всей этой стѣны, сказалъ онъ, смотря на свою работу.

Но въ это время отворилась дверь, и показалась Целина.

Жакъ, который приготовился говорить, не находилъ словъ и хранилъ молчаніе, стоя на своей лѣстницѣ съ молоткомъ въ рукѣ.

Целина, неменѣе его встревоженная, также молчала, опустивъ глаза.

Ремесленникъ искоса посмотрѣлъ на нее: Целина нарядилась для этого свиданія, онъ вздохнулъ.

Я желалъ бы видѣть ее дурною, сказалъ онъ, а она никогда мнѣ не казалась столь прекрасною!

Жакъ въ отчаяніи бросилъ молотокъ на полъ.

— Ахъ! вскричала Целина.

Жакъ соскочилъ съ лѣстницы.

— Я васъ испугалъ? сказалъ онъ съ застѣнчивымъ видомъ.

— Немного, отвѣчала Целина.

— Я не съ намѣреніемъ это сдѣлалъ. Напротивъ, если бы было возможно, не это чувство желалъ бы я внушить вамъ.

Растроганная Целина отвортила голову.

— Вы видите, мосье Жакъ, сказала она, я пришла.

— Мосье!... Вы меня называете мосье! Такъ я похожъ теперь на господина?... Ахъ! мадамозель!

— Какъ хотите вы, чтобы я васъ называла? Не все ли кончено между нами?

— Все?

— Конечно, и не по моей винѣ!

— О! еслибы вы захотѣли!

— Вы несправедливы, мосье Жакъ.... я ничего не скрывала отъ васъ.

— Вы правы, и я пришелъ сюда не для того, чтобы попрекать вамъ.... Я пришелъ оправдаться.... Я могу лишиться васъ, но я не хочу, чтобы вы считали меня безчестнымъ человѣкомъ... Безъ сомнѣнія, вы не забыли словъ Артура въ тотъ день, когда я принужденъ былъ потерять васъ?

— Я слишкомъ хорошо это помню!

— Онъ сказалъ правду.

— Такъ вы сознаетесь въ этомъ!

— Онъ сказалъ истину, но несправедливую истину, какъ говорятъ нынѣ.

— Что хотите вы сказать?

— Вы увидите. Вы знаете, что у меня есть сестра?

— Да; мадамозель Луиза, которая, говорятъ, такъ хороша собою!

— Я думаю, она вылитая вы.

— Ахъ!

— Надо знать, что въ нашей сторонѣ, куда она вернулась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, у ней не было недостатка въ вздыхателяхъ; по воскресеньямъ, всѣ другъ передъ другомъ старались танцовать съ нею. Между тѣми, которые ухаживали за ней болѣе другихъ, былъ сынъ богатаго окрестнаго мельника, малый красивый, большого роста и хорошо сложенный. Къ несчастію, моя сестра полюбила его слишкомъ неосмотрительно, и въ одинъ прекрасный день, моя тетка написала мнѣ, что бѣдная Луиза была обманута. Когда я узналъ объ этомъ, первую моею мыслію было увезти сестру въ Парижъ. Приготовивъ все къ отъѣзду, я пошелъ къ молодому человѣку.... онъ работалъ у своего отца. Услышавъ мое имя, онъ поблѣднѣлъ. Мы пошли съ нимъ въ маленькій садикъ: «Если у васъ есть сердце, сказалъ я ему: вы не оставите въ отчаяніи бѣдную дѣвушку, которая васъ любитъ».

Всѣ мои родные сказали онъ мнѣ противятся желанью моему жениться на Луизѣ, но я употреблю всѣ просьбы, чтобы уговорить ихъ.

— И вы? спросила взволнованная Целина.

— Я пожалъ руку мельника. «Вы говорите, какъ честный человекъ, сказалъ я ему; сдѣлайте такъ, какъ вы сказали, и мы будемъ братьями». На слѣдующій день мы отправились съ сестрою въ Парижъ. Я отвелъ Луизу къ одной доброй старушкѣ, живущей близъ Сенъ-Дениской часовни, и на дорогѣ туда замѣтилъ меня вашъ кузень.

— Но къ-чему было не сказать этого прежде?

— Могъ ли я говорить! Все бы пропало; еслибы сынъ мельника не сдержалъ своего слова, я былъ бы причиною несчастья.... О подобныхъ вещахъ говорятъ только, когда все кончено!

— Это правда. А теперь?

— О! теперь, Луиза вышла за мельника, и счастлива! Надо видѣть ее! Отецъ, который немного строгъ, но справедливъ въ душѣ, любитъ ее, какъ зеницу своего ока. Она госпожа на мельницѣ.

Целина невольно взяла руку Жака, и пожала ее.

— Вы теперь все знаете, продолжалъ обойщикъ: я честный человекъ, и вы не должны были бы думать, что я когда-либо могъ обмануть васъ.

— Жакъ, мой другъ! вскричала цвѣточница съ волненіемъ, которое она не старалась скрывать.

— Да, вашъ другъ, вашъ лучшій другъ, продолжалъ Жакъ, отирая слезу, скатившуюся изъ его глазъ.... Но все кончено; я одинъ останусь несчастнымъ.

Целина, ничего не отвѣчая, сжала его руки въ своихъ рукахъ.

— Можетъ-быть, моя безработность васъ удивляетъ, продолжалъ ремесленникъ ласковымъ голосомъ. О! я не всегда былъ такъ спокоенъ.... Еслибы я встрѣтилъ васъ, когда я только узналъ о вашей сватбѣ, я не знаю, что бы я сдѣлалъ; но, благодаря Бога, я имѣлъ довольно времени размыслить и доказать себѣ, что все было къ лучшему. Мнѣ это стоило большихъ усилій, но наконецъ я успѣлъ въ этомъ....

Целина подняла голову, и посмотрѣла съ удивленіемъ на обойщика.

— Вы меня поймете, сказалъ онъ; я не люблю васъ, какъ эгоистъ; я люблю васъ для васъ самихъ. Что бы вы стали дѣ-

лать со мною? Я люблю работу, правда, и ничего не пожалѣлъ бы, чтобы сдѣлать васъ счастливою; но въ наше время нѣтъ недостатка въ шабашѣ.... Можетъ-быть, пришлось бы вамъ проводить дурные дни. Съ г. Людовикомъ, съ г. графомъ, какъ говорятъ, вы никогда не будете знать ни заботъ, ни лишеній. Онъ достойный молодой человекъ.... Вы будете богаты, счастливы, вамъ будутъ завидовать.... А мнѣ смотрѣть на ваше счастье будетъ утѣшеніемъ.... Вы мнѣ позволите иногда навѣщать васъ, не правда ли, мадамъ?

— Жакъ! вскричала Целина, чувствуя, что слезы показывались на ея глазахъ.

Обойщикъ повернулъ голову, желая не показать, что онъ плакалъ, и оба, не смѣя взглянуть другъ на друга, хранили молчаніе.

Жакъ прошелся по комнатѣ, чтобы подавить волненіе, и потомъ снова подошелъ къ Целинѣ.

— Еще одно слово, и я кончу, сказалъ онъ: обыкновенно, когда разлучаются, то возвращаютъ другъ-другу вещи, взаимно данныя.

— Какъ? вы ихъ принесли?

— Онѣ тутъ, въ моемъ мѣшкѣ съ инструментами, со всѣмъ тѣмъ, что у меня только есть драгоценнаго. Ахъ! ни одна изъ нихъ не потерялась; онѣ составляли все мое богатство.... Вотъ букетъ фіалокъ, который вы мнѣ дали на балѣ въ Роменвилѣ. Онъ еще пахучъ. На васъ было бѣлое платье, и вы носили этотъ маленькій букетъ на своемъ сердцѣ цѣлый вечеръ.

— Это правда!

— А эта ленточка, которая была у васъ на шеѣ въ день вашихъ именинъ; вы весь день не соглашались дать ее мнѣ, а на слѣдующій, проснувшись, я нашелъ что она приколата булавкой къ моей курткѣ.... Это вы ее прикололи.... Смотрите, булавка еще цѣла! Бѣдная ленточка! я не буду ее болѣе цаловать.

— Я не принуждаю васъ возвращать ее мнѣ!

— Нѣтъ! нѣтъ! если я ее сохраню, она мнѣ будетъ напоминать счастье, на которое я не могу болѣе надѣяться!... Вотъ еще маленькая книжка, которую вы выиграли на ярмаркѣ въ Сенъ-Клу. Въ ней разрисованныя картинки представляютъ че-

тыре части свѣта. Америка немного походить на васъ, и я любилъ смотрѣть на нее, потому-что она держитъ на колѣняхъ хорошенькое дитя. Она внушала мнѣ мысли, заставлявшія плакать отъ радости. Возьмите назадъ Америку, мадамозель.

Когда Жакъ подавалъ маленькую книжку Целинѣ, вошла мадамъ Плюшэ подъ руку съ маркизомъ, гордая, счастливая, торжествующая.

Идти подъ руку съ настоящимъ маркизомъ! мадамъ Плюшэ не мечтала ни о чемъ лучшемъ.

При видѣ двухъ молодыхъ людей, она не могла удержаться отъ гнѣвнаго восклицанія.

— Онятъ Жакъ? сказала она.

— Ахъ! вы знаете г. Клико? спросилъ добродушно маркизъ.

— О! немного....

— Однако мы жили вмѣстѣ въ предмѣстьѣ Сень-Дени. По утрамъ встрѣчались на троттуарѣ и калякали.... Сколько разъ я вамъ носилъ въ пятый этажъ молока на три су, и четыре фунта хлѣба, мама Плюшэ?

Мадамъ Плюшэ испытывала сильное волненіе; войдя, она была красна отъ удовольствія; теперь она была пурпуроваго цвѣта отъ гнѣва.

— О! проворчала она сквозь зубы: этотъ мужикъ не имѣетъ ни малѣйшаго такта!

— А въ тотъ день, какъ вы покупали дрова, послѣднюю зиму, помните, какую прогулку мы сдѣлали съ вами подъ моимъ зонтикомъ?... У насъ у двохъ не было шести су, чтобы заплатить за омнибусъ, продолжалъ Жакъ, раздосадованный тщеславіемъ мадамъ Плюшэ.

Мадамъ Плюшэ была ввѣ-себя, но не смѣла оставить руки маркиза.

— Такъ-какъ вы, сказалъ г. де-ла-Сейллерей, такіе старые знакомые, то г. Клико мнѣ сдѣлаетъ удовольствіе, останется на сегодняшній вечеръ въ замкѣ? У меня будетъ нѣсколько моихъ знакомыхъ; справедливо, чтобы и друзья мадамъ Плюшэ были также на моемъ вечерѣ.

Еслибы мадамъ Плюшэ могла встрѣтить Жака наединѣ, она выцарапала бы ему глаза.

— Г. маркизъ дѣлаетъ мнѣ много чести, поспѣшилъ отвѣтить ремесленникъ: и я конечно останусь.

Всѣ идеи мадамъ Плюшэ были перемѣшаны; она не могла понять, какъ человѣкъ, который могъ принимать у себя виконтовъ и герцоговъ, имѣлъ такъ мало вкуса, что приглашалъ обойщика.

— Но, сказала она смиренно: можетъ-быть, у Жака есть работа?

— Нѣтъ такой работы, которая могла бы помѣшать мнѣ воспользоваться приглашеніемъ! Каждый день не встрѣчаешь такихъ неожиданностей! возразилъ Жакъ.

Мадамъ Плюшэ повѣсила голову; она чувствовала себя побѣжденною.

Вечеръ, на который г. де-ла-Сейллерей пригласилъ Жака, былъ назначенъ за два или за три дня маркизомъ, безъ вѣдома Людовика. Когда послѣдній узналъ, что маленькій праздникъ привлечетъ въ самый этотъ день въ замокъ его прежнихъ бульварныхъ друзей, онъ напугался не нашутку.

— Какъ! всѣ мои друзья! сказалъ онъ своему отцу.

— Самые близкіе.... Между-прочимъ, оба сына г. де-Га-роффе.

— Ахъ! Боже мой! вскричалъ Людовикъ, который хорошо зналъ ихъ склонность къ насмѣшливости.

— Еслибы твой кузенъ Артуръ вздумалъ привести къ намъ нѣкоторыхъ изъ своихъ добрыхъ пріятелей, г. Кастора и двухъ или трехъ другихъ, общество было бы полное.

— Но, батюшка, мысль сдѣлать праздникъ пришла вамъ совершенно неожиданно.

— Я задумалъ его за два или за три дня тому назадъ; развѣ я тебѣ ничего не говорилъ?

— Ничего.

— Такъ, должно быть, я забылъ.

— И къ-чему этотъ праздникъ?

— О! во-первыхъ не должно принимать этого пышнаго слова въ его официальномъ значеніи. Не будетъ ни шеста съ призами, ни пантомимъ, ни военной музыки, ни фейерверка; весь праздникъ будетъ состоять изъ обѣда и послѣ маленькаго бала.

— А! будутъ танцы?

— Если прїѣдутъ наши сосѣдки, конечно. Время, мнѣ кажется, представить твое новое семейство нашимъ друзьямъ.

Людовикъ съ ужасомъ подумалъ о чудныхъ чепцахъ мадамъ Плюшѣ, ея восклицаніяхъ, заимствованныхъ у новѣйшей сцены, особенно объ эксцентричностяхъ и дерзостяхъ г. Артура.

Маркизь не показалъ вида, что замѣтилъ уныніе сына.

— Займутся также немного музыкой, прибавилъ онъ: Марія будетъ пѣть, а ты будешь ей аккомпанировать на фортепіано.

Людовикъ повѣсилъ голову, какъ жертва.

Г. де-Гароффе, вѣрный обѣщанію, прїѣхалъ съ двумя своими сыновьями.

— Трутъ на кремнѣ, сказалъ ему тихонько г. де-ла-Сейллей: Марія подлѣ Людовика, а Жакъ подлѣ Целины; стоить только ударить огнивомъ.

— А кто имъ ударить? спросилъ старый капитанъ.

— Случай.

— Но если случай не представится?

— Я найду его.

Мадамъ Плюшѣ нарядилась для праздника въ самое лучшее что только могла найти въ своемъ гардеробѣ: шолковое платье, съ яркими лентами чепчикъ, сіяющій кушакъ. Но ея счастье страдало занозою, и эта заноза называлась Жакомъ.

Что касается до г. Плюшѣ, то онъ видѣлъ въ этомъ праздникѣ одну необходимость оставить свои дорогіе инструменты и надѣть черный фракъ, только-что съ иглочки, который велѣла сдѣлать для него жена, и который былъ для него сущимъ наказаніемъ.

Артуръ скрылся. Спросила Исидора о причинѣ этого отсутствія, и услышали, что г. Артуръ уѣхалъ съ самаго утра. Этотъ отъѣздъ уменьшилъ на половину безпокойство Людовика.

— Ахъ! говорилъ онъ, вздыхая: отчего у мадамъ Плюшѣ нѣтъ мигреня! Мигрень никогда не приходитъ кетати.

Целина была немного печальна, несмотря на свѣжій цвѣтъ лица, и становилась еще печальнѣе, когда встрѣчала глаза Жака.

Друзья г. де-ла-Сейллерея поспѣшили къ Людовику, когда онъ вошелъ въ залу позже, чѣмъ слѣдовало, немного сконфуженный.

— Сколько времени я васъ не видалъ, сказалъ онъ имъ: непредвидѣнные обстоятельства составляютъ мое извиненіе.

— Знаемъ мы твои обстоятельства, отвѣтилъ одинъ изъ сыновей г. де-Гароффе, прервавъ его. Думаешь ли ты, что молва о твоихъ похожденияхъ не дошла до бульвара? Ты воскресилъ эклогу съ пастушкой и рощицей! Это превосходно!

— Идиллія для насъ — вещь совершенно новая.

— Взялъ ли ты привилегію? сказалъ другой сынъ, смѣясь.

— Говорили, кажется, о супружествѣ, сказалъ старшій, по имени Поль. Это извѣстная прозаическая развязка такого рода поэзіи. Невѣста, не та ли очаровательная особа, которая ласкаетъ клавиши фортепіано ручкою, бѣлѣе слововой кости?

— Нѣтъ, это моя кузина.

— Только кузина, тѣмъ хуже! Но другая, гдѣ же она?

— Тамъ подлѣ двери, въ розовомъ платьѣ.

— Та, которая разговариваетъ съ тѣмъ добрякомъ въ черномъ платьѣ неизвѣстнаго покроя?

— Это ея отецъ.

— А какъ зовутъ этого отца?

— Г. Плюшѣ.

— Какое имя! сказалъ другой.

— Я держу пари, что мадамъ Плюшѣ должна быть та любезная особа, которая тамъ доѣдаетъ четвертый пирогъ.

— Та дама, разукрашенная, какъ ширмы.

— Именно. Я спрошу у Людовика.

На слѣданный вопросъ, Людовикъ отвѣчалъ, что Поль не ошибся.

— Нельзя было и ошибиться! возразилъ Поль: мадамъ Плюшѣ одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ всегда узнаешь, ни разу не вдавъ ихъ.

— Справедливо, сказалъ третій, что она поситъ цвѣта, обитающіе только въ климатѣ предмѣстья Сенъ-Дени.

— Понимаете ли вы что-нибудь въ естественной исторіи? не-

ребилъ Поль: соедините это черное платье на этомъ тростнико-вомъ чепчикѣ, и вы получите это розовое платье.

— Она дѣйствительно недурна собою; живое личико, быстрые и кроткіе глаза, выражающіе все, что угодно.

— Даже немного болѣе, прибавилъ Поль, замѣтившій на лету взлядъ, брошенный Целиною на Жака.

Людовикъ, удалившійся отъ этой группы насмѣшниковъ, не слышалъ ихъ, но видѣлъ ихъ смѣхъ. Нельзя выразить, какъ онъ страдалъ. Марія прошла мимо него, и пожала ему тихонько руку.

— Мой другъ, будьте тверды, сказала она ему, не буду ли я всегда съ вами?

Людовикъ посмотрѣлъ на Марію.

— Несчастный! сказалъ онъ, что я сдѣлалъ!

Когда они разошлись, мадамъ Плюшэ толкнула локтемъ Людовика.

— Э! мой зятюшка, сказала она ему: у васъ престранная фигура!

— Молчите, отвѣтилъ Людовикъ, котораго видъ тростниковыхъ лентъ мадамъ Плюшэ выводилъ изъ терпѣнія: въ свѣтѣ не разговариваютъ!

— Такъ не положите ли языкъ въ карманъ, чтобы нравиться этому свѣту!... благодарю, это слишкомъ мило!

Людовикъ поспѣшилъ удалиться.

Между-тѣмъ какъ жена г. Плюшэ ходила взадъ и впередъ, подобно кометѣ, онъ самъ разговаривалъ въ углу съ Жакомъ.

— Что скажешь, мой другъ? сказалъ онъ ему: теперь, какъ ты объяснился съ моею дочерью, я могу дать тебѣ это имя, мнѣ кажется, что мы всѣхъ веселѣе.

— Можетъ-быть, папа Плюшэ, но я знаю только то, что буду я на мѣстѣ г. Людовика, я не имѣлъ бы такого постнаго лица.

Г. Плюшэ пожалъ плечами.

— Мадамъ Плюшэ, оставленная Людовикомъ, отправилась къ маркизу.

— Не потанцовать ли намъ немного? сказала она ему.

— Потанцуемъ, моя любезная мадамъ Плюшэ.

— Ничто такъ не возбуждаетъ аппетита, какъ танцы передъ обѣдомъ.

Кто-то сѣлъ за фортепiano и сыгралъ прелюдію.

Жакъ всталъ поспѣшно и подошелъ къ Целинѣ:

— Желаете вы, мадамъ, танцовать со мною? сказалъ онъ.

Целина искала глазами Людовика; онъ разговаривалъ съ Марією.

— Извольте, отвѣчала она, подавая руку ремесленнику.

Не думая о Целинѣ, Людовикъ взялъ руку кузины, согласившейся на его приглашеніе.

Поль де-Гараффе, поклонившись важно мадамъ Плюшэ, обратился къ ней съ почтительнымъ видомъ:

— Мадамъ Плюшэ, будетъ ли вамъ угодно сдѣлать мнѣ честь танцовать со мною этотъ первый контрдансъ? сказалъ онъ.

— Какъ! ты будешь танцовать въ твои лѣта? вскричалъ Жеромъ.

— Въ твои лѣта! повторила мадамъ Плюшэ: какъ онъ вѣжливъ! Подумаешь, я ровесница Обелиску? Всего сорокъ два года!

— Г-мъ!, сказалъ Жеромъ.

Вдругъ дверь въ залу отворилась съ шумомъ, и явился Артуръ.

— Милый Артуръ былъ на веселѣ. Его товарищи, въ благодарность за удовольствія, доставленные имъ наканунѣ, пригласили его завтракать, и въ изліяніяхъ дружбы, онъ не могъ удержаться, чтобы не выпить слишкомъ много.

— Какъ! сказалъ Артуръ, остановясь на порогѣ: меня не подождали, и открыли балъ безъ меня! танцуютъ безъ меня! Такое обращеніе мнѣ кажется обиднымъ, но все-равно, я вамъ покажу, что и люди моего разбора умѣютъ шаркать по паркету!

Артуръ заложилъ большіе пальцы за жилетъ и приготовился танцовать, но съ перваго шага пошатнулся.

— Э! полъ скользитъ! вскричалъ онъ.

Жакъ подбѣжалъ и удержалъ его.

Артуръ посмотрѣлъ на него и засмѣялся.

— Жакъ.... дружище Жакъ здѣсь, сказалъ онъ: ахъ! хорошо сдѣлалъ, тетушка Плюшэ, что пригласили г. Клико.

— Кетати пришелъ онъ! прошептала мадамъ Плюшэ.

— А вы, Людовикъ, мой любезный кузень: то, что вы сдѣлали, указываетъ на великое сердце! Танцевать передъ соперникомъ, уступать ему свою невѣсту, это прекрасно, это въ древнемъ духѣ! продолжалъ Артуръ.

Мадамъ Плюшэ, испуганная оборотомъ, какой принимала рѣчь Артура, не уставала дѣлать ему знаки, на которые онъ не обращалъ никакого вниманія.

— Да замолчишь ли ты! сказала она ему въ полголоса.

— Чтобы я замолчалъ, а для чего? Вы напрасно качаете вашимъ чепцомъ, который раскрашенъ какъ попугай; вы мнѣ не помѣшаете хвалить моего кузена.... Ибо все знаютъ, что.... мой другъ Жакъ ухаживалъ за моею кузиною, которая также любила его.

— А! она также любила его? сказалъ Поль.

— Вы вѣрно никогда не бываете ни въ Ромевилѣ, на Сент-Денискомъ острову, ни на Цитерскомъ балѣ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Поль.

— Такъ гдѣ же вы бываете, любезный мой? Впрочемъ все равно: если вы ничего не знаете изъ этой исторіи, рожицы и рыбки знаютъ нѣчто о ней! Сколько въ однихъ нарвали они сирени! сколько, зажавивъ, съѣли другихъ! И они ворковали, словно два голубка, влюбленные на вѣки! И что-же? въ одинъ прекрасный день все рушилось.... Что не рушится?

И присоединяя примѣръ къ правилу, г. Артуръ переломилъ тросточку, которую держалъ въ рукѣ.

— Вотъ палочка и въ кускахъ, продолжалъ онъ, съ упорствомъ, характеризующимъ пьянаго. А Жакъ и Целина были какъ Эстель и Неморинъ; не доставало одного посошка! Помнишь, Целина, день, когда вы танцевали вмѣстѣ на праздникѣ Ложъ; какъ онъ тебя цаловалъ, на зло красовавшемуся гусару! Гусаръ изъ синяго сталъ желтымъ.... Это воспоминаніе меня веселитъ, и мнѣ надо поцаловать тебя, моя кузина, и васъ также, мадмоазель Марія!

Артуръ, качаясь, бросился къ двумъ молодымъ дѣвушкамъ.

Но одна спряталась въ объятіяхъ Людовика, а другая въ объятіяхъ Жака.

— Жакъ! вскричала Целина.

— Людовикъ! вскричала Марія.

Въ эту минуту Жеромъ, съ трудомъ удерживавшій свой гнѣвъ, повалилъ Артура на софу въ другомъ концѣ комнаты, а Исидоръ возвѣстилъ пріѣздъ нотариуса.

— Подойдите, г. Демаре, сказалъ маркизь: вы приходите кетати, чтобы составить два контракта.

— Это недолго сдѣлать, отвѣчалъ нотариусъ: я, по вашему приказанію приготовилъ два акта, стѣнитъ только включить имена.

— И я скажу вамъ ихъ, сказалъ рѣшительно г. Плюшэ: напишите въ одномъ графъ Людовикъ де-ла-Сейллерей и мадмоазель Марія де-Шомонъ, а въ другомъ Жакъ-Клико обойщикъ, и Целина Плюшэ, цвѣточница.

Четверо молодыхъ людей вздрогнули.

— Но ты ошибаешься! вскричала мадамъ Плюшэ.

— Довольно долго я удерживалъ себя, продолжалъ повелительно Жеромъ: теперь я выскажу все. Думаете ли вы, что у меня глаза, чтобы ничего не видѣть, и сердце, чтобы ничего не чувствовать? Я могу не знать много, но я отецъ, и этого довольно! Г. маркизь человекъ, котораго я буду уважать всю мою жизнь; но, между нами, я не понимаю, для чего онъ пригласилъ насъ въ замокъ. Мы тутъ не у мѣста. Еслибы Богъ не послалъ намъ мадмоазель Марію и Жака, знаете ли, что произошло бы? Я вамъ скажу. Моя дочь вышла бы за мужа за г. Людовика, и послѣ свадьбы, наши молодые жили бы хуже всѣхъ въ Парижѣ. Стругая свои доски, я разсуждалъ.... Я сердился про себя, видя ослѣпленіе г. маркиза, и глупость, въ которую увлекала насъ его снисходительность. Благодаря Бога! мы можемъ избѣгнуть ея, избѣгнемъ же!

Жеромъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и протянулъ свою руку г. де-ла-Сейллерей.

— Не сердитесь, г. маркизь, сказалъ онъ. Пусть вода слѣдуетъ своему теченію, и цвѣточница идетъ за обойщика. Вы слышали крикъ этихъ дѣтей; онъ говоритъ болѣе всякаго разсужденія. Дочь моя любитъ Жака, мадмоазель Марія любитъ

своего кузина, и это весьма естественно. Вы хотѣли сдѣлать испытаніе, оно сдѣлано. И такъ, г. нотаріусъ, пишите.

Маркизъ взялъ руку Жерома,

— Вы честный человѣкъ и обладаете рѣдкимъ здравымъ смысломъ, сказалъ онъ ему.

— Но если вы находите, что я правъ, отъ чего вы этого не говорили ранѣе?

— Я далъ время сыну моему самому въ этомъ убѣдиться. Вотъ вся тайна.

Эта сцена совершенно отрезвила г. Артура. Онъ смотрѣлъ на свою тетку съ смущеннымъ видомъ.

— Составляйте послѣ этого пьесы, завязывайте интригу, приготавливайте развязку съ искусствомъ мастера, ускоряйте дѣйствіе, сказалъ онъ уныло: и когда вы мечтаете о торжествѣ, васъ ожидаетъ паденіе.

— Это потому, что ты не знаешь своего дѣла, со смѣхомъ сказалъ ему Жеромъ Плюше: хорошій авторъ никогда не выводитъ крайностей.

КОНЕЦЪ.

ЗЕРКАЛЬНЫЯ СТЕКЛА.

— Два джентльмена занимали со мною вагонъ, въ которомъ я отправился, въ одинъ ненастный декабрьскій день, по блекуюльско-желѣзной дорогѣ, въ Гревесендъ. Одинъ, въ очкахъ, читалъ маленькое карманное изданіе своего любимаго автора. Ни одного звука не слетало съ его губъ; однако его нижняя скула и его свободная рука шевелились съ торжественностью оратора, произносящаго поразительно-благозвучные періоды. Внезапно его восторгъ разразился шумнымъ закрытіемъ книги и восторженнымъ обращеніемъ къ намъ съ похвалою сочиненій доктора Самуеля Джонсона.

— Что, напимѣръ, можетъ быть лучше, господа, его разсказа о началѣ стекольнаго производства, въ которомъ даже я, торговецъ солонины, нахожу особенный интересъ. Позвольте мнѣ прочесть вамъ этотъ отрывокъ!

— Но шумъ машины?

— Сэръ, я въ состояніи заглушить его!

Голосъ, какимъ были сказаны эти слова, убѣдили насъ въ справедливости ихъ. У Джентльмена былъ, дѣйствительно, оглушительный голосъ, несмотря на весьма умѣренный ростъ его. Когда онъ снова открылъ книгу и началъ читать, слова раздирали уши, какъ-будто ими стрѣляли изъ пушки. Чтобы добавить эффектъ округленныхъ періодовъ своего автора, онъ размахивалъ рукою, при каждомъ предложеніи бѣшено разсѣкая воздухъ.

— Кто, — читалъ онъ, — увидѣвъ въ первый разъ песокъ и зо-

лу, слитые случайно силою огня въ массу грубую, неровную и нечистую, кто могъ вообразить, что въ этомъ безобразномъ кускѣ было сокрыто столько удобствъ жизни, которыя въ-послѣдствіи составили значительную часть благополучія міра? Такое случайное соединеніе научило человѣчество получать вещество твердое и вмѣстѣ прозрачное, которое можетъ пропускать солнечный свѣтъ и преграждать силу вѣтра, которое можетъ простирать взоръ философа до новыхъ міровъ и очаровывать его въ одно время безпредѣльнымъ протяженіемъ матеріальнаго созданія, а въ другое безконечною зависимостью животной жизни; и что еще важнѣе, можетъ исправлять недостатки природы и доставлять старости вспомогательное зрѣніе. Первый изобрѣтатель стекла сдѣлался безсознательно благодѣтелемъ рода человѣческаго! Онъ облегчилъ и продолжилъ пользованіе свѣтомъ, расширилъ область науки.... съ помощію стекла человѣкъ достигаетъ взоромъ до громаднѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ міровъ; съ помощію стекла мельчайшая былинка принимаетъ значеніе въ глазахъ его.... Стекло....

— Блекуаль, джентльмены! Блекуаль, леди! Пароходъ въ Гревесендъ!

Намъ, безъ сомнѣнія, пришлось бы выслушать конецъ девятаго нумера «Прогуливающегося» (въ которомъ помѣщенъ предъидущій отрывокъ), еслибы не это возвращеніе.

— Одно тутъ я не понимаю, однако, сказалъ маленькій джентльменъ громовымъ голосомъ, когда мы шли съ платформы къ плотинѣ, что хочетъ сказать знаменитый писатель словами случайное соединеніе песка съ золою? Развѣ случай открылъ стекло?

Къ-счастію, лучъ школьныхъ классиковъ озарилъ уголъ на шей памяти, и мы рассказали извѣстную исторію Плинія, какъ одни финикійскіе купцы, везшіе селитру къ устью рѣки Белы, вышли на берегъ, и положили нѣсколько кусковъ своего груза подъ котлы, чтобы варить себѣ пищу; какъ жаръ огня расплавилъ селитру, которая разлилась по песку на берегу. Повара, найдя, что это соединеніе произвело прозрачное вещество, открыли искусство дѣланія стекла.

— Это, сказалъ намъ другой спутникъ, придерживая свою шляпу,

чтобы не унести ее вѣтеръ съ гревесендскаго парохода (который долженъ былъ отправиться черезъ десять минутъ), было главною сказкою всѣхъ писавшихъ объ этомъ предметѣ, отъ Плинія до Юра; но серъ Гардинеръ Вилкинсонъ сдѣлалъ невозможнымъ для будущихъ писателей ея повтореніе. Этотъ неутомимый посѣтитель египетскихъ катакомбъ открылъ подробныя представленія раздуванія стекла, нарисованныя на гробницахъ времени Орсиртазина перваго, почти за тысячу-шестьсотъ лѣтъ до событія, разсказаннаго Плиніемъ. Дѣйствительно, стеклянное ожерелье съ именемъ короля, жившаго за тысячу пятьсотъ лѣтъ до Рождества Христа, было найдено въ другой гробницѣ капитаномъ Гепвеемъ; удѣльная тяжесть того стекла совершенно одинакова съ тяжестью англійскаго бѣлаго стекла.

— Вамъ, кажется, все извѣстно о стеклѣ! вскричалъ громкогласный человѣкъ.

— Будучи директоромъ компаніи выдѣлки зеркальныхъ стеколъ, я поставилъ себѣ обязанностію изучить всѣ тѣ книги, которыя могли меня наставить въ этомъ предметѣ.

— Я желалъ бы видѣть, какъ готовятъ стекло! сказалъ читатель д-ра Джонсона, и преимущественно зеркальныя стекла.

На это другой отвѣчалъ съ любезною вѣжливостію:

— Если вы имѣете сильное желаніе и свободное время, я готовъ показать вамъ работы,—къ которымъ я отправляюсь,—Темзивской компаніи выдѣлки зеркальныхъ стеколъ. Это отсюда недалеко.

— Дѣло въ томъ, былъ отвѣтъ, что мистрисъ Боссль (я съ сожалѣніемъ говорю, Мистрисъ Боссль больная женщина) ожидаетъ меня въ Гревесендъ къ чаю; но одинъ часъ немного значить.

— А вы, серъ? сказалъ услужливый джентльменъ, обращаясь ко мнѣ.

Мое желаніе было одинаково сильно, и я имѣлъ свободное время; такъ какъ мой пріятель, котораго я провожалъ, отправлялся лишь на слѣдующее утро, то мнѣ было все-равно, прошусь ли я съ нимъ въ Гревесендъ часомъ ранѣе или позже.

Слѣдуя за нашимъ путеводителемъ чрезъ ворота доковъ, по узкимъ подъемнымъ мостамъ, вдоль набережныхъ, то пробира-

ясь межъ корабельныхъ снастей, то спотыкаясь за канаты, то перелѣзая чрезъ оставленные бревна, то обходя разбросанные бочки, то лавируя между странными развалинами разнащенныхъ пароходовъ, для которыхъ, повидимому, была устроена правильная больница въ этой плачевной странѣ нечистотъ и воль; потомъ, войдя въ грязные закоулки и повернувъ за уголь домовъ безъ крышъ, мы пришли наконецъ къ двумъ высокимъ воротамъ. Одни изъ нихъ ввели насъ въ предѣлы самаго южнаго изъ шести заводовъ зеркальныхъ стеколъ, находящихся въ этомъ мѣстѣ.

Первый матеріалъ для выдѣлки стекла заключался въ порядочномъ числѣ боченковъ съ извѣстнымъ клеймомъ «Трумана, Генбюри, Бюкотона и К°.» Это общеупотребительный экстрактъ изъ солода и хмѣля, который, повидимому, почти также необходимъ для производства хорошихъ зеркальныхъ стеколъ, какъ кремль и сода. Плавить послѣдніе матеріалы посредствомъ огня, правда, сухая работа; и нашъ *cicerone* объяснилъ, что, послѣ многолѣтней опытности, признаны необходимыми семь пинтовъ въ день на человѣка отъ г. г. Трумана, Генбюри, Бюкотона и компаніи, для орошенія глины, ежечасно запекаемой въ жерлахъ пылающихъ печей. Эти печи даютъ страшный жаръ, котораго не можетъ опредѣлить самый сильный термометръ. Однажды была сдѣлана попытка измѣрить степень жара: вложили пирометръ (термометръ высшей степени, или «измѣритель огня») въ жерло печи, ибо каждая печь имѣетъ свой зѣвъ, свое жерло (жирло—гирло—горло) и свои пламенные языки; но, злополучный инструментъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ корабленія, сдѣлавъ послѣднее усиліе показать *тысячу триста градусовъ надъ точкою кипленія*, лопнулъ, былъ разбитъ въ куски, и наконецъ поглощенъ ненасытнымъ элементомъ, дѣйствія котораго онъ пытался высчитать.

Перейдя, между-тѣмъ, дворъ, мы явились на краю грязной набережной Темзы, дотога отвратительно нечистой, что, казалось, скорѣе можно было встрѣтить въ такомъ сосѣдствѣ крокодила, или аллигатора, или какого-нибудь чешуйчатого чудовища, чѣмъ прекрасное вещество, дѣлающее наши комнаты столь свѣтлыми и блестящими, наши улицы столь ослѣпительными, и наши окна столь яркими и вмѣстѣ столь прочными.

— Чтобы совершенно понять нашу процедуру, сказалъ услужливый директоръ семи акровъ факторіи и четырехъ сотъ работниковъ, которыхъ мы пришли смотрѣть,—мы должны начать сначала. Это, — взявъ пригоршню тончайшаго песку блестящаго сандарака, которымъ наши дѣды посыпали свои письма—это составляетъ основаніе всякаго стекла. Это самый бѣлый, самый мелкій кремневый песокъ, какой только можно достать. Его привозятъ изъ Линна, съ береговъ Норфолька. Его соединеніе съ другими матеріалами остается секретомъ даже для насъ. Мы даемъ владѣльцу этого секрета славное жалованье за пользованіе его тайною.

— Секретъ! вскричалъ мистеръ Боссль. Каждый, я думаю, знаетъ, по-крайней-мѣрѣ, каждый торговецъ солониной печелаетъ узнать, изъ чего дѣлается стекло. Я могу повторить на память рецептъ, данный д-ромъ Юромъ.

На каждыя сто частей матеріаловъ приходится чистаго песку сорокъ-три части, соды двадцать-пять съ половиною, негашенной извести четыре, селитры одна съ половиною, битаго стекла двадцать-шесть. Докторъ исчисляетъ, если я не ошибаюсь, что тридцать частей всего этого состава сгораютъ при плавленіи, такъ-что семьдесятъ частей становятся стекломъ.

— Это все очень справедливо, былъ отвѣтъ: но наше стекло, какъ мы надѣемся, гораздо лучшаго цвѣта и выдерживаетъ лучше накаливаніе, чѣмъ сдѣланное изъ простаго состава, отъ котораго, впрочемъ, нашъ отличается немного, я думаю только относительнымъ количествомъ матеріаловъ. Въ этомъ-то и заключается секретъ.

Мистеръ Боссль выразилъ сильное желаніе посмотрѣть на человѣка, владѣвшаго секретомъ, стоившимъ нѣсколько тысячъ въ годъ, выплачиваемыхъ еженедѣльно. Занимательность неизмѣнно соединяется съ таинственностью, и мы увѣрены, судя по уважительному виду, съ какимъ мистеръ Боссль понизилъ свой голосъ до тихаго шопота, что онъ, входя въ комнату предъ плавильнею, ожидалъ найти человѣка, одѣтаго какъ отшельникъ въ «Расселасѣ», или соединяющаго свои «элементы» магическимъ прутикомъ Гермеса Трисмегиста. Онъ смотрѣлъ, какъ-будто едва довѣрялъ своимъ очкамъ, когда увидѣлъ добродушнаго, по-

чтеннаго вида человѣка, нисколько невнушающаго страха, человѣка, запыленнаго болѣе мельника въ торговый день.

Мы не хотимъ сказать, чтобъ мистеръ Боссель старался «*похитить самое сердце тайны*», хотя ничто, казалось, не избѣгало фокуса его очковъ. Здѣсь лежали, въ отдѣльныхъ кучахъ, песокъ, сода, селитра, известь и битое стекло; а тамъ, въ огромной кучѣ, эти матеріалы были перемѣшаны и ожидали открытія трава, чтобы наполнить шахту или животъ печи. Но несмотря на хитрыя изслѣдованія и громкіе вопросы мистера Босселя, онъ оставилъ залу «элементовъ» съ такимъ же знаніемъ, съ какимъ въ нее вошелъ.

Перехоля чрезъ различныя мѣста, въ которыхъ происходило толченіе, растираніе и очищеніе матеріаловъ, мы поднялись въ верхній этажъ. Онъ былъ наполненъ рядами глиняныхъ кувшиновъ, похожихъ на боченки. Каждый, вмѣсто ручки, имѣлъ ушко посрединѣ для вклада желѣза, посредствомъ котораго, въ должное время, ихъ опускали и поднимали изъ палящихъ печей. Они были двоякой величины; одни четырехъ футовъ глубины и трехъ съ шестью дюймами въ діаметрѣ, технически называемые горшками и назначенные для принятія матеріаловъ при ихъ первомъ плавленіи. Меньшіе сосуды (*cigarettes*) были такой же формы, но только двухъ футовъ шести дюймовъ глубины и двухъ футовъ въ діаметрѣ. Въ нихъ стеклянный составъ подвергался огню во второй разъ, для отлитія въ форму. Эти сосуды *строятся*—ибо таковъ дѣйствительно процессъ; и требуется двѣнадцать мѣсяцевъ, чтобы выстроить одинъ, такъ постепенно долженъ онъ твердѣть и такъ медленно должно его складывать, иначе печь немедленно разрушитъ его. Его строятъ изъ стоурбриджской глины, которая самая чистая и имѣетъ менѣе кремнезема изъ извѣстныхъ родовъ глины.

— Теперь мы видѣли, сказалъ мистеръ Боссель, протирая свои очки и собираясь съ духомъ для громкаго джонсонскаго періода, видѣли сырые матеріалы, приготовленные къ принятію дѣйствія огня, мы видѣли также сосуды, въ которыхъ должно произойти *стеклообразованіе*. Покажите намъ теперь настоящій плавъ....

Это было поразительное зрѣлище. Высокая и просторная зала, съ окнами въ верхнихъ частяхъ стѣнъ, открытыхъ въ дождливую ночь. Въ центрѣ рядъ страшныхъ печей, накаленныхъ добѣла, и смотрѣть на которыя, даже сквозь отверстія мѣдныхъ ширмъ, даже въ маскѣ, кажется, значило бы ослѣпить. Въ прямой линіи съ этою залою, другая, огромное зданіе само-по-себѣ, со страшными инструментами, развѣшенными по стѣнамъ и разбросанными около нихъ, какъ-будто для какой адской страпни. Въ темныхъ углахъ, куда печи бросали красное зарево, группы загорѣлыхъ, мускулистыхъ людей, съ сѣтями, спущенными на лица, въ безпорядкѣ расположенныя, дико одѣтыя, едва слышно разговаривающія посреди треска пламени, таинственно двигающіяся, подобно живописнымъ тѣнямъ, отражаемымъ ужаснымъ огнемъ.

Мы были пробуждены ощущеніемъ какъ-бы внезапнаго прикосновенія къ лицу горячей маски. Когда мы инстинктивно поднесли руку къ нашему лицу, чтобы удостовѣриться, сколько снято съ него кожи, нашъ хладнокровный толкователь объявилъ, что передъ нами была открыта печь, для литья *бульона*, жидкости изъ широкихъ горшковъ въ меньшіе.

— Я долженъ предупредить, сказалъ онъ, что сначала кладется одна треть сырыхъ матеріаловъ, соединенныхъ нашимъ таинственнымъ другомъ; а когда она расплавится, кладется еще треть; по расплавленіи и этой трети, прибавляется послѣдняя. Тогда затворяютъ жерло печи, и кочегаръ поддерживаетъ огромный жаръ цѣлые шестнадцать часовъ. Такъ-какъ время это уже прошло для пылающаго горшка, то печь и открыли. Человѣкъ съ длиною ложкою пробуетъ, вы видите, составъ въ горшкѣ, почерпнувъ полную ложку, и съ помощію двухъ товарищей выливаетъ стекловитое тѣсто на желѣзную наковальню. Два другіе работника переворачиваютъ его, разстилаютъ на гладкомъ желѣзѣ и вытаскиваютъ щипцами каждую соривку; оно снова кладется на ложку и бросается въ меньшій горшокъ въ другой печи. Когда эти горшки бывають наполнены, печь закрывается для поддержанія жара на другіе восемь часовъ; *церемонія кончена*, какъ говорятъ работники.

Въ это мгновеніе раздался шумъ послѣдовательныхъ ударовъ,

выходившій изъ закрытаго мѣста, такой сильный, что онъ даже заглушилъ громовые вопросы, которыми мистеръ Босслъ мѣшалъ одному изъ «мѣшателей». Въ одну минуту, работники поспѣшили къ очагу, и не слышно было ни малѣйшаго шума.

— Ага! воскликнулъ директоръ, они отправились выливать въ формы. Сюда, джентльмены!

Кухня, въ которой Людофъ угрожалъ состряпать Жака и его пять братьевъ, не могла быть вполнѣ такъ страшна, какъ та огромная поварня, куда насъ ввели. Одинъ конецъ былъ занятъ рядомъ грозныхъ печей; посрединѣ стоялъ чудесный желѣзный столъ, а на немъ лежала скалка, столь большая, что ее можно было только сравнить съ полдюжиной садовыхъ цилиндровъ, соединенныхъ концами. Наверху былъ желѣзный кранъ для поднятія огромныхъ котловъ съ горячею кашею, густою и липкою; ихъ теперь приносили изъ печей.

— Берегитесь! Приближается огромная чаша, бѣлая отъ жара, на желѣзномъ каткѣ, на одномъ концѣ котораго сидитъ торжествующая саламандра, въ человѣческомъ образѣ, для уравновѣшенія плутоновой массы, играя съ ней въ игру—*кто кого перевеситъ*. Она останавливается у крана. Мистеръ Босслъ подходит посмотреть, что это такое, и находитъ кувшинъ, наполненный растопленнымъ стекломъ, блестящимъ изъ огнеметной печи.

— Что это за человѣкъ съ глянцовитою маскою на лицѣ?

— Если вы мнѣ вѣрите, восклицаетъ мистеръ Босслъ, съ громомъ рупора (мы находимся въ благоразумномъ разстояніи), онъ снимаетъ ложкою пѣну такъ спокойно, какъ-будто это былъ супъ изъ черепахи!

Мистеръ Босслъ становится отважнѣе и подходитъ немного ближе. Смѣльчакъ! Навѣрно онъ обжегъ себѣ носъ; онъ отскакиваетъ назадъ и снимаетъ свои очки, чтобы удостовѣриться, сколько распустилось минерала. Ужасный горшокъ поднять на кранъ, и немедленно опущенъ на столъ; работникъ опро-

кидываетъ его, и льется водопадъ расплавленнаго оуала, который растягивается равномерно, подобно адской скатерти, по желѣзному столу; который течетъ въ толпѣ людей, и никого не ожигаетъ. Никого не ожигаетъ съ прошедшаго года, послѣ того какъ одному бѣдняку зашло въ широкіе башмаки добѣла раскаленное стекло. Затѣмъ большая желѣзная скалка начинаетъ его *раскатывать*.

— Но у этихъ двухъ работниковъ, пристально разсматривающихъ каждый дюймъ докрасна раскаленного листа помѣръ приближенія скалки, развѣ кожа саламандры? — глаза неслераемы?

— Они смотрятъ, намъ сказали, не попалась-ли случайно соринка во-время *стеклообразования*, и если имъ удастся вытащить ее своими длинными щипцами, они получаютъ награду. По формѣ, которую эти соринки принимаютъ, будучи вынуты, ихъ называютъ *слезами*.

Когда скалка прошла по всему столу, она оставляетъ листъ докрасна раскаленного стекла.

Этотъ прозрачный листъ кладется на плоскую деревянную платформу на колесахъ; онъ мечетъ искры, прикасаясь къ дереву, подобныя безчисленнымъ брилліантамъ, и быстро отводится къ печи, для закалки или уничтоженія. Ложе или *подова* этой обжигательной печи разгорячено до совершенно одинаковой температуры съ температурою стекла, которое еще не простыло до того, чтобы вы могли стать отъ него въ разстояніи сажени, не опасаясь сжечь свои рѣсницы. Горшокъ, вынутый изъ печи, лежалъ около, разбитый на тысячи кусковъ. Хорошій былъ это горшокъ; онъ выдержалъ семидесяти-дневный огонь.

Такъ проворно совершается весь описанный процессъ; съ того времени какъ мистеръ Босслъ вообразилъ, что у него на носу расплавились очки, до того, когда стеклянный листъ былъ запертъ въ обжигательной печи, прошло около пяти минутъ.

Когда восемь досокъ положены въ обжигательную печь, она

запирается герметически; ибо тончайшей токъ холоднаго воздуха раскалитъ стекло. Огню даютъ потухнуть, а охлажденіе происходитъ такъ постепенно, что не оканчивается ранѣе восьми дней. Когда стекло бываетъ вынута, оно является тою «грубою доской», которую мы видимъ въ дверяхъ станцій желѣзной дороги и въ полахъ мануфактуръ. Чтобы сдѣлать его совершенно прозрачнымъ для оконъ и зеркалъ, необходимо полированіе. Оно имѣетъ три степени: — скобленіе, сглаживаніе и полированіе.

— Я замѣчаю, сказалъ мистеръ Босслъ, когда онъ пришелъ въ комнату скобленія, гдѣ паровая машина сильно приводила въ движеніе многочисленныя доски стекла, положенныя одна на другую, — замѣчаю что здѣсь принято правило: *бриллиантъ гра- нитъ бриллиантъ*.

— Такъ-точно: нижняя доска прикрѣпляется къ столу парижскимъ цементомъ, а верхняя, совершенно грубая, подвергается сильному тренію воды съ пескомъ посредствомъ машины. Потомъ прикрѣпляютъ къ столу верхнюю доску, и трутъ другою первую доску; ибо нижняя всегда ровнѣе.

Затѣмъ слѣдуетъ сглаживаніе. Для этого употребляется наждакъ различныхъ степеней тонкости. До послѣдняго мѣсяца процессъ сглаживанія могъ производиться только человѣческимъ трудомъ. Человѣческая рука одна была способна для потребной стойкости тереть скользкую поверхность одну другою; сверхъ того, необходимо при этомъ такое тонкое чувство осязанія, что даже рука мужчины рѣдко имѣетъ чувствительность, достаточную для этой работы; оттого ею занимаются до-сихъ-поръ одиѣ женщины.

Когда нашъ путеводитель кончилъ говорить, онъ отворилъ одиѣ двери, и мы увидѣли зрѣлище, которое заставило мистера Боссла протереть очки, а насъ вообразить на минуту, что передъ нами открылась сцена восточнаго сказочника, такъ изящны и граціозны были положенія, принимаемыя непрестанно собраніемъ около пятидесяти женщинъ, изъ коихъ многія прекрасны сложены и красивы лицомъ. То протянувъ руки, растягиваясь во всю длину своего тѣла, онѣ пихали доски къ противоположному краю низенькихъ столовъ; отбрасываясь назадъ, онѣ выпрямлялись, притягивая доски къ себѣ; потомъ снова

принимали чуть не горизонтальное положеніе. Свободная красота ихъ движеній, блескъ стекла, свѣтъ газовыхъ рожковъ, яркіе цвѣта бѣльшей части одеждъ, составляли *cour-d'oeil*, которымъ наслаждался мистеръ Босслъ гораздо болѣе, чѣмъ бы это одобрила мистрисъ Босслъ, еслибы она была тутъ.

Сцена эта однако скоро исчезнетъ. Мистеръ Блекъ, опытный надзиратель работъ, выдумалъ искусственную женскую руку, посредствомъ которой, при особенной машинѣ, можно будетъ сглаживать стекло паромъ.

Послѣдній процессъ есть полированіе. Оно происходитъ въ пространной комнатѣ, совершенно красной. Каждый уголокъ этой дѣятельной залы такъ красенъ, какъ голландская маслобойня. Полъ красный, стѣны красныя, потолокъ красный, столбы красныя, машины красныя. Красное стекло прикрѣпляется краснымъ парижскимъ пластыремъ къ краснымъ подвижнымъ столамъ; суконки краснаго войлока, подъ краснымъ свинцомъ, быстро двигаются по красной поверхности. Маленькіе красные мальчики, краснѣе самыхъ красныхъ изъ красныхъ Индѣйцевъ, постоянно брызгаютъ на покраснѣлое стекло краскою (размоченнымъ сафраномъ въ желѣзной окиси).

Послѣ полировки, стекло подвергается осмотру. Корпусъ бдительныхъ смотрщиковъ ставитъ каждый листъ на свѣтъ; гдѣ открывается царапина или неровность, тамъ дѣлаютъ знакъ мѣломъ. Эти неровности, если возможно, полируютъ отъ руки. Стекло послѣ этого готово для отдѣлки, дающей возможность «красавицѣ любоваться собою». Натираніе ртутью однако составляетъ отдѣльный процессъ, производимый въ другомъ мѣстѣ и совершенно другимъ классомъ работниковъ. Это весьма простое искусство.

Производство зеркальныхъ стеколъ представляетъ одно изъ тысячи доказательствъ выгодъ торговли. Большое требованіе имѣло такое вліяніе на Темзинскіе стеклянные заводы, что они теперь вырабатываютъ въ недѣлю столько зеркальныхъ стеколъ сколько вырабатывалось прежде всѣми заводами, вмѣстѣ взятыми.

Поблагодаривъ услужливаго джентльмена, показавшаго намъ работы, мы оставили мистера Боссла въ совѣщаніи съ директоромъ. Такъ-какъ, проходя дворъ, мы слышали слово «сода»!

часто повторяемое, то заключили, что джонсоновскій торговецъ солониною старался покончить сдѣлку объ этомъ матеріалѣ, предложенную имъ прежде директору. Но мы не въ состояніи сказать ничего положительнаго на этотъ счетъ, ибо наше вниманіе было развлечено двумя другими предметами.

Во-первыхъ, рядами работниковъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы только-что видѣли между огнемъ и расплавленнымъ стекломъ, весело сидящихъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ, на бревнахъ, смотрящихъ на грязную набережную и разливающихъ свое пиво, какъ-будто для нихъ не существовало температуры. Во-вторыхъ, наше вниманіе было развлечено узкими проходами, или погребами подъ печками, куда падали горящіе уголья сквозь рѣшетку. Они походили на длинныя египетскія улицы въ темную ночь, съ огненнымъ, падающимъ въ нихъ дождемъ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВАСИЛИКА.

• ВОСПОМИНАНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО МОРЯКА О КРЕЙСИРОВКѢ МЕЖДУ ЦИКЛАДАМИ.

Для туристовъ по званію, путешествіе по Греціи имѣетъ обыкновенно свою опредѣленную программу; большая часть преимущественно останавливается на извѣстныхъ пунктахъ, въ такомъ-то знаменитомъ городѣ, и восхищается лишь памятниками, освященными вѣковой славою. Или я очень ошибаюсь, или ѣздить такимъ-образомъ по Востоку, значитъ видѣть его вполвину. Гардемаринъ, котораго случайности кампаніи въ Архипелагѣ водили отъ острова къ острову, отъ береговъ Европы къ побережьямъ Азіи, знаетъ болѣе объ Элладѣ, чѣмъ многіе изъ посѣтителей ея, сообразующихся съ предписаніями систематическаго путеводителя. Сцены, которыя стараюсь я описать, можетъ-быть, покажутъ, сколько жизнь моряка придаетъ прелести и случайности жизни путешественника, и сколько прекрасныя мѣста Греціи выигрываютъ, представляясь не-

ожиданно и безъ послѣдовательности наивному восхищенію молодости и первому пробужденію мысли.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ Наваринской битвы, фрегатъ *la Fleur de Lis*, на которомъ я находился въ качествѣ гардемарина, оставилъ Тулонъ, чтобы соединиться съ эскадрою адмирала Дериньи въ моряхъ Греціи... Едва прошло нѣсколько дней, и мы были въ виду Пелопонеза. Передъ нами разстлались поля Мессеніи, ограниченныя горою Итакою; вдали скрывались берега Лаконіи, горная цѣль Тайгета и красноватые утесы, прорѣзываемые Пейротомъ. Штиль задержалъ насъ не надолго между подводными камнями Тенара и островомъ Цитерою, при входѣ въ Архипелагъ. Шкваль, подувшій ночью, доставилъ намъ возможность обогнуть мысъ Малей, столь опасный для древнихъ, и мы скоро достигли Вурлахъ, древній Клазомень, гдѣ мы нашли адмирала, стоявшаго въ лучшемъ якорномъ мѣстѣ Малой Азіи.

Туристы, которыхъ пароходъ унесетъ изъ Афинъ въ Смирну, проходятъ, не останавливаясь, мимо бухты Вурлаха и не подозреваютъ о богатствахъ, скрытыхъ въ окружающихъ ее горахъ. Въ Вурлахѣ, такъ какъ и во многихъ другихъ пренебрегаемыхъ пунктахъ Іоніи, соединены поразительные контрасты поobleкшаго величія и естественнаго великолѣпія, разваливъ и громкихъ именъ, составляющіе особенную прелесть восточныхъ странъ. Къ несчастію, мы могли только восхищаться на скорую руку роскошными водами Вурлаха. Адмиралъ далъ фрегату только три дня отдыха, и по прошествіи этихъ трехъ дней, намъ надлежало отправиться въ Наксосъ, куда призывали нашъ флагъ выгоды французскихъ монаховъ, поселившихся на этомъ островѣ. Въ Наксосѣ начиналась для насъ настоящая кампанія, и тамъ ждала меня встрѣча, давшая романтическую прелесть подробностямъ моего перваго путешествія по Греціи.

І. НАКСОСЪ.

Греческій архипелагъ раздѣленъ на двѣ группы: Спорадовъ, зеленѣющихъ береговъ, оторванныхъ отъ побережья Іоніи земными переворотами, и Цикладовъ, бесплодныхъ скалъ, отдѣ-

лившихся отъ неплодороднаго материка Европы. Между этими послѣдними, два восхитительные острова, Кандія и Наксосъ, одни представляютъ щедро разсыпанную роскошь растительности, неизвѣстной на сосѣднихъ берегахъ. Одни плодородные, между обнаженными камнями, покрытые фисташковыми деревьями, земляникою, лимонными и апельсинными рощами, они кажутся двумя заблудившимися Спорадами вдали отъ своихъ азіатскихъ собратій и незнающими, какъ снова найти къ нимъ дорогу.

Преимущественно Наксосъ, любезная Діонизія Бахуса, Наксосъ, прозванный Достойнымъ, не можетъ ни въ чемъ завидовать своимъ соперникамъ на Востокѣ. Въ нашемъ скучномъ климатѣ, на нашихъ сѣроватыхъ берегахъ, непрестанно заливаемыхъ туманнымъ океаномъ, котораго приливы, удаляясь, оставляютъ воздухъ заразительнымъ, невообразимо очарованіе этихъ привилегированныхъ мѣстъ, гдѣ море, въ покоѣ или ярости, не мараетъ никогда своихъ береговъ, гдѣ гора, скала, самый голый камень покрываются тысячею свѣтозарныхъ оттѣнковъ. Тамъ взоръ теряется въ лазуревой дали, въ которую проникнуть желаетъ душа; день, неизмѣнной чистоты и освѣжаемый дуновеніемъ съ моря, не имѣетъ подавляющихъ жаровъ нашего лѣта; ночь представляетъ продолжительныя сумерки, не утрачивая мрачнымъ шумомъ, ни блѣдными видѣніями, порожденіями ужаса сѣверной мглы. Спокойствіе, красота, еще болѣе привлекательная граціозность распространяютъ на все свѣжіе цвѣта, тотъ видъ ясной молодости, въ которой новорожденная весна одѣваетъ иногда наши деревни. Такимъ представляется Наксосъ. Круглообразный, сравнимый часто поэтами съ чашею пьяницы, въ которой искрится сокъ грозда, золотистое вино течетъ въ немъ чрезъ края; онъ окруженъ лозами, расползающимися на свободѣ и перевивающими съ вѣтвями и плодами деревьевъ свои отягченныя виноградомъ вѣтки. Апельсинъ, орта, гранатъ, груша, слива, абрикосъ, оливки зрѣютъ въ меланзкихъ долинахъ; рожь, ячмень, хлопчатая бумага, лѣпъ произрастаютъ на поляхъ Перато. Лѣса вѣчаютъ горы Зіа и Короны, сохраняющія еще имя нимфъ, кормилицъ сына Семеля. Уединенный съ своими рощами посреди своихъ скучныхъ товарищей, Наксосъ представляетъ одно изъ тѣхъ убѣ-

жищъ, хорошо приготовленныхъ для раценныхъ сердець, обмапутой любви, питающейся постоянно, не сознавая того, надеждою, и любящей брать въ свидѣтели своихъ мученій прекрасную природу, блестящія звѣзды, неутомимое эхо и бранчивыя волны, не столь сумятныя, какъ ихъ мечты.

Такъ, какъ въ Родосѣ, когда входишь въ городъ Наксосъ, или во внутренность земли, удивляешься видя зданія, архитектура которыхъ переноситъ васъ въ средніе-вѣка; но въ Наксосѣ итальянское изящество уже исправило рисунокъ, округлило формы, и жилища, хотя отбрасываютъ васъ за пятьсотъ лѣтъ назадъ, обнаруживаютъ вкусъ народа, опередившаго въ своемъ образованіи рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго. Эти дома съ стрѣльчатыми окнами, съ дверьми со сводами, меблированы дубовыми баулами, постелями съ колоннами, рѣзными стульями; зеркала, стекла, венеціанскія люстры съ подвѣсками украшаютъ стѣны и балки; стеклянная и глиняная итальянская посуда занимаетъ полки буфетовъ. Узкій и прямой входъ ведетъ отъ берега на скалу, на которой выстроены городъ.

Избѣгавъ, въ-продолженіе восьми дней, Наксосъ во всѣхъ направленіяхъ, посѣтивъ его замки и сады, всходивши на его горы и поохотившись въ его долинахъ, мы съ нетерпѣніемъ стали ожидать нашего отплытія. Не зная болѣе куда идти, такъ какъ стоянка фрегата продолжалась, мы обыкновенно отправлялись за полмили отъ города, въ домъ одного Мальтійца. При нашемъ пріѣздѣ, онъ завелъ бѣдную гостиницу, въ которой мы получали лимонадъ, вино, кофе, трубки и падушенный табакъ. Положеніе этого балагана намъ нравилось; находясь невдалекѣ отъ развалинъ одного замка, на берегу моря, при выходѣ изъ лѣсистаго ущелья, онъ служилъ сходнымъ мѣстомъ для охотниковъ, туристовъ и коллекторовъ, приходившихъ туда ожидать прибытія лодокъ de la Fleur-de-Lis. Куря на террасѣ, мы смотрѣли, на отправленіе саколезовъ, плававшихъ отъ одного острова къ другому, для мѣны товаровъ. Жевщины, дѣти уѣзжали съ мужчинами, по горло вооруженными; пирожки, плоды, луковицы, фасы, изюмъ, два или три боченка съ водою составляли грузъ, и барка пускалась въ открытое море. Эти люди, отправлявшіеся почти всегда порожнякомъ и возвращавшіеся нагруженными, казались намъ, по правдѣ, странными

торговцами; приходъ и отходъ экипажей, останавливавшихся у Мальтійца, заставлялъ насъ иногда задумываться, но никто не жаловался, да и наше назначеніе имѣло другую цѣль, а не наблюденіе за порядкомъ въ окрестностяхъ.

Однажды, одинъ гардемаринъ отвѣдалъ въ гостиницѣ меду, только что полученнаго Мальтійцемъ съ горы Гиметта, — и расхвалилъ свою находку; другіе также захотѣли попробовать его; медъ былъ превосходный, и векорѣ на кораблѣ вошло въ моду ходить къ Мальтійцу и спрашивать у стряпухи съ грубыми руками тарелку меду. Мы приходили все вмѣстѣ, въ одно время; хозяинъ немедленно удалялся и приносилъ намъ тарелку меду, которую онъ наполнялъ, вѣроятно, въ отдаленной кладовой, потому-что отсутствіе его продолжалась всегда нѣсколько минутъ.

Разъ пополудни, возвратившись съ охоты и спѣша освѣжиться, я пришелъ въ домишко ранѣе обыкновеннаго часа. Хозяина не было дома, и служанка одна пряла у двери. Увидѣвъ меня, она остановила свою самопрялку и спросила меня знаками, что мнѣ надо. Я ей отвѣчалъ также знаками, чтобы она принесла порцію меду. Она вышла, а я сѣлъ за столъ, чтобы заранѣе приготовить число паръ, которое я долженъ былъ заплатить. Всѣмъ извѣстно, что пара есть турецкая монета, столь тонкая и легкая, что малѣйшее дуновеніе ее уноситъ. Восточные жители считаютъ ее съ удивительною быстротою; но операція эта труднѣе достается Европейцу; послѣдній производитъ ее, помочивъ палецъ, и перебирая одну монету за другою, какъ облатки, которыхъ онѣ имѣютъ толщину и вѣсъ. Я былъ погруженъ въ мое исчисленіе, какъ вдругъ мнѣ послышалось шептанье позади двери; я не обратилъ на это вниманія, и продолжалъ собирать пары. Тогда я увидѣлъ тарелку съ медомъ, которую ставили мнѣ подъ носъ двѣ дрожащія маленькія, бѣлыя, хорошенькія руки, съ розовыми и тонкими пальцами. Тотчасъ, не зная для чего, я схватилъ одну изъ этихъ миленькихъ рукъ, и поднявъ голову, я былъ пораженъ. Молодая красавица стояла въ смущеніи передо мною. Это было очаровательное созданіе. Одѣтая въ шубу, обшитую опушкой, подпоясанная шалью, съ открытымъ горломъ подъ распахнувшююся туникою, съ головою, повязанною въ видѣ тюрбана пурпуровою мате-

рією, съ лебединою шеєю, покрытою заплетенными темными косами, украшенными золотыми секинами; съ голыми ногами въ туфляхъ феи, она имѣла тѣ прелести, которыя можно встрѣтить только въ Греціи, и преимущественно на островахъ: черные волосы и голубые глаза, большіе, прозрачные, на выкатѣ ослѣпительные длинными рѣсницами.

Безъ сомнѣнія, мои взгляды выразили эту мысль, потому-что незнакомка, смутившись и поставивъ поспѣшно тарелку, скромно усиливалась освободить руку, которую я держалъ въ плѣну. Я не выпускалъ; стряпуха, сторожившая на дворѣ, и лицо которой, то радостное, то встревоженное, казалось, наслаждалось моимъ удивленіемъ и опасалось чьего-то прихода, обратилась съ быстрою рѣчью къ своей подругѣ. Эта ободрилась, и краснѣя цѣлой гранады, сказала мнѣ это одно слово: *Василика!* произнесенное ею съ такимъ видомъ, который бы могъ убѣдить меня, что оно значило болѣе, чѣмъ казалось. Я повторилъ громко: *Василика*, ища въ воздухѣ языкознанія. Потомъ она мнѣ указала на небо, солнце, горизонтъ, море, фрегатъ, на всю природу,—представила гребца, разсѣкающаго волну весломъ, и произнесла другія слова, столь же непонятныя, какъ первое. Я былъ въ отчаяніи, что не зналъ по гречески; я заговорилъ по французски. Въ свою очередь, я увидѣлъ ее обезнадеженною; она ничего не отвѣчала, и немедленно наклонила голову, краска на ея щекахъ пропала, и служанка, отъ которой не укрылось мое движеніе, съ живостью закричала на меня. Мое юное сердце поднялось, какъ бурное море, я приблизилъ къ губамъ маленькую руку и напечатлѣлъ на ней поцѣлуй. Бѣдная дѣвушка встала съ негодованіемъ, яркая краска покрыла ея лицо, крикъ вырвался изъ ея груди, и бросивъ на меня презрительный взглядъ, она медленно и какъ бы нехотя пошла къ двери. Я отодвинулъ безсознательно столъ и сдѣлалъ движеніе впередъ. Незнакомка обернулась на шумъ, подумала, что я ее преслѣдую, и укрылась въ развалинахъ, въ то время, какъ служанка старалась мнѣ преградить дорогу. Не обращая вниманія на крики стряпухи, я перелѣзъ чрезъ обрушившіеся камни и углубился въ темную галерею, въ которой раздавались морской вѣтеръ и плескъ волнъ; я нагналъ бѣглянку въ ту минуту, какъ она отворяла дверь на концѣ корридора. Подобно Сандрильонѣ, она на бѣгу потеряла туфлю,

которую я ей и подаль. Страхъ ея былъ такъ великъ, что она не поняла моего жеста и оттолкнула меня, но безъ гнѣва. Раздраженіе уступило мѣсто безмолвной, умоляющей о сожалѣній скорби. Беспорядокъ ея одежды, отягченное печалію лицо ея, упрашивающее о пощадѣ положеніе тѣла, пристыдили меня, что я былъ причиною скорби. первой, можетъ-быть, скорби этого прекраснаго дитяти. Я хотѣлъ извиниться; она меня предупредила, положила палецъ ко рту въ знакъ молчанія и предостереженія, потомъ съ рѣшимостью отворила дверь.

Я послѣдовалъ за нею въ залу, въ которую она вошла, и остановился неподвижно на порогѣ, въ нерѣшимости передъ представившеюся мнѣ картиною. У стола сидѣлъ мужчина на мѣху изъ козьей шкуры, покрытой еще рыжеватыми волосами; изъ боковъ мѣха вытекалъ сотъ меду въ тарелку, ее держалъ мальчикъ, стоявшій на колѣняхъ; другой готовился закрыть отверзтіе ремнемъ, который держалъ за оба конца. У окна, выходящаго на море, пять игроковъ играли въ кости, лежа вокругъ матроской шинели. Угрюмые люди, съ густыми усами, орлинымъ носомъ, были одѣты въ греческое платье: бѣлую фустанель, куртку, вышитую, и штилеты, красную шапку и кушакъ, за которымъ были заткнуты пистолеты и кинжалы. У стѣны стояли сабли, карабины, ружья съ рѣзными прикладами, абордажные топоры; въ углу мачты, привязанныя къ райнамъ паруса, руль съ барки; наконецъ нѣсколько тарелокъ, разставленныхъ на доскѣ, повидному ожидали обычныхъ посѣтителей гостиницы. Мой внезапный приходъ, съ бабушемъ въ рукахъ, велѣдъ за женщиной, не произвелъ, какъ казалось, никакого замѣшательства; никто не тронулся съ мѣста, и я посреди довольно затруднительнаго молчанія сдѣлался темою вопросительныхъ взглядовъ всѣхъ. Незнакомка сѣла на сундукъ, стараясь по возможности спрятать свою босу ногу подъ тюнику. Черты ея снова приняли неподвижность статуй, и повелительный тонъ отозвался въ звукѣ ея голоса, когда она первая заговорила по-гречески, по турецки или арабски съ челоувѣкомъ, сидѣвшимъ на мѣху. Онъ благосклонно принялъ то, что я считалъ за объясненіе, и я снова подвергнулся огню взглядовъ, направленныхъ съ минуту въ сторону прекрасной дѣвушки. Положеніе мое стало невыносимо и, чтобы выйти изъ него, я

подошелъ къ мѣху, и подставивъ палецъ подъ вытекавшій сотъ меду, отвѣдалъ его, втянувъ въ себя сначала его запахъ. *Воп!* сказалъ я съ видомъ удовлетвореннаго знатока; — *Вопо*, лаконически повторилъ сидѣвшій у стола, повидимому, начальникъ прочихъ. Онъ замолчалъ, я кашлянулъ, не зная что дѣлать. Я былъ убѣжденъ, что имѣлъ видъ глупца; надо было, однако, найти болѣе или менѣе естественный переходъ отъ моего появленія къ моему удаленію. Оставить такъ мѣсто, куда я пришелъ съ *бараннымъ боемъ*, мнѣ казалось крайне смѣшнымъ, и что еще хуже, трусостью, хотя я и не думалъ, чтобы мнѣ грозила опасность. Глухая ярость бушевала въ моемъ сердцѣ, злобная радость, проглядывавшая въ лицемѣрномъ видѣ приведшей меня въ засаду, честь мундира и моего знамени требовали, чтобы я не предавался жалкому бѣгству. Однако никто не говорилъ ни слова; безъ сомнѣнія, я готовъ былъ сдѣлать какую-либо глупость, когда вспомнилъ о находившейся у меня сандали. Я рѣшился: прямо пошелъ къ сундуку, и вставъ на колѣни передъ насмѣшницею, подалъ ей потерянный бамбушъ, который она взяла, закрывъ себѣ лобъ рукою, какъ бы разсерженная моею смѣлостью; потомъ я вышелъ, чрезвычайно недовольный собою.

Возвратясь на корабль и стоя на вахтѣ съ восьми часовъ до двѣнадцати ночи, я имѣлъ довольно времени обдумать мое происшествіе. Я растолковывалъ его слишкомъ въ свою пользу, чтобы повѣрить его другимъ, тѣмъ не менѣе, однако, поступокъ этой женщины оставался для меня необъясненнымъ, несмотря на всѣ мои предположенія. Особенно приходило мнѣ на память слово *Василика*; оно мерцало между звѣздъ; я слышалъ его въ скрипѣ снастей. Такъ-какъ незнакомка произнесла только это одно слово, то значитъ, что оно одно заключало въ себѣ ключъ тайны, какъ *сезамъ Али-Бабы*. Тщетно я перебиралъ нѣсколько греческихъ словъ, оставшихся у меня въ памяти по выходѣ изъ коллегіи, ни одно изъ нихъ не могло мнѣ объяснить эти четыре слога *Ва-си-ли-ка*. Поздно ночью, на палубу вышелъ комиссаръ корабля, чтобы выкурить сигаретку. Онъ пользовался между гардемаринами славою большого политика и совершеннаго *cicerone* по Востоку, гдѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько кампаній. Непонятый офицерами, этотъ превосходный

человѣкъ удостоивалъ воспитанниковъ благосклонной своей фамильярности. Послѣдніе, находясь въ отдаленіи отъ командира и штаба, слушали комиссара тѣмъ охотнѣе, что отъ него доходили до нихъ отрывки новостей и дипломатическихъ разговоровъ съ кварталъ-дека. Итакъ я рѣшился спросить совѣта у оракула, такъ, чтобы онъ ничего не могъ подозрѣвать. Я ему предложилъ огня зажечь сигаретку, и равнодушнымъ голосомъ спросилъ его, не забылъ-ли онъ греческаго языка.

— Конечно нѣтъ, отвѣтилъ онъ, и прочелъ съ живостью, для моего убѣжденія, нѣсколько стиховъ *корней* Портъ-Рояля.

— О! о! комиссаръ, прервалъ я, не въ этомъ греческомъ имѣю я нужду, а въ мѣстномъ новой Греціи; вы понимаете его, если я не ошибаюсь?

— Старый морякъ, какъ я, который ѣздитъ двадцать лѣтъ, всегда кончаетъ тѣмъ, что видитъ, слышитъ и знаетъ. Я выучился испанскому языку въ три мѣсяца; правда, онъ легче, чѣмъ греческій: мнѣ надо было неменѣе года, чтобы одолѣть этотъ послѣдній идиомъ.

— Слѣдовательно вы мнѣ скажете, что значитъ *василика*? Я слышалъ это слово отъ одного рыбака.

— *Василика*? Отъ рыбака, говорите вы?... *Василика* есть названіе рыболовнаго орудія, сѣти, если у меня хорошая память.

— Рыболовнаго орудія, сѣти! думалъ я. Къ чему нужна была сѣть этой женщинѣ въ шоловомъ платьѣ, съ униженными жемчугомъ волосами, въ розовыхъ бабушахъ, и съ бѣлыми руками?

Въ это время лоцманскій ученикъ пробилъ въ колоколъ восемь ударовъ полночи, и комиссаръ простился со мною.

На слѣдующій день утромъ, я разсудилъ, что нашъ греческій лоцманъ долженъ былъ знать свой языкъ, и спросилъ у него значеніе слова *василика*. Онъ сказалъ, что это было имя любимицы знаменитаго Али, паши Янины. Послѣ смотра, комиссаръ подошелъ ко мнѣ.

— Я ошибся вчера, сказалъ онъ мнѣ; *Василика* есть имя любимицы знаменитаго Али, паши Янины.

Я подозрѣвалъ, что комиссаръ обращался, какъ и я, къ знанію лоцмана; но это новое объясненіе немного мнѣ открыло. Какъ скоро я могъ сойти на берегъ, то побѣжалъ къ гостинни-

цѣ; тамъ я не нашелъ ни души. Я звалъ, я осматрѣлъ развалины, галерею, комнаты: домъ былъ пустъ. На слѣдующіе дни, то же молчаніе; никто изъ хозяевъ не показался въ квартирѣ, и я началъ самъ сомнѣваться въ томъ, что видѣлъ, и вѣрить, что человѣческая душа видитъ сны наяву такъ же, какъ и во снѣ.

Между тѣмъ, la Fleur-de-Lis, назначеніе котораго въ Наксосѣ было окончено, соединился съ адмираломъ у острововъ Урлака; другія заботы разсѣяли мои мысли, и объявленіе о немедленной экспедиціи въ Морею направило мое размышленіе на ружейные выстрѣлы, которые каждый готовился дѣлать со всеѣмъ своимъ искусствомъ.

II. ЧЕСМА. — XIО.

Однажды, вечеромъ капитанъ, обѣдавшій у адмирала, сказалъ нѣсколько словъ, по возвращеніи на корабль, лейтенанту; этотъ обратился къ вахтенному офицеру, который позвалъ капитанармуса. Отдано было повелѣніе свинать койки. Барабанный бой разбудилъ матросовъ. Что случилось? Говорили о смѣломъ предпріятіи, предпріятомъ пиратами. Въ скоромъ времени велѣно сниматься съ якоря; мы отправились, и на слѣдующій день la Fleur-de-Lis достигъ Чесменскаго рейда, у береговъ Азіи. Какъ только спустили якорь, одинъ изъ офицеровъ получилъ повелѣніе отправиться на завтра съ порученіемъ къ правительству Хіо.

Командиръ фрегата предупредилъ офицеровъ, что онъ имъ даетъ двадцать-четыре часа, для посѣщенія азійскаго берега. Прогулка по окрестностямъ Чесмы скоро была устроена. Сынъ стараго Еврея, забравшагося къ намъ на палубу съ самаго нашего пріѣзда, съ флаконами благовонной воды, трубками амброю, брусскою матеріею и свѣжею зеленью, служилъ намъ вмѣсто путевода. Пріѣхавъ на землю, мы сѣли на прекрасныхъ лошадей, а Рубенъ скромно усѣлся на осла, котораго надлежало исколотить, чтобы заставить тронуться съ мѣста. Мы скоро были въ Чесмѣ. Выстроенный изъ дерева, на высотѣ, съ отличными портомъ, которымъ онъ не пользуется, этотъ без-

жизненный городъ есть по превосходству мусульманскій. Въ немъ ничего цѣтъ замѣчательнаго, а однако не устаешь смотреть на лавки, съ ихъ купцами, мечтающими, сидя на рогожахъ, съ трубкою въ рукахъ; на базары, изъ которыхъ распространяются куренія; на нить верблюдовъ, качающихъ свою длинную шею; на почтеннаго саптона, сидящаго посреди переулка, и на величественнаго кади, влекущаго свое брюхо, свое платье и свои бабуши. Во-время проѣзда по городу нашъ еврейскій путеводаитель казался скромнымъ и держался вдалекѣ отъ нашей шумной кавалькады; но едва мы выѣхали за ворота, по дорогѣ, ведущей къ порту, онъ приблизился фамильярно. На песчаномъ берегу, онъ показалъ большія бронзовыя пушки, омываемыя моремъ. Эти пушки принадлежали магометанскому флоту, сожженному при Чесмѣ, въ войну 1770 Орловымъ. Въ этой битвѣ большое число отоманскихъ кораблей, не зная что дѣлать, рѣшилось взлетѣть на воздухъ; пушки были разбросаны во все стороны, нѣкоторыя попали на берегъ, гдѣ и лежатъ по сіе время, и никто не позаботился ихъ убрать.

Когда мы оставили морской берегъ, Рубенъ повелъ насъ промежъ садовыхъ заборовъ, и остановился передъ дверью, подавъ сигналъ. Тогда старуха, вся въ морщинахъ, съ острыми зубами, съ кошечьими глазами, осторожно отворила маленькое окошко и окинула насъ быстрымъ взглядомъ; дверь отворилась, и мы увидѣли садъ изъ розовыхъ кустовъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Изъ-за цвѣтовъ прекрасная смуглянка, въ атласѣ и брелокахъ, осматрѣла насъ съ любопытствомъ, и скрылась поспѣшно, при рѣзкомъ крикѣ матроны, которая появилась снова, ведя лошадь, возбужденную наши насмѣшки своею нечищеною шерстью и оборванной сбруею. Жидъ сошелъ съ осла и ловко вскочилъ въ сѣдло, между-тѣмъ какъ оселъ изъ подтишка и рысью уходилъ въ ворота.

На ковѣ, Жидъ показался намъ другимъ человѣкомъ. Онъ держался прямо и имѣлъ твердую посадку. Указавъ намъ пальцемъ на пыльные горы, преграждавшія вдали пустыню, перерѣзанную болотами, цвѣтушимъ верескомъ и колеблющимся тростникомъ, онъ пустился, какъ стрѣла. Мы видѣли, какъ его голубая туника, его черный тюрбанъ, то терялись въ высокой травѣ, въ подвижныхъ пескахъ, то поднимались на дюны, или

катились, не спотыкаясь, съ самаго крутаго спуска. Мы упорно преслѣдовали, но не догнали бы Рубена, еслибы онъ насъ не подождалъ. Гордое выраженіе одушевило эту гнусную маску, когда онъ замѣтилъ, что мы любуемся его лошадыю, кожа которой была такъ блестяща, поздри такъ чисты, какъ будто она только что вышла съ пастбища. Прибывшіе путешественники возвратили бѣдняка къ его ролѣ: огонь, пылавшій на его лицѣ, потухъ; плечи его приняли видъ покорности; шея вытянулась; самая лошадь, какъ бы примыляясь къ его печальнымъ мыслямъ, пошла побѣжкой клячи. Такъ мѣняють жида на Востокъ свою наружность, сообразно съ мѣстомъ, гдѣ они находятся, и людьми, съ которыми встрѣчаются. Въ улицахъ Чесмы Рубенъ былъ бѣднякъ, торчавшій на ослѣ; внѣ города, это былъ неустрашимый и блестящій всадникъ, возвратившійся, словно чудомъ, къ древней гордости своего племени.

Въ глубинѣ сосѣдней съ Чесмою долины мы нашли горы, которыя намѣрены были посѣтить. На Востокъ по горамъ стоятъ деревни и поля; съ вершинъ горъ величественно и безпрепятственно разстилается то, на что мы всегда готовы смотрѣть: небо, море и острова. Лошади, спускаясь нѣсколько часовъ съ крутаго ската, пустились въ галопъ по дефилею и принесли насъ съ быстротою смерча на дно оврага, въ которомъ расточены были всѣ богатства растительности, на почвѣ, согрѣтой палящимъ солнцемъ и увлажненной источниками. Мы поѣхали по извилинамъ этого ущелья, раздѣленнаго крутизнами скалъ и проходами мины. Въ самомъ дикомъ углу, Рубенъ показал намъ пещеру, входъ въ которую былъ загроможденъ кучею обтесанныхъ камней и разбросаннаго мрамора. Чѣмъ были эти развалины? Paolo! Paolo! Ephesia! ревлѣ жидъ, протягивая руки къ пещерѣ и въ сторону эфесской дороги. Это было для насъ лучемъ свѣта.—Св. Павелъ! сказалъ одинъ изъ насъ, вспомя, что читалъ въ дѣтствѣ, подлѣ своей матери, посланія апостола къ Эфесіанамъ. Такъ-такъ, вскричалъ путеводитель: Paolo! Ephesia! Мы поняли наконецъ, что мы были у памятника первыхъ времепъ христіанства. Эта пещера, въ-послѣдствіи обращена была въ молельню. Чьи руки разрушили портикъ? Неизвѣстно. Стѣны скалы уцѣлѣли одни противъ усилій времени и человѣка, еще бѣльшаго разрушителя.

На возвратномъ пути, жидъ повелъ насъ по кремнистой тропинкѣ, кончившейся, послѣ труднаго подъема, площадкою, нависшею надъ моремъ. Первый, кто достигъ вершины, воскликнулъ отъ удивленія: Хіо, отечество Гомера, проливъ, усѣянный островками, вершины Карабурну, Чесма и ея обработанныя долины, окруженныя горами Урлака, Спорады, вытянутыми въ ливію передъ азіатскимъ берегомъ, Самось, собирающій малвазію и мѣсторожденіе Пифагора, Лерось, Калиленія, Кось, мѣсто-пребываніе Гиппократы; наконецъ, далѣе на югъ, за зеленѣющими долинами, орошаемыми Кайстромъ, ефесскія поля и покинутыя въ песокъ развалины—таковъ былъ видъ. Дѣйствительно, Востокъ единственная часть земли, удовлетворяющая въ возможной для матеріальныхъ предметовъ полнотѣ ненасытнымъ стремленіямъ души къ идеальному. Въ этой странѣ, которая столь уже прекрасна сама по себѣ, путешественникъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу неисчерпаемый источникъ энтузіазма. Въ Греціи,—Сирии, Палестинѣ, онъ не остается долгое время одинъ. Его вскорѣ сопровождаетъ невидимый спутникъ, который, подобно древнему рапсоду, усѣяваетъ дорогу отрывками поэмъ, пѣсенъ и балладъ, отвѣчаетъ на вопросы, и рассказываетъ за гостепримнымъ столомъ какую-либо безсмертную легенду славы или бѣдствія. Впрочемъ, на Востокѣ созерцаніе никогда не бываетъ встревожено внѣшними предметами, тѣмъ вихремъ занятій и тою многочисленностію подробностей, составляющихъ принадлежность жизни европейской. Спокойныя привычки народонаселенія, отдѣльная жизнь семействъ, похожихъ, въ своей безпечной позѣ подъ навѣсомъ развалившихся домовъ, на пришельцевъ, расположившихся на отдыхъ подъ защитою каравансарая, совершенное отсутствіе фабрикъ, машинъ, телегъ и каретъ, все служитъ къ произведенію иллюзіи.

Мы возвратились на корабль ночью; я былъ утомленъ; сверхъ того на другой день утромъ я былъ чередной: мнѣ слѣдовало ѣхать за провизіею, дѣлать то, что по выраженію матроса, называлось *la poste aux choux*. Поэтому я поспѣшио убрался къ моей койкѣ. Пока я развязывалъ каболочной стропъ, вахтенный гардемаринъ сказалъ мнѣ, что офицеръ, ѣздившій въ Хіо, возвратился, и что командиръ, выслушавъ его донесеніе, приказалъ вооружить свою шлюбку къ восходу солнца.

— А куда ѣдетъ командиръ? спросилъ комиссаръ, который, возвратясь съ нами, сходилъ въ свою комнату.

— Не знаю, отвѣчалъ воспитанникъ.

— Тутъ кроется тайна, замѣтилъ комиссаръ.

Что касается до меня, то, предпочитая сонъ тонкимъ комментаріямъ двухъ дипломатовъ, я вскарабкался на свой тюфякъ. Едва я началъ засыпать, какъ лоцманъ, толкая меня, прокричалъ: Вы очередной; четыре часа, командиръ ждетъ васъ.— Я взмошелъ на палубу.— Ты усталъ, шепнулъ мнѣ на ухо гардемаринъ, возвѣстившій мнѣ отъѣздъ командира: уступи мнѣ твою очередь, путь предстоитъ долгій—Куда же мы идемъ?—Въ Хіо; будетъ тебѣ пути да завтра.— Хіо стоитъ усталости; я буду спать на чистомъ воздухѣ.— И я отправился.

Такова жизнь моряка; ремесло его дало ему привычки верблюда. Подобно этому благоразумному путнику пустыни, который, послѣ безводныхъ приваловъ, почувя колодезь, вспоминая р двѣхъ, проведенныхъ безъ питья, объ ожидающихъ лишеніяхъ, напивается за вчера, на сегодня и на завтра,—мореплавателю, кояующій по пустынямъ океана, гдѣ праздничные дни такъ рѣдки, лишь только находитъ источникъ удовольствія, то пьетъ изъ него большими глотками. Послѣ, въ часы меланхоліи, онъ раскроетъ сокровище любимыхъ мыслей, счастливыхъ ощущеній, хранимыхъ имъ въ своемъ сердцѣ. Кто не видѣлъ этихъ задумчивыхъ фигуръ около борта корабля? Это мореходецъ въ покое, собирающій свои мысли и вспоминаящій.

Комиссаръ намъ сопутствовалъ, подѣ предлогомъ достать на базарѣ Хіо пахучія лепешки и ожерелья, обѣщанныя красавицамъ Прованса; на самомъ же дѣлѣ, чтобы ближе слѣдить по ступки командира. Тайна, въ которой хранилось назначеніе la Fleur-de-Lis, бросала въ лихорадку комиссара, употребившаго, со времени отъѣзда нашего, всѣ средства вызвать откровенность: эволюціи около начальниковъ, вкрадчивые разговоры съ офицеромъ и лоцманомъ, шахъ и матъ, вынесенные безъ спора въ партіи съ лейтенантомъ; но потому ли, что каждый былъ остороженъ, или потому, что никто не зналъ болѣе его, онъ ничего не вывѣдалъ. Опроставъ свой мѣшокъ хитростей, онъ надѣялся, что если онъ будетъ слѣдить за командиромъ, то случай, этотъ доставитъ ему какую-либо примѣту, для

построенія на ней предположеній. Мы поставили паруса; брызги отъ волнъ, утренній воздухъ разбудили меня, и послѣ трехъ часового пути, шлюпка вошла въ портъ Хіо.

Французскій консулъ встрѣтилъ насъ на дебаркадерѣ. Командиръ велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою, и обратившись къ комиссару, указалъ ему на набережную, наполненную купцами: — На вашъ произволъ, сказалъ онъ ему: желаю вамъ удачи! Вы свободны до солнечнаго заката.—Комиссаръ, раскраснѣвшись, какъ полная луна, вышедшая изъ-за волнъ, принялъ видъ, что очень занятъ покупками. Вскорѣ я увидѣлъ, какъ онъ удалился и потомъ послѣдовалъ за нами по дорогѣ, по которой я отправился съ командиромъ. Консулъ велъ насъ къ пашѣ. По пути намъ надлежало расталкивать кучу продавцевъ, Жидовъ и Грековъ, заграждавшихъ проходъ; трость кавы пришла къ намъ на помощь и проложила для насъ борозду до дома губернатора. Мы поднялись по истертымъ ступенямъ галереи; консулъ сдѣлалъ знакъ часовому, сидѣвшему передъ дверьми, съ ногами въ рукахъ; часовой ввелъ насъ въ диванъ. Паша всталъ съ своихъ подушекъ, чтобы привѣтствовать насъ: это былъ молодой человекъ, съ тихимъ и дѣтскимъ лицомъ; усы у него едва пробились; его взвѣшенные движенія, его краткія рѣчи подражали спокойствію старости. Совѣтники съ бѣлыми бородами, секретарь, съ металлическою чернильницею за поясомъ, стояли, вложивъ руки въ рукава своихъ шубъ. Мы сѣли на канапе. Послѣ кофею, намъ подали трубки, и разговоръ начался. Хотя мнѣ очень хотѣлось его знать но я сидѣлъ поодаль изъ почтенія, и шумъ съ набережной, плескъ волнъ, раздававшіеся въ залѣ, мѣшали мнѣ слышать. До меня долетѣло, однако имя человека, Димитрія, часто повторяемое, и мнѣ казалось, что дочь этого Димитрія была похищена съ Хіо пиратами.

— Я пойду къ Димитрію, сказалъ наконецъ командиръ: онъ мнѣ дастъ недостающія у меня свѣдѣнія, а мое посѣщеніе покажетъ ему участіе, которое принимаетъ въ его несчастіи адмиралъ.

Паша далъ знакъ согласія и прибавилъ нѣсколько словъ, которые толмачъ перевелъ такъ: «Жилище райя Димитрія далеко, его свѣтлости будетъ пріятно, если Франки возьмутъ его лоша-

дей.» Командиръ принялъ предложеніе, и вышедшій секретарь вскорѣ возвратился увѣдомить насъ, что лошади готовы. Мы сошли: три гордые коня плясали на дворѣ, каждый изъ насъ сѣлъ на назначеннаго ему, гвардеецъ наши поѣхалъ вперед; мы проскакали городъ въ галопъ. По знаку путеводителя, Жиды тѣснились къ стѣнамъ, погонщики становили своихъ ословъ въ сторону, Турки вѣжливо уступали дорогу, и мы въ нѣсколько минутъ были за городомъ.

Видъ острова печально свидѣтельствовалъ о тяжелыхъ испытаніяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ войну за независимость: повсюду разоренные виноградники, опустошенныя поля, сожженные павильоны вдоль дорогъ; развалины слѣдовали за развалинами; загородки, заборы, стѣны обрушились; клумбы деревьевъ, оливковыя рощи были вырублены до корня; цѣлые лѣса спилены посреди ствола; со всѣхъ сторонъ пенелища, слѣды насилія; крыши домовъ, террасы садовъ были разломаны; двери, оконныя рамы, ставни вцѣпи на петляхъ; плотины, водопроводы были разобраны; воды разлиты; ни одного работника, ни одного жителя: это былъ хаосъ, опустошеніе безъ имени. Однако, несмотря на это ужасное опустошеніе, Хіо все еще заслуживалъ названіе *счастливаго*, данное ему поэтомъ. Ярость его палачей не могла отъ него отнять того, что въ этотъ краѣ дѣлаетъ прекрасною опустошенную землю: граціозность формы, мягкость очертанія, превосходную пропорцію окружающихъ линий, и свѣтъ, наводящій веселый отблескъ на всѣ лица, подобно тому, какъ улыбка освѣщаетъ прекрасное лицо. Впрочемъ, природа повсюду брала свои права. Хіо есть огромная гора, издали представляющая округленный камень, берега котораго вдаются остроконечными утесами въ море; но когда вступаешь на его почву, положеніе измѣняется: скалистая стѣна, расколотая вулканическими потрясеніями, разбившими всю эту сторону, заключаетъ въ каждой разсѣлигѣ долину; подъ тѣною горъ, неистощимое плодородіе земли уже покрыло слѣды варваровъ. Вербя, новая виноградная лоза, жатвы разрастались непрерывно; исправленные каналы текли по лугамъ, и новые дома являлись на перекресткахъ.

Мы ѣхали нѣкоторое время по рампѣ, огибавшей оврагъ со

стороны моря, наконецъ достигли спуска или, лучше сказать, лѣстницы изъ скаль.

— Вотъ домъ Димитрія, сказалъ консуль. Я увидалъ въ четырехъ стахъ футахъ глубины садъ, изящный домъ на берегу бухты. Въ эту минуту, Турка пустился въ галопъ въ пропасть, и наши лошади скагались велѣдъ за нимъ; я не могъ еще опомниться отъ этой безумной ѣзды, когда вешодилъ по мраморному подѣзду, посреди двора, въ домъ Дититрія. Наше внезапное прибытіе произвело большое смятеніе; Турка, вѣстникъ несчастія, наши неизвѣстные мундиры, консуль, присутствіе котораго возвѣщаетъ такъ часто судебное слѣдствіе, испугали служителей. Угрозы спага, дружескія увѣщанія консула вернули ихъ, и люди эти, ворча, пришли стеречь нашихъ лошадей. Привлеченный шумомъ, на порогъ показался старшій монахъ, съ безпокойствомъ, выражавшимся на его худощавомъ лицѣ; онъ насъ принялъ, сложивъ руки на своей груди, и ввелъ въ кіоскъ, окруженный жасминами. Успокоенный нѣсколькими словами консула, онъ удалился, велѣвъ намъ подать питья и трубки. Я былъ весь изломанъ отъ усталости. Едва я сѣлъ, какъ вѣки мои отяжелѣли; я хотѣлъ, куря, бороться противъ овладѣвавшего мною сна; но табакъ, смѣшиваясь съ сильнымъ запахомъ цвѣтовъ и куреній Азіи, еще болѣе оцѣпенялъ меня; я чувствовалъ, какъ мало-помалу мысли мои становились неопредѣлительными. Неподвижно и безмолвно я смотрѣлъ на то, что происходило вокругъ меня. Я видѣлъ, какъ монахъ отворилъ дверь, въ которую вошелъ почтенный старецъ въ слезахъ. Платье его было въ лохмотьяхъ, и онъ качался, какъ пьяный. Несмотря на противодѣйствіе командира, онъ палъ къ его ногамъ, поцѣловалъ ихъ и обтеръ своею бѣлою бородою пыль съ сапоговъ; потомъ, поднявъ свое опечаленное лицо, свои дрожащія, простѣртыя къ офицеру руки, онъ могъ произнести только одно слово, повторенное съ любовью, съ отчаяніемъ, посреди рыданій: *Василика! Василика!*

При этомъ имени, я какъ бы почувствовалъ электрической ударъ; я старался сдѣлать движеніе; но тщетно, неодолимое оцѣпененіе держало меня скованнымъ. Монахъ подошелъ къ Димитрію. Стоя подлѣ старика, съ плѣшивою головою, подъ чернымъ капишономъ, съ руками, спрятанными въ рукава рясы, безъ всякаго чувства на костлявомъ лицѣ, онъ олицетворялъ

несчастіе, присутствующее равнодушно при душевномъ страданіи челоуѣка. Я слышалъ, какъ онъ глухимъ голосомъ разсказалъ консулу, что въ одну ночь, два мѣсяца тому назадъ, пираты похитили изъ дома Димитрія дочь его, лучшую дѣвушку на цѣломъ островѣ, столь прекрасную, что тщеславная, увѣренная въ своемъ торжествѣ, она не устрашилась принять сличеніе съ женщинами, назначенными въ гаремъ султана, въ намѣреніи воспользоваться ихъ униженіемъ. Разбойники пришли безъ шума, и изъ опасенія ли многочисленныхъ слугъ Димитрія, или потому что эта добыча довольно удовлетворяла ихъ корысти, они удержались отъ другихъ насилій. Онъ, монахъ, отправляясь, по своему обыкновенію, на молитву, увидѣлъ съ своей террасы бѣжавшихъ похитителей; его крики, выстрѣлъ изъ ружья, сдѣланный имъ по баркѣ, подняли тревогу; шлюпки, люди на лошадахъ обѣхали берегъ, но не догнали форбановъ. Узнали, что ихъ судно направилось къ Цикладамъ; но какъ ихъ было преслѣдовать? Димитрій подалъ жалобу пашѣ, обратившемуся съ просьбою о помощи къ правителю Смирны. Тогда райя, бывшій нѣкогда, по своей торговлѣ, въ пристаняхъ Востока, въ сношеніяхъ съ французскою эскадрою, послалъ гонца къ адмиралу, на котораго призывались благословенія Пресвятой Троицы, за сочувствіе и покровительство, оказываемыя имъ несчастнымъ.

Монахъ замолчалъ. Старикъ, выслушавъ этотъ разсказъ, въ безуміи отъ печали, покатился по полу, раздирая свое платье и произнося одно только слово: *Василика*. Имя это, повторенное нѣсколько разъ, совершенно разбудило, меня. Въ ту же минуту подошедшій ко мнѣ командиръ трясъ меня съ усмѣшкою, а монахъ, съ сострадательною улыбкою, подалъ мнѣ кубокъ кипрсаго вина. Это подкрѣпить, сказалъ онъ, бѣдное утомленное дитя. Напившись, я почувствовалъ себя другимъ челоуѣкомъ; но что я слышалъ и видѣлъ, было ли во снѣ или на яву? Я еще не зналъ этого, а потому внимательно слушалъ разговоръ командира и консула, передававшихъ другъ-другу свои впечатленія.

— И ничего болѣе не знаютъ? спросилъ командиръ. Нѣтъ никакого указанія на направленіе, принятое форбанами?

— Говорятъ о Паросѣ и Санторинѣ, отвѣчалъ консулъ: кто можетъ счесть всѣ годныя для нихъ бухточки.

— Я имѣю приказаніе отъ адмирала сдѣлать розыскъ въ Цикладахъ. Я отправлюсь туда; но какъ отыскать лодку величиною въ орѣховую скорлупу?

— Это нелегко, если только не измѣнитъ имъ ихъ же собрать. Со взятія Константинополя Турками, Архипелагъ сдѣлался добычею всякаго рода форбановъ. Былъ для нихъ праздникъ во-время храмовниковъ родосскихъ, въ первые дни ихъ помѣщенія на Мальтѣ, въ эпоху, могущества Венеціи, когда священныя галеры и галеры св. Марка крейсировали на Востокѣ, между-тѣмъ какъ азіатскіе и африканскіе мусульмане сходили на берега Далмаціи, Италіи, Испаніи и нашего Прованса. Гаремы были наполнены однѣми европейками; наоборотъ, дочери Магомета приходили безъ большаго отвращенія, жить во дворцахъ Лидо и укрѣпленныхъ жилищахъ рыцарей; это была мѣна, и въ этомъ случаѣ романы были ближе къ истинѣ, нежели думаютъ.

— Будемъ надѣяться, что Василика....

Я не могъ долѣе оставаться равнодушнымъ и прервалъ командира.

— Извините, командиръ; но ради Бога, что значитъ это слово Василика, которое я слышу повсюду, куда ни иду?

— Повсюду, куда вы ни идете? повторилъ командиръ: я думаю, что нашъ гардемаринъ все еще спитъ. Гдѣ же вы слышали это имя?

— Въ Наксосѣ, командиръ, въ гостинницѣ одного Мальтійца.

Едва я произнесъ слова Наксосъ и Мальтіецъ, какъ меня забросали вопросами. Я смѣло разсказалъ мое происшествіе, не скрывъ ничего, даже моихъ глупостей. Это открытіе было громовымъ ударомъ для стараго Димитрія, слушавшаго съ неподвижно устремленными на меня глазами, съ раскрытымъ ртомъ, прильнувшего всѣмъ тѣломъ къ моимъ словамъ. Когда я кончилъ, онъ повалился безъ движенія всѣмъ тѣломъ. На зовъ монаха, прибѣжали съ большимъ крикомъ слуги, и унесли своего господина изъ залы. Монахъ послѣдовалъ на помощь больному, и мы остались одни.

— Я правду сказалъ, началъ консулъ, что вы будете имѣть ихъ у себя подъ руками, не подозрѣвая того.

— Э! молодой человекъ, вскричалъ командиръ, для чего вы мнѣ этого не сказали прежде? Василика есть имя дочери Димитрія, мы ищемъ Василику.

Я былъ пораженъ, однако замѣтилъ, что при отправленіи *la Fleur-de-Lis* изъ Урлаки въ Наксоъ, на эскадрѣ ничего не говорили объ этой исторіи, и во-время пребыванія нашего на островѣ, никто на кораблѣ не слыхалъ о похищеніи Василики. Слѣдовательно, было извинительно съ моей стороны не понять намѣренія молодой дѣвушки, которая, открывая мнѣ свое имя, просила покровительства; невозможно было понять смыслъ, сокрытый подъ пантомимою молодой Гречанки. Командиръ, смѣясь, замѣтилъ, что я былъ правъ, и сознался, что въ мои годы онъ не былъ бы понятливѣе меня. Оставалось узнать, отыщемъ ли мы Василику. Послѣ моего извлеченія, пополнившаго рассказъ монаха, ни что не удерживало насъ долѣе въ домѣ Димитрія; намъ надлежало однако съѣсть пирожки и выпить самосское вино; послѣ чего мы возвратились въ городъ, и вечеромъ прибыли на корабль.

III. МОДОНЪ, ЛАГЕРЬ ИБРАГИМА-ПАШИ.

На слѣдующій день фрегатъ *la Fleur-de-Lis* вышелъ изъ Чесмы, съ цѣлю обыскать Архипелагъ. Командиръ сначала бросилъ якорь въ Наксоъ. Домишко Мальтійца былъ пустымъ. Сирошенныя Греки и Латинцы утверждали, что они никогда не слыхали о пиратахъ, ни о Димитріѣ, ни о Василикѣ. Ихъ островъ не представлялъ никакихъ удобствъ для разбойниковъ. Они не могли того же сказать о сосѣднихъ земляхъ, населенныхъ, по ихъ словамъ, негодяями, и туда приглашали они насъ искать. Въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ, назначенныхъ для нашей крейсеровки, фрегатъ ѣздилъ такимъ-образомъ отъ одного острова къ другому, и посѣтилъ послѣдовательно Ницеру и ея пещеры; Патмосъ, знаменитый гротомъ, бывшимъ мѣстомъ видѣнія св. Іоанна, и монастыремъ, основаннымъ Алексѣемъ Комнинымъ. Аморгосъ, скалы котораго заселены голубями; Санторинъ, съ вулканическою почвою; Паросъ

и его мраморныя ломки, откуда вышли славныя произведенія греческой скульптуры. Нигдѣ консулы, власти, знатные люди не могли намъ дать никакого свѣдѣнія; каждый, расхваливъ свой край, его старинную славу честиности, посылалъ насъ на сосѣдній островъ, обвиняемый въ разбоѣ. Мы направляли путь къ назначенному мѣсту: тамъ однако удивлялись нашему приѣзду, тогда-какъ противулежащій берегъ, сосѣдній островокъ пользовался такою дурною славою!—Но мы приходимъ оттуда, говорилъ командиръ: и указанія тамошнихъ жителей насъ приводятъ къ вамъ.

— Негодяи! кричали все: въ этомъ мы узнаемъ ихъ!

Все наши переѣзды были напрасны; скука, неудача породили мало-по-малу сомнѣніе и насмѣшки на счетъ этой исторіи, и при концѣ компаніи Василика была забыта. Тогда фрегатъ отправился въ Аттику, встать на якорь, въ назначенный день, въ саламинской бухтѣ, которую адмиралъ выбралъ мѣстомъ соединенія, гдѣ мы должны были получить новыя приказанія.

Все было сказано объ Афинахъ; я по этому не стану рассказывать прогулку, въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, на Аттикѣ, неизмѣнную никакого отношенія къ цѣли нашей кампаніи. Что меня всего болѣе поразило въ этой землѣ Греціи, на которую я вступалъ въ первый разъ съ священнымъ чувствомъ энтузіазма, — это краснорѣчивый контрастъ смерти съ жизнью, соединеніе тягостныхъ мыслей съ поэтическими стремленіями; безпрестанно противурѣчащее себѣ, подъ прекраснымъ небомъ и въ виду памятниковъ бессмертнаго искусства.

Командиръ нашелъ въ Пиреѣ приказаніе, немедленно идти къ кораблямъ, стоявшимъ при Наваринѣ; мы тотчасъ отправились, и послѣ трехдневнаго пути, *la Fleur-de-Lis* соединился съ адмираломъ, лавировавшимъ съ эскадрою между островами Сапенца, въ виду Ибрагима, расположившагося съ своею арміею лагеремъ въ Модонѣ. Депеши изъ Франціи возвѣстили, что экспедиція, снаряженная въ Тулонѣ, отправляется въ Морею, чтобы принудить Турокъ очистить эту страну. При этомъ извѣстіи, паша призвалъ назадъ всадниковъ, опустошившихъ Целопонезъ, и сосредоточилъ свои силы между Навариномъ и Модономъ. Хотѣлъ ли онъ осаривать Грецію у французскихъ батальоновъ, и воспротивиться ихъ высадкѣ, или исполнить давнозадуман-

ный планъ, перевести свои войска въ Навплию, на флотъ, ожидаемомъ изъ Египта, и овладѣть столицю греческаго правительства? Всего можно было опасаться отъ ярости этого дикаго побѣдителя, чувствовавшего, что добыча уходитъ отъ него. Въ это время, адмиралъ началъ блокировать заливъ Каламатскій. Оттоманская армія стояла биваками на берегу; съ палубы кораблей мы слышали ея учебную пальбу, повторяемую эхомъ Тайгета. Нашъ экипажъ, въ надеждѣ на какое-либо отчаянное предприятие со стороны Ибрагима, приготовился къ рѣшительному сраженію, и между-тѣмъ какъ корабли и фрегаты выстраивались въ линію вдоль берега, бриги и корветы искали въ открытомъ морѣ непріятельскій флотъ, чтобы дать знать о появленіи его.

Однако, наблюдая одни за другими, Французы и Турки, цѣлившіе безъ ненависти въ сердца и съ сожалѣніемъ, другъ въ друга, были въ дружескихъ сношеніяхъ, подобно тѣмъ героямъ рыцарства, которые, предъ тѣмъ, какъ сражаться, бесѣдовали между-собою подъ тѣнію лѣса. По обыкновенію, принятому съ начала этой странной войны, адмиралъ часто отправлялся къ Ибрагиму, съ цѣлю усовѣщевать его, смягчить, и объяснить ему настоящее положеніе дѣлъ и рѣшительное намѣреніе государствъ. Фрегаты стояли на якорѣ въ водахъ Модона, адъютанты разносили письма, и съ помощію дипломатин, трудности мало-помалу сглаживались.

Въ одно утро, адмиралъ приказалъ la Fleur-de-Lis отправиться требовать у паши возврата трехъ филеленъ, взятыхъ накануне въ плѣнъ Турками. Фрегатъ, съ парламентерскимъ флагомъ на мачтѣ, бросилъ якорь у замка Модона, и нѣкоторые изъ насъ поѣхали на берегъ съ командиромъ. Модонъ, съ своими готическими укрѣпленіями, вновь выбѣленными известію турецкими инженерами, былъ полонъ тогда неистовыхъ криковъ варварскаго лагеря. Солдаты въ лохмотьяхъ, греческіе мужики, угрожаемые палкою и отягченные тяжестями, взбирались съ берега въ крѣпость; вдоль набережной, курильщики, сидя на рогожахъ, смотрѣли, какъ Меноты разгружали свои лодки, наполненныя дичью, баранами, плодами и овощами. При приближеніи шлюпки, работы остановились; взоры всѣхъ направились въ шуна сторону; носильщики, дѣти, продавцы, праздношатаю-

щіеся столпились у бухты; одни Турки остались неподвижными. Офицеры, поспѣвшіе намъ навстрѣчу, растолкали толпу, привѣтствуя насъ по-французки; это были наши соотечественники, старые французскіе воины, принужденные, въ-слѣдствіе распушенія войскъ въ 1815 г., искать счастія въ Египтѣ. Въ то время, какъ командиръ отправился къ пашѣ, мы попросили ихъ показать намъ лагерь, который мы не успѣли посѣтить въ прежнія наши прогулки. Лагерь этотъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ и разной величины палатокъ, хижинокъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей, парковъ, загородокъ, конуръ изъ камней и сухой земли, простирался отъ стѣнъ крѣпости до бастіоновъ наваринскихъ. Тысячи людей и животныхъ грѣлись на солнцѣ, ходили туда и сюда между артиллерійскими ящиками, пушками, колесами, упряжками, пучками оружія, перемѣшанными въ невыразимомъ безпорядкѣ. Улицы, раздѣленія корпусовъ войскъ, едва обозначенныя, кончались у большой дороги изъ Модона въ Нео-Кастро, раздѣлявшій внутренность лагеря пополамъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга возвышались палатки съ мѣднымъ шаромъ, украшенныя бунчуками и знаменами. Смятеніе было ужасно около этихъ жилищъ начальниковъ, и вдоль дороги, представлявшей единственный путь сообщенія между деревнею и портомъ. Сюда стекались жизнь и движеніе; тогда какъ нижнія части были погружены въ молчаніе и бездѣйствіе. Солдаты неровнаго роста и въ лохмотьяхъ дѣлали экзерциціи съ разнокалиберными ружьями; писцы выписывали гіероглифы на пергаментѣ съ печатями изъ краснаго воска; плательщики рассчитывались на столахъ; купцы распаковывали тюки, выючили своихъ животныхъ; цирюльники брили головы на своихъ колѣняхъ; сантонъ перебиралъ четки передъ кофейной; вертящіеся дервиши крутились, воюшіе дервиши выбрасывали пѣну ртомъ, пока не упали въ изнеможеніи. Тутъ были всадники въ блестящихъ курткахъ, курившіе подъ тѣнью, между-тѣмъ какъ дѣти держали ихъ лошадей, покрытыхъ попоною; Албанецъ, игравшій на гитарѣ при входѣ въ караульню; каторжники, съ цѣпью на шеѣ и ногахъ, чистившіе конюшни; батальоны, съ барабаномъ впереди, тщетно старавшіеся идти шагомъ Европейцевъ; всадники, выступавшіе въ экспедицію, другіе, возвращавшіеся съ грабежа, съ гамомъ потрясая своими саблями. Здѣсь

рынокъ невольниковъ, тамъ бойня; мясники убивали быковъ и барановъ; обнаженное мясо, обогрѣныя кожи висѣли на крючьяхъ; кабаньи головы, челюсти, головы, вооруженныя рогами, лежали на ларѣ; стаи голодныхъ, грязныхъ собакъ, съ яростью въ глазахъ, бросались подъ помостки, лизали лужи крови и оспаривали другъ-друга выбрасываемыя кости. Рядомъ съ этими клочками, безъ всякаго перехода, требуемаго вкусомъ, обоняніемъ и зрѣніемъ, возвышались изящныя павильоны, убранныя коврами, шальми и шелковыми матеріями, развѣвавшіеся въ окнахъ; свѣжія личики дѣтей, съ голыми и бѣлыми руками, украшенными браслетами, выглядывали изъ окошекъ; быстрые глаза смотрѣли украдкой изъ-за прорѣхъ холста, между-тѣмъ какъ угрюмые невольники прохаживались кругомъ. Со всѣхъ сторонъ оглушительный шумъ, крики, угрозы, мольбы, просьбы и разсѣянная надъ ареною удушливая пыль и неприятный запахъ, смѣшанный съ невыразимыми благоуханіями. Подъ покровительствомъ, мы безъ опасенія могли вмѣшиваться въ толпу и заходить въ переулки и захолустья, гдѣ мы заставляли странности восточной жизни. Никто не осмѣлился насъ обидѣть, хотя часто при нашемъ появленіи не скрывали презрительнаго удивленія. Особенно женщины укрывались подъ покрывалами, старыя съ жеманствомъ, какъ будто замаранныя присутствіемъ гяуровъ, молодыя медленно, безъ большаго гнѣва, рукою охотно неловкою.

Мы объѣхали такимъ-образомъ внутренность лагеря до наваринской заставы. Палатки бея, многочисленный постъ, пушки, направенныя на долину, защищали ворота. На этой оконечности, единственномъ входѣ и выходѣ лагеря, царствовало ужасное смятеніе, крики людей, мычаніе животныхъ, сталкивавшихся между собою во всѣхъ направленіяхъ. Кавы сыпали палочные удары вправо и влѣво, солдаты, съ обнаженной саблею въ рукахъ, бросались въ самую давку, купцы въ отчаяніи падали подъ ноги, желая поднять мѣшки, матеріи, желѣзные вещи и фрукты, разсыпанныя по землѣ. Всадники осаживали своихъ лошадей, не обращая вниманіе на то, что опрокидывали стариковъ; вожатые каравановъ, сидя на спивѣ верблюдовъ, перевязывали веревки корзинъ, прыгали отъ хвоста къ головѣ, защищая свои тюки, и побуждая своихъ животныхъ,

протягивавшихъ длинную шею и смирную морду надъ этимъ муравейникомъ, который топтали ихъ широкія лапы. Мы были озадачены при видѣ этой сумятицы, мы думали, что присутствуемъ при одномъ изъ побоищъ, столь обыкновенныхъ на Востокѣ, можетъ-быть, при атакѣ лагеря Греками. Наши путеводители успокоили насъ. Теперь, сказали они, время, когда запираютъ ворота; народъ, продавцы, поселяне спѣшать съ рынка; съ другой стороны, солдаты, патрули, гуляющіе, мародеры толпятся въ лагерѣ; отсюда приливъ и отливъ, производящіе немного безпорядка, но никто на это не обращаетъ вниманія. Посмотрите, выходитъ ли изъ своей палатки бей, поставленный наблюдать за этою частію; онъ не тревожится такою маловажною и спокойно куритъ наргилѣ.

Новое обстоятельство усилило замѣшательство. Вдругъ раздался топотъ копытъ несущихся лошадей; часовые забили тревогу; вышедшій постъ выстроился, приготовясь къ сраженію противъ эскадрона спаговъ, съѣзжавшихъ съ горъ. Послѣдній, послѣ краткаго объясненія, въѣхалъ въ лагерь, пройдя на рысяхъ пространство между палисадами. Каждый изъ насъ немедленно присловился къ заставѣ, тогда какъ колонна скакала по висячему мосту. Едва первый рядъ проѣхалъ рогатку, какъ былъ остановленъ видомъ живой стѣны, преграждавшей ему дорогу. Слѣдовавшіе за нимъ, ускоряя все шагъ, привуждены были осадить; лошади рванулись, стали на дыбы, и колонна отодвинулась назадъ, подражая извилинамъ змѣи. Прошла минута прежде, чѣмъ былъ возстановленъ порядокъ, и я имѣлъ время разсмотрѣть этотъ отрядъ, возвращавшійся повидимому, изъ дальнаго пути: люди, лошади были въ поту. Онъ представлялъ странное соединеніе лицъ бѣлыхъ, желтыхъ, черныхъ, одѣтыхъ въ тюрбаны, пестрыя фески и войлочные шапки, на подобіе сахарной головы. Нубійцы имѣли красный плащъ, Турки были въ курткахъ и шубахъ, Египтяне въ неловкихъ новѣйшихъ костюмахъ. Вблизи, это сборище охотниковъ, сыновъ Нила, Кавказа и Африки, внушало отвращеніе; но вдали, когда эти страшныя лица неслись въ пространствѣ, когда за облаками пыли звучало оружіе, блестя изъ-за попопъ и гривъ, развѣвавшихся по вѣтру, трудно было устоять противу увлеченія это-

го дикаго натиска: взоръ измѣрялъ разстояніе, и сердце билось при мысли о жестокой схваткѣ съ невѣрными.

Я былъ занятъ эволюціями равнявшихся солдатъ, когда одинъ изъ моихъ товарищей обратилъ мое вниманіе на убранство пѣнѣкоторыхъ изъ нихъ. Я увидалъ человѣческія головы, недавно отрубленныя и привѣшенныя за волосы къ лукамъ сѣдла, пѣшихъ плѣнниковъ, влекомыхъ на веревкѣ, и женщину, привязанную на ослѣ, правый и лѣвый поводъ котораго держали два всадника, вѣроятно, для того, чтобы поднимать бѣдное животное, когда оно спотыкалось на скорой ѣздѣ. Женщина эта не имѣла покрывала мусульманокъ; черныя ея волосы падали буклями, вполонину сплетенными косами, изъ-подъ пыльнаго, съ распушенными складками, тюрбана. Состраданіе солдатъ, а можетъ-быть, другая причина, побудила накинуть на ея плечи солдатскій плащъ, который, булуци застегнутъ у шеи, закрывалъ только часть ея тюники и шелковыхъ шалваръ, съ серебрянымъ шитьемъ, блиставшимъ изъ-подъ покрывавшаго ее слоя грязи. Измученная усталостію, склонившаяся, какъ цвѣтокъ, слишкомъ тяжелый для своего стебля, качаясь корпусомъ при каждомъ сотрясеніи, несмотря на перевязи и стараніе держаться руками за сѣдло, несчастная представляла образъ скорби и самаго послѣдняго униженія. Во-время краткаго отдыха, доставленнаго остановкой, она съ безпокойствомъ озиралась кругомъ, смущенная раздавшимися вокругъ нея проклятіями; тогда только я замѣтилъ ея профиль, показавшійся мнѣ знакомымъ. Вскорѣ плѣнница увидѣла офицеровъ, стоявшихъ у заставы. Она осталась неподвижна; потомъ внезапно протянула руки къ намъ, съ силою крича: *Василика!* Я наконецъ узналъ ее, это была та самая, которая подала мнѣ меду на островѣ Наксосѣ, дочь Димитріи! На ея голосъ, я безразсудно бросился впередъ къ ней на помощь; къ счастью, мои товарищи удержали меня, иначе я былъ бы раздавленъ. Начальникъ спаговъ, соскучившись ждать, пока разойдется толпа, спустя двѣ минуты потерялъ терпѣніе. Приказавъ своему штабу взять въ руки поводья, оканчивавшіеся ремнемъ, онъ самъ подалъ примѣръ, хлопнувъ имъ въ воздухъ и пришпоривъ лошадь прямо на скопище. По знаку начальника, острые стремена ударили въ бока лошадей, эскадронъ понесся во весь духъ, съ неистовымъ гамомъ, разрѣзалъ толпу народа, по-

добно залпу изъ пушекъ, повалилъ животныхъ и людей, и проѣхалъ мимо, какъ ни въ чемъ не бывало. Продавцы, животныя, носилки, коробки, все было повалено, и снаги вскорѣ пропали изъ нашего вида.

Я горѣлъ нетерпѣніемъ увѣдомить командира, что нашлась женщина, которую фрегатъ такъ долго искалъ. Мы поспѣшно вернулись въ портъ; командиръ только что туда пріѣхалъ съ плѣнными филленами, которыхъ паша отдалъ безъ затрудненія. Командиръ окликалъ шлюпъ, стоявшій на якорѣ въ открытомъ морѣ, и торопилъ насъ, желая до ночи вернуться къ эскадрѣ. Мы рассказали ему то, чему были свидѣтелями. При первыхъ, имъ разслышанныхъ словахъ, ибо мы говорили все вмѣстѣ, командиръ сдѣлался внимателенъ. Какое счастье! вскричалъ онъ: я очень радъ, что *la Fleur-de-Lis* съ честью выходитъ изъ этого смѣшнаго дѣла.

Товарищи мои были немедленно отправлены; я одинъ получилъ приказаніе сопровождать командира въ крѣпость, гдѣ была квартира Ибрагима; но когда мы пріѣхали, пашу нельзя было видѣть: онъ былъ на половинѣ своихъ женъ. Командиръ, несмотря на свое желаніе, скорѣе возвратиться, рѣшился провести эту ночь на якорѣ; онъ предувѣдомилъ о своемъ посѣщеніи, и мы удалились. На слѣдующій день, мы рано утромъ были передъ крѣпостью. Модонскій замокъ имѣетъ венеціанскую архитектуру, исключая одной башни, построеніе которой относится ко временамъ Жофруа Вильгардуена, принца Ахайскаго, къ 1205 г. Море омываетъ стѣны, обращающіяся въ развалины. Одинъ изъ беевъ ввелъ насъ въ залу дивана, имѣвшую, вмѣсто всякой мебели, одну софу съ кучею подушекъ, вмѣсто украшеній, картонъ, окрашенный въ голубой цвѣтъ, и лѣпную работу. При шумѣ, голуби вылетѣли кучею изъ-подъ оконницъ, но вскорѣ возвратились, одинъ за однимъ, ворковать, сидя на карнизѣ. Послѣ двадцатиминутнаго ожиданія, раздался на лѣстницѣ стукъ отъ прикладовъ и шпоръ; хриплые голоса, лай своры наполнили корридоръ. Двери растворились, выскочили пять борзыхъ составлявшихъ авангардъ свиты изъ муллъ, офицеровъ, саванниковъ, выстроившихся лицомъ къ порогу, и паша явился; онъ подвигался между строемъ наклоненныхъ головъ, и сѣлъ на канапе.

По приглашенію пашы, мы сѣли подлѣ него; кофе и трубки были поданы рѣзвыми мальчиками, которые съ усмѣшкой по-сматривали, какъ мы пили и курили. Послѣ обычныхъ вѣжливостей и поклоновъ, толмачъ обратился къ командиру съ вопросомъ о причинѣ его посѣщенія «столь же пріятнаго его свѣтлости, сколь ясное утро для глазъ путешественника.» Разсказъ командира не заключалъ въ себѣ ничего слишкомъ веселаго; однако онъ очень забавлялъ Ибрагима, хохотавшаго во все горло, и прерывавшаго переводчика колкими замѣчаніями, обращаемыми къ придворнымъ, Хорошее расположеніе пашы было общительнымъ; всѣ эти длинныя бороды, эти тюрбаны, эти острия шапки потеряли свою натянутость; большія гримасы свели морщины съ лицъ, до того неподвижныхъ; но каждый былъ на сторожѣ, не спуская глазъ съ повелителя и сохраняя внимательную физиономію и мускулы, готовые перенимать движенія повелительнаго лица. Если я не понималъ грубой этой веселости, я не лучше могъ объяснить себѣ внезапную важность, съ какою Ибрагимъ выслушалъ окончаніе исторіи и просьбу командира, во имя адмирала, дать свободу Василикѣ, дочери Хіоскаго Димитрія.

Когда командиръ кончилъ говорить, паша нѣкоторое время не давалъ отвѣта; рука его разглаживала бороду, а нога машинально дразнила любимую собаку, острые зубы которой кусали кожу его саногъ. Наконецъ онъ сказалъ нѣсколько арабскихъ словъ, и присутствующіе, послѣ почтительнаго поклона, немедленно оставили залу. Паша долго разговаривалъ съ переводчикомъ, который потомъ сказалъ французскому офицеру; «Его свѣтлость проситъ командира разсказать еще разъ, ничего не опуская, исторію похищенной женщины». Ибрагимъ и драгаманъ приготовились слушать, а командиръ началъ снова свой разсказъ. Когда, дойдя до поступка Василики въ гостиницѣ, онъ указалъ на меня пальцемъ, какъ на того, которому молодая дѣвушка подала тарелку съ медомъ, паша казался очень озабоченнымъ, и забывъ, что я не понимаю турецкаго языка, онъ съ живостью обратился ко мнѣ. Я спросилъ объясненія у драгомана, сказавшаго мнѣ, что его свѣтлость желаетъ слышать отъ меня продолженіе этого разсказа. Невольная дрожь пробѣжала по мнѣ, непонятная настойчивость пашы узнать малѣйшія подробности происшествія, повидимому для него посторонняго,

начинала меня беспокоить. Надо было однако отвѣчать; я это сдѣлалъ, не щадя моего самолюбія, находя удовольствіе расхвалить на мой счетъ гордость и скромность Василики. Я съ радостью услышалъ вздохъ облегченія, вырвавшійся изъ груди пашы. Онъ подумалъ немного, и вставъ съ капане, пригласилъ насъ за нимъ слѣдовать. Мы поднялись по каменнымъ лѣстницамъ, приведшимъ насъ къ корридорамъ, зубчатымъ парапетамъ, съ которыхъ видъ простирался на заливъ и деревни. Ибрагимъ постучался у одной двери; вооруженный человекъ отворилъ ее изнутри; взгляды невольника выразили бессмысленное удивленіе, когда онъ увѣрился, что и мы войдемъ въ комнаты. Паша намъ сдѣлалъ знакъ войти, и мы послѣдовали за нимъ.

Мы были въ самой отдаленной части замка; стрѣльчатая окна, средневѣковыя бойницы, сооруженныя крестовосцами, выказывались со всѣхъ сторонъ. Мы дошли такимъ-образомъ до послѣдней комнаты, сдѣланной между толстыми стѣнами, кончавшимися шпиремъ, навешеннымъ надъ волнами. Она представляла ротонду, гдѣ арабское искусство истощило всѣ свои прихоти; чеканенныя вазы, наполненныя цвѣтами, ковры, занавѣсы съ золотою бахрамою, серебряныя сосуды, великолѣпное дамасское оружіе, книги, съ рисунками и странными буквами, подушки, мандалина, забытая на паркетѣ, множество прекрасныхъ украшеній, дѣлали изъ этого пріюта вѣрную копию покоевъ Альгамбры или дворца въ Багдатѣ, въ цвѣтушіе дни калифата. Два узкія полукруглыя окна освѣщали это убѣжище. Изъ одного видъ былъ на море, Магискія долины, вершины Тайгета, группу острововъ Сапіенца и парусный флотъ французскій, стоявшій вдоль берега; изъ другаго—на лагерь, его палатки, его муравейникъ, занятый работами, горы Эгалея, Наваринъ и заливъ Каламатскій до устья Памизуса.

Мы сидѣли, теряясь въ догадкахъ, зачѣмъ Ибрагимъ привелъ насъ въ свой гаремъ, когда обнаженная рука негра подняла занавѣсъ, и мы увидѣли закутанную въ покрывало женщину, введенную евнухомъ и подвигавшуюся къ призмѣ солнечныхъ лучей, проникавшихъ въ окно. Она остановилась, вытянувшись, передъ пашею, снова повеселѣвшимъ и наслаждавшимся нашимъ недоумѣніемъ, которое онъ продолжалъ нарочно. Онъ возбудилъ до такой степени наше любопытство, пригласивъ насъ голо-

сомъ и жестомъ посмотрѣть подъ покрывало, что я бросился скорѣе поднять его; но евнухъ предупредилъ это нарушение законовъ серала, и кинувъ на меня грозный взглядъ, снялъ газъ съ головы женщины. Это была Василика; я зналъ это заранѣе, хотя и не могъ понять, какимъ-образомъ она находилась въ этомъ мѣстѣ, такъ пышно одѣтая и убранная брилліантами и ожерельями. Командиръ спросилъ меня, та ли это прекрасная дѣвушка, которая мнѣ подала медъ въ Наксосѣ. Я отвѣчалъ, что это была та самая и что достаточно видѣть ее разъ, чтобы никогда не забыть. Онъ немедленно потребовалъ официальнымъ образомъ выдачи плѣнницы; паша, подсмѣивавшійся изъ-подтишка, подалъ знакъ согласія головой, и толмачъ сказалъ: «Его свѣтлость не противится освобожденію Василики; объявите же ей ваше желаніе».

Командиръ объяснилъ тогда молодой дѣвущкѣ назначеніе de la Fleur-de-Lis, отправленнаго ее отыскивать, тщетное его плаваніе между Цикладами, и случай, приведшій ее наканунѣ навстрѣчу офицеру, у котораго она въ Наксосѣ просила помощи. Василика, съ сложенными крестомъ руками и опущенными глазами, выслушала драгомоновъ переводъ, фразы за фразой, этой рѣчи. Колебаніе груди, дрожаніе ея губъ, выражали сильную радость. Командиръ объявилъ Василикѣ, что несчастія ея кончены, паша возвратилъ ей свободу, и Франки отвезутъ ее въ объятія ея отца. Василика съ восторгомъ кинулась къ намъ, и мы отправились съ давно-желанною спутницею къ ея отцу. Нужно ли исчислять благодарности старца и всей семьи, радость дочери и всѣхъ обитателей небольшого острова. Мы были свидѣтелями такихъ сценъ, которыя достаются въ удѣлъ немногимъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1706 года.

83. ИСТОРИЯ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА. 1683—1725. Составилъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Штабсъ-Капитанъ Карцовъ. С.п.-б. 1852 часть первая стр. 259; приложен. стр. 56 въ 8-ю д. л. (цѣна съ рисунками 4 руб. сер).

Въ русской военной литературѣ теперь довольно часто встрѣчаются исторіи различныхъ полковъ. И это весьма понятно. Устройство русской арміи въ настоящее блистательное царствованіе Государя Императора Николая Павловича достигло высшей степени правильности и возможнаго совершенства; является, поэтому, необходимость знать, какъ и въ какія времена послѣдовательно развивалось это устройство и дошло до нынѣшняго своего состоянія. Къ тому же многіе полки считаютъ свое существованіе не только какими-нибудь десятками лѣтъ, но даже столѣтіями. Отъ учрежденія, на примѣръ, полка Семеновскаго прошло болѣе полутора вѣка.

Исторія полковъ Лейбъ-Гвардіи тѣсно связана съ исторіей Россіи вообще. Отличительный характеръ нашей исторіи—единство; если происходили у насъ преобразованія, то они происходили во всемъ общественномъ организмѣ, во всѣхъ разнообразныхъ его элементахъ въ одно время, какъ въ мірѣ гражданскомъ, такъ и въ мірѣ военномъ. Княжескія и бояр-

скія ополченія, стрѣльцы съ ихъ фезыю, съ отложеннымъ воротникомъ, съ ихъ желѣзными и мѣховыми шапками, пистолетами, скаадаками, самопалами и саблями — неотдѣлимы отъ древней Россіи, ея старой, узкой политики, ея нравовъ и обычаевъ и образа веденія войнъ; такъ точно потѣшныя или Лейбъ-Гвардія неотдѣлима отъ новой Россіи: при Полтавѣ она спасла нашу европейскую національность и рѣшила судьбу двухъ царствъ; она была орудіемъ осуществленія геніальнѣйшихъ видовъ Великаго Преобразователя; она дралась, по его собственному выраженію, не казацкимъ, а солдатскимъ боемъ; она носила шляпы, камзолы, епанчи, галстуки, башмаки, штыки, шпаги и т. д. Одно уже сухое исчисленіе полковыхъ чиновъ приноситъ какое-то странное удовольствіе: чувствуешь, что подъ этими новыми названіями скрываются новыя идеи. Стоитъ только бросить взглядъ на одинъ Петербургъ, чтобы вспомнить, чѣмъ была Лейбъ-Гвардія: эту Петропавловскую крѣпость строили Семеновцы; на Охтѣ, древнемъ Ніеншацѣ, били Шведовъ Семеновцы; у Троицкаго собора, когда Петръ I поздравлялъ Русскихъ съ Ништадтскимъ миромъ, или принималъ титулъ Императора—стояли тѣ же Семеновцы.

Оттого мы съ живѣйшимъ любопытствомъ обратились къ сочиненію Г. Штабсъ-Капитана Карцова, имя, въ первый разъ встрѣчающееся въ нашей военной литературѣ. Г. Карцовъ раздѣлил свой трудъ на слѣдующія части: введеніе, военныя дѣйствія и внутреннія учрежденія. Каждая изъ этихъ частей подраздѣляется еще на отдѣлы: введеніе заключаетъ въ себѣ исторію потѣшныхъ и формированія Семеновскаго полка; военныя дѣйствія—Азовскіе походы (1695 и 1696 годовъ), Сѣверную войну (1700—1721) и войну съ Персіей (1722); внутреннія учрежденія—комплектованіе полка, составъ и численность чиновъ, управленіе, денежное содержаніе, продовольствіе полка, обмундированіе полка, вооруженіе полка, фронтное образованіе, служба, госпитальная часть, подъемная часть, помѣщеніе полка и неслужебный бытъ. Кромѣ-того, къ сочиненію присоединены еще карты, планы, рисунки и вооруженія Семеновскаго полка и портретъ Петра Великаго.

Хотя исторія Семеновскаго полка написана вообще хорошо,

прекраснымъ и чистымъ языкомъ, но въ ней есть и недостатки, по нашему мнѣнію, довольно значительные. Во-первыхъ, авторъ не раздѣлил своей исторіи на періоды, которые непременно должны быть въ жизни такого важнаго полка; правда, что въ заглавіи появившагося нынѣ перваго тома напечатано: «царствованіе Императора Петра Великаго, 1683—1725», что намекаетъ какъ будто-бы на раздѣленіе, но въ самомъ введеніи не сказано объ этомъ ни слова. Во-вторыхъ, въ исторіи военныхъ дѣйствій, г. Карцовъ описываетъ дѣйствительно однѣ военныя дѣйствія, нисколько не упоминая объ ихъ причинахъ и поводахъ, развѣ иногда вскользь, въ примѣчаніи; отчего, какъ намъ кажется, значеніе полка, о которомъ мы говорили выше, сильно уменьшается. Конечно, это случилось отъ того, что авторъ хотѣлъ держаться въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ—предѣлахъ исторіи одного Семеновскаго полка, и такимъ-образомъ отъ качествъ его произошли недостатки. Все-таки можно было бы хотя въ краткомъ обзорѣ охарактеризовать роль этихъ войнъ въ исторіи Россіи и Европы. Наконецъ, авторъ все еще считаетъ Лефорта и Гордона наставниками Петра, хотя г. Устряловъ давно уже опровергнулъ это мнѣніе. Описывая Прутское дѣло, Г. Карцовъ, утверждаетъ, что Петръ Великій первый началъ просить мира, тогда какъ молдавскія лѣтописи говорятъ совсѣмъ противное. Конечно, мы и не думаемъ требовать рѣшенія такихъ важныхъ историческихъ вопросовъ въ исторіи полка, но слѣдовало бы упомянуть объ этомъ противорѣчій двухъ различныхъ источниковъ извѣстій.

Полагая, что военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ Семеновскій полкъ, болѣе или менѣе извѣстны нашимъ читателямъ изъ другихъ книгъ, мы обратимся къ самой интересной части сочиненія Г. Карцова—внутреннимъ учрежденіямъ полка.

Начало исторіи Семеновскаго полка сливается съ исторіею Потѣшныхъ. Не довольствуясь числомъ добровольно въ нихъ записавшихся, Петръ комплектовалъ Потѣшныхъ переводами молодыхъ людей всякаго состоянія изъ другихъ службъ. Отъ этого вскорѣ дворецъ села Преображенскаго и слободы его, гдѣ жили Потѣшные, сдѣлались недостаточными для помѣщенія новобранцевъ. Царь перевелъ половину ихъ въ сосѣднее уве-

селительное село Семеновское, и называлъ Потѣшными Семеновскими.

Семеновскіе Потѣшные составили особую роту, которая, постепенно увеличиваясь, въ 1695 году переформирована въ полкъ, сохранившій тоже имя.

Въ 1698 году Семеновская потѣшная рота переведена была изъ села Семеновскаго въ Москву, гдѣ ей построили особые деревянные дома. Это послужило основаніемъ особой слободы, названной Семеновскою.

По раздѣленіи Потѣшныхъ, занятія ихъ превратились изъ дѣтскихъ игръ въ правильное изученіе фронта. Оно производилось по новому, самимъ Царемъ исправленному уставу. Потѣшные весьма, часто, вмѣстѣ съ другими немногими регулярными полками, производили въ окрестностяхъ Москвы маневры. На этихъ маневрахъ, создаваемыхъ Царемъ войска дѣйствовали обыкновенно противъ армій, формируемыхъ по системѣ того времени, изъ ополченій. Этими уроками Петръ приготавливалъ Потѣшныхъ къ высокой чести быть основаніемъ своей гвардіи, и показывалъ приверженцамъ прежняго порядка ихъ заблужденія. Коломенскимъ маневромъ кончились потѣхи Петра. Онѣ заключили забавы юноши и были послѣдними дѣлами Потѣшныхъ. Все вышесказанное говоритъ само собою, что Потѣшные были началомъ регулярныхъ войскъ въ Россіи. По образцу ихъ переформированы были полки: Бутырскій и Лефортовъ; они же замѣняли матросовъ при плаваніи Царя по Клецину-озеру. Еще ранѣе раздѣленія на Преображенскихъ и Семеновскихъ приучили ихъ къ конной службѣ по европейскому манеру. И такъ Потѣшные были первые пѣхотинцы, первые кавалеристы и первые матросы въ Россіи.

Въ первые годы своего существованія полкъ комплектовался людьми, болѣею частію, по непосредственному назначенію самаго Государя, который не стѣснялъ себя при этомъ ни числительностью, ни другими условіями. Во все время царствованія Петра Великаго, въ полкъ поступали преимущественно дворяне; можно сказать, что только треть полка комплектовалась людьми посадскими, боярскими дѣтьми и жильцами. Во время походовъ, при значительной убыли людей, комплектованіе полка производилось исключительно двумя путями: пере-

водомъ изъ арміи и рекрутами. Переводили какъ изъ пѣхоты, такъ и изъ кавалеріи; а рекрутъ набирали преимущественно въ Москвѣ, и приводили къ дѣйствующей арміи партіями. Кромѣ исчисленныхъ случаевъ комплектованія, въ полкъ имѣли право поступать дѣти всѣхъ чиновъ, когда-либо служившихъ въ немъ. Это обстоятельство, выставленное въ челобитной, давало просителю преимущество предъ другими, и почти всегда принималось во вниманіе. Въ спискахъ полка весьма часто встрѣчаются отмѣтки, что сыновья записывались на мѣста отцевъ своихъ. Совмѣстная служба съ родственниками была также принимаема въ уваженіе. Кромѣ русскихъ подданныхъ, въ полкъ записывались и иностранцы.

Составъ Семеновскаго полка до 1711 года безпрерывно измѣнялся, не только въ числѣ, но и въ названіи чиновъ. По окончаніи формированія своего онъ состоялъ изъ трехъ батальоновъ; каждый батальонъ раздѣлялся на четыре роты, которыя считались одна за другою по порядку; въ 1-мъ батальонѣ: роты 1-я, 2-я, 3-я, 4-я; во-второмъ: 5-я, 6-я, 7-я и 8-я; въ третьемъ: 9-я, 10-я, 11-я и 12-я. Сверхъ-того была гренадерская рота, которая не принадлежала ни къ одному изъ батальоновъ, а иногда, особенно во-время военныхъ дѣйствій, дѣлилась между ними по частямъ.

Роты раздѣлялись на капральства, число которыхъ измѣнялось, но не было никогда менѣе 4-хъ и болѣе 8-ми, оставаясь всегда четнымъ и одинаковымъ во всѣхъ ротахъ полка. Кромѣ 13-ти строевыхъ ротъ, была *пушкарская* или артиллерійская команда, которая по временамъ то входила въ составъ ротъ то составляла отдѣльную часть. Была еще *заротная команда*, состоявшая изъ элбардщиковъ, извощиковъ и деньщиковъ. Въ послѣдствіи къ нимъ присоединились гобоисты, писаря, фельдшера, пекарскіе ученики, мастеровые всякаго рода и профосы. Въ 1705 году учреждена при полку отставная рота, называвшаяся, по причинѣ постоянного расположенія въ Москвѣ, *Московскою отставною Семеновскою ротою*. Въ нее поступали тѣ чины полка, которые, за старостію, ранами и болѣзнями, не могли нести фронтовой службы.

Чины полка были слѣдующіе: капраль, подпрапорщикъ, ротный писарь, каптенармусъ и сержантъ. Въ-послѣдствіи при-

бавленъ фурьеръ, занявшій мѣсто между капраломъ и подпрапорщикомъ. Это чины нижніе, за которыми слѣдовали высшіе, или офицерскіе: прапорщикъ, поручикъ, капитанъ, майоръ, полуполковникъ и полковникъ. Въ 1703 году появляется чинъ подпоручика, и вскорѣ за тѣмъ капитанъ-поручика. Чины до майора и въ то время назывались оберъ-офицерскими, носившими общее названіе *господъ полковыхъ штабовъ*. Вакансія полковника иногда оставалась праздною. Это было скорѣ почетное званіе, нежели собственно чинъ. Въ-послѣдствіи Семеновцы имѣли счастье имѣть полковниками только Монарховъ своихъ, что продолжалось до 1796 года. Въ концѣ царствованія Императора Петра Великаго названія чиновъ измѣнены: прапорщики стали именоваться фендриками, подпоручики — унтеръ-лейтенантами, поручики — лейтенантами и капитанъ-поручики — капитанъ-лейтенантами. Сверхъ означенныхъ чиновъ, къ штату полка присоединены, въ разныя времена: полковой секретарь, квартирмейстеръ, обозный адъютантъ, священникъ и лекарь.

Въ первые годы по учрежденіи полка, управленіе имъ производилось по личнымъ распоряженіямъ Государя, а въ отсутствіе его, въ 1697 году, поручено было генералу Гордону.

Въ-послѣдствіи начала обозначаться въ полку другая власть — власть полковаго командира.

Со времени отъѣзда Государя въ чужіе края въ 1697 г., полкъ поставленъ въ зависимость отъ Преображенскаго Приказа, которымъ управлялъ князь-кесарь Ромодановскій, отъ него получали Семеновцы обмундированіе, денежное содержаніе, продовольствіе, и посылали къ нему книги для повѣрки.

Послѣ Преображенскаго Приказа полкъ поступилъ въ вѣдѣніе Сената и Военной Коллегіи. Первый повѣрялъ отчетность полка и распоряжался его содержаніемъ; послѣдняя завѣдывала дѣлами касательно прибыли и убыли людей. Черезъ нее также дѣлались иногда сношенія съ разными присутственными мѣстами и получались общія по военному вѣдомству приказанія. Съ учрежденіемъ Кригсъ-Коммиссаріата, полкъ обязанъ былъ представлять въ него, чрезъ Военную Коллегію, вѣдомости о числѣ и качествѣ мундирныхъ и аммуничныхъ вещей.

О томъ, по какимъ правиламъ было въ полку производство до 1711 года, не сохранилось никакихъ извѣстій. Судя по

послужнымъ спискамъ, оно дѣлалось преимущественно за отличие въ военныхъ дѣйствіяхъ и на убылыя мѣста, оставшіяся послѣ убитыхъ, выходящихъ за старостью и ранами и переводимыхъ изъ полка. Съ 1722 года, по окончаніи персидской компаніи, главнымъ основаніемъ производства были вакансіи. Впрочемъ на нихъ производились не старшіе въ чинахъ, а удостоиваемые по балотированію, которое дѣлалось слѣдующимъ порядкомъ: всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка собирались вмѣстѣ, и прежде всего произносили слѣдующую клятву:

«Мы, къ настоящему воинскому балотированію назначенные, клянемся Всемогущимъ Богомъ, оное балотированіе чинить по сущей правдѣ, не для какой страсти, дружбы или склонности, подарковъ или зависти, не для дачи; но токмо единс, чтобъ произвестъ въ настоящій рангъ, по Его Императорскаго Величества указу, хощемъ учинить право и нелицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ Христовомъ; въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, нелицемѣрный Судія!»

Послѣ этого полковой секретарь объявлялъ вакансіи, и вмѣстѣ называлъ имена трехъ офицеровъ, кандидатовъ, которые по старшинству должны были занять убылое мѣсто. Тогда всякій изъ присутствовавшихъ, на розданныхъ заранѣе билетахъ, писалъ, удостоивалъ ли онъ каждаго изъ названныхъ къ повышенію или нѣтъ. Кромѣ бѣлыхъ и черныхъ баловъ допускались еще балы сомнительные, которыми балотировали обыкновенно лицъ, недавно въ полкъ поступившихъ и еще мало извѣстныхъ обществу офицеровъ. По окончаніи балотированія составлялся списокъ тѣмъ, которые получали болѣе бѣлыхъ, нежели черныхъ баловъ, и представлялся на Высочайшее разсмотрѣніе. Государь дѣлалъ на немъ собственноручно отмѣтки, награждая чинами тѣхъ, кто имѣлъ большее число баловъ.

Въ первое время послѣ переформированія Потѣшной роты въ Семеновскій полкъ, содержаніе его зависѣло отъ обстоятельствъ войны, временныхъ нуждъ и распоряженій Преображенскаго Приказа. Оно не опредѣлялось ни табелями, ни указами. Жалованье выдавалось по личному назначенію Государя, знавшаго нужды каждаго; отъ этого были въ полку лица, служившія во все безъ жалованья, и примѣры, что младшій получалъ больше старшаго.

Касательно распределенія окладовъ по чинамъ полка, послужные списки, хранящіеся въ архивѣ, представляютъ слѣдующія свѣдѣнія.

Для примѣра беремъ списокъ 1702 года.

Въ то время получали:

	Деньгами.	Хлѣбомъ.	Солюю.
Маіоръ	168 руб.	15 юфтей.	
Капитанъ	134 —	11 —	
Поручикъ	96 —	8 —	
Прапорщикъ	63 —	10 —	
Сержантъ	21 —	10 —	5 пудъ.
Каптенармусъ	18 —	10 —	5 —
Капраль	17 —	3 —	4 —

Оклады рядовыхъ раздѣлялись уже на разряды. Они были *старый и племянничій*. За особое отличіе по службѣ давался *капральскій* окладъ. Кромѣ-того существовалъ еще *цареградскій рубль*, за что и когда данный, неизвѣстно.

Старый окладъ состоялъ: деньгами 16 рублей, хлѣба 6 юфтей и соли 3 пуда.

Племянничій—деньгами 11 руб., хлѣба 2 юфти, соли 2 пуда.

Какимъ образомъ и въ-слѣдствіе какихъ причинъ увеличивались потомъ оклады, дѣла полка не объясняютъ, хотя изъ нихъ видно, что содержаніе офицеровъ, къ концу царствованія Петра I-го, возрасло весьма значительно.

Служба полка въ мирное время, кромѣ фронтоваго образованія, состояла: въ караулахъ, дежурствахъ, командировкахъ, работахъ, участіи въ торжествахъ и церемоніяхъ. При Его Царскомъ Величествѣ постоянно находилось нѣсколько офицеровъ и рядовыхъ Семеновскаго полка.

Село Семеновское, гдѣ помѣщалась Потѣшная рота, было мѣстопребываніемъ полка въ первые годы его существованія. Съ 1700 года полкъ располагался въ Москвѣ, по квартирамъ, въ предмѣстьяхъ Землянаго города и на Воронцовомъ полѣ. Постоянное размѣщеніе полка въ этомъ мѣстѣ было причиною, что одна изъ главныхъ улицъ его, получила названіе Семеновской-слободы. Касательно помѣщенія полка въ Петербургѣ, изъ дѣла полковаго архива видно слѣдующее. Въ началѣ весь полкъ раз-

ставлялся на Петербургской сторонѣ и Васильевскомъ островѣ; по мѣрѣ же заселенія адмиралтейской части, нѣкоторыя роты, а въ-послѣдствіи и цѣлый батальонъ, расположены на лѣвомъ берегу Невы. Квартиры отводились во всѣхъ домахъ, безъ всякаго исключенія, съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждую комнату или покой дома, приходилось по два постояльца. Въ 1720 году Государь приказалъ отвести мѣста для постройки домовъ, которые служили бы помѣщеніемъ всѣмъ чинамъ полка. Въ слѣдующемъ году фортификаціонная канцелярія вымѣрила пространство за рѣкою Фонтанкою, отъ нынѣшняго Аничкина и до Обухова моста и представила планъ на Высочайшее разсмотрѣніе. Все это мѣсто назначено подъ строеніе Семеновскаго полка и поступило въ его владѣніе. Въ 1728 году разрѣшено всѣмъ чинамъ полка строить собственные дома на полковой землѣ, съ тѣмъ, чтобы выстроенный въ распоряженіи полка домъ не продавался никому, кромѣ служащихъ въ полку; въ случаѣ же выхода или перевода изъ полка владѣльца, казна вносила за домъ деньги, и онъ дѣлался полковою собственностью. Такою мѣрою полагали застроить все отведенное пространство, и постепенно обратить эти строенія въ собственность полка.

Дѣти нижнихъ чиновъ мужескаго пола, съ 8-ми лѣтняго возраста, записывались въ списокъ полка, и считаясь малолѣтними, оставались на содержаніи родителей до 18 лѣтъ; потомъ, смотря по росту и способностямъ, поступали во фронтъ, въ извошники, фельдшера, гобоисты и мастеровые. Самые неспособные отправлялись въ матросы.

Чины полка, выбывшіе за ранами и старостью, въ тѣхъ случаяхъ, когда не могли нести службы въ отставной ротѣ и не имѣли средства содержать себя, отправляемы были въ монастыри, на полное содержаніе, или получали пенсію.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, внутреннія учрежденія Семеновскаго полка, такъ ясно и точно описанныя г. Карцовымъ. Но при первомъ, даже поверхностномъ взглядѣ на нихъ видно, что они не только заимствованы изъ военныхъ учреждений древней Россіи, но что они, по большей части принадлежатъ стрѣльцамъ. Отчего мы думаемъ, что Семеновскій полкъ комплектовался также распушенными стрѣльцами, и во многомъ сохранялъ ихъ устройство. Это мы сейчасъ докажемъ.

Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что по преимуществу въ полкъ поступали дѣти нижнихъ чиновъ полка и записывались въ его списки—это было не только у стрѣльцовъ, но это было во всей древней Россіи, во всѣхъ ея общественныхъ элементахъ. Князья наши старались удержать великокняжеское достоинство въ своемъ потомствѣ и роднѣ; бояре свои чины и званія, отчего произошло и мѣстничество; среднее сословіе—тоже; однимъ словомъ здѣсь высказывается одно изъ коренныхъ началъ древней Руси, *родовое*, которое основывалось на единственной правоспособности того времени—давности.

Во-вторыхъ извѣстно, что въ стрѣлецкую службу записывались не только стрѣльцы, но ихъ дѣти братья, *племянники*, подсуздники и захребетники. Отсюда произошло изданіе оклада рядовыхъ Семеновскаго полка: *старого и племянничьяго*, заимствованное у стрѣльцовъ, безъ чего эти названія будутъ совершенно непонятны, равно какъ и цареградскій рубль.

Послѣдовавшее въ 1728 году разрѣшеніе нижнимъ чинамъ Семеновскаго полка, строить собственные дома на полковой землѣ съ тѣмъ, чтобы выстроенный въ распоряженіи полка домъ не продавался никому, кромѣ служащихъ въ полку, напоминаетъ не только одно изъ обыкновенныхъ явленій древней Россіи, служившее дополненіемъ родовому началу и перенесшее его на собственность, какъ напр. у бѣломѣстцевъ и тяглыхъ людей, но главную черту устройства стрѣльцовъ, только съ тѣмъ маленькимъ различіемъ, что стрѣльцамъ дома строились на счетъ казны, а Семеновцамъ, какъ видно изъ сочиненія г. Карцова, на ихъ собственный счетъ.

Командировки офицеровъ и нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка и ихъ состояніе при особѣ Государя, сопровожденіе Его и Царицы въ родѣ почетнаго конвоя, есть ни-что иное, какъ обязанность стрѣльцовъ *быть при стремѣ*, отчего они и получили названіе *стремяныхъ*.

Накоонецъ, отставные нижніе чины Семеновскаго полка, за старостію, отправлялись въ монастыри на полное содержаніе, такъ же какъ нѣкогда стрѣльцы.

Кажется, что этого достаточно, чтобы доказать справедли-

вость нашей мысли. Г. Карцовъ не анализировалъ внутреннихъ учрежденій Семеновскаго полка, не показалъ, что въ нихъ стараго и что въ нихъ новаго, отчего у него не могутъ быть ярки самые періоды существованія Семеновскаго полка.

Книга издана очень изящно, на прекрасной бумагѣ и напечатана крупнымъ, красивымъ шрифтомъ. Жаль только, что много опечатокъ, и даже извѣстный военный писатель г. Висковатовъ названъ Висватовымъ.

Къ книгѣ приложены рисунки формъ одежды, вооруженія и знаменъ Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, числомъ 16, прекрасно литографированные.

84. ИСТОРИЧЕСКІЙ ПАМЯТНИКЪ СОСТОЯНІЯ АРМЯНСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ ЭПОХУ ПРИСОЕДИНЕНІЯ КЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, сочиненіе И. Шопена, Статскаго Совѣтника, бывшаго Предсѣдателя Управленія по доходамъ и казеннымъ имуществамъ Армянской области. СПб. въ типогр. Импер. Академіи Наукъ 1852 года.

Между Ефратомъ и Каспійскимъ моремъ находится страна, по своему пространству почти равная нынѣшней Франціи, если означимъ границы ея на сѣверъ до Грузіи и горъ Кавказскихъ, а на югъ до Діарбекира. Эта страна называется Арменією, названіе, которое мы встрѣчали въ Св. Исторіи, а имена Тиграна и союзника его Митридата, царя Понта, ихъ войны съ Римлянами остались въ нашей памяти послѣ изученія Всеобщей Исторіи.

Греки, Персы и Римляне, которые послѣдовательно господствовали въ Арменіи, оставили намъ отрывочныя извѣстія объ этой странѣ, и часто ссылаются въ своихъ сочиненіяхъ на историковъ халдейскихъ, сирійскихъ и даже греческихъ, которыхъ труды утрачены. Что касается до Арменіи, то литература ея, какъ замѣчаетъ Г-нъ Шопенъ, въ особенности отличается историческими произведеніями. Но эти историческія произведенія оставались нѣсколько вѣковъ неизвѣстными для Европейцевъ, пока миссіонеры и ученые, изучивъ армянскій языкъ, не открыли литературныя и историческія сокровища Арменіи. Первый изъ нихъ былъ Галенъ, жившій въ 17 столѣтіи; на островѣ Св. Лазаря, въ томъ же 17 столѣтіи, Армянинъ Мешитаръ основалъ монастырь, иноки котораго дѣятельно занимались отечественною литературою. Мы имѣемъ очень мало сочиненій

или, вѣрнѣе сказать, переводовъ касательно исторіи Арменіи, и вельзл не пожалѣть, что сочиненіе Г-на Емина, «О пѣсняхъ и преданіяхъ народныхъ древней Арменіи», изданное въ Москвѣ 1850 года не нашло себѣ переводчика. При такомъ недостаткѣ сочиненій историческихъ о странѣ, принадлежащей намъ съ 1826 года, мы съ удовольствіемъ встрѣтили «Историческій Памятникъ состоянія Армянской-области въ эпоху ея присоединенія къ Россійской-Имперіи», составленный Г-номъ Шопеномъ, и еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ прочли предисловіе автора, гдѣ онъ исчисляетъ матеріалы, которыми пользовался. Но при такихъ средствахъ мы ожидали болѣе, нежели нашли. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ, по нашему мнѣнію, тотъ, что авторъ не позаботился историческою критикою очистить преданія отъ баснословія, и по этому о первой части его сочиненія, которую онъ также назвалъ введеніемъ, и гдѣ помѣстилъ географію, исторію древней Арменіи, обзоръ армянской словесности и археологическій взглядъ на часть Арменіи, составляющую нынѣшнюю Армянскую область, мы скажемъ словами автора: «сколь ни слаба эта часть моей работы, однако я рѣшаюсь представить ее какъ введеніе къ современной статистикѣ Армянской области, потому болѣе, что на русскомъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, вѣтъ еще ничего болѣе полнаго о древнемъ состояніи Армянской области.» стр. IV.

Въ остальныхъ 4-хъ частяхъ авторъ описываетъ физическое, политическое состояніе, богатства, произведенія, подати и сборы съ Армянской области, до самыхъ мелкихъ подробностей. Къ каждой части авторъ прилагаетъ таблицы. Читатель узнаетъ, сколько съ 1828 по 1836 въ каждомъ городѣ Арменіи находилось людей разнаго званія и т. д. Особенно насъ поразило вычисленіе куриныхъ яицъ на каждаго жителя Арменіи. Неужели это необходимо для историческаго памятника? Не входя въ подробный разборъ этого сочиненія, мы замѣтимъ автору, что онъ сдѣлалъ довольно важную ошибку, стараясь возстановить коренную армянскую орфографію историческихъ именъ, измѣнившуюся въ иностранномъ переложеніи; упустилъ изъ виду варианты собственныхъ именъ, что необходимо нужно для облегченія читателя, потому-что собственныя имена государей персидскихъ и другихъ совершенно измѣнились по

произношенію армянскому; напр. по персидскому произношенію Беграмъ, Баламъ, а по армянскому Врамъ, Вагарисъ.

Изъ главы V (стр. 726) мы узнаемъ о бродахъ въ Арменіи. Когда полноводіе проходитъ, въ то время на Араксѣ паромная переправа остается только противъ селеній Амаратъ, Карагасангли, Джульфа и въ Сіарѣ; *во всѣхъ прочихъ мѣстахъ* можно переходить *черезъ рѣки* въ бродъ.

Несмотря на подобные недостатки, въ этой книгѣ есть много интереснаго, и она имѣла бы больше достоинства, еслибы «препятствіе матеріальное не остановило печатанія картъ: топографической, археологической и климатологической.

85. ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКОДОТЫ ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ПЕПИНЬЕРНИ. Издалъ Федоръ Наливкинъ. Москва. Въ типогр. Алекс. Семена. 1852 г.

Книга, какъ видно, назначается для дѣтей; но если назначеніе дѣтскихъ книгъ состоитъ въ томъ, чтобы въ свободное отъ занятій время доставлять дѣтямъ легкое, занимательное и вполне доступное ихъ уму чтеніе, развивающее ихъ понятія и представляющее имъ образецъ хорошаго слога и какъ бы по-вѣрку всего, что являетъ имъ грамматика касательно правописанія,—то книга Г. Наливкина не только не соотвѣтствуетъ этому назначенію, но рѣшительно бесполезна для дѣтей, какъ книга, написанная съ грубыми грамматическими ошибками, которыхъ, среднимъ числомъ, до пяти на каждой страницѣ.—Дѣти смѣло вѣрятъ во все печатное; для нихъ всякая книга законъ: что же выйдетъ, если учитель говоритъ ребенку—пиши: *этого того, его своего, всего, моего, него, старшаго, послѣдняго, високаго, несчастнаго, пошелъ, дошелъ, храбрый, который, несчастный, полководцевъ, не знаетъ, не занимался*, а «Историческіе анекдоты» Г. Наливкина будутъ увѣрять его, что надо писать рѣшительно какъ говорятъ, т. е: *этава, таво, ево, своево, всево, моево, нево, старшева, послѣднева, високава, несчастнава, пошолъ, дошолъ, храброй, которой, несчастной, полководцевъ, не знаетъ, незанимался?* Хорошо, если эта книга попадется бойкому мальчику, онъ не усумнится поправить автора; но ребенка нѣсколько робкаго она приведетъ рѣшительно въ замѣшательство. Кому вѣрять: учителю, или книгѣ? Если авторъ имѣлъ цѣлью ввести новое правописаніе, какъ нѣ-

когда пытался сдѣлать это Г. Лажечниковъ. такъ мы бы совѣтывали ему дѣлать эту пробу не въ дѣтскихъ книгахъ, требующихъ особенно правильнаго языка. И что за странное, непонятное желаніе идти противъ правилъ грамматики, правилъ, укоренившихся въ языкѣ, принятыхъ всеми образованными людьми и считающихся за непреложныя! Это желаніе показываетъ или совершенное незнаніе грамматики, или просто капризь, подобный капризу ребенка ломающаго драгоценную вещь. Спросите его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Онъ вамъ только улыбнется.

Книга Г. Наливкина заключаетъ въ себѣ 29 историческихъ анекдотовъ, растянутыхъ на 220 страницахъ. «Любовь матери», «Прощенье обидъ», «Любовь къ родителямъ», «Простота образа жизни», «Человѣколюбіе и Дѣятельность», и проч. Каждый рассказъ не представляетъ ничего цѣлаго, а состоитъ изъ набора многихъ случаевъ изъ жизни такихъ лицъ, съ которыми мальчикъ знакомится только въ первый разъ, и которыя въ его памяти промелькнутъ гораздо скорѣе, нежели дѣйствующія лица простыхъ побасенокъ. А это оттого, что при довольно бѣдномъ содержаніи слишкомъ много собственныхъ именъ, вовсе неизвѣстныхъ дѣтямъ, да и бездна такихъ словъ и выраженій, которыхъ дѣти рѣшительно не понимаютъ. Должно полагать въ дѣтяхъ слишкомъ большія свѣдѣнія, чтобы начинать такимъ образомъ. Неудобно ли послушать, какими длинными періодами авторъ угощаетъ дѣтей. «Однажды захотѣвши подарить нѣсколь-ко бутылокъ очень хорошева вина, какому-то старому и «больному священнику, который жилъ въ окрестностяхъ «Бервиля, но желая избѣжать благодарности этава старика, онъ поручилъ это одному молодому человѣку, которому «довѣрялъ, и чтобы сократить для него по возможности, путь «довольно длинной, онъ далъ ему свою лошадь, на которой «обыкновенно ѣздилъ» (стр. 34 и 35.)

Желательно знать, что пойметъ ребенокъ изъ рѣчи такого рода:

«Л. Сципіонъ извиняетъ отсутствіе своего брата болѣзною. «Эта причина мнѣ кажется удовлетворительной. Я не потерплю, «чтобъ *его* судили прежде, нежели онъ выздоровѣетъ; и даже «тогда, если онъ обратится ко мнѣ, я употреблю всю мою

«власть для *того*, чтобъ уволили *его* отъ обязанности отвѣ-
«чать на обвиненіе. Люди признаютъ, что Сципіонъ своими
«великими подвигами и почестями, которыхъ вы столько разъ
«удостоивали *его*, достигъ столь высокой степени славы, что
«ему будетъ не такъ стыдно, какъ Римскому народу, когда
«*этава* Сципіона приведутъ къ судебной каюдрѣ, и поставятъ
«цѣлью обвиненіямъ и упрекамъ. Какъ! продолжалъ онъ голо-
«сомъ негодованья, обращаясь къ своимъ товарищамъ, трибу-
«намъ, какъ! вы увидите предъ собой, какъ подсудимава Сци-
«піона, завоевателя Африки? Не онъ ли разбилъ и заставилъ
«бѣжать въ Испанію четырехъ знаменитѣйшихъ полководцовъ
«Карфагенскихъ и ихъ войско? Не онъ ли взялъ въ плѣнъ царя
«Сифокса, побѣдилъ Аннибала, сдѣлалъ Карфагенъ данникомъ
«Рима, наконецъ принудилъ Антиоха побѣдой, которой славу
«раздѣляетъ съ нимъ Л. Сципіонъ, *его* братъ, принудилъ уда-
«литься за гору Тавръ? Неужели, спрашиваю я васъ, неужели
«онъ совершилъ все эти великія дѣла только для *того*, чтобы
«погибнуть отъ злобы своихъ враговъ и видѣть ихъ торжество
«къ стыду Рима? Увы! Видно великіе люди ни въ собствен-
«ныхъ заслугахъ, ни въ почестяхъ, которыми вы ихъ на-
«граждаете, не найдутъ убѣжища гдѣ ихъ старость, за недо-
«статкомъ должнова ей уваженья и справедливова *почету*, бы-
«ла бы по крайней мѣрѣ, укрыта отъ обиды и несправедливо-
«сти? (стр. 19 и 20.)

Подобныя слова и выраженія, какъ: *трибунъ, судебная ка-
федра, Сифоксъ, Антиога, святилище, претендентъ, англійское
правительство оцѣнило его голову, посягать на жизнь, обоба-
тился своей измѣной*, — остаются для дитяти совершенно непо-
нятными. — «А вотъ въ тебѣ такъ еще бродитъ старой хмѣль
лиги». (стр. 27). Ничего нѣтъ мудренаго, что дитя приметъ
эту хмѣльную лигу за какой-нибудь напитокъ. «Извѣстно, что
предметомъ этихъ непонятныхъ бытовъ была англійская коро-
на, объ которой спорили Дамы Ланкастерской и Йоркской». (стр.
9). Ничего тутъ нѣтъ извѣстнаго для дитяти. — «Король Фран-
цузской, Генрихъ IV, великій воинъ безспорно». (стр. 26). Объ
этомъ конечно не заспоритъ ребенокъ, гдѣ ему разсуждать о
такихъ вещахъ; но онъ непременно заспоритъ съ авторомъ о

томъ, что это французскій король, а не французской, и что онъ былъ великій воинъ, а не великой.

Слишкомъ много времени и бумаги пришлось бы употребить на то, чтобы привести все мѣста, являющія рѣдкіе примѣры безграмотности, неясности, обоюдности смысла. Постараемся краткимъ образомъ указать на все эти погрѣшности — изъ чистаго желанія добра дѣтямъ.

Если чтеніе историческихъ анекдотовъ полезно для дѣтей, какъ дополненіе при изученіи исторіи, то книга г. Наливкина не принесетъ этой пользы. Эти анекдоты такъ рассказаны, что дитя не въ состояніи передать ихъ собственными словами. Заставьте его прочесть и потомъ рассказать для примѣра, хоть вотъ этотъ отрывокъ.

«Много превышая, дарованьемъ Неверскова столяра метръ-Адама, этотъ поэтъ—ремесленникъ (Заксъ) былъ самымъ лучшимъ нѣмецкимъ пѣсенникомъ (Мейстерзенгеръ) въ XVI вѣкѣ, и обязанъ своему таланту величайшими почестями и отличіями. Его геній былъ чрезвычайно плодovitъ, и несмотря на грубость языка, его произведения отличаются очаровательнымъ простодушіемъ, неподдѣльнымъ жаромъ, оживленными выраженіями, счастливымъ и богатымъ изобрѣтеніемъ, наконецъ живописью нравовъ поразительно вѣрной и, часто, приправленной сатирическими выходками. Гансъ Заксъ испыталъ себя во всѣхъ родахъ поэзіи. Его пѣсни, числомъ до семи тысячъ, составляли 54 тома въ листъ, написанныхъ его собственной рукой. Стихи его имѣли огромной успѣхъ, и пользовались очень лестной народностью долго и послѣ его смерти. Осмнадцатый вѣкъ былъ столько несправедливъ, что хотѣлъ увѣрить, будто Заксъ пользовался незаслуженной извѣстностью; но Виландъ и Гёте взяли славу его подъ свою защиту и отстаивали, (что? кого)»

Что останется въ головѣ у ребенка, когда ему безпрестанно встрѣчаются выраженія *плодовитый геній, грубость языка, очаровательное простодушіе, неподдѣльный жаръ, оживленное выраженіе, счастливое и богатое изобрѣтеніе, живопись нравовъ, сатирическія выходки, роды поэзіи, народность, осмнадцатый вѣкъ былъ столько несправедливъ, незаслуженная извѣстность, Виландъ, Гёте.* Для уразумѣнія такихъ выраженій нужно упот-

ребить слишкомъ много времени, да приставить къ дѣтямъ наставника, который бы читалъ съ ними вмѣстѣ. Какъ же сдѣлать это, когда бѣдный родитель, изъ любви къ дѣтищу, купитъ ему эту книгу? И будутъ сидѣть они оба надъ ней, спрашивая друга, а что-бы значили эти выраженія?

Не угодно ли взглянуть теперь на грубыя ошибки «Историческихъ анекдотовъ». Авторъ употребляетъ буквы *a* вмѣсто *o* и *o* вм. *ы* тамъ, гдѣ нѣтъ надъ ними ударенія (высокава, этава, послѣднева, несчастной, самой, которой).

Вмѣсто *a* ставитъ *v* (своево, ево, таво).

Въ родительскомъ падежѣ постоянная замѣна буквы *a* буквою *y* (этова роду, съ раннева возрасту, отъ дня провалу, изъ Парижу, жителей городу, изъ арсеналу, Вѣнскава собору, американскава союзу, нетерпѣливостъ его характеру).

Постоянная замѣна *i* буквою *ь* (собрание, спасеніе, величье, благодареніями, наставленіями).

Нарѣчіе отрицанія *не* съ глаголами и дѣепричастіями вездѣ слитно.

Послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ безъ отрицанія родительный падежъ, а съ отрицаніемъ винительный (бросятъ ему въ лицо горячихъ угольевъ, не потеряли всю надежду).

Неидетъ, вмѣсто не идетъ; совсемъ, вм. совсѣмъ.

Неумѣнье отличать союза тоже отъ мѣстоименія *то* съ союзомъ же (*тоже* самое хвалебное пѣніе раздавалось...., въ *туже* минуту).

Вездѣ *еѣ* и ни разу *ел* (объ *еѣ* несчастьи, не разувѣрять *еѣ*, при *еѣ* бѣдности.)

Этъ войны; не красивое пятно; несчастныхъ случаяхъ, которыя; сомной; приемъ; ни кто; на изусть; *хочете*; поналобились нѣсколько книгъ. Онъ часто ходилъ по улицамъ и пѣшкомъ. Жаль, что не верхомъ.

Ко всему этому нужно прибавить бездву опечатокъ, неумѣнье управлять съ запятыми, повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, обоюдность смысла, коверканье собственныхъ именъ, какъ напримѣръ Микель Анжѣ, вм. Анжело, и наконецъ безпрестанно выраженія: все знаютъ; кто не слыхалъ, какъ вы вѣроятно догадались,—вы знаете, безъ сомнѣнья,—тогда какъ дѣти ровно ничего не знаютъ.

Книга издана красиво и съ довольно порядочными картинками.

Просимъ родителей не давать дѣтямъ этой книги; повторяемъ, она испортитъ ихъ. Автору же совѣтуемъ не прежде приступать ко второму изданію, если оно будетъ нужно, пока онъ не исправитъ всѣхъ ошибокъ.

86. ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О МЕТАЛЛАХЪ И ИХЪ СОЕДИНЕНІЯХЪ. С. Петербургъ. Въ типографіи Н. Глазунова и К°. 1852 г.

87. О ХИМИЧЕСКИХЪ ПАЯХЪ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Глазунова. 1852 г.

Эти двѣ брошюры подполковника Алексѣева, заимствованы имъ изъ сочиненій: Cours élémentaire de chimie par M. V. Regnault—1850, Cours de chimie générale par Pelouze et Fremy и нѣкоторыхъ другихъ; статьи эти помѣщены были сперва въ «Горномъ Журналѣ», а теперь изданы отдѣльно.

При такихъ переводахъ всегда полезны прибавленія и примѣчанія, пополняющія то, что не могло быть извѣстно автору оригинальнаго сочиненія; г-нъ Алексѣевъ не послѣдовалъ этому правилу. При изложеніи способовъ опредѣлять пай сѣры, слѣдовало бы упомянуть о прекрасномъ способѣ, употребленномъ Струве*; тоже скажемъ о паѣ мѣди, прибавивъ еще, что пай мѣди выражается по Берцеліусу числомъ 395,60 а не 394,54, какъ представляетъ переводчикъ. Ему должно быть также извѣстно, что въ настоящее время принимаютъ число простыхъ тѣлъ 64 а не 62; Ревъо принималъ ихъ 62 въ 1850 году, но въ-послѣдствіи открыты были новыя простыя тѣла и проч.

Говоря вообще, всѣ статьи изложены въ систематическомъ порядкѣ, нѣкоторыя изъ нихъ изложены полно, другія же развиты недостаточно. Многимъ неимѣющимъ оригинальныхъ сочиненій эти книги будутъ полезны.

88. БРАКЪ КАКИХЪ МАЛО. Романъ Евгенія Лунскаго. (С. К.) С.-Петербургъ. въ типографіи Эд. Веймара 1852. 2 части 1—стр. 100, 2—82, въ 8-ю л. л.

«Бракъ какихъ мало» есть романъ, какихъ много. Онъ былъ

* См. Разсужденіе Струве объ опредѣленіи вѣса пая нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ. 1850 г.

напечатанъ въ журналѣ и теперь является въ отдѣльной книжкѣ. Не понимаемъ, какъ въ наше время еще можетъ являться мысль писать такіе романы, которые ужъ давно всѣмъ надоели: представлять красавицу изъ красавицъ, храбреца изъ храбрецовъ, злодѣя изъ злодѣевъ, героя изъ героевъ. Это время давно уже прошло для искусства; можетъ-быть, такая мысль когда-нибудь имѣла свое значеніе, но теперь рѣшительно не имѣетъ никакого. Мы читали довольно историческихъ романовъ, гдѣ, кромѣ именъ и нѣкоторыхъ происшествій, не было ничего исторически-вѣрнаго; читали довольно семейныхъ романовъ, гдѣ было все исключительное и ничего дѣйствительнаго. Теперь мы имѣемъ право требовать романовъ другаго рода. Отъ историческаго романа мы требуемъ, чтобы всѣ лица, историческія, или вымышленныя, носили характеръ и колоритъ описываемой эпохи, чтобы они были лица типическія, представляющія именно тѣхъ людей, которыя могли существовать только въ извѣстный вѣкъ, могли выработать свои характеры только въ тѣ историческія времена, которыя описываетъ романистъ; эти лица могутъ и не носить историческихъ именъ, но несмотря на то, они все-таки будутъ историческими, потому-что будутъ представителями исторической эпохи, будутъ возрождать въ искусствѣ былое время. Отъ романа семейнаго мы требуемъ идеаловъ, созданныхъ изъ дѣйствительности, событій не обыкновенныхъ, внушающихъ удивленіе, ничего не показывающихъ и недоказывающихъ, а такихъ, которыя бы выражали ясную и понятную идею жизни, необходимую основу современнаго романа. Иначе романъ трудно будетъ отличить отъ сказки. Сказка въ формѣ романа у насъ очень обыкновенное явленіе, но она можетъ занимать только людей, которымъ все-равно, что бы ни читать, лишь бы занять праздное воображеніе. Въ романѣ г. Лунскаго нѣтъ той занимательности, которая возбуждаетъ въ васъ живой интересъ, привязываетъ къ себѣ, и заставляетъ внимательно слѣдить за каждымъ шагомъ впередъ, потому-что вы знаете, что этотъ шагъ дѣлается непопусту. Авторъ передъ нами выводитъ русскую образованную дѣвушку, *первишую* красавицу въ Европѣ. Выражаясь такъ, мы несколько не преувеличиваемъ; самъ нѣмецкій графъ Штейнбургъ, объѣздившій всю Европу, даже въ Испаніи ни разу не встрѣтилъ

такой красавицы; какъ Елена въ Троѣ поражала своею красотою мудрыхъ старцевъ, такъ Вѣра поражала собою всѣхъ, и молодыхъ и стариковъ; всѣ въ нее влюблялись, разумѣется, исключая женщинъ; онѣ завидовали ей, да и какъ было не завидовать. Вѣра была не только первая красавица, но чуть ли не первая пѣвица и музыкантша. Ея внутреннія качества вполне соответствовали наружнымъ. Но времена гомеровскія прошли давно! За Вѣру не сражались, подобно героямъ Илиады. Она жила въ гувернанткахъ у одной злой и капризной барыни, у которой была взрослая дочь, тоже красавица, но только второстепенная. Разумѣется, первостепенная красота брала верхъ надъ второстепенною и противъ воли отбивала у нея всѣхъ жениховъ, за что въ сердцѣ барыни и вмѣстѣ маменьки родилась сильная ненависть къ невинной гувернанткѣ. Отсюда начинаются страданія безпрестанно оскорбляемой первѣйшей красавицы. Герой романа, нѣмецкій графъ Штейнбургъ-Ельсетингъ-Фалькенштейнъ фонъ Шенхаузъ—чудакъ изъ чудаковъ. Представьте себѣ: онъ живетъ въ своемъ графствѣ (въ Саксоніи) какъ владѣтель трехъ или четырехъ городовъ; вдругъ ему вздумалось ѣхать на лондонскую всемірную выставку — это бы еще ничего, но странно то, что ему захотѣлось тутъ же, какъ-будто по дорогѣ, завернуть и въ Петербургъ во время русской ужасной распутицы, и для чего же? до него дошли слухи о продажѣ какой-то картинной галлерей въ Петербургѣ, и ему захотѣлось купить ее. Конечно, нѣмецкій графъ былъ фантазеръ, человекъ весьма странный, какъ его описываетъ и самъ авторъ; но тѣмъ не менѣе эта странность такъ и пахнетъ анекдотомъ объ одномъ Англичанинѣ, который будто-бы пріѣхалъ изъ своего туманнаго отечества въ Петербургъ всего на два часа: поглядѣлъ на памятникъ Петра Великаго, на рѣшетку Лѣтняго-сада, и не сходя съ корабля отправился назадъ. Мы не знаемъ, купилъ ли нѣмецкій графъ картины, а знаемъ только, что онъ черезъ немного дней отправился на всемірную выставку. Дѣлать такіе концы ему было ни по чемъ, тѣмъ болѣе, что денегъ у него куры не клевали, и даже его камердинеръ не дорожилъ ими. Въ Лондонѣ графъ прожилъ недолго, дождался открытія выставки, прошелся по заламъ хрустальнаго дворца, и снова отправился

въ дорогу. Куда бы вы думали? Опять въ Петербургъ! И не потому, что ему Петербургъ нравился, напротивъ, петербургскій климатъ ему былъ слишкомъ не по сердцу; но у него была опредѣленная цѣль; безъ цѣли онъ никуда не ѣздилъ. Ему пришла фантазія посмотрѣть на нашу гувернантку, про которую онъ слышалъ мелькомъ, что она хороша собою. Такія фантазіи и графу Монте-Кристо не могли приходиться въ голову! Какъ бы то ни было, только графъ пріѣхалъ въ Петербургъ, увидѣлъ, побѣдилъ и самъ остался побѣжденнымъ. Онъ призналъ Вѣру первѣйшею красавицею въ Европѣ, но при людяхъ не обращалъ на нее никакого вниманія, смотря на всѣхъ съ холодною презрительною улыбкою: онъ уже давно ненавидѣлъ людей. Здѣсь графъ является первымъ танцоромъ, первымъ музыкантомъ и первымъ пѣвцомъ. Въ него влюбляется и дочь той барыни, у которой жила Вѣра. Послѣ многихъ страданій, сомнѣній, интригъ и пр., графъ, къ досадѣ злой барыни, женится на первой красавицѣ-гувернанткѣ, и такимъ образомъ совершается бракъ, какихъ дѣйствительно мало.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ главное содержаніе романа г. Лунскаго. Не скажемъ, что онъ легко читается. Въ немъ нѣтъ и этого достоинства; растянутость, излишніе эпизоды и описанія наводятъ скуку и дремоту. Авторъ любитъ описывать наряды дѣйствующихъ лицъ, но всѣ эти описанія чрезвычайно напоминаютъ тѣ повѣсти, которыя пишутся для журнальнаго отдѣла модъ, и которыя, помнится, годъ или два назадъ, печатались для разнообразія въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Желая быть какъ можно болѣе *естественнымъ*, авторъ представляетъ въ свѣтскихъ разговорахъ смѣсь французскаго языка съ вижегородскимъ. Неужели въ этомъ должна состоять естественность романа? Пора бы, кажется, и въ простыхъ разговорахъ оставить такую жалкую смѣсь, а тѣмъ болѣе не вводить ее въ литературный языкъ, который требуетъ естественности, но совсѣмъ не такой.

Сколько *свѣтской естественности* напр. въ этомъ разговорѣ:

— Есть еще одна причина, побудившая меня къ этому вояжу, возразилъ графъ, двусмысленно улыбувшись: но вы

узнаете ее послѣ. Quant à present, je suis charmé de me trouver ici, et permettez-moi de vous assurer, qu'en ce moment j'aurais eu tort de regretter les murs du chateau de Steinburg, прибавилъ онъ, съ своею неизмѣнной вѣжливостью и указывая взоромъ на богатую залу и на изящные уборы дамъ, которыя, при безчисленныхъ огняхъ, казались еще великолѣпнѣе.

— Какова бы ни была эта причина, я все-таки благословляю ее, сказала, смѣясь, Зеленцова, потому-что она доставляетъ намъ удовольствіе видѣть васъ. Et je vous remercie infiniment, de ne pas avoir oublié une maison, ou vous êtes toujours le bienvenu

— Вы, кажется, имѣли намѣреніе отправиться въ Штейнбургъ, сказала генеральша, не достигавшая, что бы значила эта излишняя учтивость. Неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ были тамъ ?

— Былъ, отвѣчалъ графъ.

— Не вѣрю.

— Décidément j'ai du malheur aujourd'hui, сказалъ онъ: каждое слово мое подвержено сомнѣнію....

— Но вѣдь графъ говоритъ, что у него есть еще и другая причина, сказала стоявшая тутъ брюнетка въ желтомъ креповомъ платьѣ и въ красныхъ цвѣтахъ. Veuillez donc nous la dire, comte. Ne nous faites pas languir...

— У графа тайна! Ah! par exemple, voilà de nouveau ! и проч.

Русскіе читатели, незнающіе по-французски, рѣшительно не могутъ читать нашихъ современныхъ романовъ. Впрочемъ они немного потеряютъ, если и не прочтутъ «Бракъ, какихъ мало.»

СМѢСЬ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ВЪ ЛОНДОНСКОЙ БОЛЬНИЦѢ.

Непріятно идти по улицѣ Людигъ-Гиль рано утромъ, въ глубокую зиму, когда, послѣ дождливой недѣли, атмосфера наполнена туманомъ съ Темзы и дымомъ каменнаго угля. Посмотрите на куполъ св. Павла: какъ великолѣпенъ онъ среди желтыхъ лондонскихъ облаковъ. Вы едва можете рассмотреть широкій циферблатъ со стрѣлками длиною въ шесть футовъ, и все-такъ тускло и мрачно, что когда вы слышите бой шестаго часа, вы думаете, не ошиблись ли часы и не ушли ли ночью впередъ, чтобы какъ можно скорѣе выбраться изъ этого холоднаго времени года. Вы думаете: не можетъ быть, что теперь уже шесть часовъ; всѣ лавки закрыты, и нѣтъ порядочно одѣтаго народа, который спѣшилъ бы къ своимъ занятіямъ, или удовольствіямъ. Прохаживающійся *полисменъ*, три торопящіеся каменщика, рыбакъ въ телегѣ, погоняющій свою лошадь, одни появляются на улицѣ. Поверните направо, въ улицу Олдъ-Байлей, и сцена перемѣняется. Тамъ Ньюгетъ, грозный и мрачный, какъ всегда, съ своею высокою башнею и колоколами, сзывающими народъ на зрѣлище казни,—оба угрюмые спокой-

ные. Но около обонхъ ихъ находится самая пучина жизни. Шумъ всѣхъ родовъ—мычаніе, блѣяніе, стукъ колесъ, лай собакъ, звуки ударовъ, продолжительныхъ и частыхъ, топанье копытъ, шарканье торопливыхъ шаговъ, хоръ ругательствъ грубыхъ проклятій.... Перейдите изъ Олдъ-Байлея къ Смитфильду, и толпа густѣетъ съ каждымъ вашимъ шагомъ. Тысячи быковъ размѣщены рядами, бедро къ бедру, между-тѣмъ какъ кучи барановъ доживаютъ послѣднія минуты жизни, а мясники торгуются, и погонщики кричатъ на собакъ, и собаки забираются между стадъ, незагнанныхъ еще въ загороди. У каждаго животнаго, которое вы видите, ротъ раскрытъ, дыханіе горячее, и имѣй они человѣческой голосъ, ихъ тысячи высохшихъ глотокъ и висячихъ, запекшихся языковъ соединились бы въ одно продолжительное, громкое стenanіе, которое покрыло бы весь шумъ однимъ крикомъ: воды! воды!

Берегите ваши ноги, или ихъ затопчутъ погонщики своими башмаками, подбитыми гвоздями; берегите ваши глаза, или ихъ выколятъ мѣднымъ остриемъ палки погонщиковъ; берегите вашу голову, или ее разможатъ ударомъ, назначеннымъ несчастному быку; берегите ваши карманы, ибо не всѣ воры заключены въ то зданіе, мимо котораго вы только что прошли.... Человѣческая толпа почти также стѣснена, какъ и четвероногая; что же касается ударовъ или потерь, то въ Смитфильдѣ, въ торговое утро, мало времени для сочувствія или вознагражденія.

Посмотрите на армію барановъ, быковъ, телятъ и свиней, пригнанныхъ сюда, полныхъ жизни, и вспомните, что все число ихъ не составляетъ трехдневной пищи для Лондона; что по прошествіи недѣли, всѣ эти живыя существа будутъ убиты сварены, съѣдены и переварены въ желудкѣ, — ихъ кожи на кожевенныхъ заводахъ, ихъ рога въ мастерской токаря, ихъ копыта въ варняхъ клея.

Но Смитфильдъ не безопасное мѣсто для размышленія.

Смятеніе, крикъ, тяжелое паденіе, новый ливень проклятій— и вотъ немедленно часть толпы бросается поднимать несчастную женщину, переходившую дорогу въ ту минуту, какъ одинъ быкъ, котораго гнали и погоняли цѣлую ночь, напалъ на своихъ мучителей. Погонщики довели его до бѣшенства, а бѣдная работница попала подъ наказаніе.

«Унесите ее въ больницу», кричатъ жирный торговецъ, которому мѣшала собравшаяся вокругъ толпа. У ней свалился съ головы чепчикъ, и когда поднимали ее, распустились ея

сѣдые волосы и повпсли въ пыли. Ея тонкое, бѣдное одѣяніе представило ничтожное сопротивленіе рогамъ быка, и кровь указывала, что ударъ нанесенъ въ бокъ.

«Унесите ее въ больницу», повторяетъ жирный торговецъ, и немедленно, какъ бы по одному побужденію, *полисменъ* и трое нищихъ несутъ ее къ дверямъ, постоянно открытымъ, для жертвъ несчастія или тяжелой болѣзни.

Больница святаго Бартоломея стоитъ нынѣ тамъ, гдѣ стояла назадъ тому вѣки, во дни, когда Смитфильдъ былъ сценою празднествъ и игрищъ, турнировъ и ристалищъ, въ присутствіи короля и принцевъ. Настоящее строеніе не сохранило ничего отъ прежней постройки; дѣйствительно, больница увеличилась въ пять разъ противъ первоначальнаго своего объема. Въ настоящее время пациентовъ принимаютъ въ ворота подъ колонадой; гдѣ назначенныя лица день и ночь ждутъ страдальцевъ, которыхъ постигаетъ внезапное и требующее неотлагательной помощи несчастіе. Къ этимъ воротамъ понесли жертву Смитфильдскаго быка.

Ручка колокольчика виситъ близко, и при первомъ звонѣ является въ воротахъ привратникъ. Слово «несчастіе» достаточно, чтобы отворились ворота безъ дальнѣйшихъ переговоровъ, и въ нѣсколько минутъ помощникъ хирурга осматривалъ старую женщину. Ея рана была опасна. Старуху посадили на носилки, и понесли къ кровати, въ женское отдѣленіе, предназначенное для подобныхъ случаевъ. Слѣдуя за ней, мы приходимъ въ скверъ больницы. Пока чрезъ него осторожно несутъ раненную и поднимаютъ ее по дубовой лѣстницѣ, остановимся и осмотримъ мѣстныя особенности.

Зданія больницы, выходящія на Смитфильдъ, не даютъ идеи о дѣйствительномъ характерѣ, или точномъ объемѣ заведенія. Они составляютъ родъ пристроекъ къ главному зданію. Смотри на главный корпусъ, къ которому были пристроены эти позднѣйшія зданія, мы стояли въ срединѣ четвероугольника. Въ центрѣ застроеннаго пространства находится некрасивая *помпа*, похожая на старый котелъ съ лампою наверху; съ каждой стороны возвышается прекрасный каменный домъ, въ нѣсколько этажей, съ длиннымъ рядомъ оконъ. При входѣ въ каждый изъ обширной прихожей поднимаются дубовыя лѣстницы. Каждый этажъ раздѣленъ на два отдѣленія, одно медицинское, другое хирургическое, и при каждомъ отдѣленіи состоитъ нѣсколько постоянныхъ служительницъ, подъ надзоромъ

женщины, называемой «сестрою.» Всѣ отдѣленія носятъ имена, одни благотворителей больницы, другія добродѣтелей, третьи лицъ изъ библейской исторіи. Всѣ имена написаны на наружныхъ дверяхъ. Женщина при каждомъ изъ этихъ отдѣленій называется по имени своего отдѣленія — капитанъ, называется по имени корабля. Многія изъ этихъ женщинъ образцы въ своемъ родѣ; исполненныя терпѣнія, опытности, доброты и твердости, онѣ знаютъ всѣ правила хорошаго надзора, необходимаго для поддержанія порядка, чистоты, спокойствія и комфорта, въ мѣстѣ, гдѣ постоянно присутствуетъ болѣзнь, въ самыхъ худшихъ ея видахъ и съ самыми неприятными ея послѣдствіями. Каждая сестра имѣетъ свою комнатку въ одномъ изъ угловъ отдѣленія, можетъ-быть, болѣе похожую на каюту корабля, чѣмъ на что-либо другое. Въ этомъ пріютѣ находится маленькая желѣзная печка, постель, столъ и нѣсколько стульевъ. Сюда удаляется сестра Надежда, спокойно выпить чашку чаю, и потомъ возвращается править своимъ маленькимъ обществомъ больныхъ и многотрудящихся хожалокъ, и доставлять каждому столько комфорта, сколько позволяетъ его состояніе. Каждое отдѣленіе имѣетъ свою ванную и другія удобства; въ каждомъ отдѣленіи есть трубы для передачи приказаній въ залу и полученія ихъ оттуда; при каждомъ отдѣленіи состоятъ три прислужницы въ помощь сестрѣ; при нуждѣ можно требовать вспомогательныхъ рукъ отъ достаточнаго числа служителей, находящихся при заведеніи. Эти женщины имѣютъ обыкновенно на своемъ попеченіи двадцать пациентовъ, и постоянно, днемъ и ночью, по-крайней-мѣрѣ одна прислужница находится при больныхъ. Прислужницы имѣютъ свои дежурства, подобно морякамъ на кораблѣ; ночная прислужница вступаетъ въ дежурство въ одиннадцать часовъ, и остается въ немъ до шести утра, того времени, когда начинается госпитальная дневная дѣятельность раздачею лекарствъ тѣмъ изъ пациентовъ, которые принимаютъ его болѣе одного раза въ двадцать четыре часа. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ часы пробьютъ шесть, пузырьки съ лекарствами приходятъ въ движеніе; ихъ встрѣчаетъ длинный рядъ гримасъ на лицахъ пяти сотъ больныхъ, содержимыхъ больницею Бартоломея; и въ полчаса сколько фунтовъ проглотятъ пилюль сколько кварталовъ выпьютъ жидкости! Мы лучше узнаемъ, когда будемъ осматривать дѣятельность аптеки.

Описанный такимъ образомъ составъ одного отдѣленія стоить только помножить на двадцать, чтобы получить полное поня-

тіе о цѣлой больницѣ. Одно отдѣленіе можетъ быть назначено для болѣзней, подлежащихъ леченію докторовъ, а другое для поврежденія и сломовъ, поручаемыхъ хирургамъ; но то и другое имѣютъ составъ, описанный нами. Число пациентовъ въ заведеніи можетъ въ одно время доходить до пятисотъ, въ другое до шестисотъ: но какое бы ни было число, ихъ размѣщаютъ по отдѣленіямъ, за ними надзираютъ и ухаживаютъ, какъ мы видѣли.

Проведемъ день въ этомъ заведеніи, и посмотримъ, какъ кормятъ и поятъ это огромное семейство больныхъ, какъ ухаживаютъ за нимъ.

Наша бѣдная старая знакомая, раненная быкомъ, теперь лежитъ въ постели, и хирургъ, удостовѣрясь въ качествѣ ея раны и употребивъ надлежащія средства пособія, возвращается, проходя чрезъ скверъ, къ себѣ домой. Пойдемъ за нимъ на площадь, и осмотримъ, что находится вокругъ насъ.

Въ шесть часовъ утра, Лондонъ пробудился во многихъ частяхъ своихъ, и хотя недалеко шумъ Смитфильда, тишина и спокойствіе царствуютъ въ больницѣ. Кругомъ себя мы видимъ, на одной сторонѣ сквера, низкую линію зданій, составляющихъ медицинскую школу, комнату для приходящихъ больныхъ, магазинъ и лабораторію для аптекарей, анатомическій театръ, библіотеку, музей, домъ для храненія тѣлъ умершихъ и кладовую гробовъ. На другой сторонѣ находимъ коллегіальную часть заведенія: домъ, въ которомъ живетъ часть студентовъ, ихъ обѣденную залу и квартиру вѣчно-присутствующаго, вѣчно трудящагося смотрителя и помощника хирурга, мистера Паджета: а вблизи хирургію, нѣсколько хирургическихъ отдѣленій для особенныхъ случаевъ и операторскій театръ. На третьей сторонѣ, мы находимъ церковь св. Бартоломея. Причина, почему приходская церковь заключена, такъ-сказать, въ предѣлахъ частнаго заведенія, объясняется тѣмъ, что сама больница занимаетъ весь приходъ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ домовъ! Такимъ-образомъ заведеніе имѣетъ докторовъ, хирурговъ и исповѣдниковъ гномоновъ, матронъ, и сестеръ отдѣленій своими начальниками; прислужницъ и помощниковъ хирурговъ, поваровъ и ключниковъ своими подчиненными; больныхъ и бѣдныхъ новаго Вавилона пациентами.

Накормить огромное семейство, живущее въ обширной больницѣ, есть дѣло не маловажное. Теперь семь часовъ утра; лекарство роздано; прислужницы отправляются съ своимъ пер-

вымъ дневнымъ визитомъ въ кухню, за дозволеннымъ количествомъ утренней пищи. Пациенты, разумѣется, находятся на различныхъ степеняхъ діеты, сообразно съ ихъ тѣлеснымъ состояніемъ. Вотъ списокъ, какимъ образомъ пятьсотъ тринадцать больныхъ были размѣщены въ одинъ день на діетѣ:— Сто шестьдесятъ два «на полной діетѣ», госпитальный терминъ, обозначающій слѣдующее предписаніе для цѣлаго дня— одинъ пинтъ молочной похлебки, четырнадцать унцій хлѣба, варенаго мяса вѣсомъ полфунта, пол-фунта картофеля, пива два пинта для мужчинъ и одинъ пинтъ для женщинъ и одна унція масла. За тѣмъ слѣдуетъ «полу-діета», которую многіе бѣдняки внѣ стѣнъ больницы считали бы благословеннымъ изобиліемъ, ибо она заключаетъ пинтъ молочной похлебки, двѣнадцать унцій хлѣба, четверть фунта варенаго мяса, полфунта варенаго картофеля, пинтъ пива, и три четверти унціи масла. Въ «бульонной діетѣ», бульонъ и каша замѣняютъ мясо и пиво, другіе предметы остаются почти тѣже, съ тѣмъ измѣненіемъ, что картофель тертый и приспособленный для пищеваренія больныхъ желудковъ. «Молочная діета» почти сама себя объясняетъ, состоя главнымъ образомъ изъ молока, съ прибавленіемъ риса, саго, аррорута и хлѣба.

Ноль этаго градусника пищи, «Сильная діета», означаетъ слѣдующія легкія кушанья—кашицу или овсянку. Пациенты имѣютъ при нуждѣ, особенныя кушанья, по приказанію доктора, какъ-то бараньи котлеты, легкій бульонъ, яйца, пуддингъ, мороженное, портеръ, эль, вино, водку, и — *джинъ!* Неудивительно, что бѣднякъ, отвѣдавшій однажды комфорта больницы Бартоломея во дни болѣзни, желаетъ ихъ возвращенія. Вотъ распределеніе одного декабрьскаго дня 1850 г. — На полной діетѣ 162 пациента, 66 изъ нихъ съ экстраординарными кушаньями; 148 на полу-діетѣ; 157 на молокѣ; остальные получали бульонъ, рисъ аррорутъ и саго.

Мясо, потребленное въ тотъ-же день въ больницѣ пациентами и прислужившими, вѣсило триста четыре фунта, кромѣ пятидесяти фунтовъ говядины для легкаго бульона, что всего составило триста шестьдесятъ фунтовъ. Съ этимъ славнымъ блюдомъ баранины и говядины было съѣдено четыреста сорокъ фунтовъ хлѣба, вмѣстѣ со ста пятидесятью фунтами картофеля, тридцатью фунтами масла, пятидесятью яицъ и пятидесятью галлонами молока; одинъ экономъ знаетъ сколько вышито галлоновъ пива. Не дурной день для обѣда въ больницѣ!

Мѣсячный расходъ у мясника доходитъ до ста пятидесяти фунтовъ стерлин., а годовое потребленіе составляетъ длинный рядъ цифръ. Вотъ онѣ:

24,000 фунтовъ говядины;
35,200 фунтовъ баранины;
16,760 галлоновъ молока;
12,000 яицъ.

Такова солнечная сторона больничной жизни. Мы скоро найдемъ нѣсколько поразительныхъ фактовъ; теперь же можемъ представить только одинъ какъ прибавленіе къ вышеупомянутому годовому потребленію. Вотъ онъ:

1352 галлона слабительнаго!

Дѣйствительно, исчисленіе, сколько было сдѣлано гримасъ, при приѣмѣ такого океана соли и александрійскаго листа, могло бы занять цѣлое статистическое общество.

Пока мы разсуждали о больничной діететикѣ, всѣ постели были оправлены, больничный завтракъ оконченъ, и прошло еще полчаса нашего посѣщенія. Звукъ часовъ, бьющихъ восемь, ускоряетъ шаги нѣсколькихъ запоздалыхъ студентовъ, спѣшащихъ на молитву въ церковь, откуда выйдя черезъ двадцать минутъ, они сходятся за завтракомъ, въ коллегіальной обѣденной залѣ, съ тѣми изъ своихъ товарищей которые избѣгаютъ ранней службы. По окончаніи завтрака, будущіе доктора отправляются, въ девять часовъ, на лекціи, и начинаютъ свой учебный день анатоміею и физиологіею. Между-тѣмъ, какъ все это идетъ своимъ чередомъ, аптекарь или, какъ его называютъ «докторъ при заведеніи», обходитъ медицинскія отдѣленія; «помощники» заняты перевязками, бинтами, мазями и спусками между хирургическими пациентами; они перевязываютъ раны и приводятъ все въ порядокъ до прихода начальниковъ. «Клиническіе клерки» также заняты у постелей записываніемъ симптомовъ дѣйствія лекарствъ, и прогресса особенныхъ казусовъ;—всѣ замѣчательныя обстоятельства болѣзни имѣютъ своихъ лѣтописцевъ, которые слѣдятъ за каждымъ моментомъ состоянія пациента, со дня поступленія до часа его выздоровленія, или смерти, присовокупляя, въ случаѣ пагубнаго результата — послѣсмертныя проявленія. Въ десять часовъ студенты оставляютъ анатомическій тетръ для сосѣдняго, гдѣ химія вла-

дычествуетъ надъ множествомъ бутылокъ, ретортъ, тигелей, пробирныхъ чашекъ и тысячи одной философическихъ штучекъ, составляющихъ орудія химика. Пока здѣсь идетъ трудная рѣчь объ оксигенѣ, и его товарищахъ гидрогенѣ, нитрогенѣ и карбонѣ, прислужницы отправляются за аррорутомъ, саго и другими хорошими веществами въ одно мѣсто, а другая часть заведенія быстро наполняется многочисленнымъ классомъ пациентовъ, получающихъ совѣтъ и лекарство, но непринимаемыхъ въ больничныя постели. По четвергамъ этотъ классъ многочисленнѣе, потому-что въ эти дни извѣстное число самыхъ тяжелыхъ больныхъ выбираютъ изъ ихъ рядовъ, для пополненія вакантныхъ постелей. Такъ какъ это всемъ извѣстно, то часто въ толпѣ бываютъ видны бѣдняки, пришедшіе за десять, двадцать, тридцать иногда и пятьдесятъ миль, въ надеждѣ получить помощь отъ заведенія.

Пациенты входятъ чрезъ колоннаду со стороны Смитфильда. Въ воротахъ сдѣланы двѣ двери, однѣ для женщинъ, другія для мужчинъ; эти двери ведутъ въ двѣ отдѣльныя комнаты. Около одиннадцати часовъ, скамьи, наполняющія эти комнаты, покрываются лицами всѣхъ возрастовъ, съ одномѣсячнаго ребенка, больнаго корью, или коклюшемъ, до семидесятилѣтней старухи, страдающей старостію, которую она принимаетъ за «ревматизмъ, и думаетъ что доктора могутъ ее вылечить.» Подобное собраніе больныхъ, несчастныхъ лицъ и подобное разнообразіе грязныхъ, разорванныхъ одеждъ, тамъ и сямъ замараннаго, поблекшаго убранства, можно только видѣть въ приемной залѣ большой больницы. Тамъ и сямъ вы можете увидать хорошенькое личико; но большинство этихъ бѣдныхъ посѣтителей принадлежитъ къ классу, на который падаетъ вся тяжесть труда и большій рискъ несчастныхъ приключеній, города; ихъ физіономія, хотя и оттѣнена твердостью, имѣетъ мало претензіи на красоту. Толпа пациентовъ густѣетъ и густѣетъ по мѣрѣ приближенія одиннадцати часовъ. Ряды матерей сидятъ съ рядами дѣтей въ кори, дѣтей въ коклюшѣ, дѣтей, у которыхъ прорѣзываются зубы; въ большемъ числѣ и съ большимъ страданіемъ видны матери и дѣти съ кашлемъ и простудою во всѣхъ видахъ этой многообразной англійской болѣзни. Рѣдко кто говоритъ съ своимъ сосѣдомъ, но все сидятъ, ожидая человѣка, который произнесетъ имъ приговоръ-доктора. Въ одной части комнаты огромные глиняныя кувшины украшаютъ уголъ, наполненный принадлежностями хирургіи,

гдѣ раздаются съ большимъ проворствомъ, по востребованію, пластыри, спуски и микстуры отъ кашля. Въ одиннадцать часовъ аптекарь выступаетъ на сцену, съ пригоршнею билетиковъ, различно обозначенныхъ. Начиная съ конца первой скамейки, онъ приступаетъ къ своему первому осмотру пришедшихъ пациентовъ—занятіе, повидимому, достаточное для цѣлаго дня. Слова «что такое?» составляетъ быстрый вопросъ, и пока они сходятъ, такъ-сказать, сразу съ его языка, его быстрый, опытный глазъ осматриваетъ лицо пациента, а его палецъ щупаетъ пульсъ. Немногія, первыя слова пациента даютъ ему знать все, что ему нужно; въ другую секунду, если это маловажный случай, онъ выбираетъ одинъ изъ билетиковъ съ наставленіемъ: «Возьми это лекарство. Принимай по дозѣ два раза въ день. Приходи сюда опять послѣ завтра». Полуминуту, снова—«что такое?» возбуждаетъ слѣдующаго на скамейкѣ. Высунуть другой языкъ; другое лицо осмотрѣно, и билетъ и наставленіе отданы, и «что такое?» обращается къ пациенту № 3; и такимъ-образомъ дѣло подвигается скорѣе, чѣмъ написано это описаніе.

Если въ толпѣ встрѣчается ушибенный, то такого пациента отсылаютъ въ сосѣднюю хирургію, откуда раздаются по временамъ стенанія и крики, устрашающіе ожидающихъ своей очереди. Болѣе тысячи народа перебивается въ недѣлю и получить наставленіе въ этомъ мѣстѣ. Это огромное число больныхъ составляетъ главную массу, изъ рядовъ которой набирается большая часть пациентовъ въ заведеніе. Болѣзни имѣютъ здѣсь, въ Смитфильдѣ, свое время года, точно-такъ какъ плоды и цвѣты имѣютъ свое въ Ковент-Гарденѣ; ихъ возвращенія ожидаютъ почти съ такою же пунктуальностію; два основныя предоставляются къ тому факта: то, что зима чрезвычайно увеличиваетъ кашель и грудныя болѣзни, тогда какъ лѣто приноситъ болѣзни кишковъ.

Въ-продолженіе быстрого осмотра пациентовъ въ приемной, требующіе болѣе чѣмъ заранѣе приготовленнаго рецепта, или ничтожной операціи, отдѣляются, чтобы принять предписаніе отъ хирурга или аптекаря; самые тяжкіе больные получаютъ записки и посылаются въ другую комнату, называемую *комнатой приема*, въ которой они подвергаются вторичному и болѣе строгому осмотру, послѣ чего самые опасные принимаются въ отдѣленія и остаются тамъ до своего выздоровленія. Одинъ хорошо придуманный способъ, между многими, введенными въ

больницѣ, можетъ быть здѣсь названъ. Письма напечатаны различныхъ цвѣтовъ чернилами, одни желтыми, другія черными, третьи красными, четвертыя зелеными, другія коричневыми и синими. Эти шесть цвѣтовъ показываютъ, при первомъ взглядѣ, подъ чѣмъ леченіемъ находится пациентъ, и какъ ни просто, съ перваго раза, кажется дѣло, его практическое достоинство дѣйствительно велико. Такъ, предположите, красный, синій и черный суть цвѣта докторовъ, а желтый, зеленый и коричневый цвѣта хирурговъ, общій характеръ болѣзни пациентовъ сразу становится извѣстенъ. Но еще болѣе-красный цвѣтъ означаетъ особеннаго доктора, назовемъ д-ра Рунель, синій можетъ означать д-ра Бюрроуса, а желтый означаетъ не только хирургическій недугъ, но и недугъ мистера-Лауренса, зеленый мистера Станлея, или мистера Ллойда. Съ дюжиною или сотнею больныхъ подобныя отличія могутъ-быть бесполезны, но гдѣ, какъ въ больницѣ Бартоломея, въ 1849 г., семьдесятъ-семь тысячъ семь-сотъ десять пациентовъ требовали помощи въ одинъ годъ, всевозможныя средства для полученія быстраго образа классификаціи становятся чрезвычайно важными.

Но часы показываютъ безъ четверти двѣнадцать, и такъ какъ пріемная опросталась отъ толпы, наполнявшей ее часъ назадъ, перейдемъ въ пріемную комнату, — вторую станцію путешествія пациента по больницѣ. Здѣсь являются виды болѣе важныхъ болѣзней. Пространная и приличная съ виду, старинная комната имѣетъ скамьи, какъ и первая, но опѣ со спинками, на которыя могутъ облакачиваться больные и утомленные. Здѣсь не увидишь любопытныхъ взглядовъ «неопасныхъ». У самаго ведужнаго мало времени для любопытства. Блѣднолицыя женщины сидятъ на одной сторонѣ; мужчины, съ обвязанными головами и руками на перевязяхъ, на другой: тамъ, въ углу сидитъ молодая дѣвушка со щеками, зардѣвшимися какъ персиковый цвѣтокъ, и глазами, блестящими какъ у баснословной гуріи; но длинные худощавые пальцы — и, увы! кашель — говорятъ довольно, что она цвѣтетъ только для могилы. Посмотрите, подлѣ нея, какъ трепещетъ шаль на груди этой дѣвушки — вы можете сосчитать удары ея сердца. Она также, со всею своею веселостію, своей молодостію и своими грѣхами, можетъ быть увѣрена, что умретъ внезапно и скоро: у нея біеніе сердца — самая страшная изъ всѣхъ болѣзней нашей современной образованности. Но приходятъ исповѣдники и доктора,

и у насъ едва хватитъ времени осмотрѣть сдѣланныя для нихъ приготовленія. Обширная комната имѣетъ видъ древности и прочности. Стѣны снабжены текстами изъ св. Писанія, напоминающими о религіи и милосердіи. На полкѣ стоитъ выточенная изъ дерева фигура калѣки, въ одеждѣ, носимой два или три столѣтія тому назадъ; въ одномъ изъ угловъ, другая въ большемъ размѣрѣ, модель калѣки, окрашеннаго въ подражаніе живому. Она, въ прежнее время, когда каждый домъ имѣлъ свой знакъ, висѣла снаружи больницы въ Смитфильдѣ, для увѣдомленія неграмотнаго о характерѣ заведенія и, можетъ-быть, для возбужденія, въ пользу ея больныхъ, милосердія прохожихъ. Одинъ уголъ комнаты обращенъ въ маленькій отдѣльный апартаментъ или пространнѣйшій чуланъ, въ который отводятся, если нужно, пациенты для пріватнаго осмотра; а противъ него, по другую сторону благовиднаго камина (съ достаточнымъ количествомъ огня, въ зимнее время, чтобы сжарить барана), стоятъ пюпитры для исповѣдника и докторовъ, занятыхъ пріемомъ пациентовъ. Вскорѣ становится очевиднымъ, что при дѣйствительно важной болѣзни получаютъ кровать во всякое время всѣ тѣ, которые въ ней нуждаются, хотя до сихъ-поръ сохранена старинная форма прошенія, которая и остается только формою. Больной долженъ подать ее въ слѣдующихъ словахъ:

«Почтенному президенту, больницы св. Бартоломея. — Нижайшее прошеніе (такого-то), жительствовающаго (тамъ-то) въ приходѣ (такомъ-то), и принадлежащаго къ приходу (такому-то) удостовѣряетъ, что вашъ проситель удрученъ (тѣтъ-то) и готовъ погибнуть безъ милосердной помощи этого заведенія; почему покорнѣйше проситъ принять его въ вышеупомянутую больницу для пользованія, за что, обязанный долгомъ, будетъ вѣчно молить Бога».

Примѣчаніе на углу говорить, «здѣсь слѣдуетъ имя и адресъ какого-нибудь родственника или друга просителя»; — но эта прописка не требуется.

Въ двѣнадцать часовъ начинается во всѣхъ направленіяхъ церемонія гримасъ, при пріемѣ лекарствъ, и именно въ этотъ часъ, въ эти важные четверги, исповѣдникъ и докторъ входятъ въ комнату пріема изъ залы, въ сопровожденіи сторожа и обыкновенно матроны и эконома. Обыкновенно бываетъ около восьмидесяти или ста пациентовъ, болѣею частію мужчинъ. По объявленіи числа свободныхъ постелей, докторъ присту-

наетъ къ осмотру. Одно за другимъ записываются имена пациентовъ, наиболѣе нуждающихся въ пособіи. По окончаніи чего, имена тѣхъ, которымъ назначены постели, читаются во всеуслышаніе, сначала по списку женщинъ, потомъ мужчинъ. Число такимъ-образомъ избранныхъ для пользованія въ заведеніи мѣняется чрезвычайно, но когда оно опредѣлится, то раздаются слова «нѣтъ болѣе свободныхъ постелей», и остающіеся затѣмъ получаютъ записки, какъ приходящіе пациенты. Потомъ являются сестры отдѣленій, для принятія больныхъ, назначенныхъ на каждую изъ нихъ. Имена пациентовъ Надежды провозглашаются сестрою Надеждою, которая уводитъ ихъ въ отдѣленіе Надежды. Тогда прочитываетъ свой списокъ Сестра Милосердіе, и также удаляется съ своимъ стадомъ больныхъ, и такъ далѣе, пока всѣ не уйдутъ въ назначенныя имъ мѣста. Тѣхъ, которые не въ состояніи идти, бережно уносятъ въ кресла. Прежде нежели размѣстятъ ихъ по назначеннымъ постелямъ, ихъ сажаютъ въ теплыя ванны, и нуждающимся одоужаютъ приличное бѣлье; хотя почти всѣ, соображаясь съ обыкновеннымъ требованіемъ больницы, приносятъ съ собою бѣлье, необходимое для постели больного.

Тогда какъ припатые пациенты удаляются такимъ-образомъ, получившіе отказъ кандидаты садятся въ кабриолеты, или выводятся друзьями изъ воротъ больницы. Около шести тысячъ пациентовъ поступаютъ ежегодно, но даже больница Бартоломея, какъ ни велика она, не въ состояніи помѣстятъ всѣхъ домогающихся поступленія въ ея отдѣленія.

Около половины перваго все это избраніе, распредѣленіе и размѣщеніе больныхъ окончено; и въ ту минуту, какъ они входятъ въ отдѣленія, первый звукъ, который они слышатъ, есть голосъ изъ разговорной трубы, возвѣщающей, что настало время обѣда. Одинъ привратникъ объявляетъ это, въ нѣсколько минутъ, во всѣ комнаты, ибо въ залѣ одна подлѣ другой расположены трубы, сообщающіяся съ каждымъ отдѣленіемъ. Голосъ поднимается, и прислужницы спѣшатъ съ своими картами и билетиками, показывающими, сколько обѣдовъ должны онѣ получить, и какого рода.

Пока раздаютъ пищу для пятисотъ человѣкъ, разносятъ ее по кроватямъ и разставляютъ по столамъ отдѣленій, проходятъ другія полчаса; въ это же время аптеку осаждаютъ приходящіе пациенты, ожидающіе прихода докторовъ и хирурговъ, а получивъ рецептъ, слѣдующаго имъ лекарства.

Аптека и та медицинская факторія — лабораторія — сосѣдняя съ нею, представляютъ однѣ изъ любопытнѣйшихъ частей цѣлаго заведенія. Пройдя черезъ толпу пациентовъ, ожидающихъ (женщины въ одной комнатѣ, а мужчины въ другой) своей очереди, мы проходимъ черезъ раздѣльную комнату, и спустившись на одну или двѣ ступенки, вступаемъ въ лабораторію. Полъ каменный, потолокъ высокій. На одной сторонѣ дымится паровая машина; вблизи, въ кирпичныхъ стѣнкахъ укрѣплены огромные мѣдные котлы съ объемистыми крышками, похожими на большіе ночные колпаки, способные покрыть головы цѣлой фамиліи гигантовъ. Каждая изъ этихъ крышекъ поднимается съ кипящей, дымящейся массы внутри котловъ, помощію блоковъ и другихъ снарядовъ. Мистеръ Вудъ, который, подобно мистеру Паджету, одинъ изъ постоянно присутствующихъ лицъ въ больницѣ Бартоломея, царствуетъ главнымъ магомъ надъ областью перегонныхъ кубовъ, трубъ, тигелей, плавленъ и надъ реактивами. Онъ немного приподнимаетъ одну крышу, и изъ подъ-нея вырывается благоухающій ароматическій паръ кипящей салсапарелли; онъ приподнимаетъ другую, и мы чувствуемъ сонливый запахъ маковаго сиропа. Немного далѣе, мы видимъ помощника, мѣшающаго галлоны патоки, для составленія сироповъ и электуарій, а другой отпираетъ боченки съ ягодами шиповника, и мѣшаетъ ихъ съ большихъ количествомъ сахара, — первоначальный процессъ приготовленія народнаго лекарства отъ кашля. Сколько милліоновъ дикихъ шиповниковъ должны были разцвѣсти прежде, нежели одинъ изъ пяти ящиковъ могъ быть наполненъ ихъ ягодами; сколько ясныхъ дней осени должно было употребить на собираніе зрѣлаго плода этихъ дикихъ цвѣтовъ сельскихъ англійскихъ пригорковъ, гдѣ они обыкновенно растутъ! Они главнымъ образомъ доставляются изъ Гертфордшейра, и собираются дѣтьми, которые вынимаютъ сѣмяна и собираютъ ягоды, привозимыя сюда центнерами.

Но не всѣ предметы въ этомъ мѣстѣ наводятъ такія пріятныя думы, или такъ безвредны для дыханія, какъ розовые плоды и салсапарелль. Люди въ томъ углу извлекаютъ ядовитые соки изъ белладоны, змѣевика и другихъ травъ. Испареніе часто разсѣвается, и какъ ни привыкли они къ работѣ, они всѣ болѣе или менѣе будутъ больны послѣ этого занятія, и еслибы они постоянно имъ занимались, то несомнѣнно поплатились бы своею жизнью. На завтра или слѣдующій день, они будутъ заняты другой работой, перемѣшиваніемъ тринадцати галлоновъ

слабительнаго, требуемаго заведеніямъ аккуратно два раза въ недѣлю, а иногда три раза! Вокругъ всей комнаты обведены трубы съ горячей дистиллированной водой, трубы, доставляющія паръ, помощью котораго можно получать жаръ подъ плавительныя печи или котлы. Плавильное блюдо въ углу слѣлано изъ прочной жести, и хотя содержитъ всего только около галлона, металлъ его стѣитъ пятнадцать фунтовъ. Рядомъ находится гидростатическій прессъ, котораго тяжесть, въ сто тоннъ, можетъ-быть наложена на всякія травы, и выдавить изъ нихъ до послѣдней капли полезный сокъ; ибо экономія идетъ рука объ руку съ изобиліемъ въ этой части заведенія, какъ показываютъ прекрасно и отчетливо содержимыя книги. За лабораторіей слѣдуетъ родъ запасной комнаты, довольно наполненной лекарствами, чтобы испугать диспентического человѣка до выздоровленія—а это сказать, значитъ огромное количество. Травы доставляются сюда необработанныя и приготавлиются въ лабораторіи, для раздачи ихъ въ аптекъ. Въ этомъ заведеніи въ годъ потребляется огромное количество лекарственныхъ снадобій, и нѣкоторыя изъ бутылей и ящиковъ содержатъ цѣнность, удивительную по своей значительности. Одна бутылъ заключаетъ въ сложности, іоднокислосое кали—вещество, чрезвычайно употребительное—но оптовой цѣнѣ, на пятнадцать фунтовъ. Въ ящикахъ вы можете видѣть на шестьдесятъ или семьдесятъ фунтовъ квинквинны—а въ годовое потребленіе истративаетея болѣе ста пятидесяти фунтовъ на хину! И какъ все это получается съ маленькихъ вѣтокъ особеннаго рода южноамериканскаго дуба, сколько нужно лѣсовъ, чтобы продовольствовать одну эту больницу!

Отъ двухъ до трехъ сотъ фунтовъ израсходывается ежегодно на крѣпкій портвейнъ для больныхъ. Около двухъ тысячъ фунтовъ вѣсомъ кастороваго масла; двѣсти галлоновъ виннаго спирта, по семнадцати шиллинговъ галлонъ; двѣнадцать тоннъ льнянаго масла; тысяча фунтовъ вѣсомъ александрійскаго листа; двѣстисемьдесятъ фунтовъ солей—вотъ счеты въ годовомъ отчетѣ лекарствъ. Общій итогъ расхода на лекарство, въ двѣнадцать мѣсяцевъ, составляетъ двѣ тысячи шесть сотъ фунтовъ. Пять тысячъ ярдовъ коленкору требуется для бинговъ и повязокъ; не говоря уже ничего о плотнѣйшей матеріи, употребляемой для пластырей. Болѣе чѣмъ пятьдесятъ фунтовъ салсапарелли употребляется еженедѣльно, — доказательство сколько многого исправленія требуетъ здоровье пациентовъ. Въ одинъ

годъ было куплено двадцать девять тысячъ семь сотъ пивокъ для заведенія—невиданное вторженіе иностранцевъ до прилива на Всемирную Выставку — ибо пивки употребляемыя въ этой Лондонской больницѣ, ловятся во Франціи и Польшѣ, въ Африкѣ и Испаніи. Тонъ съ половиною выходитъ ежегодно паточки на дѣланіе сыроповъ; о пяти ящикахъ съ ягодами пиповника, которыя въ соединеніи съ ящикомъ сахара, составляютъ лекарство отъ кашля, было уже говорено; но не должно оставить безъ вниманія слѣдующаго. Это лекарство отъ кашля краснаго цвѣта, на вкусъ сладкое, однако отзывается кислотю. Когда настаетъ зима, кашель усиливается, и требованіе на лекарство увеличивается. Это ожидаютъ и предвидятъ; но въ одну зиму, требованіе было необыкновенное. Одни и тѣже дѣти и женщины постоянно приходили снова и снова; когда въ-слѣдствіе нѣкоторыхъ изысканій, открыли, что одна изъ постоянныхъ потребительницъ любимаго лекарства содержала себя продажею сладостей и пирожковъ для дѣтей, въ одной изъ сосѣднихъ улиць Смитфильда, и употребляла любимое лекарство для дѣланія сладкихъ пирожковъ!

Но мы долго оставались съ мистеромъ Вудомъ, аптекаремъ, и должны вернуться въ отдѣленія. Въ половинѣ втораго, обѣды по отдѣленіямъ окончены, и всѣ больные ожидаютъ посѣщенія главныхъ хирурговъ и докторовъ. Приходъ ихъ возвѣщается шарканьемъ многихъ ногъ по лѣстницѣ—ибо докторъ онъ же и профессоръ, приходитъ окруженный студентами, обходящими больницы. Высокаго и маленькаго роста, молодыхъ и среднихъ лѣтъ, въ черномъ, зеленомъ, коричневомъ и сѣромъ, но всѣ выказывая важную, пытливую серьезность, приходятъ они толпою.

Вы всегда можете узнать славу медика по числу его воспитанниковъ; и всегда ихъ болѣе у хирурговъ. Есть что-то положительное и точное; что-то свободное отъ сомнѣнія и шарлатанизма, что привлекаетъ молодыхъ и откровенныхъ испытателей; и вотъ можетъ-быть отчасти, почему большая толпа окружаетъ главнаго хирурга въ то время, какъ онъ проходитъ по отдѣленіямъ больницы, чѣмъ любаго изъ его собратьевъ, просто докторовъ.

Пока эта компанія дѣйствительныхъ хирурговъ и хирурговъ, надѣющихся быть ими, переходитъ отъ постели къ постели, осматривая и дѣлая вопросы и прописывая лекарства, по хирургическому отдѣленію, доктора исполняютъ подобную же обязан-

ность въ докторскихъ отдѣленіяхъ; ибо непосвященные должны знать, что немалая выгода большой больницы заключается въ представляемой ею возможности классифицировать больныхъ. Боязливый пациентъ, больной сердцемъ, или нѣжная женщина, страдающая еще болѣе критическими болѣзнями, въ хорошо устроенномъ заведеніи могутъ быть отдѣлены отъ соприкосновенія и удалены отъ операцій, или стenanій ушибленнаго страдальца.

Удивительна быстрота, съ какою старые доктора-практиканцы открываютъ особенности болѣзни. Наружный видъ, сила, комплекція, тонъ голоса, блескъ или тусклость глазъ, обнаруживаемые больнымъ, говорятъ столько же, или болѣе, сколько словесная исторія боли и страданій. Взглядъ, нѣсколько вопросовъ, штрихъ пера и чернилъ, набрасывающій полдюжины фармацевтическихъ гіероглифовъ на картѣ, подаваемой прислужницею, и толпа переходитъ къ слѣдующей постели, и къ слѣдующей, пока все не будетъ осмотрѣно. Послѣднія ступени сойдены, и пока хирурги и доктора садятся въ желтые шарабаны и блестящіе голубые кабриолеты, ожидавшіе все время въ больничномъ скверѣ студенты, въ половинѣ третьяго отправляются на анатомическія лекціи.

Снова начинается сборъ лекарственныхъ пузырьковъ и рецептовъ, и раздается голосъ чрезъ сообщительныя трубы, кричащій «аптека». Прислужницы и сестры спѣшатъ въ аптеку, и тогда начинается такая разливка по флаконамъ и процѣживаніе столькихъ пивтовъ и квартовъ дурно пахнущихъ жидкостей, и такое отсчитываніе пилюль, какое рѣдко гдѣ въ другомъ мѣстѣ можно увидѣть. Ящики, полные пилюль, сотни запечатанныхъ билетиковъ и галлоны лекарствъ розданы, и, подъ конецъ, одна за другою, всѣ прислужницы уходятъ, съ своею невкусною, но полезною ношею. По возвращеніи ихъ въ отдѣленія, три раза въ недѣлю допускаются посѣтители. Много и тогда происходитъ сценъ. Мужья приходятъ къ женамъ, и дѣти къ матерямъ; часто, жены и дѣти приходятъ къ умирающимъ мужьямъ и отцамъ. Много трагедій бѣдственной жизни и не одинъ смертный одръ раскаянія видѣли, и не одинъ подавленный крикъ агоніи слышали на своемъ вѣку эти старыя стѣны больницы. Еслибы можно было заставить говорить больничную подушку, что это должна быть за исторія: больныхъ головъ и разорванныхъ сердецъ и душъ, покидающихъ свою земную оболочку, сожалѣя о сценахъ и лицахъ, находящихся далеко, да-

леко, внѣ достиженія и внѣ надежды,—развратныхъ и лѣнивыхъ сыновей, умирающихъ здѣсь неизвѣстными, тогда какъ родители ихъ скорбятъ въ отдаленныхъ домахъ, которые они никогда болѣе не увидятъ, — дочерей, опороченныхъ и погибшихъ, плачущихъ въ послѣднія минуты жизни, не объ удаляющейся жизни, но о томъ, что нѣтъ имъ прощенія матери, и не услышать имъ болѣе ея голоса, творящаго молитву;—отцевъ, свалившихся съ подмостокъ или раздавленныхъ машиною и умирающихъ, между-тѣмъ, какъ жены ожидаютъ ихъ возвращенія съ работы, а дѣти удивляются, отчего отецъ такъ опаздываетъ.

Въ то время, какъ друзья больныхъ выходятъ изъ больницы, вскорѣ послѣ четырехъ часовъ, студенты оставляютъ свои книги и скапели, и отправляются обѣдать. Состоящіе при заведеніи собираются въ пять часовъ въ обѣденной залѣ коллегіи, гдѣ ростбифъ мистеръ Паджета оказывается весьма удовлетворительнымъ. Въ шесть часовъ, если вечеръ хорошъ, студенты прогуливаются въ скверѣ, и занимаются приготовленіемъ пилюль и лекарствъ для пациентовъ. Въ семь начинается хирургическая лекція; въ то же время, раздается по отдѣленіямъ чашка чаю, и всѣ, которые были въ состояніи встать съ постели, идутъ за нею. Наружныя двери затворяются; дневная работа начинаетъ утихать; люди трудолюбивые и полезные, помощникъ хирурга и смотритель, и «докторъ при заведеніи», начинаютъ думать о покоѣ; но прежде должно обойти отдѣленія, осмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Сестра Рагиръ (ибо одно отдѣленіе и одна сестра до-сихъ-поръ называются по имени основателя больницы) сестра Рагиръ «проситъ мистера Паджета посмотреть на одну больную въ ея отдѣленіи». Мистеръ Паджетъ идетъ туда. Больная эта оказывается нашею утреннею бѣдною знакомкою. Ей явно становится хуже. Въ каждомъ отдѣленіи есть нѣсколько полезныхъ вещей, какъ-то, каломель, лауданумъ, вино и водка, но требуется что-то другое, а потому посылаютъ къ мистеру Вуду, в аптеку доктора, часть тому только что затворенная, открывается снова, и выдается требуемое для бѣдной страдальцы.

Теперь тишина царствуетъ въ отдѣленіяхъ. Благородные старинные каминны сверкаютъ веселымъ огнемъ, согревающимъ комнату. Многіе изъ пациентовъ спятъ, но нѣкоторые не имѣютъ покоя отъ боли; другіе обращаютъ любопытный глазъ къ постели, у которой стоитъ хирургъ съ прислужницею, явно ду-

мающею, въ эту минуту, какъ тяжело, что несчастіе однихъ мѣшаетъ покою другихъ. Но и она стоитъ тутъ—и, слышите! какъ стало еще тише въ заведеніи, ибо въ большой колоколъ св. Павла пробилъ десять часовъ. Но бѣдной жертвѣ бѣшеннаго быка все становится хуже, и послѣ тщательнаго размышленія и еще болѣе тщательнаго изслѣдованія, помощникъ хирурга — которой съ восьми часовъ утра былъ занятъ разговоромъ, письмомъ, подаіемъ совѣта, поднимался по лѣстницамъ и спу-скался съ нихъ, бѣгалъ взадъ и впередъ по дворамъ и осма-тривалъ пациентовъ цѣлый день, исключая одиннадцати минутъ завтрака и полчаса обѣда, — убѣждается, что единственная на-дежда остается на операцію. И какъ «капитальную» операцію могутъ дѣлать только главные хирурги, онъ посылаетъ при-вратника въ кабриолетъ за главнымъ хирургомъ, у котораго случайно въ самый этотъ вечеръ былъ семейный праздникъ. Но семейные праздники и дни рожденія и свадьбы ничего не значатъ для докторовъ, когда жизнь въ опасности. Отправивъ посланнаго и отдавъ еще нѣсколько приказаній, мистеръ Пад-жетъ спѣшитъ черезъ дворъ въ операторскій театръ. Здѣсь, въ этомъ уединенномъ углу знанія, еще тише. Кресло тамъ поддер-живало сотни людей въ минуту ихъ самыхъ тяжелыхъ испыта-ній, и ряды надъ рядами скамеекъ для студентовъ служили мѣстами, гдѣ тысячи получили свои лучшіе уроки въ практиче-ской хирургіи. Теперь луна свѣтитъ въ широкое окно вверху, и разсвѣваетъ свои лучи по скамьямъ и ящикамъ съ инструмен-тами, такъ спокойно и такъ тихо, какъ-будто бы въ мірѣ не было страданій и смертельной агоніи. При ея свѣтѣ, помощникъ хи-рурга находитъ все, что ему нужно, и тогда, какъ онъ возвра-щается черезъ дворъ, на башнѣ св. Павла бьетъ одиннадцать часовъ; въ тоже время, извозчикій экипажъ (не было ни време-ни, ни нужды запрягать собственныхъ лошадей въ этотъ часъ ночи) вѣзжаетъ въ скверъ съ главнымъ хирургомъ. Два до-ктора вмѣстѣ поднимаются по лѣстницѣ, и въ пять минутъ, боль-ная женщина вдохнула хлороформа, трудная операція оконче-на; страдалца, освобожденная отъ сильной боли, шепчетъ бла-годарность, тогда какъ хирургъ удаляется на семейный празд-никъ, а помощникъ его наконецъ ложится спать.

Ночная прислужница осталась дежурить у постели раненой, и дежуря, она считаетъ часы. Удары на башнѣ Св. Павла слы-шатся явственно. *Первый; второй; все спокойно; третій, и под-нимается говоръ на Смитфильдъ; четвертый, и говоръ сливает-*

ся съ отдаленнымъ стукомъ колесъ и шумомъ возрастающей толпы; *пятый* менѣ слышенъ, ибо другіе звуки пробуждающа-гося Лондона поглощаютъ удары колокола; *шестой!*—часть, въ который мы вошли вчера. Мы очертили кругъ суточной жизни въ больницѣ св. Бартоломея, отъ конца одного года, до конца другаго года, среди толпы больныхъ и трудовъ тѣхъ, кото-рые ухаживаютъ за ними. Выйдемъ снова на Смитфильдъ. Скотъ весь угнанъ. Это рынокъ, отличный отъ видѣннаго нами въ послѣдній разъ, ибо до насъ доходитъ пріятный запахъ свѣ-жаго сѣна, пробуждающій въ памяти спокойныя деревенскія сцены, о которыхъ втрое пріятнѣе думать, проведя двадцать четыре часа въ больницѣ.

О ЯГОДНЫХЪ РАСТЕНІЯХЪ.

Ars longa vita brevis.

ВВЕДЕНІЕ.

Одна изъ самыхъ важныхъ отраслей человѣческихъ знаній, одна изъ самыхъ пріятныхъ, легчайшихъ и доступнѣйшихъ людямъ наукъ, ботаника, до-сихъ-поръ еще мало находитъ лю-дей, которые рачительно содѣйствовали бы ея развитію и рас-пространенію въ обществѣ. Только люди спеціальные занима-ются ею *ex professo*; между-тѣмъ какъ по своей многосторонней примѣнимости она вполне заслуживаетъ популярности, также какъ въ области человѣческихъ знаній, по своему развитію и значенію, занять мѣсто самостоятельной, не вспомогательной на-уки. Равнодушіе общества къ этой наукѣ истинно изумительно, тѣмъ болѣе, что она очень легко подается на младенческой ана-лизъ, даже простаго, малообразованнаго человѣка, легко подпа-даетъ подъ условія самыхъ непріятельныхъ изысканій, легко становится въ уровень съ суммою познаній каждаго пытливаго

слѣдователя, и много имѣетъ въ себѣ интереса, способнаго завлечь всякаго. Какъ наука; ботаника воздѣлана, можетъ-быть, не менѣе другихъ наукъ, но какъ знаніе популярное, она не имѣетъ еще обширнаго числа усердныхъ и трудолюбивыхъ поклонниковъ, которые могли бы оставить своимъ послѣдователямъ или преемникамъ такое безчисленное количество фактовъ, какимъ могутъ похвалиться теологія, философія, исторія и другія науки. Отчего это?

Можетъ-быть, люди спеціальныя рѣдко напоминаютъ о ней внѣ своихъ кабинетовъ и аудиторій, а люди не спеціальныя боятся аудиторій и кабинетовъ. Такъ или иначе, но все-таки максимумъ ботаническихъ изслѣдованій, есть только минимумъ сочиненій другаго рода. Это вѣрно. Взглянемъ для примѣра на Великобританію.

Англія, т. е. плоская часть Великобританіи, небогата практическими изысканіями въ растительномъ царствѣ, мало извѣстна популярными сочиненіями о ботаникѣ; объ Ирландіи и говорить нечего; одна лишь горная часть Великобританіи, Шотландія, поставляетъ національнымъ медицинскимъ факультетамъ небольшой запасъ фармацевто-ботаническихъ публикацій; но тамъ только мхи, да небольшое количество горныхъ породъ растений, и болѣе ничего. Зато тѣ аудиторіи англійскихъ университетовъ, въ которыхъ профессора и ихъ слушатели гуляютъ въ царствѣ растений.... Да, нечего сказать! англійскіе университеты могутъ похвалиться большимъ запасомъ учено-ботаническихъ сочиненій.—Жаль только, что эти сочиненія не для всѣхъ доступны.

Во Франціи иначе: тамъ есть довольно ботаническихъ изданій; но ихъ немногіе читаютъ. Зато Германія богата гербаріями всякаго рода; тамъ есть много, и очень много, чисто-ботаническихъ сочиненій, но и они какъ-то слишкомъ тяжеловѣсны, какъ-то слишкомъ научны, лучше сказать мыслительны, умозрительны и не рациональны: ученые Нѣмцы пишутъ и читаютъ ихъ.

Такъ гдѣ же надо искать народныхъ ботаническихъ сочиненій? Нигдѣ не найдете. Они есть, да ихъ мало. Главное же дѣло въ томъ, что не многіе ученые обращаютъ на ботанику вниманіе. Опять старый вопросъ: отчего это?

Почему бы, кажется, всякому человѣку, сколько-нибудь знакомому съ элементарными законами наукъ и литературы, иногда не поботанизировать, не познакомиться съ безмятежнымъ цар-

ствомъ растений, не покопаться въ землѣ, не поговорить съ деревьями, цвѣтами, плодами и травами, не извлечь изъ этого разговора болѣе или менѣе важныхъ, полезныхъ изслѣдованій, не сообщить ихъ читающей братіи—не затѣмъ, чтобы научить ее, а хотя бы затѣмъ только, чтобы завлечь на дорогу ученія: такъ нѣтъ! Никто не хочетъ! А кто попробуетъ, тотъ, увидѣвъ, что его не слушаютъ, и окончатъ тѣмъ, что напрасно начиналъ работать.—Подумайте, что было бы тогда, когда бы всякій изъ насъ сталъ собирать и обрабатывать собранные имъ факты, относящіеся къ той, или другой наукѣ? Было бы собрано множество матеріаловъ, болѣе или менѣе любопытныхъ и удовлетворительныхъ, болѣе или менѣе полезныхъ и нужныхъ, потомъ два—три умные, образованные ученые и трудолюбивые человѣка охотно бы перечитали записки своихъ согрудниковъ, и выбравъ изъ нихъ все годное, составили систематическія, полныя пособія для наукъ, снисходительные даже къ ничтожнымъ или слабымъ трудамъ, они распространяли бы уваженіе къ людямъ трудившимся. Тогда и ботаника, наравнѣ съ другими, обогатилась бы пособіями всякаго рода, и занявъ между ними принадлежащее ей по праву мѣсто, принесла бы много пользы читающей публикѣ. Сверхъ-того, она бы приобрѣла не одну сотню сочиненій чисто-научныхъ, и не одну тысячу такихъ, которыя не пригодны наукѣ, но полезны народу, которыя приучаютъ народъ трудиться и извлекать изъ трудовъ своихъ общественную пользу. Да и не пріятно ли, въ самомъ-дѣлѣ, въ ясные весенніе и лѣтніе дни, въ теплыя ночи, бродить по полямъ, лѣсамъ, горамъ и приморью, прислушиваться къ всходамъ того или другаго рода побѣговъ, присматриваться, какъ они появляются изъ земли, какъ поднимаются, зеленѣютъ, цвѣтутъ, опадаютъ, производятъ плодъ, сѣмяна, засыхаютъ, или переживаютъ зиму, чтобы зазеленѣть, разцвѣсть и принести плодъ на будущее лѣто?

А не правда ли, что мало, очень мало, на свѣтѣ людей, посвящающихъ досуги свои на прогулки такого рода? Не правда ли, что большая часть изъ насъ любитъ погулять по полямъ и лѣсамъ, не для изслѣдованія жизни растений, а такъ не для чего, для развлеченія, отъ бездѣлья, для разсѣянія заботъ и думъ, для минутнаго удаленія отъ мірскихъ тревогъ и смутъ, для избѣжанія ежедневныхъ суетъ свѣта? Простой народъ ходитъ въ лѣсъ за грибами и ягодами; мелкіе промышленники собираютъ полевые цвѣты, для украшенія ими могильныхъ

крестовъ; а горожане, переселяющіеся въ деревни и на дачи, покупаютъ цвѣты, ягоды и грибы у мелкихъ промышленниковъ, не марая рукъ выкапываніемъ изъ земли ея прекрасныхъ произведеній. До того ли горожанамъ, переселяющимся на дачи или въ деревни? Жители дачъ думаютъ объ увеселеніяхъ, о музыкѣ, танцахъ, фейерверкахъ, перевоза съ собою и на дачи городскіе обычаи, а жители деревень, то есть, городскіе переселенцы въ деревни, такъ же выѣзжаютъ изъ города съ городскими своими занятіями и обязанностями, и нисколько не думаютъ о полеводствѣ, луговоедствѣ, скотоводствѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, о ботаникѣ. Не слушайте ихъ, когда они васъ увѣряютъ, что занимались въ деревняхъ устройствомъ своихъ имѣній, хозяйствомъ, или практическими принаровленіями хозяйственныхъ теорій къ усовершенствованію хозяйства. Они, или гуляли въ деревняхъ, или ѣздили на охоту, или марали бумагу копѣчными деревенскими счетами, или, пожалуй, иногда что-нибудь читали. Слова нѣтъ, хорошо сблизиться съ природою и изучать сокровенныя попеченія ея о благахъ нашихъ, но что за радость, въ-самомъ-дѣлѣ, копаться въ землѣ, вырывать и вычищать корешки и хвостики растений, сличать листочки, наблюдать, какъ развертываются пупышки, подстергать, какъ вырождается изъ нихъ цвѣтъ, плодъ, сѣмяна?

Но разсматривая нашъ предметъ съ высшей точки зрѣнія, по отношеніямъ своимъ къ природѣ, и по обязанностямъ, наложеннымъ на насъ природою, мы невольно должны сознаться, что такихъ ограниченныхъ свѣдѣній о природѣ недостаточно для существа, одареннаго разумомъ, и что Богъ, создавая насъ и все насъ окружающее, безъ сомнѣнія, требуетъ отъ каждаго человѣка высшаго ознакомленія съ другими Божіими созданіями—для познанія того, какъ Богъ благъ и премудръ. Если же Богу угодно, чтобы мы имѣли точныя, вѣрныя и опредѣлительныя познанія обо всемъ Имъ созданномъ и хранимомъ, то конечно, изъ угожденія Богу, если уже не въ удовлетвореніе пытливому разуму своему, мы должны стараться о приобрѣтеніи познаній всякаго рода, на ту сумму, какая причитается на долю человѣческихъ знаній. Тщательно изучая природу растений, мы естественно возвышаемъ себя къ созерцанію Божіихъ чудесъ, и мысленно соединяемся съ Богомъ въ безмолвныхъ собесѣдованіяхъ своихъ съ его неодошевленными твореніями. Нельзя, чтобы Онъ, внимательный къ послѣдней былинкѣ, колеблемой вѣтромъ на землѣ, не зналъ о нашихъ

сокровенныхъ вниканійхъ въ тайны природы, и, слѣдовательно, не призираетъ выше попеченій нашихъ о меньшихъ, или низшихъ Его созданіяхъ. Думаете ли вы, что Богъ не видитъ, какъ я пекусь о сохраненіи въ теплицахъ южныхъ растений, какъ я ухаживаю за ними не для личнаго услажденія чувствъ наружнымъ ихъ видомъ и цвѣтомъ, а изъ угожденія Богу, изъ желанія сохранить и уберечь то, что создано Его премудрою волею? Думаете-ли вы, что Ему неизвѣстенъ источникъ, побужденіе моихъ заботъ о своевременномъ и правильномъ прозябеніи растений, если это чистое побужденіе основано на чистѣйшей любви къ наукѣ, на испытанныхъ и вывѣренныхъ законахъ жизни прозябающихъ подъ моимъ надзоромъ растений? Думаете ли вы, что Онъ не вмѣняетъ въ заслугу мое ласковое обращеніе съ цвѣтами, деревьями, или травами, мое наблюденіе за топкою тепличныхъ печей, по указаніямъ Реомюра и Фаренгейта, мою поливку тѣхъ или другихъ растений, которую я произвожу съ расчетомъ и осмотрительностію, мою обмывку запылившихся листочковъ, мою прививку плодовыхъ деревъ и, наконецъ, мое испытующее изученіе всѣхъ жилъ, или волоконъ растенія, его соковъ, колѣнъ, времени смягченія и отвердѣнія корней и вѣтвей, всего, что касается до того, или другаго рода и вида изъ царства растительнаго? Нѣтъ! Онъ все видитъ и знаетъ, и невидимо способствуетъ мнѣ въ трудахъ исполненіемъ моихъ надеждъ или ожиданій и успѣхомъ моихъ непрерывныхъ наблюденій. Я тружусь во славу Божію, и вознагражденный результатами трудовъ своихъ, радуюсь ими—и прославляю Бога.

Если взглянуть на изученіе растений и на уходъ за растеніями съ философической точки зрѣнія, не смѣшивая религіозныхъ побужденій съ научными, то и здѣсь нравственное или этико-философическое размышленіе убѣдитъ васъ въ пользѣ и удовольствіяхъ ботаническихъ изысканій. Кто отвергнетъ, или станетъ, въ наше время, оспаривать пользу и необходимость наукъ, какъ въ доктринальномъ ихъ значеніи, такъ и по соприкосновенности ихъ съ многосторонними интересами общества? А если нельзя отвергнуть того, что онѣ полезны и нужны обществу, то, конечно, здравый разсудокъ убѣдитъ насъ служить наукамъ, какъ доктринально, такъ и популярно.

Ботаники, безспорно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ

въ физиологіи вообще, примѣнительно къ медицинѣ, и всѣмъ вспомогательнымъ ея частямъ. Медикъ, фармацевтъ, токсикологъ и даже хирургъ, не могутъ не знать ботанической физиологіи, по ея практической примѣнимости и по ея значенію для законовъ фармацевтической кухни.

Какъ же, послѣ этого, не заниматься ботаникою людямъ, хотя бы вовсе незнакомымъ съ систематическимъ изученіемъ наукъ, и какъ не слѣдить за законами растительнаго царства даже каждому простоянину, легко понимающему, что всякое растеніе есть твореніе рукъ Божіихъ, и что ивыя растенія питательны, другія цѣлительны, третьи необходимы на разныя житейскія потребности, и наконецъ, четвертыя вредны или ядовиты, слѣдовательно должны-быть строго стличаемы отъ прочихъ. Если имена Линнея, Декандоля и др. до-сихъ-поръ съ благоговѣніемъ произносятся въ бѣдныхъ лачужкахъ, куда едва проскользнулъ слабый лучъ просвѣщенія, если и тамъ уже воздаютъ хвалы отцамъ и образователямъ науки о растеніяхъ, то какъ же не любить этой науки людямъ, уже ознакомившимся съ законами наукъ, и ставящимъ себя выше необразованной черни? Наука развивается сама-собою. Она въ рукахъ людей опытныхъ, спеціальныхъ, съ малолѣтства приготовленныхъ къ создаванію системъ изъ фактовъ. Но у насъ мало фактовъ; намъ нужны факты, хотя бы невыработанные, непровѣренные практикою и неочищенные отъ пустословія и лжи. Собирайте и сообщайте ихъ. Ученая, умная, совѣтливая критика строго разсматривать, разберетъ ихъ, и анализированные по ея законамъ, они уже предстанутъ на судъ свѣта въ научныхъ формахъ, въ систематическомъ видѣ, съ разборчивою классификаціею всѣхъ родовъ и видовъ. Ботаники стараго времени переработаются по современнымъ законамъ, и нужды нѣтъ, что многія изъ такихъ законовъ будутъ отвергнуты, какъ негодные для науки; зато изъ остальныхъ будетъ сдѣланъ основательный выборъ. Труды людей, составлявшихъ свои записки, не пропадутъ. Они принесутъ пользу самимъ изслѣдователямъ и представятъ на судъ любознательныхъ читателей тѣ ошибки, въ которыя легко можетъ впасть человекъ, руководимый однимъ собственнымъ наблюденіемъ, безъ пріуготовительнаго знакомства съ наукою.— Если, какъ мы уже сказали, Европа обладаетъ многими, вполне обработанными, прекрасными руководствами по этой части; если она уже богата многими отдѣльными ботаническими изданіями, составляемыми съ строгою обдуманностію и осмотрительно-

стію; то у ней все-таки нѣтъ еще общедоступной *ботаники*, составленной изъ частныхъ, ненаучныхъ, а народныхъ изслѣдованій и наблюденій; а для составленія такой книги нужны простые, не научные факты, нужны записки людей, руководимыхъ любовью къ знанію, опытомъ, долготѣльными, внимательными наблюденіями. Безъ этихъ наблюденій, безъ этихъ простыхъ и непритязательныхъ записокъ, наука не сдѣлаетъ ни шага впередъ, а всѣ новыя изданія ботаникъ будутъ ни болѣе, ни менѣе, какъ компіляціи, удачно или неудачно составленныя. Немудрено взять въ руки старую книгу, и переделывать ее на новый ладъ; немудрено списать то, что было написано прежде, и, можетъ-быть, позабыто; немудрено составить правильную классификацію предметовъ, о которыхъ наговорено съ три короба, и придать книгѣ форму классическаго учебника или руководства; но гораздо труднѣе сообщить свѣту новыя изслѣдованія по какой бы то ни было отрасли знаній. Пусть эти изслѣдованія будутъ не всѣ совершенно вѣрны; пусть нѣкоторыя изъ нихъ окажутся ошибочными; пусть другія никогда не сойдутся съ правилами науки, никогда не войдутъ въ составъ учебныхъ руководствъ; зато другая ихъ часть, хотя бы даже меньшая, пригодится свѣту и доставитъ дѣлателямъ общую признательность.

Предметомъ настоящаго изслѣдованія нашего есть собственно *ягодныя растенія*. Мы не станемъ классифицировать этотъ обширный родъ произведеній природы въ климатологическомъ отношеніи, но разсмотримъ только тѣ изъ нихъ, которыя свойственны сѣверной полосѣ земнаго шара, и родятся въ мѣстахъ, окружающихъ нашу сѣверную пальмиру. Будемъ говорить только о тѣхъ ягодныхъ растеніяхъ, которыя цвѣтутъ и приносятъ плодъ на чистомъ воздухѣ, а не въ тепличныхъ баняхъ. Извѣстно, что Петербургъ стоитъ подъ 59° 57' сѣверной широты и 47° 58' восточной долготы; Новгородъ подъ 58° 31' сѣверной широты и 48° 56' восточной долготы, и Петрозаводскъ, уже болѣе Новгорода и Петербурга придвинутый къ сѣверу, подъ 61° 47' сѣв. шир. и 52° 4' вост. долготы. Ягодныя растенія, свойственныя этой части земли, уже легко покажутъ намъ, какая степень атмосферной теплоты и влажности и атмосферическаго сгущенія и утонченія нужна для прозябенія ихъ, и какая почва удобна для питанія и надѣленія ихъ нужнымъ количествомъ соковъ. Степень атмосферной теплоты въ Петербургѣ, въ жаркіе дни лѣта, рѣдко простирается за +26-7 по

Реомюру, и почти постоянно стойтъ на $\pm 9-10$ градусовъ. Надобно сознаться, что Петербургъ и окрестности его нагрѣваются солнцемъ очень скупо. Дожди перепадаютъ довольно часто, но ливни рѣдки. Грозы случаются среднимъ числомъ по пяти, семи разъ въ лѣто. Иногда въ Петербургѣ бываютъ дождливыя лѣта и грозы случаются чаще обыкновеннаго; а иногда постоянно стоятъ засухи и вовсе не бываютъ грозъ: по это рѣдко. По ночамъ, особенно съ середины лѣта, ложатся сдѣсь густые туманы, сопровождаемые иногда лѣтними морозцами. Въ нынѣшнее лѣто, на примѣръ, ночные морозы случались 2—3 раза въ июль, и довольно сильные. Къ концу лѣта, они бываютъ чаще, исключительно подъ-утро, начиная со втораго, третьяго часа ночи, почему и названы утренники. Вѣтры постоянно дуютъ съ моря, сѣверные, моряны; но случаются иногда и противные вѣтры. Степень земнаго жара въ разные дни лѣта опредѣлить можно закапываніемъ термометра, но до-сихъ-поръ подобныхъ фактовъ у насъ не собрано. Впрочемъ, поверхность земли нагрѣвается солнцемъ различно: въ полдень, на примѣръ, особенно во-время засухи, земля быстро согрѣваетъ положенную на нее руку, слѣдовательно, немногими градусами уступаетъ жару человѣческой крови; вечеромъ и рано поутру сообщаетъ рукѣ прохладительную влажность, слѣдовательно, уже не передаетъ ей, а отъ нея принимаетъ тепло; поздно же вечеромъ и ночью охлаждается иногда до $-10-11^{\circ}$ Реомюра, что можно испытать просто рукою, безъ помощи термометра. Но въ углубленіяхъ земли, или въ тѣхъ визшихъ слояхъ ея, которые прокапываются только корнями растений, степень внутренняго жара, въ сухіе лѣтніе дни, почти равняется, или немногимъ уступаетъ степени жара въ крови здороваго человѣка, то-есть, когда кровь его находится въ нормальномъ состояніи въ отношеніи къ пищеваренію и другимъ отправленіямъ жизненныхъ потребностей. Само-собою разумѣется, что дождевая влага, росы и испаренія, выходящія изъ земли по ночамъ, умѣряютъ эту теплоту такъ, что она едва достаточна для обращенія жизненныхъ соковъ въ растеніяхъ. Росы въ окрестностяхъ Петербурга, особенно же въ открытыхъ мѣстахъ, на поляхъ и равнинахъ, бываютъ чрезмѣрно влажны и холодны. Подъ конецъ же іюля и въ августѣ онѣ проникательно холодны. Верхніе слои земли защищаютъ визшіе отъ вліянія непогодъ, дождей и холода; но въ-слѣдствіе рыхлости земли, эта защита не освобождаетъ отъ всѣхъ вліяній виѣшней температуры воздуха и

атмосферическихъ перемѣнъ. Вліяніе луннаго свѣта на растенія неизслѣдовано, но несомнѣнно. Есть цвѣты, имѣющіе привычку закрываться къ ночи. Они разцвѣтаютъ днемъ, и свертываютъ свои листочки предъ вечернею зарею, какъ-бы боясь луннаго свѣта. Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны небольшіе, синіе (голубоватые), называемые *Belles de jour, convolvulus tricolor*, которыхъ французское названіе заимствовано именно изъ этого свойства. Неизвѣстно и необслѣдовано, проникаетъ ли съ луннымъ свѣтомъ въ глубь земли какая-нибудь матерія, подобная магнитному или электрическому току. Природа содержитъ втайнѣ взаимную связь планетъ. Но мысль человѣка, свободная, какъ птица, отчасти уже проникла въ эту связь.

Ягодныя растенія подраздѣляются на четыре главные разряда или рода: а) на тепличныя или банныя, о которыхъ, какъ объ искусственныхъ, т. е., несостоящихъ въ зависимости отъ климата и почвы земли, говорить теперь не станемъ; б) на древесныя, произрастающія на воздухѣ, требующія для произращенія своего нѣсколько лѣтъ, и служащія, какъ лѣсныя деревья, защитою мѣстности отъ вѣтровъ; с) на кустарныя, саженыя и пересадочныя, однолѣтнія и неоднолѣтнія, и d) на лѣсныя, болотныя, полевые, луговныя, грядныя, саженыя и несаженныя, прозябающія въ одно лѣто, безъ ухода и безъ надзора, съ уходомъ и надзоромъ, не имѣющія стволочъ, которыя назовемъ вѣтвяными или прутиковыми, чтобы ярче отдѣлать ихъ отъ древесныхъ и кустарныхъ. Начнемъ съ конца — съ четвертаго разряда; изъ него возьмемъ, для подлежащихъ нашихъ изслѣдованій, сначала три вида, два однокачественныхъ между собою и одинъ разнокачественный съ ними, и поговоримъ о каждомъ особо.

ОТДѢЛЪ I.

ВѢТВЯНЫЯ ИЛИ ПРУТИКОВЫЯ ДИКІЯ РАСТЕНІЯ.

1.

ЧЕРНИКА.

Черника (*Vaccae vaccinii myrtilli, Schwarzbeere*) растетъ въ приболотныхъ и прилѣсныхъ мѣстахъ, на кочкахъ или хол-

махъ, сплошными массами прутиковъ или вѣтвей, не отъ одного, а отъ разныхъ корней происходящихъ, и несвязанныхъ между собою, но прозябающихъ дружно, одинъ побѣгъ или прутикъ возлѣ другаго. Черника не сѣется, не пересаживается людскими стараніями. За нею нѣтъ ни наблюденія, ни ухода. Природа даритъ ее человѣку, не требуя отъ него возмезднаго труда. Зеленъ ея почти одинакова съ зеленою голубицы и брусники, съ тою только разницею, что зеленъ послѣдней нѣскольکو грубѣе. Она выходитъ изъ земли непримѣтно, вытягивается вѣточкою въ нѣсколько вершковъ вышины, и болѣе уже не вырастаетъ. На каждой вѣточкѣ сидитъ отъ двадцати до шестидесяти листочковъ, овальной формы, съ такимъ же разрѣзомъ на серединѣ, какой имѣютъ всѣ, или почти всѣ листья растеній. Листочки ея неслишкомъ мягки, но и неслишкомъ жестки. Корни прутика или вѣтки врастаютъ въ землю небо- лѣе, какъ на полвершка. Они тонки, недлины, и болѣе по- ходятъ на нитки изъ веревочной пряжи, нежели на корни ра- стеній. Ягоды черники появляются между листьями, и иногда на верхушкѣ прутика, въ большомъ количествѣ, по три, пяти, се- ми, восьми ягодъ на прутикѣ. Сначала своего появленія, онѣ зелены, или, правильнѣе сказать, зеленовато-бѣлы, потомъ на- чинаютъ синѣть, и созрѣвшія, получаютъ цвѣтъ совершенно синій, почти подходящий къ черному. Можетъ быть по этому, а болѣе потому, что простой народъ, неосторожно употребляю- щій чернику, мараетъ или окрашиваетъ себѣ губы, зубы и языкъ ея сокомъ, черно-синимъ, она и прозвана черникою. Величина ягодъ черники неодинакова, но почти равняется зер- намъ гороха, крупнымъ и средней величины, но не очень мелкимъ. Ягоды круглыя, имѣютъ на верхушкѣ своей неболь- шое закрытое отверстіе, наподобіе маленькаго гнѣздышка. Внутренность черники зеленовата; сокъ ея водянистъ. Вкусомъ она пріятна. Во вкусѣ ея есть умѣренная сладость, соединен- ная съ умѣренною кислотатю. Она созрѣваетъ въ іюлѣ, иногда въ серединѣ, иногда подъ исходъ мѣсяца, и произра- стаетъ въ изобиліи. Собирается крестьянскими парнями и досу- жими людьми низшихъ сословій, и продается очень дешево, отъ 2 до 3 копѣекъ серебромъ за фунтъ. Кромѣ употребленія въ пищу свѣжей черники, ее сушатъ, и изъ сушеной варятъ зи- мою постные супы (сладкія похлебки). Можно было бы вялить чернику, пересыпая мелкимъ сахаромъ, такъ, какъ это дѣла- ютъ съ другими ягодами; но этого не дѣлаютъ, вѣроятно, по- тому, что цѣнность ея несоразмѣрна съ цѣнностью сахара.

Приготовленіе такого рода обойдется слишкомъ дорого, и при продажѣ не выручитъ процентовъ на израсходованныя деньги. Въ медицинскомъ отношеніи черника не приноситъ никакой пользы. Фармацевты употребляютъ сокъ черники, впрочемъ рѣдко, сваренный въ сахарѣ, на разсыропленіе микстуръ. Сухую можно употреблять ее въ кипяткѣ, вмѣсто чаю, такъ, какъ употребляютъ малину; по ея терпкости простолюдины пьютъ та- кой чай и изъ сушеной черники отъ поноса, и иногда съ успѣ- хомъ. Ее не мочатъ какъ бруснику и яблоки; не солятъ, какъ сливы и вишни; не варятъ въ сахарѣ или въ меду, какъ дру- гія ягоды; впрочемъ, иногда черничное варенье употребляется бѣдными людьми для начинки пироговъ, но рѣдко.

2.

ГОЛУБИЦА ИЛИ ГОЛУБИКА.

Голубица или голубика (*Vaccae vacciniі uliginosі, Konischbeere*) есть чисто однородное и одновидное съ черникою растеніе. Голу- бика растетъ точно такъ, какъ черника, въ одно съ нею время наливается и созрѣваетъ, имѣетъ точно такія же вѣтви и листья, и такъ же семейна, какъ черника. Голубику трудно различить отъ черники. Ягоды ея не такъ крупны, какъ черничныя, и цвѣтъ нѣсколько свѣтлѣе: вотъ все ихъ различіе. Ягоды голу- бики, такъ же какъ и черничныя ягоды, обтянуты тоненькою кожицею или плевою, и цвѣтъ ея болѣе голубой, нежели синій. Онѣ нѣсколько тусклы съ виду, какъ бы подернуты матомъ. Голубика такъ же поспѣваетъ въ іюлѣ и августѣ, продается по одной цѣнѣ съ черникою, но еще водянистѣе послѣдней на вкусъ и не мараетъ рта и зубовъ. Ее употребляютъ въ пищу только свѣжею, даже не сушатъ, какъ чернику. Въ фармацевтиче- скомъ отношеніи, она не имѣетъ никакого значенія. Не сушатъ ее, вѣроятно, потому, что въ той болѣе вкуса, нежели въ этой, болѣе сладости и кислоты. Законы происхожденія ея ничѣмъ не разнятся отъ законовъ происхожденія черники. Это, въ пол- номъ значеніи слова, два братскія созданія въ царствѣ ягодныхъ растеній.

3.

БРУСНИКА.

Брусника (*Vaccae vacciniі ritis jdalae, Preusfalbeere*) растеніе съ предыдущими однородное—хотя и рѣзче отъ нихъ отличается. Корни ея, вѣтви, листья, совершенно схожи съ черничными и голубичными; но листья нѣсколько толще, грубѣе, и темнѣе цвѣтомъ. Процессъ прозябенія одинъ и тотъ же, но ягоды брусники созрѣваютъ позже черничныхъ и голубичныхъ. Это осеннія ягоды. Если вы испытали чувство неопредѣленной тоски при появленіи осени, то знаете, какъ сильно возбуждается это чувство протяжнымъ, заунывнымъ крикомъ петербургскихъ разнощиковъ съ ягодами: «свѣжа ягода брусника! Вотъ и яблочки хороши!» Брусника появляется въ первой половинѣ августа мѣсяца; но въ это время она еще несовсѣмъ зрѣла, а совершенно вызрѣваетъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября. Ягоды ея похожи съ виду на черничныя, но только имѣютъ яркій красный цвѣтъ, съ особеннымъ отливомъ. Красныхъ цвѣтовъ много въ природѣ; цвѣтъ же брусники называется собственно брусничнымъ. Брусника не такъ мягка, какъ черника и голубица. Она кисла, слегка какъ бы горька и во все не сладка. Вкусъ ея пріятенъ; но ее нельзя ѣсть сырую въ большомъ количествѣ, потому—что во рту дѣлается оскоми-на. Кожица или тоненькая плева на ней грубѣе черничной, а отъ того тѣло ея тверже и жестче. Оно бѣло и немножко розовато. Брусника растетъ во мху, такъ же семейно и дружно, какъ черника и голубика. Ее можно выкапывать вмѣстѣ съ мохомъ и положить на блюдо: тогда она будетъ расти въ комнатѣ. Бруснику мочатъ, иногда вмѣстѣ съ яблоками, и во многихъ недостаточныхъ семействахъ подаютъ моченую зимою, вмѣсто десерта, пересыная мелкимъ сахаромъ. Образующійся изъ налитой на нее воды и выжатого изъ нея сока рассоль очень пріятенъ для вкуса. Ее солятъ, какъ вишни и сливы, и употребляютъ, вмѣсто салата, съ жаркимъ. Ее варятъ въ красномъ меду, и вареною начиняютъ пироги. Изъ нея дѣлаютъ желе, наливки, мороженое. Вообще, она болѣе идетъ въ дѣло, нежели черника и голубица. Брусничная наливка прекрасна. Жаль, что бруснику не сушатъ въ сахарной пересынкѣ. Она не имѣетъ лекарственныхъ качествъ и принадлежитъ къ числу

фармацевтическихъ снадобьевъ только вмѣсто лимонада. Брусника также изъ числа дешевыхъ ягодъ. Нынѣшнюю осень ее продаютъ по пятидесяти копѣекъ серебромъ за четверикъ. Можетъ-быть, она и еще подешевѣетъ. Она, какъ и первые два рода ягодъ, родится и растетъ безъ посѣва, безъ людскаго надзора, безъ попеченій о ней, и растетъ въ большомъ количествѣ. Зелень ея появляется вмѣстѣ съ зеленью черники и голубицы, но ягоды позже, слѣдовательно, законы созрѣванія ихъ не однокачественны съ законами созрѣванія первыхъ: тѣ требуютъ болѣе теплоты въ воздухѣ и исчезаютъ съ появленіемъ заморозковъ; а эта, напротивъ, только паливается въ теплое время, а вызрѣваетъ уже при утреннихъ заморозкахъ. Она не такъ нѣжна, какъ тѣ, но вкусъ ея осязательнѣе, можетъ-быть отъ того, что грубѣе. Впрочемъ, совершенно вызрѣвшая брусника бываетъ мягка, тонкокожа, очень сочна и мнется. Жаль, что ее собираютъ болѣею частію недозрѣлую. Недозрѣлая она тверже и пригоднѣе для моченія и соленья, а совершенно вызрѣвшая вкуснѣе для варенья, и свѣжая. Она также родится на полевыхъ возвышенностяхъ или холмикахъ, но непременно во мху и сырыхъ мѣстахъ, часто по краямъ полевыхъ окоповъ, близъ дороги.

КОНСТАНТИНЪ МОРСОФЬЕВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМАНТОВА ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Извѣстный переводчикъ восточныхъ стихотвореній Мирзы Шаффи, Фридрихъ Боденштедтъ, недавно издалъ свой нѣмецкій переводъ стихотвореній Лермантова. *Michail Lermantoff's poetischer Nachlaß, zum ersten Male in den Verßmaßen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt, mit Einleitung und erläuterndem Anhange versehen von Friedrich Bodenstedt.* Вотъ какъ говоритъ нѣмецкій писатель о личности Лермантова: «Хотя Лермантовъ долженъ былъ переносить много несчастія въ жизни, но имѣлъ великое преимущество, дорогое каждому писателю: его сердце никогда не скорбѣло о всеневныхъ заботахъ и житейскихъ нуждахъ.... Храбрый до дерзости и терпѣливый не искалъ онъ ни славы, ни отличія, но искалъ развлеченія и напряженія. Всею душою, со страстію изучалъ онъ величественную горную природу, воодушевлявшую его въ этимъ дивнымъ стихамъ; онъ

изображалъ ее до послѣдней черты съ такою истиною, силою и вѣрностію, какъ никто до него. Однѣ картины Кавказа, обрисованныя съ такою свѣжестію и яркостію, уже даютъ ему право на безсмертіе.

Стихи Лермантова напоминаютъ Нѣмцамъ ихъ роднаго поэта Генриха Хейне. Переводчикъ высоко цѣнитъ русскаго поэта, и употребилъ всѣ усилія, чтобы вѣрнѣе передать и мысль и красоты стиха.» Надѣясь на высокое образованіе, говоритъ онъ, на богатство и гибкость нѣмецкаго языка, я думаю передать всю свѣжесть красокъ оригинала, ни малѣйше не измѣняя размѣра, не упуская ни одной картины, ни одной мысли, а больше всего не переступая предѣловъ прекраснаго.

Нѣкоторыя мѣста въ-самомъ-дѣлѣ переведены довольно удачно. Приведемъ здѣсь образцы для сравненія.

Das Abendroth beginnt zu bleichen,
 Bald wird es ganz dem Dunkel weichen
 Schon ist es spät; rings von den hohen
 Gebirgen dunkle Wolken drohen,
 Den letzten Lichtstrahl zu verschleuchen
 Sie führen Stürme mit und Wetter
 Hier zieh'n sie frei auf luft'ger Bahn,
 Dort rizen sich an Gesträuchen,
 Wie sie den wald'gen Bergen nah'n,
 Und streuen Perlen auf die Blätter.
 Das Bächlein rauscht in wilder Flucht
 Herab vom Fels—Gebüsch um laubt es—
 Draus blizt es durch die dunkle Schlucht,
 Wie Augen eines todten Hauptes.—
 Einsamer Reiter! schneller reite!
 Hüll' in die Burka dich, die breite;
 Was schlottert so dein Fuß in Bügel?
 Die Peitsche schwing, halt fest die Zügel!
 Kein Berggeist nach, kein wildes Thier
 Hat dich bedroht, dir nachgesetzt
 Ist noch zu beten möglich Dir:
 Nichts stört dich hier so bete jetzt!

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно, —
 Сырая ночь недалека.
 Съ вершинъ Кавказа, тихо, грозно
 Ползутъ какъ змѣи, облака;
 Игру безсвязную заводятъ,
 Въ провалы душевные заходятъ,
 Задѣвъ колючіе кусты;
 Бросаютъ жемчугъ на листы.
 Ручей катится мутный, сѣрый,
 Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
 И блещетъ сквозь туманъ пещеры
 Какъ очи мертвой головы.
 Скорѣе путникъ одинокій!
 Закройся буркою широкой,
 Ременной плеткою махни.
 Тебѣ во слѣдъ еще не мчится
 Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
 Но если можешь ты молиться,
 То не мѣшало бы теперь.

Въ сравненіи съ подлинникомъ, нѣмецкій переводъ кажется нѣсколько растянутымъ; но есть мѣста, схваченныя удачно
 Вотъ еще:

Die lange Flinte hänge ich
 Auf mich und eile fort
 Wo steil in Felsenenge sich
 Der Pfad hinabzieht dort —
 Wo ich ihn sicher reichen kann
 Mit meinem guten Rohr
 Wo er mir nicht entweichen kann,
 Tritt er vom Haus hervor.
 Umsonst in mir bewegt es sich
 So wildich seh ihn nicht, —
 Und müde—horch, da ragt es sich,
 Du bist es, Bösewicht!

Возму винтовку длинную
 Пойду я изъ воротъ,
 Тамъ надъ скадой пустынною
 Есть узкій поворотъ.
 До полдня за могильною
 Часовней подожду,
 И на дорогу пыльную
 Винтовку наведу.
 Напрасно грудь колыхнется,
 Я легъ между камней
 Чу! близкій топотъ слышится,
 А это ты злодѣй!

ИСТОРИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, составленный К. Твелькмейеромъ, преподавателемъ исторіи въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. С.Пб. 1851 г. Цѣна 8 р., съ пересылкою 9 р.

ТЕАТРАЛЬ, карманная книжка для любителей театра. С.Пб. 1853 г. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

ПРИМѢРЪ ДѢТСКАГО БЛАГОЧЕСТІЯ, истинное происшествіе, съ картинками. С.Пб. 1853 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

ЖИВОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ искусствъ, промышленности и общежитія. С.Пб. 1853 г. Цѣна 5 р.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ВСЕНОЩНАГО БДѢНІЯ, изложенное протоіереемъ Стефаномъ Гумилевскимъ, съ назидательными размышленіями и наставленіями. Москва. 1853 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

ИСТОРИЯ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ВЪ РОССІИ. Соч. Сенатора Д. Бутурлина. Три бол. тома, въ 8-ю долю листа. С.Пб. 1839—1841 и 1846. Цѣна 10 р., на пересылку за 7 фунтовъ.

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА. Романъ, восемь частей, Н. Некрасова, и Н. Станицкаго. С.Пб. 1851 г. Цѣна 3 р., на пересылку за 4 фунта.

ЗАМѢЧАНІЯ объ учреждаемой компаніи заготовленія корабельныхъ сухарей и печенаго хлѣба. С.Пб. 1852 г. Цѣна 10 к., на пересылку за фунтъ.

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ, съ стихами и прозой на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, оригинальными рисунками и нотами, изданный К. Шрейдеромъ. С.Пб. 1853 г. Текстъ отпечатанъ роскошно, прекрасными шрифтами, въ бордюрахъ и съ украшеніями разныхъ цвѣтовъ, на превосходной бумагѣ.—Рисунки отпечатаны разными тонами, на лучшей эстампной бумагѣ, отлично иллюминированные. Калиграфіи отпечатаны разныхъ цвѣтовъ золотомъ.—Альбомъ въ великолѣпномъ переплетѣ, съ букетами и гирляндами по черному фону. Цѣна экземпляру 5 р., за пересылку въ ящикѣ прилагается 1 р.

Рисунки изображаютъ слѣдующіе предметы: 1) Корзинка съ цвѣтами, собачка и граціозная группировка. 2) Букетъ: роза съ бутонами и бѣлая лилія. 3) Веселая компанія въ лѣсу. 4) Бѣлый павлинь, райская птица и плоды у фонтана. 5) Танецъ и музыка (фантазія). 7) Излеровскіе вечера: садъ, иллюминація и фейерверкъ. 8) Балъ—въ моментъ танца. 9) Тройка на большой дорогѣ. 10) Кладбище зимою. 11) Дѣвица при восходѣ солнца. 12) Буря на морѣ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ДОМАШНЯЯ КУХНЯ, или наставленія опытной хозяйки. 1853 г. Цѣна 75 к., а съ пересылкою 1 р.

АЛЬМАНАХЪ ГАСТРОНОМОВЪ, содержащій въ себѣ 30 полныхъ обѣдовъ, часть 1-я. Цѣна 1 р. 50 к. Часть 2-я. Цѣна 1 р. 50 к. С.Пб. 1853 г., на пересылку прилагаютъ по 50 к.

ДѢТСКІЙ ТЕАТРЪ и живыя картины Ал. П. 2 части. съ картинками. С.Пб. 1853 г. Цѣна съ черными картинками 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к., съ крашеными картинами 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.

РУКОВОДСТВО къ построению дешевыхъ мельницъ, приносящихъ въ шесть разъ болѣе дохода противъ обыкновеннаго, съ чертежами. Состав. баронъ Б—ъ. С.Пб. 1853 г. Цѣна 40 к., съ пересылкою 60 к.

РУКОВОДСТВО къ правильному разведенію, содержанію и употребленію рога-

таго скота и доставляемыхъ имъ произведеній, въ примѣненіи къ усовершенствованному русскому хозяйству. С.Пб. 1852 г. Цѣна 3 р.

ЛВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ, романъ въ трехъ частяхъ Н. Н. Панаева. С.Пб. 1852 г. Цѣна 3 р.

СОЧИНЕНІЯ ЛЕРМАНТОВА, 2 тома. С.Пб. 1852 г. Цѣна 3 р.

СТРЯПУХА ИЛИ ОПЫТНАЯ КУХАРКА, книга, необходимая для хозяекъ, экономокъ, поварихъ и кухарокъ. Составл. Катериною А...ѣвою. С.Пб. 1851 г. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ГАЛЛЕРЕЯ ВОСПИТАННИКОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. С.Пб. 1853 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересыл. 3 р.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА. Части зданій. А. Красовскаго. Съ атласомъ чертежей на 102 листахъ. С.Пб. 1851 г. Цѣна 13 р., съ пересылкою 15 р.

БЫТЬ РУССКАГО ДВОРЯНИНА въ разныхъ эпохахъ и обстоятельствахъ его жизни, 2 выпуска. С.Пб. 1853 г. Цѣна 3 р.

ЖИЗНЬ ПЕРЕЖИТЬ НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ романъ, соч. Уф..ва, въ двухъ частяхъ. Москва. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

ПОЛНОЙ РУССКІЙ КОНСКОЙ ЛЕЧЕБНИКЪ, соч. Леонтія Мартын. Эвеста, 4 части. Москва, 1853 г. Цѣна 4 р., съ пересылкою 5 р.

КИЕВЪ И ЕГО ДОСТОПАМЯТНОСТИ, соч. Н. Сементовскаго. Кіевъ. 1852 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА составленная А. Чаруковскимъ, 4 части. С.Пб. 1851 г. Цѣна 3 р., съ пересылкою 4 р.

Гг. завѣдывающіе полковыми и другими библіотеками могутъ высылать свои требованія съ частью причитающейся по снѣтъ суммы.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетъ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 к. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 к. Если книги встръяются форматомъ въ 4-ю долю листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще, какъ прежде изданными, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведеніями русской литературы, по всѣмъ отраслямъ наукъ и изящной словесности, находящимися въ моемъ магазинѣ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ уступкою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.